ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ Р. С. Ф. С. Р.

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

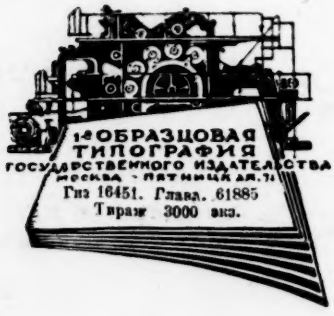
В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского,
В. П. Полонского, В. М. Фриче

ТОМ ВТОРОЙ (ПЯТНАДЦАТЫЙ)

15

1926

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1926 ЛЕНИНГРАД


1-я ОБРАЗЦОВАЯ
ТИПОГРАФИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
МОСКВА - ПЯТНИЦКАЯ 71
Гиз 16451. Главл. 61885
Тираж 3000 экз.

Replacement
Harvard
10-1-36
30753

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАРХИВА РСФСР

Под редакцией В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского, В. П. Полонского, В. М. Фриче.

ВЫХОДИТ ШЕСТЬ ТОМОВ В ГОД.

СОДЕРЖАНИЕ ВЫШЕДШИХ ТОМОВ:

ПЕРВЫЙ ТОМ.

Русско-германские отношения. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем.—П. Г. Зайчневский.—Обряд публичной казни над С. Г. Нечаевым.—К истории партии Народного Права. — Новое о зубатовщине. — Сибирь в 1905 году. — Письма лейтенанта Шмидта.—Письма Некрасова и Достоевского.— Стихотворения Розенгейма и Голенищева-Кутузова. — Толстой и Короленко.—Александр III о Л. Толстом.

ВТОРОЙ ТОМ.

Дневник А. Н. Куропаткина. — Письма принца Вильгельма Прусского к Александру III. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — К истории рабочего класса в России. — Социалистическая печать во время империалистической войны.—Неизданная сказка М. Е. Салтыкова. — Письмо Ф. М. Достоевского из крепости. — Достоевский и Победоносцев. — Письма И. А. Гончарова и А. Мицкевича.— С. В. Зубатов и А. И. Спиридович.—Генерал Алексеев и М. В. Родзянко.—Подкуп китайских сановников Ли-Хун-Чжана и Чжан-Ин-Хуана.

ТРЕТИЙ ТОМ.

Доклады С. Д. Сазонова Николаю Романову 1910 — 1912 г.г. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — Дневник А. А. Половцева. — Бакунин перед австрийским судом. —Материалы об Огареве, Лаврове и Герцене.— Письма С. Л. Перовской.—Воспоминания А. Г. Достоевской.—**Из записной книжки архивиста**: Завещание Николая I. — Письмо Н. В. Гоголя к В. Г. Белинскому. — Бальзак в России.— Письма В. Гете и др.

ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМ.

Начало войны 1914 г.—Дневник А. А. Половцева.— Переписка В. Н. Коковцева с Нецлиным.— Семейная переписка Романовых.— Нечаев в Алексеевском равелине.— Отзвуки польского восстания 1863 г.—Письма К. П. Победоносцева.— Л. Н. Толстой в Астапове. — Доклад цензора Матвеева о сожженном марксистском сборнике. — Письма Достоевского, Гончарова, Тютчева. — **Из записной книжки архивиста**: Журнал М. Е. Салтыкова-Щедрина „Русская Правда“.—Достоевский в Твери.—Речь Щапова.— Революционное движение в войсках во время мировой войны.—Материалы к истории живописи. — К истории манифеста 17 октября и др.

ПЯТЫЙ ТОМ.

Автографы В. И. Ленина.— Русско-германский договор 1905 г.— Финансовые совещания союзников во время войны. (Доклады мин. фин. П. Л. Барка.)— Дневник А. Н. Куропаткина (с 14 февраля по 25 марта 1904 г.) — Переписка Н. А. Романова и П. А. Столыпина.— Письма участников процесса 193-х.— Письма И. Н. Мышкина из Якутской тюрьмы к брату.— С. Г. Нечаев в Алексеевском равелине.— Верховное командование в первые дни революции.—Из переписки Николая I в декабре 1825 г.— Письма Д. И. Писарева из крепости.— Два письма П. Ф. Якубовича.— **Из записной книжки архивиста:** Г. В. Плеханов и „шпионские забавы“.— Казнь П. П. Шмидта, Частника и др.—В. Чернов и июльск. дни.—Распутин в освещении охранки.—От редакции.

ШЕСТОЙ ТОМ.

Портсмут.— Константинополь и проливы.— Нечаев в Алексеевском равелине.— Из архива Л. Тихомирова.— Временное правительство после Октября.— Из записок Николая I о 14 декабря 1825 г. Три письма Л. Н. Толстого к декабристу П. Свистунову.— Л. Толстой и помощь голодающим.—**Из записной книжки архивиста**: Два письма Карла Маркса.— Запрещенные стихотворения А. П. Барыковой.— К иконографии декабристов.—Адрес рабочих Н. В. Шелгунову.

СЕДЬМОЙ ТОМ.

Портсмут (окончание).— Константинополь и проливы (окончание).— Из дневника А. Н. Куропаткина.— Автобиографическая записка и письма С. Ширяева.— М. Бакунин и экспедиция на пароходе „Ward Jackson“.— Достоевский „Преступление и наказание“.— Омские события при Колчаке.— **Из записной книжки архивиста:** Неизданный манифест Исполнительного Комитета „Народной Воли“.— Неизданные письма Л. Толстого Иславиным.— Стихотворение Я. П. Полонского „Простая быль“.

ВОСЬМОЙ ТОМ.

Дипломатическая подготовка Балканской войны 1912 г.— Записки А. С. Ермолова Николаю II в 1905 г.— Из дневника Куропаткина (декабрь 1905 г.— март 1906 г.)— Переписка Александра III с гр. М. Т. Лорис-Меликовым (1880—1881 г.г.). — Заседание совета министров 8 марта 1881 г. (из дневников Е. А. Перетца и вел. кн. Константина Николаевича).— Октябрьский переворот и Ставка.— Омские события при Колчаке (окончание).— Указы Пугачева и его коллегии.— Литература 60-х годов по отчетам III отделения.— Ф. М. Решетников и „Северная Пчела".—Неизданная сказка А. П. Чехова.— **Из записной книжки архивиста:** Революция 1848 г. и франц. подданные в Москве.— В годы реакции.— Письмо В. Г. Короленко к С. Ф. Шарапову.— Николай Романов 28 февраля — 4 марта 1917 г.— Пенсионная практика Временного правительства.— Казнь Афанасия Матюшенко.

ДЕВЯТЫЙ ТОМ.

Дипломатическая подготовка Балканской войны 1912 г. (окончание).— Отражение событий 1905 г. за границей.— Вильгельм II о русско-японской войне и революции 1905 г.— Крестьянское движение 1905 г.—Волнения во флоте в 1915 г.— Из дневника ген. В. И. Селивачева.— Показание А. Д. Протопопова.— Октябрьский переворот и Ставка (окончание).— Вокруг Гатчины.— Записка А. К. Бошняка.— Марксистская периодическая печать 1896—1906 г.г.— **Из записной книжки архивиста:** „План убийства" Вильгельма II.— Письмо Балашова к Столыпину.— Письмо Гапона.— Охранник об аресте участников 1 марта 1887 г.— Похороны Н. В. Гоголя.

ДЕСЯТЫЙ ТОМ.

К переговорам В. Н. Коковцева о займе 1905—1906 г.г.— С. Ю. Витте, франц. печать и русские займы.— Вокруг аннексии Боснии и Герцеговины.— Англо-русская конвенция 1907 г. и раздел Афганистана.— Экономическое положение России перед революцией: 1) записка М. В. Родзянко; 2) записка В. Степанова.—Протоколы заседаний ЦИК С. Р. и С. Д. 1 созыва после Октября.— Из дневника ген. Селивачева.— Из дневника А. Д. Протопопова.— Буташевич-Петрашевский в Сибири.— Из дневника в. кн. Константина Николаевича.— 14 декабря 1825 г. в письмах гр. М. Д. Нессельроде.— Памятная записка о рабочих газетах в Петербурге.— **Из записной книжки архивиста:** Письмо Е. Н. Трубецкого Николаю Романову по поводу роспуска I Госуд. Думы.— К. П. Романов в характеристике Д. Х. Ливен.— М. Корф в полемике с Герценом.— Григорий Гольденберг в Петропавловской крепости.— Рептильный фонд 1914—1916 г.г.— Увольнение Н. Н. Романова от должности верховного главнокомандующего.

ОДИННАДЦАТЫЙ — ДВЕНАДЦАТЫЙ ТОМ.

Начало пролетарской революции в России. Статья М. Н. Покровского.— 9 января 1905 г.— Проект манифеста о событиях 9 января.— Манифест 17 октября.— Из архива С. Ю. Витте. — Доклады С. Ю. Витте Николаю II. — Хроника вооруженной борьбы в 1905 г.— Аграрное движение в 1905 г.— по отчетам Дубасова и Пантелеева. Флот в 1905 г.: а) Восстание броненосца „Потемкин-Таврический", б) „Георгий Победоносец."—Прибалтийский край в 1905 г.— Движение в войсках на Дальнем Востоке.— Штурм Пресни.— Карательная экспедиция Римана.— Заем 1906 г. в донесениях русского посла.— **Из записной книжки архивиста:** Николай II в 1905 г.— Письма Николая II к Дубасову.— К убийству Н. Э. Баумана.— Подвиги барона Меллера-Закомельского.— К истории 9 января 1905 года.— Из бумаг Д. Ф. Трепова.— Самоубийство Н. П. Шмидта.

ТРИНАДЦАТЫЙ ТОМ.

М. Н. Покровский. Статья.—Восстание Черниговского полка.—Записка Н. И. Тургенева.—М. Ф. Орлов и 14 декабря.—«Практич. начала полит. экономии» Пестеля.— К истории освобождения крестьян И. Д. Якушкиным.— Заговор в Зерентуйском руднике.—**Из записной книжки архивиста:** П. И. Пестель. «Конституция Госуд. завет»— Рассказ И. Я. Телешова о 14 дек. 1825 г.—Солдаты Моск. полка о 14 дек. 1825 г.— Казнь моряков-декабристов.—Из писем и записок В. Ф. Раевского.— О лошади, на которой Николай I разгонял восстание декабристов.—Месяцеслов на 1827 г.—Завещание П. И. Пестеля.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ТОМ.

Боксерское восстание.—Бакунин в 40 е годы.—Н. Г. Чернышевский в донесениях агентов III отд.—Запрещенная цензурой статья Н. В. Шелгунова.—Новое о Нечаеве.— Автобиограф. заявление А. А. Квятковского.—Письмо Баранникова.—Аграрное движение в 1917 г.—К истории последних дней царского режима.—**Из записной книжки архивиста:** Письмо Эртеля об убийстве Сидорацкого.—Москва в марте 1881 г.— Отклики моск. промышленников на антиеврейские беспорядки в 1881 г.— Письмо ген. Буланже Александру III.—К истории манифеста 6 авг. 1905 г.—Хиромант Перен и русский министр.

Государственное Издательство
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

ЦЕНТРАРХИВ

1917 год в ДОКУМЕНТАХ и МАТЕРИАЛАХ
Под редакцией М. Н. ПОКРОВСКОГО и Я. А. ЯКОВЛЕВА

РАЗЛОЖЕНИЕ АРМИИ
В 1917 ГОДУ

Подготовлено к печати Н. Е. КАКУРИНЫМ. С предисловием Я. А. ЯКОВЛЕВА
Стр. 192+карта. Ц. 1 р. 50 к.

„При составлении настоящего сборника было использовано главным образом делопроизводство Ставки, канцелярии военного министерства и кабинета военного министра. Дела Ставки дореволюционного периода довольно полно отражают картину постепенного разложения армии; начало ее разложения также достаточно полно выявляется в документах, относящихся к совещаниям главнокомандующих в Ставке 1917 г. и в первых донесениях начальников частей по этому поводу. Внутренняя жизнь старой армии и ее настроение в момент окончательного разложения и в эпоху т. н. керенщины ярче всего выявились в делопроизводстве кабинета военного министра". (От редакции.)

Н. АВДЕЕВ

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 года
ХРОНИКА СОБЫТИЙ

ТОМ I. ЯНВАРЬ—АПРЕЛЬ. Стр. 213. Ц. 1 р. 40 к.

ТОМ II. АПРЕЛЬ—МАЙ. Стр. 307. Ц. 2 р. 50 к.

В. МАКСАКОВ и Н. НЕЛИДОВ

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИИ

ВЫПУСК I. 1917 ГОД. Стр. 143. Ц. 50 к.

„Предлагаемая „Хроника Революции" представляет собой сжатое изложение революционных событий 1917 года... В задачи составителей входило дать, по возможности исчерпывающий и проверенный перечень наиболее важных событий, могущий служить справочником для лекторов партшкол, учащихся высших учебных заведений и рядового партийного работника". (Предисловие Истпарта к книге.)

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ: в Торговый Сектор Госиздата (Москва, Ильинка, Биржевая площадь), в магазины, киоски и во все отделения Госиздата.

Государственное Издательство
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

ЦЕНТРАРХИВ

1917 год в ДОКУМЕНТАХ и МАТЕРИАЛАХ
Под редакцией М. Н. ПОКРОВСКОГО и Я. А. ЯКОВЛЕВА

ПЕТРОГРАДСКИЙ СОВЕТ
РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ

Протоколы заседаний Исполнительного Комитета и Бюро И. К.
Подготовлено к печати Б. Я. Наливайским.
С предисловием Я. А. ЯКОВЛЕВА

Стр. 375. Ц. 2 р. 75 к.

В книге собраны все сохранившиеся протоколы заседаний Исполнительного Комитета за время с 3 марта по 9 августа 1917 г. и протоколы заседаний Бюро И. К. за время с 20 апреля по 17 июня того же года.

„Мы публикуем эти протоколы заседаний меньшевистского Совета, так как они представляют исключительный интерес для истории всей нашей революции,—и в частности, для истории того, как меньшевики пытались превратить Советы в органы, подсобные Временному Правительству, и как вооруженные рабочие в союзе с крестьянами-солдатами превратили Советы в органы государственной власти". (Из предисловия Я. А. Яковлева.)

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В 1917 ГОДУ

Печатается.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКИ В 1917 ГОДУ

Печатается.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ: в Торговый Сектор Госиздата, (Москва, Ильинка, Биржевая площадь), в магазины, киоски и во все отделения Госиздата.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

ВОСПОМИНАНИЯ и ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

Аграрный вопрос в совете министров (1906 г.)—(Материалы по истории крестьянских движений в России под ред. Б. Б. Веселовского, В. И. Пичета и В. М. Фриче. Вып. IV). Стр. 78. Ц. 1 р. 20 к.

Аксельрод, Л. И. Этюды и воспоминания. Стр. 61. Ц. 35 к.

Анишев, Ан. Очерки истории гражданской войны. 1917—1920. Стр. 288. Ц. 2 р.

Арский, Павел. 1905 год. Литературно-исторический сборник. Под редакцией Ильи Садофьева. Стр. 218. Ц. 1 р.

Барт, Эмиль. В мастерской германской революции. Пер. с нем. С. Крицман. С пред. Я. Вальхера. Стр. 204. Ц. 1 р.

Бебель, Август. Из моей жизни. Перевод с рукописи под ред. и со вступительной статьей Д. Рязанова. Стр. 547. Ц. 3 р.

Борьба за Петроград. 15 октября—6 ноября 1919 г. Стр. 279. Ц. 2 р.

Браун, Лили. Роман моей жизни. (Мемуары социалистки.) Перев. с нем. З. Журавской. Т. I. Изд. 2-е. Стр. 363. Ц. 50 к. Т. II. Изд. 2-е. Стр. 371. Ц. 50 к.

Витте, С. Ю., гр. Воспоминания. Царствование Николая II. Том I. Стр. XLVII, 471. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 75 к.

Витте, С. Ю., гр. Воспоминания. Царствование Николая II. Том II. Стр. 518. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 75 к.

Витте, С. Ю., гр. Том III. Детство. Царствования Александра II и Александра III (1849—1894). Стр. XVI, 395. Ц. 3 р.

Войтоловский, Л. По следам войны. Походные записки. 1914—1997. Том I. Предисл. Демьяна Бедного. Стр. 220. Ц. 2 р. 50 к.

Волкенштейн, Л. А. Из тюремных воспоминаний. Вступительная статья и примечания Р. М. Кантора. С портретом автора. (Серия „Библиотека мемуаров.") Стр. 35. Ц. 1 р. 25 к.

Волконская, М. Н. Записки. Вступительная статья и примечания. П. Е. Щеголева. Стр. 72. Ц. 50 к.

Воронцин, И. История одного каторжанина. Ц. 2 р.

Восстание декабристов. Материалы. Дела Следственной Комиссии о злоумышленных обществах. Том VIII. **Алфавит декабристов.** Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса. (Материалы по истории восстания декабристов. Под общей ред. и с предисловием М. Н. Покровского.—Центрархив.) Стр. 4 н., 431. 5 н. Ц. 4 р. 50 к.

Восстание на броненосце „Князь Потемкин Таврический".—Воспоминания, материалы и документы. Под ред. и со вступ. статьей В. И. Невского. Стр. 368. Ц. 2 р. 50 к.

Генкин, И. По тюрьмам и этапам. Стр. 486. Ц. 2 р.

Гинзбург, Илья. Из прошлого. (Воспоминания.) С портретом автора и 9 снимками. Стр. 183. Ц. 1 р.

Горев, Б. И. Из партийного прошлого. Воспоминания. 1895—1905. Стр. 91. Ц. 50 к.

Дневник б. великого князя Андрея Владимировича.—1915 год. Редакция и предисл. В. П. Семенникова. Стр. 111. Ц. 85 к.

Допрос Колчака. Под редакцией и с предисловием К. А. Попова. Текст подготовлен к печати и снабжен примечаниями М. М. Константиновым. (Центрархив.) Стр. XI, 236. Ц. 1 р. 50 к.

За кулисами царизма. (Архив тибетского врача Бадмаева). Ред. и вступит. статья В. П. Семенникова. Стр. XXXIV. 175. Ц. 1 р. 40 к.

Залежский, В. Н. На партийном фронте между двумя революциями. I. В эпоху реакции (1905—1912 г.г.). Стр. 91. Ц. 40 к.

Известия Совета Рабочих Депутатов. С.-Петербург, 17 октября — 14 декабря 1905 года. С предислов. и примечаниями Дм. Сверчкова и с приложением фотографических снимков „Известий". (Ленингр. Истпарт.) Стр. 98. Ц. 1 р. 30 к.

Иренин, М. Первый Совет Рабочих Депутатов. (Краткий очерк.) Стр. 48. Ц. 30 к.

Историко-революционный сборник. Под ред. В. И. Невского. Том второй. Группа „Освобождение Труда", с портретами и снимками с документов на 7 отд. листах. Стр. 428. Ц. 2 р. 75 к.

История классовой борьбы в России в материалах и документах. Под редакцией Н. Карпова и М. Мартынова. Том I. (Серия „Библиотека обществоведения".) Стр. 428. Ц. 2 р.

История классовой борьбы в России в материалах и документах. Под редакцией Н. Карпова и М. Мартынова. Том II. (Серия „Библиотека обществоведения".) Стр. 424. Ц. 2 р.

Кантор, Р. М. В погоне за Нечаевым. К характеристике секретной агентуры III отделения на рубеже 70-х г. г. 2-е исправленное и дополн. изд. Стр. 155. Ц. 1 р. 20 к.

Карпов, Н. Крестьянское движение в революции 1905 года в документах. Стр. 276. Ц. 2 р. 20 к.

Коллонтай, А. М. Отрывки из дневника 1914 г. Стр. 79. Ц. 50 к.

Корнилов, А. А. Годы странствий Михаила Бакунина. Стр. 590. Ц. 3 р. 75 к.

Куделли, П. Народовольцы на перепутьи. Дело Лахтинской типографии. С приложением документов и „летучих листков" группы народовольцев 1892 и 1895 г.г. (Ленинградский Истпарт.) Стр. 168. Ц. 1 р. 20 к.

Левин, Ш. М., и И. Л. Татаров. История РКП (б) в документах. Том. I. 1883—916. Предисловие В. И. Невского. Стр. XV, 696. Ц. 2 р. 50 к.

Ледер, З. 1905 год в бывшей царской Польше. Стр. 32. Ц. 20 к.

Лемке, М. Политические процессы в России 1860 г.г. По архивным документам. 2-е изд. Стр. VIII, 684. Ц. 3 р.

Ленинградские рабочие в борьбе за власть Советов—1917 г. (Статьи, воспоминания и документы.) Ц. 75 к.

Лепешинский, П. На повороте. (От конца 80-х годов к 1905 г.). Попутные впечатления участника революционной борьбы. Стр. 237. Ц. 70 к.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ВОСПОМИНАНИЯ и ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

Малаховский, Вл. Из истории Красной Гвардии. Красногвардейцы Выборгского района. 1917. (Очерк с приложением документов и иллюстраций.) Предисловие и редакция Ц. Зеликсон-Бобровской. („Ленинградский Истпарт.") Стр. 63. Ц. 50 к.

Материалы для истории антиеврейских погромов в России. Т. II. Восьмидесятые годы (15 апреля 1881 г.—29 февраля 1882 г.) Под ред. и со вступ. статьей. Я. Красного-Адмони. Стр. XXXII, 542. V. Ц. 3 р. 50 к.

Молок, А. И. Парижская Коммуна и крестьянство. Проблема смычки города и деревни в революцию 1871 г. Стр. 80. Ц. 30 к.

Молок, А. И. Парижская Коммуна 1871 года в документах и материалах (хрестоматия). С приложением карт и факсимиле документов. Стр. 581. Ц. 1 р. 50 к.

Николай II и великие князья (родственные письма к последнему царю). Предисловие В. И. Невского. Редакция и вступ. статья В. П. Семенникова. Стр. 154. Ц. 1 р.

О Ленине. Сборник воспоминаний. I. Под редакцией Л. Б. Каменева. [Институт Ленина при ЦК РКП (б)] Стр. 159. Ц. 60 к.

Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в Чрезвычайной Комиссии Временного Правительства (в 1917 г.). Редакция П. Е. Щеголева.

Том. I. Допросы. А. Н. Хвостова, Климовича, Протопопова, Хабалова, Васильева, Штюрмера, Бурцева, Кафафова, Наумова, Андроникова. Стр. XXX, 432. Ц. 2 р. 75 к.

Том. II. Допросы А. Д. Протопопова, кн. М. М. Андроникова, А. Т. Васильева, И. Ф. Манасевича-Мануйлова, А. А. Макарова, К. Д. Беляева, кн. Н. Д. Голицына, Н. А. Добровольского, И. Г. Щегловитова. Стр. VI, 439. Ц. 2 р. 75 к.

Том. III. Допросы и показания: А. В. Герасимова, А. И. Спиридовича, В. Н. Воейкова, Н. А. Маклакова, М. С. Комиссарова, Г. П. Курлова, М. И. Трусевича, А. А. Вырубовой, С. П. Белецкого, И. Л. Горемыкина, О. А. Лохтиной, С. В. Виссарионова, Н. С. Чхеидзе. Стр. IV, 508. Ц. 3 р.

Том IV. Записки А. Д. Протопопова и С. П. Белецкого. Стр. 536. Ц. 3 р.

Новорусский, М. В. Записки шлиссельбуржца. 1887—1905. С портретами и рисунками. Стр. 245. Ц. 60 к.

Первая русская революция в Петербурге. 1905 г. Сборник II. По фабрикам и заводам. Под редакцией Ц. Зеликсон-Бобровской. („Ленинградский Истпарт".) Стр. 147. Ц. 60 к.

Переписка Николая и Александры Романовых. 1914—1915 г.г. Том III. С предисл. М. Н. Покровского. Стр. XXXIV, 524. Ц. 5 р. (Центрархив.)

Петров, Е. Социальная революция и международная политика в переписке Маркса и Энгельса. Исторические очерки. Стр. 122. Ц. 60 к.

Поливанов, П. С. Алексеевский равелин. Биографический очерк. И. И. Майкова. Редакция текста, примечания и послесловие П. Е. Щеголева. („Библиотека мемуаров".) Стр. 208. Ц. 1 р. 50 к.

Попов, Александр. Из истории забастовочного движения в России накануне империалистической войны. Бакинская забастовка 1914 г. („Ленинградский Истпарт.") Стр. 152. Ц. 80 к.

Прибылев, А. В. В динамитной мастерской и Карийская политическая тюрьма. Из воспоминаний народовольца. Стр. 79. Ц. 60 к.

Прибылева-Корба, А. П., и В. Н. Фигнер. А. Д. Михайлов. (Историко-революционная социалистическая библиотека.) Стр. 230. Ц. 1 р. 80 к.

Революционное юношество. Сборник I. Из истории движения учащихся среднеучебных заведений Петербурга. 1905—1917 г.г. („Ленинградский Истпарт.") Стр. 277. Ц. 1 р. 25 к.

Революция 1848 г. во Франции. (Донесения Я. Толстого.) Под редакцией и с предисловием Г. Зайделя и С. Красного. (Центрархив.) Стр. 184. Ц. 1 р. 70 к.

Робеспьер, Шарлота. Воспоминания. Перевод с французского. Е. Л. Овсянниковой. С предисловием и примечаниями А. А. Ольшевского. Стр. 62. Ц. 55 к.

Розин-Азис, Фр. Страница из истории крестьянства. Историко-экономическое исследование аграрных отношений в Прибалтике. Вступительная статья П. Стучки. Перевод, примечания и предисловие к русскому изданию А. Я. Кляве-Клявина. Стр. 233. Ц. 1 р.

Русско-японская война. Из дневника А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. С предисловием М. Н. Покровского. (Центрархив.) Стр. VII+189. Ц. 1 р. 80 к.

Сверчков, Д. На заре революции. Издание четвертое, иллюстрированное. Стр. 336. Ц. 2 р.

Сталин, И. На пути к Октябрю. Статьи и речи. Март—Октябрь 1917. Изд. 2-е. Стр. XLV+220. Ц. 90 к.

1905 г. в Петербурге. Выпуск I. Социал-демократические листовки. Собрали: С. Н. Валък, Ф. Г. Матасова, К. К. Соколова и В. Н. Федорова. Вступительная статья К. Шелавина. („Ленинградский Истпарт".) Стр. 444. Ц. 2 р.

Уорд, Джон, Союзная интервенция в Сибири. 1918—1919. Записки начальника английского экспедиционного отряда. С предисловием И. Майского. Стр. 172. Ц. 1 р. 20 к.

Царская Россия в мировой войне. Том I. С предисловием М. Н. Покровского. (Центрархив.) Стр. XXIV, 304. Ц. 3 р. 20 к.

Цыперович, Г. За полярным кругом. Десять лет ссылки в Колымске. Изд. 2-е. Стр. 242. Ц. 1 р. 50 к.

Шелгунов, А. В. Воспоминания. Редакция, вступ. статья и прим. А. Шилова. (Библиотека мемуаров). Стр. 317. Ц. 1 р.

Шилов, А. А Девятое Января. Книга для чтения. Предисловие В. И. Невского. Стр. 238. Ц. 1 р.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ в Торговый Сектор Госиздата. Москва, Ильинка, Богоявленский п., 4, ■ Ленинград, Проспект 25 Октября, 28, во все магазины, киоски и отделения Госиздата.

ОТДЕЛ ПОЧТОВЫХ ОТПРАВЛЕНИЙ ГОСИЗДАТА (Москва, проезд Художественного театра, 6) **высылает книги немедленно по получении заказа наложенным платежом, почтовыми посылками или бандеролью.**

КАТАЛОГИ и БЮЛЛЕТЕНИ ВЫСЫЛАЮТСЯ по ПЕРВОМУ ТРЕБОВАНИЮ БЕСПЛАТНО.

Первая балканская война.

Публикуемые в настоящей главе материалы дипломатической переписки, посвященной балканскому кризису 1912 года, являются непосредственным продолжением опубликованных в VIII и IX томах «Красного Архива» [1]).

Открывается настоящая публикация донесениями русского посланника в Софии, посвященными вопросу о греко-болгарском сближении.

Мы познакомились раньше с той объединительной работой, какую совершает на Балканах русская дипломатия в течение предыдущих годов. Мы познакомились вместе с тем с успешным завершением этой работы, получающей свое выражение в устроении сербо-болгарского соглашения.

Было бы грубою методологической ошибкой сводить объяснения происходившей на Балканах консолидации политических сил только к факту личных усилий русской дипломатии.

Успех этих усилий определился исключительною по своей благоприятности объективною обстановкой, складывавшейся вокруг Балкан и на Балканах, где русская объединительная политика не только встречала сочувственный отклик, но и рисковала порой не поспеть за развивающимся у балканских держав стремлением к взаимной политической смычке.

Известно, что первые годы XX столетия характеризуются ожесточенной взаимоистребительной борьбой болгарских и греческих чет в Македонии.

В тревожной атмосфере, созданной итало-турецкой войной, перед лицом появляющегося призрака крушения Оттоманской империи, между исконными антагонистами завязываются узы дружбы, питаемой общностью в финансовой ориентировке обеих держав и реализуемой в практике политического соглашения, оборонительного по форме, наступательного по существу.

Отложив спорный и скользкий вопрос о способах раздела Македонии, руководители империалистических кругов обоих государств сходятся на общей формуле согласованных действий против их общего врага — Турции.

---

[1]) Все те формальные замечания, какие были сделаны в предисловии к материалам, опубликованным в VIII и в IX томах, равным образом распространяются на материалы, приводимые ниже.

Касающиеся тех же вопросов документы, кои подвергались уже опубликованию в русских изданиях, в большей их части опущены. Случаи же повторных публикаций, вызванные необходимостью сохранения исторического контекста, отмечаются в подстрочных примечаниях.

Вопрос о сближении с Болгарией поднимался Венизелосом еще в мае 1911 года. До урегулирования своих взаимоотношений с сербами болгары, отвечая грекам в «благожелательных выражениях», уклоняются, несмотря на поощрительные жесты русской дипломатии, от решительных встречных шагов. С конца 1911 года переговоры между Софией и Афинами начинают быстро подвигаться вперед.

«События если не развиваются, то назревают,.. мог констатировать к весне 1912 года Неклюдов, — и Болгария, чутко относящаяся к возможным осложнениям, нашла своевременным и нужным пойти навстречу желаниям Греции и таким образом обеспечить себе в назревающей борьбе с Турцией содействие еще одной державы, содействие тем более ценное, что греческая армия в 120.000 человек, действуя туркам в тыл, несомненно, отвлечет на себя значительные вражеские силы». «Греко-болгарское соглашение, если не по букве, то, несомненно, по духу будет направлено против Турции», — добавлял Неклюдов в обоснование своей мысли о «ценности» вырабатываемого соглашения. 1/14 мая Неклюдов заслушивает прочитанный ему Гешовым проект соглашения. Текстом проекта Неклюдов неудовлетворен в полной мере: он находит «опасным» по своей неопределенности тот пункт, где договаривающимися сторонами применение casus foederis обусловливается фактом «систематического нарушения Портой прав национальностей». Русская дипломатия опасалась того, чтобы стороны не получили слишком легкой возможности в желательный для них момент изыскать повод для наступательных действий. Неклюдов развивает болгарскому министру русскую точку зрения на значение status quo. Гешов принимает доводы своего собеседника, но поступает по-своему. «Но остается для нас опасение, — меланхолически замечал Неклюдов [1]), — что этот договор сам по себе служит именно к осуществлению, при благоприятных для Болгарии сочетаниях, наступательных против Турции действий. Главным объединяющим звеном между болгарами и сербами является надежда поделить при первом удобном случае Македонию. Равно то же самое следует иметь в виду и относительно греко-болгарского соглашения». «Последнее, надобно заметить, — признавался там же Неклюдов, — подготовлялось доселе вне всякого нашего усилия».

Мы знаем, что все усилия русской дипломатии по политическому кооперированию балканских государств были направлены, в конечном счете, к организации «наступательных против Турции действий».

Разумеется, «действия» эти должны были открыться при «сочетаниях», благоприятных для русской дипломатии. Вопрос для нее сводился, стало быть, к тому, чтобы дождаться этого сочетания благоприятных обстоятельств.

Между тем события не только «назревали», но и развивались с катастрофической быстротой. В августе заключается болгаро-черногорское устное соглашение, и далее (9/22 сентября) подписывается греко-болгарская военная конвенция. Еще 13/26 августа, под впечатлением сильных волнений в Албании и погромов, происшедших в Беране и Кочане, Черногория делает балканским союзникам предложение немедленно выступить против Турции. Турецко-черногорский пограничный инцидент грозит принять формы конфликта военного. В балканских государствах военные элементы, стремящиеся, по словам Извольского, «ради своего существования использовать во что бы то ни стало настоящую конъюнктуру», становятся господами положения.

---

[1]) Депеша Неклюдова от 16/V 1912 г., № 15.

Отточенное русской дипломатией орудие войны готово было начать действовать, не сообразуясь с тактическими расчетами и планами его творцов и вдохновителей.

Печать тревоги, граничащей с растерянностью, лежит на русской дипломатической переписке, относящейся к тем критическим дням. Зигзагообразная, сбивчивая тактическая линия, способная породить «превратное толкование», вызвать «ложные представления», отмечает все ее действия в тот период. Не только царскую Россию смутила волна быстро надвигавшихся событий. Страх перед возможным нарушением status quo, страх перед нарушением в неурочный час общеевропейского мира, попытки изыскать средства, чтобы затушить пожар, локализовать его — таков лейтмотив, общий в первые дни кризиса для дипломатических выступлений всех великих держав, продолжающих составлять вокруг Балкан формально пока не нарушенный европейский концерт, по существу уже распадающийся на две глубоко между собою враждебные группировки.

Как явствует из публикуемых документов, первые выступления (относящиеся к первым и средним числам августа) в пользу поддержания status quo и сохранения мира на Балканах принадлежат министру иностранных дел Австро-Венгрии. Явления эти вполне закономерны. Выступление гр. Берхтольда являлось актом австро-германской коалиции, иногда — и именно в балканском вопросе — испытывавшей внутренние трения, но, в конечном счете, неразрывной и сплоченной, в турецких делах с неизменностью шедшей под двухцветным флагом Гогенцоллернов.

Известно, в каком направлении изменяется к рассматриваемому времени тот экономический фундамент, на котором основывалась международная конъюнктура на Ближнем Востоке: быстрое падение в турецких водах английского тоннажа, меняющего свое направление на Суэцкое, крупный рост в тех же водах транспорта австро-германского — приводят к тому, что старая догма «неприкосновенности Турции» английской дипломатией начинает сдаваться в архив, в сохранении же «неприкосновенности», более того — в экономическом развитии Турции — становится заинтересованной главным образом Германия, отделенная от Турции барьером государства и к аннексии турецких земель не стремящаяся, но свое политико-экономическое проникновение в страну ведущая настойчиво и с неослабным успехом.

Еще в начале 1911 г., касаясь вопроса о близком окончании багдадского предприятия и констатируя достигнутый здесь Германией «большой экономический и политический успех», русский дипломатический представитель в Берлине не без основания отмечал [1]: «Успех этот усугубляется еще тем, что, преследуя в этом деле исключительно немецкие интересы, Германия являлась в то же время как бы благодетельницей Турции, отстаивающей ее интересы против соединенных усилий других государств».

Преодоление англо-французского сопротивления в багдадском вопросе, отказ со стороны Франции в турецком займе и обращение Порты к берлинской бирже, восстания в Аравии и Албании, интерпретируемые германской прессой как происки Англии и России, — все обстоятельства складывались благоприятно для укрепления германских влияний,—все это, по свидетельству русского представителя в Берлине, «искусно использовалось германской дипломатией для тесного сближения с Оттоманской империей» [2]).

Еще в июне 1911 г., когда английское министерство иностранных дел предложило державам в связи с албанской «смутой» предпринять традиционное «коллективное воздей-

[1]) См. письмо Шебеко к Нератову от 18/III 1911 г.

[2]) Там же.

ствие» на Порту в пользу реформ в Албании, Берлин выразил решительный протест и демонстративно отказался присоединиться к совместным действиям. «Этот жест, — комментировал позицию Германии русский посол в Константинополе [1]), — не трудный для Германии, очень ценен для Турции».

Когда в сентябре 1911 г. в Берлине получается известие о начавшихся военных действиях в Триполи, Вильгельм приходит в сильное негодование: этим нарушались его расчеты на мирное завоевание страны. «Поднятие восточного вопроса и компрометирование существования Турции абсолютно нежелательны для Германии», — пояснял Чарыкову в те дни точку зрения своего правительства германский посол в Константинополе [2]).

Действия Италии в триполитанском вопросе свидетельствовали о том кризисе, какой переживал в рассматриваемое время тройственный союз, и предрасполагали берлинский кабинет к сугубой осторожности.

По поводу принятого Италией решения советник русского посольства в Берлине писал [3]): «Германия поставлена в исключительно трудное положение; с одной стороны, всякое ослабление Турции является для нее крайне нежелательным и прямо противоречит той политической программе, которой она неукоснительно придерживалась в течение ряда лет, вооружая и укрепляя Турцию против России и Англии, — с другой стороны, занять открытое враждебное положение против Италии и этим, может быть, окончательно порвать те слабые узы, которые еще связывают эту державу с тройственным союзом, также представляется ей нежелательным»...

Что с ненадежностью Италии как союзника Берлину приходилось серьезно считаться, видно уже из того, какие затаенные мысли, хотя и в «доверительной» форме, могли в связи с этим высказываться русской дипломатией. «Если в твоих будущих политических осложнениях ты наметил Италию, как желательный и полезный фактор, — писал Гулькевич Сазонову из Рима в апреле 1912 года [4]), — то тебе следует воспользоваться предложениями, которые тебе будут, вероятно, сделаны, и привлечь Италию к более реальному единению с Россией... В настоящий момент ты можешь получить все, что желаешь».

«Нужно ковать железо, пока оно горячо, — писал, со своей стороны, Поггенполь бар. Шиллингу [5]), — а отношение консульты к нам таково, что, может быть, удастся добиться успеха... Италия переживает острый и тяжелый кризис; она ищет нашей поддержки. Упустить такой момент было бы грешно»...

Недавно пережитые последствия (август—сентябрь 1911 г.) от неосторожного «прыжка пантеры», выразившиеся в стремительном падении германских ценностей и последовавшем затем заявлении берлинских банкиров о том, что Германия в финансовом отношении не готова к войне, не могли, в свою очередь, не оказывать влияния на позицию Германии во время кризиса на Балканах, где, по выражению германского посла в Вене, «одно это слово (объявление войны. *А. П.*) опасно для балканских государств, где малейшая искра может зажечь мировую войну».

Наблюдались, разумеется, и другие факторы в германской политической действительности того времени.

---

[1]) Письмо Чарыкова от 21/VI 1911 г.
[2]) Секретная телегр. Чарыкова от 14/IX 1911 г.
[3]) Письмо Шебеко Нератову от 16/IX 1911 г.
[4]) Частное письмо Гулькевича Сазонову от 14/IV 1912 г.
[5]) Частное письмо Поггенполя бар. Шиллингу от 7/V 1912 г.

Успешная агитация «Deutsche Flotten Verein», в пользу расширения судостроительной программы, выступление канцлера в рейхстаге по вопросу об отношении Германии к идее всеобщего разоружения (март 1911 г.), нападки со стороны консерваторов и центра на правительство за излишнюю уступчивость в марокканском вопросе и категорическое их требование увеличения германского флота, безрезультатность миссии посещающего Берлин лорда Хольдена, наконец, принятие законопроекта об увеличении сухопутных и морских сил — таковы факты, намечающие тенденции дальнейшей германской политики.

Но как бы эти факты ни были грозны по своей симптоматичности, внешняя политика Германии на ближайший период, помимо всего прочего, неизбежно определялась еще тем обстоятельством, что, по сравнению с противоставшею ей коалицией держав, Германия располагала несравненно меньшими военными рессурсами, что принятая германским генеральным штабом военная программа была рассчитана на 3-летний срок осуществления. До конца 1914 года, во всяком случае, у германской дипломатии руки оказывадись связанными подготовительными работами министерства военного и морского.

Та активная политика, какую развивала на Балканах Австро-Венгрия, могла в свою очередь, в условиях отмеченного кризиса тройственного союза, входить в частичные противоречия с германской линией.

Констатируя отдельные факты таких расхождений, русские дипломаты обычно склонны были к чрезмерному укрупнению их политического значения.

Но фактов таких было немного, взаимоотношения между двумя государствами вырисовывались с достаточной ясностью. Еще в ноябре 1910 г., останавливаясь на «старательной и деятельной» инициативе Австро-Венгрии в турецких делах, русский посол в Константинополе отмечал: «Как бы ни казалась внушительной теперешняя балканская политика венского кабинета, она может рассчитывать на успех только под условием и в пределах поддержки со стороны Германии» [1]).

Еще во время Потсдамского свидания (в октябре 1910 года) германский канцлер Бетман-фон-Гольвег заявлял Сазонову, что «если бы Австро-Венгрия обнаружила стремление к политике захватов на Балканах, она не встретила бы ни малейшей поддержки со стороны своей союзницы, не обязанной и не склонной к подобной политике в силу собственных своих интересов» [2]). И через полтора года, когда при свидании (в июне 1912 года) на рейде Балтийского порта Сазонов опять спросит своего собеседника, «намерен ли берлинский кабинет использовать свое влияние в Вене в видах удержания Австрии в случае, если бы она оказалась склонной к наступательному движению на Балканском полуострове», — Бетман-Гольвег, не колеблясь, ответит утвердительно и выразит готовность подтвердить заверения, данные в Потсдаме [3]).

Этим «умеряющим воздействием» своего северного соседа определяется внешняя политика двуединой империи, порою одержимой бурными вожделениями, но, в конечном счете, в решительный момент всегда вынужденной оглядываться на своего «друга в сверкающей кирасе».

Одним из самых острых и щекотливых вопросов для Австро-Венгрии был вопрос албанский. Осуществление проекта автономной Албании означало для Австрии создание под ее протекторатом провинции-буфера, простирающегося от Адриатического моря

---

[1]) Секретная депеша Чарыкова от 14/XI 1910 г., № 129.

[2]) См. «Красный Архив», т. III, стр. 7.

[3]) См. там же, стр. 15.

вдоль границы Черногории через Коссовский вилайет и Новобазарский санджак к границе Боснии и Герцоговины и служащего препятствием для объединительных тенденций балканских государств и новым береговым плацдармом для дальнейшего поступательного движения двуединой империи на Балканах.

В то время как в других вопросах австрийской дипломатии удается выдерживать внешне спокойную пассивно-созерцательную позицию и пренебрежительно заявлять о своей готовности «предоставить балканским странам самим разобраться в своих делах»[1], в балканском вопросе это видимое приличие ей соблюсти трудно, и здесь она рвется к активности. Здесь мы встретимся и с фактами нелегальных воздействий, как тайная поставка албанским повстанцам оружия и инспирирование черногорского короля на деятельную вооруженную поддержку албанцам, и с фактами публичных выступлений австро-венгерской дипломатии, как обращение в конце мая 1911 г. к Порте с требованием даровать албанцам ряд льгот и привиллегий.

Разрешения албанского вопроса в желательном смысле венскому кабинету достигнуть не удалось, ему приходилось вопрос этот оставить в стабилитарном состоянии вплоть до весны следующего года.

Отношение Австрии к итало-турецкому конфликту равным образом носило тот характер сдержанности и осторожности, какой вытекал из связанности Вены с ищущим мирной и тихой политической жизни Берлином.

Отношения между Австрией и Италией, интересы которых скрещивались на Адриатическом побережьи, ни в каком случае нельзя было признать дружественными. Еще в первой половине 1910 г., сообщая министру иностранных дел о полученных из Австрии сведениях военно-политического характера и перечисляя фигурировавшие в австро-венгерских военных кругах военные комбинации, руководитель русского военного ведомства замечал, что «ни в одной из этих комбинаций Италия не считается возможным союзником и что, наоборот, получается впечатление, что война с Италией считается чуть ли не самой вероятной [2]).

В конце же 1911 г., когда назревал итало-турецкий конфликт, советник русского посольства в Вене настроениям австрийской дипломатии давал такую характеристику: «Если, с одной стороны, Австро-Венгрия не без удовольствия увидела бы Италию занятой в Африке и тем самым отвлеченной до некоторой степени от Адриатического побережья Турецкой империи, то все же на Балльплаце преобладает чувство тревоги относительно тех последствий, с которыми решительное выступление Италии может быть связано как для внутреннего порядка в Турции, так и вообще для спокойствия на Балканском полуострове» [3]).

«Упорная и систематическая забота о привлечении к себе Турции», поддержание «постоянного обмена мыслей» с римским кабинетом, попытки, — не всегда, правда, удачные, — личного воздействия на царя Фердинанда — таков круг австрийской политики на Балканах, пределами которого должна была ограничиваться работа Ballplatz'a, проводимая в соответствии с политическими расчетами Wilhelmstrasse.

Тяготевшие над страной финансовые затруднения отнюдь не располагали венский двор к самостоятельной активной политике.

---

[1]) Выражение Эренталя. См. секр. тел. Гирса от 14 мая 1911 г. и депешу Гартвига от 21 июня 1911 г. № 110.

[2]) Письмо военного министра Извольскому от 31/V 1910 г.

[3]) Письмо Крупенского Нератову из Вены от 14/IX 1911 г.

Предпринимаемые правительством в 1911 г. военные реформы, связанные с удлинением срока службы, перевооружением артиллерии, улучшением крепостей, постройкой дредноутов, — рассчитанные на 3-4-х-летний срок существования, вызывают новое бюджетное напряжение и равным образом действуют на внешнюю политику кабинета в сдерживающем направлении.

Консерватизм в балканском вопросе для Вены еще больше, чем для Берлина, был, разумеется, лишь временной необходимостью, связанной с проведением подготовительных организационных работ. Выступающий в декабре 1911 года в делегациях в защиту внесенного правительством бюджета австро-венгерский военный министр Аффенберг говорит о необходимости нарушить данное его предшественником бар. Шейнахом обещание в течение 5 лет не требовать увеличения военного бюджета; он отмечает неудовлетворительное состояние вооруженных сил двуединой монархии и предсказывает скорое наступление «такого военно-политического положения, которому установленный в прошлом году на пять лет бюджет не в состоянии будет удовлетворить[1]). «Можно, мне кажется, с уверенностью сказать, — писал советник русского посольства в Вене, — что в настоящую минуту Австро-Венгрия не желает никаких осложнений на Ближнем Востоке, считая себя не вполне к ним подготовленной, и предпочла бы, по возможности, отдалить их до времени, когда предпринятая ею военная реформа будет закончена и будет приведена в исполнение программа усиления австро-венгерского флота» [2]).

Когда в половине 1912 г. в сопредельных с Австрией балканских государствах повис призрак близкой войны и австро-венгерские военные силы в пограничных местностях были приведены в движение, многочисленные русские военные информаторы на Балканах поднимают в своих донесениях тревожную кампанию, направляя все внимание на опасность от возможной австрийской инициативы.

Если известная доля опасности в этом смысле была налицо, то это могло бы произойти, по словам советника русского посольства в Вене [3]), только при том условии, когда «ее исторической миссии на Балканах будет угрожать опасность». Австро-венгерский посол в Петербурге гр. Турн в беседе с Сазоновым в это понятие «исторической миссии» Австрии вкладывал вполне конкретное содержание — «выхода в Салоники». «Австрия, — говорил он, — никоим образом не могла бы допустить, чтобы ей был перерезан путь в Салоники, а потому она не могла бы примириться с расширением Сербии до моря»[4]). Но тот же посол в той же беседе заверял Сазонова, что Австрия не только не ищет для себя территориальных приращений на Балканах, но что она готова отнестись «спокойно» к незатрагивающим ее интересов территориальным приращениям Сербии и увеличению Болгарии до пределов, намеченных Сан-Стефанским трактатом.

«Несмотря на несомненно существующую здесь беспокойную военную партию, — писал в августе 1912 года из Вены советник русского посольства, — и несмотря на не менее несомненные военные приготовления Австро-Венгрии... по моему убеждению, нет серьезных оснований опасаться, чтобы Австро-Венгрия именно теперь выступила с агрессивными действиями, направленными к Балканскому полуострову. Здесь прекрасно сознают, какие последствия могли бы иметь такого рода выступления: они могут

---

[1]) Депеша Гирса от 22/XII 1911 г., № 78.

[2]) Письмо Крупенского Нератову от 14/IX 1911 г.

[3]) Секретная депеша Кудашева из Вены от 2/VIII 1912 г., № 28.

[4]) См. «Материалы по истории франко-русских отношений 1910—1914 г.г.». изд. НКИД, стр. 276.

служить сигналом для общеевропейской войны. Для Австро-Венгрии война, может быть, еще менее желательна, нежели для другой великой державы в виду как ее финансовой, так и в особенности военной неподготовленности» [1]).

Органической заинтересованностью Германии в сохранении турецкого status quo и неготовностью и неспособностью Австрии к самостоятельным действиям на Балканах определялись основные тенденции балканской политики австро-германской коалиции на ближайший период.

Двукратное выступление австро-венгерской дипломатии в пользу мира, о котором повествуют публикуемые документы, находилось в полном соответствии с указанными тенденциями.

Выступление гр. Берхтольда встречает уклончивые ответы со стороны держав группы Согласия. «Пока следует ограничиться бдительным наблюдением за действиями Австрии с тем, чтобы при случае предупредить выступление ее», — передавал Извольский точку зрения Пуанкарэ (она же была точкой зрения Сазонова) на австрийские предложения [2]). Вокруг вопроса о предупреждении войны и, далее, о локализации конфликта и о посредничестве между воюющими завязывается оживленная дипломатическая переписка. Многократные энергичные выступления Пуанкарэ обнаруживают ярко выраженное стремление сохранить в своих руках инициативу и контроль над событиями. По поводу всплывающего на поверхность вопроса о конференции держав тот же посол в Париже писал: «У меня сложилось впечатление, что парижский кабинет весьма охотно взял бы на себя руководящую роль в этом деле, в тайной, быть может, надежде, что конференция состоится в Париже» [3]).

Деление концерта великих держав на две враждебные группировки в процессе этой дипломатической борьбы вырисовывается со все возрастающей четкостью. От инсценируемого Пуанкарэ совместного выступления России и Австрии, предпринимаемого, по прямому свидетельству Сазонова, с целью «связать» Австрию, публикуемые документы приводят нас к моменту, когда в весьма реальных очертаниях надвигается призрак «нарушения общеевропейского равновесия».

Положение группировки Согласия в развивающихся событиях, положение до известной степени стороны инициативной, в которой уживался к тому же ряд взаимно-противоречивых тенденций, оказывалось много сложнее той позиции, какую, как мы только что видели, занимала австро-германская коалиция. Ограничимся беглым указанием на ряд моментов, характерных для той политической почвы, на которой вырастали доступные нашему наблюдению зигзаги дипломатической кривой одного из сочленов этой группировки, признанного покровителя балканских союзников.

Мы знаем, что агрессивные тенденции русской политики в направлении Константинополя теперь уже не находят непреодолимой преграды в лице английской дипломатии, утрачивающей вкус к принципу неприкосновенности Турции и сохранению status quo на Балканах. Строго говоря, уже ревельское свидание, намечавшее для Македонии независимое от Порты положение, ставившее ее под контроль европейских держав, означало приступ к расчленению Турции. Принимающий формы соперничества на водах, англо-германский антагонизм возрастает настолько в своей остроте, что все сильнее побу-

---

[1]) Секр. депеша Кудашева от 2/VIII 1912 г., № 28.
[2]) Письмо Извольского от 25/VIII 1912 г. См. «Материалы», стр. 270.
[3]) См. там же.

ждает Грэя итти на тесное сближение с стремящимся к Константинополю Сазоновым и даже обещать России вооруженную помощь в случае ее войны с Германией [1]). И поскольку Англия продолжает еще сохранять осторожно выжидательную в балканском вопросе позицию и всегда «умеряюще» влиять на Россию, — такую позицию лондонского кабинета русская дипломатия склонна теперь объяснять чисто тактическими потребностями минуты — или желанием не ослаблять правительства Кемаль-паши, или заботами о завоевании симпатий магометанской части населения Индии [2]). Несомненно, что парижский кабинет должен был испытывать несравненно более мучительные сомнения при мысли о возможной вивисекции Оттоманской империи, где французский капитал свил себе прочное и удобное гнездо. Но несомненным было также и то, что к рассматриваемому времени он был преисполнен особенно твердой решимости связать Россию более крепкими узами дружбы, столь необходимой для успешной борьбы с враждебным «металлургическим концерном» в Берлине [3]). Обострение этой борьбы барометрически отражалось на состоянии марокканского вопроса. При этом нельзя не отметить существенной разницы между кризисами 1905 и 1911 годов: если тогда Франция «отказалась от предложенного ей поединка» [4]), теперь она готова принять его и вооруженной рукой защищать свои интересы. Агадирский инцидент был ликвидирован мирным путем, но он не мог не сознаваться французским правительством, как прообраз конфликта вооруженного. К этому конфликту продолжает деятельно готовиться военное ведомство. Те же задачи определяют линию работы французской дипломатии. По свидетельству Пуанкарэ, произнесшего речь в июне 1912 г. в палате депутатов, франко-русский союз оказывается теперь крепким, как никогда, «находя себе применение на всех пунктах земного шара на пользу обеим странам» [5]). Связанность штабов русской и французской сухопутных армий дополняется установлением «тесных и непосредственных сношений между главными морскими штабами». За соблюдение союзной дисциплины Россия получает от старшей союзницы обещание облегчить ей задачу господства над Черным морем путем сосредоточения французских морских сил в восточной части Средиземного моря [6]). В перспективе предвидится образование в Париже синдиката банков для планомерного поддержания русских фондов [7]). В то же время самый факт существования франко-русского союза содействует уточнению и упрочению дружественных отношений между Францией и Англией. При помощи французской дипломатии русское правительство во всех щекотливых вопросах «расчищает почву в Лондоне» [8]). Создается положение, позволяющее руководителю французской политики утверждать, что взаимоотношения Франции, России и Англии «никогда не были лучшими, нежели в настоящее время».

Активная политика России на Ближнем Востоке получала, таким образом, внушительный международный фундамент в общности империалистических интересов держав, коалирующих против Германии.

---

[1]) Доклад Сазонова о свидании с Грэем 5/IX 1912 г. в Бальморале. См. «Красный Архив», т. III, стр. 18.

[2]) См. там же, стр. 25.

[3]) См. предисловие М. Н. Покровского к книге Каутского «Как возникла мировая война», стр. 17.

[4]) Слова Вильгельма в передаче Извольского. См. «Материалы», стр. 154.

[5]) См. там же.

[6]) Письмо Извольского от 5/VII 1912 г.

[7]) Секр. телегр. Извольского от 5/X 1912 г. № 261.

[8]) Письмо Извольского от 10/X 1912 г.

И это-то обстоятельство, именно то, что царская Россия действовала в отведенной ей сфере балканской политики как составная часть сложившейся коалиции, пользуясь поддержкой своих друзей, но и неся перед ними всю тяжесть сопряженных со своим положением обязанностей, — лежало в основе всех тех видимых противоречий, какими отмечается русская политика в период балканского кризиса. Берущие твердый курс на солидарность действий, Париж и Лондон стараются держать русское правительство под строгим дипломатическим контролем. Еще в период итало-турецкой войны, когда русское министерство ин. дел имело неосторожность свое предложение посредничества передать в Берлин и Вену до предварительного обсуждения с Парижем, Пуанкарэ тотчас же поставил русскому послу на вид ошибку. «С своей стороны, — писал по этому поводу Извольский Сазонову, — он (Пуанкарэ) строго придерживается правила прежде всего искать согласия с русским и английским правительством» [1]). С наступлением балканского кризиса правило это проводится с еще большей систематичностью. Во время своего приезда в Россию в августе 1912 года Пуанкарэ выражает Сазонову свое недовольство теми формами, в какие было облечено сербо-болгарское соглашение [2]). Он неоднократно подчеркивает, что Россия не может рассчитывать на вооруженную поддержку Франции в конфликте, имеющем чисто местное балканское значение [3]). В то же время «легкомысленные» и «неосмотрительные» шаги русской дипломатии, направленные в сторону проливов, попрежнему не получают поддержки и поощрения со стороны лондонского кабинета, продолжающего считать принципиальное выяснение вопроса о проливах «преждевременным».

К сказанному нужно добавить: если русское правительство, у которого с мыслью о войне ассоциировался страх перед рецидивом революции, колебалось между внушениями воинственных генералов и славянофильских кружков, с одной стороны, и советом финансовых дельцов, с другой, то парижскому и лондонскому кабинетам приходилось серьезно считаться с той оппозицией, какую должна была встретить открытая и неосторожная политика развязывания войны на Балканах не только со стороны социалистических партий, но и значительной части буржуазии, опасавшейся возможных от войны убытков. По свидетельству Извольского, в неоднократных доверительных беседах с Пуанкарэ с начала балканского кризиса Грэй проявлял неизменную сдержанность и на вопросы своего собеседника о том, какое положение займет Англия в случае, если конфликт примет общеевропейский характер, всегда отвечал, что вопрос о войне и мире будет решен «общественным мнением». Самому Пуанкарэ приходилось бороться с влиятельными элементами собственной его партии, и, по словам того же Извольского, можно было только «с ужасом» думать о том, что было бы, если бы он не стоял во главе кабинета.

Поскольку русская активная политика на Балканах вела к неизбежному нарушению status quo не только балканского, но и общеевропейского, каждый шаг ее здесь предварительно трижды отмерялся и взвешивался не только англо-французской дипломатией, но и англо-французскими генеральными штабами.

Если Россия не могла себя считать достаточно созревшей в военном отношении к тому моменту, когда она обращалась лицом к Балканам, — мы видели, что сокрушение Турции царская дипломатия мыслила себе в ту пору не иначе как сокрушение руками

[1]) Письмо Извольского Сазонову от 5/II 1912 года.

[2]) Р. Пуанкарэ. «Происхождение мировой войны», стр. 126; «Материалы», стр. 258.

[3]) «Материалы», стр. 259 и 275.

самих балканских государств, — то еще в меньшей мере она могла расцениваться англо-французскою коалицией в качестве сочлена, достигшего призывного возраста и годного для оказания требуемых от него военных услуг.

В чем должны были заключаться эти услуги, каковы были военные обязательства России перед союзниками, об этом повествует протокол происходящего непосредственно вслед за агадирскими днями небезызвестного совещания начальников генеральных штабов русской и французской армий.

По примеру своего французского коллеги, русский представитель обязуется в прокламированный конвенцией 1892 года лозунг «оборонительной войны» вкладывать содержание, требующее «энергичного наступления» против германцев, он обязуется предпринять это наступление в точно установленный срок после объявления войны, — он обязуется, далее, бросить против общего врага столько войск, сколько потребуется для того чтобы заставить его «задержать на восточной границе возможно большее количество сил». Для достижения этого русскому генеральному штабу приходилось проводить в армии крупную реорганизационную работу, рассчитанную на 4 — 5-летний срок выполнения. В соответствии с этим строился прогноз событиям в официальной военной литературе [1]), фиксирующей свое внимание на предстоящей «великой борьбе» и относящей начало этой борьбы к 15—16 году. Когда Пуанкарэ в своих беседах с Сазоновым и Извольским отказывался от вооруженного вмешательства в балканские дела, он многозначительно оговаривался, что военное вмешательство в те же дела Германии послужит для него casus foederis [2]). В своей известной работе, посвященной апологии французской политики того времени [3]), Пуанкарэ стремится доказать, «насколько далека была политика Франции в балканском вопросе от того, чтобы вполне солидаризироваться с Россией», он старательно подчеркивает «беспристрастность и независимость в суждениях», в период балканского кризиса проявлявшиеся Францией, «никогда не шедшей слепо за русскими предложениями». Дальнейшим ходом событий утверждения Пуанкарэ будут поставлены на голову, и в декабре того же 12-го года он будет требовать от Сазонова превентивной мобилизации. Сейчас же, во всяком случае, несомненно одно, что, подготовляя для будущего совместные с Россией военные действия против Германии, парижский кабинет в первый период балканского кризиса, когда не определились еще решительные успехи союзников и конфликт продолжал носить локальный характер, не идет дальше обещаний дипломатического содействия русской инициативе в балканском вопросе и что Сазонову не удается у германофобски настроенного Грэя вызвать сколько-нибудь решительные туркофобские настроения.

Необходимо, наконец, иметь в виду еще одно обстоятельство: возможность слишком глубокого продвижения балканских союзников, в случае их военных удач, к Константинополю не могла не расцениваться русскою дипломатией прямо в отрицательном смысле, посредничество же великих держав, связанное с вопросом о судьбе Константинополя, таило в себе известную долю опасности для «законного», но неспособного к самостоятельным действиям претендента на эту часть турецкого наследства.

Потому-то, формируя балканский военный союз против Турции, отстаивая это подлинное орудие войны, русская дипломатия, несмотря на всю «отрадность» такого явле-

[1]) См. памятная записка начальника морского штаба от 3/II 1912 г.

[2]) См. «Материалы», стр. 259 и 275.

[3]) Р. Пуанкарэ. «Происхождение мировой войны», изд. «Мир», 1924 г., стр. 143—145.

ния, как непреодолимая тяга держав к этому орудию, вынуждена была в меру сил своих регулировать настроения пламенных балканских туркоборов, всячески удерживать их от сколько-нибудь решительных «необдуманных» действий по директиве Пуанкарэ итти на небезопасные для русского политического реномэ на Балканах совместные выступления с Австрией в защиту одиозного status quo.

Ход военных действий на Балканах — победы сербов при Куманове и Монастыре и болгар у Лозенграда, Люле Бургаса и Чорлу, приводящие к полному разгрому турецкой армии — определит в дальнейшем крутые сдвиги в позиции как французской, так и английской дипломатии, охватываемой симпатиями к балканским союзникам и готовностью пренебречь всякими предосторожностями в турецком вопросе; ход военных действий раскроет перед царской дипломатией новые перспективы в балканском вопросе.

Публикуемые в настоящей статье документы, дающие отражение указанной выше линии русской дипломатии, намечают также, как увидит читатель, и тот поворотный момент, когда, в нарушение деклараций предыдущих дней, она решается провозгласить «право фактического завладения» и «полюбовного раздела» территории Европейской Турции между балканскими союзниками, ограничивая свою заботу о сохранении status quo пределами защитной зоны Марица—Адрианополь—Черное море.

Телеграммы Извольского от последних дней октября, которыми обрывается настоящая публикация, отмечают разрастание кризиса до пределов «общеевропейского значения». Коалиции держав противостоят друг другу враждебными лагерями. Империалистические тенденции оголяются. Русское дипломатическое ведомство рефлектирует традиционными для него формами переживаний. Одна из относящихся к этим дням записок [1]) министерства, которая в виду обширности ее не включена в контекст публикуемых материалов, посвящается вопросу о судьбах угрожаемого союзными армиями Константинополя.

В заключительной ее части значилось: «Мы имеем полное основание принять соответствующие меры к охране наших интересов... Такими мерами могло бы быть фактическое занятие верхнего Босфора и укрепление там на обоих его берегах, на правах ли собственности, или долгосрочной аренды — это безразлично...». В противовес сложному английскому проекту об устройстве в Константинополе международного управления, в цитируемой записке намечалась весьма простая мера — «немедленная отправка в Константинополь отряда в 5.000 чел., конвоируемого нашими военными судами». «Указанная постановка, — заключал автор записки, — не была бы полным решением вопроса. Но она была бы тем этапом, который привел бы нас к окончательному разрешению одной из основных задач, завещанных нашим прошлым и отвечающих всему настоящему естественному росту русской производительности и русской силы». Проект этот не нуждается в комментариях, он разделил, как известно, участь всех аналогичных ему и ему предшествовавших.

Но цитированная здесь записка эта выполнит свое назначение, если поможет читателю понять мотивы, руководившие царской дипломатией в ее борьбе за неприкосновенность константинопольской зоны и сохранение реального в ее пределах суверенитета султана.

А. Попов.

---

[1]) Записка датирована 30/X 1912 г.; находящийся в Архиве Рев. и Внешней Политики, где хранятся публикуемые здесь документы, оригинал подписи не имеет.

№ 1. Секретная телеграмма посланника в Софии.

София. 1 (14) мая 1912 г. № 49 [1]).

Министр иностранных дел прочел мне вчера французский текст договора между Болгарией и Грецией, который предложен Афинами и, по всей вероятности, будет принят in extenso королем Фердинандом. Вступительная часть: объявляется, что договор носит чисто оборонительный характер и имеет целью сохранение мира на Балканах и защиту прав обеих народностей в Турции. Пункт 1. Обе договаривающиеся стороны обязуются всеми имеющимися в их распоряжении средствами оказывать друг другу помощь в случае нападения со стороны Турции, независимо от того, проявится ли оно непосредственно, или же путем явного и систематического нарушения Турцией вытекающих из договора прав или же основных принципов международного права. Пункт 2. Взаимное содействие обеих договаривающихся сторон в деле защиты приобретенных этими народностями определенных прав в Турции, — последнее как наилучшее средство к сохранению status quo. Пункт 3 и 4. Секретный характер договора и срок его на 3 или 5 лет — по выбору Болгарии. Особым добавлением поясняется, что критские дела не должны являться в данном случае casus foederis.

Конец первого пункта представляется мне довольно опасным.

Неклюдов.

№ 2. Секретная телеграмма посланника в Софии.

София. 8 (21) мая 1912 г. № 52.

Ссылаюсь на телеграмму № 51 [2]).

Считаю разъяснения Гешова вполне искренними. Необходимо, однако, заранее считаться с тем, что и Болгария, при обстоятельствах, которые ей показались бы благоприятными, не прочь будет воспользоваться поводом к действиям наступательным. Это соображение касается и сербо-болгарского договора и греко-болгарского. Последний еще не подписан [3]). Существуют некоторые несогласия насчет текста: греки хотят устранить из статьи второй всякие напоминания о правах населения Македонии на административную автономию, а Гешов этим дорожит.

Неклюдов.

---

[1]) Перев. с французского.

[2]) Телеграммой № 51 от 8/21 мая Неклюдов передавал содержание своей беседы с Гешовым по поводу греко-болгарского договора. Гешов заверял Неклюдова в том, что Болгария относится весьма осторожно ко всяким возбуждающим действиям, идущим из Афин.

[3]) Договор был подписан 16 мая 1912 г., текст его опубликован в книге И. Гешова «Балканский союз», изд. 1915 г., стр. 96—98.

№ 3. Секретная телеграмма поверенного в делах в Цетинье.

Цетинье. 7 (20) июня 1912 г. № 89.

Посетивший меня черногорский министр иностранных дел передал мне просьбу короля довести до сведения императорского правительства, что, по мнению короля, для него при нынешней политической обстановке, быть может, окажется в ближайшем времени затруднительным сохранить мирный образ действий по отношению к Турции. Я ответил министру, что не премину донести о сем императорскому министерству, при чем еще раз указал на крайнюю опасность для самого существования Черногории — вопреки ясно выраженным усилиям России и большинства прочих держав, направленным к поддержанию status quo на Балканах—выступать с какими-либо активными планами, могущими поставить небольшое и слабое королевство лицом к лицу с все еще сильной Турцией, которая, с своей стороны, будучи озабочена внутренними неурядицами и албанским брожением, вряд ли может подать Черногории действительно серьезный повод к вооруженному столкновению. По наведенным мною, во избежание недоразумений, [имевшимся] под рукой справкам, вспыхнувший вновь воинственный пыл черногорского правительства обусловливается только что данным королю руководителями албанского мятежа обещанием не препятствовать присоединению к Черногории части северной Албании, при условии активной поддержки их в борьбе с Турцией.

Копия Константинополь.
Передана в Рим 10 июля 1912 г. за № 1374.

Обнорский.

№ 4. Секретная телеграмма упр. мин. ин. дел. посланникам в Афинах, Белграде и Софии.

С.-Петербург. 10 (23) июля 1912 г. № 1378.

Благоволите при подходящем случае заявить местному правительству, что мы считаем нынешнее запутанное внутреннее положение [1]) турецкого правительства и возбуждение, вызванное новой атакой Дарданелл, особенно неблагоприятными моментами для каких-либо выступлений, могущих нарушить status quo и тем подвергнуть опасности сохранение мира. Посему, не придавая вашим словам характера официального выступления, предостерегите правительство от увлечений.

Нератов.

[1]) Рассматриваемые дни отмечались крайним обострением отношений между младотурецким комитетом и лигою офицеров, добивавшейся роспуска палаты и отставки кабинета.

№ 5. Секретная телеграмма упр. мин. ин. дел послам в Париже и Лондоне.

С.-Петербург. 5 (18) августа 1912 г. № 1564.

Сообщается послу в Константинополе.

Болгарский и греческий представители передали просьбу своих правительств взять почин, когда мы признаем это удобным, к обеспечению за христианским населением Европейской Турции таких же прав, которые могли бы быть дарованы албанцам, как результаты нынешних переговоров последних с турками. Означенная просьба вызвана затруднительным положением обоих правительств в виду существующего брожения в их странах и среди соплеменников в Турции. Это брожение еще усилилось бы, если бы оказалось, что албанцы, взявшись за оружие, добились существенных результатов, а другие народности, подчиняясь воле держав, продолжали оставаться в прежних нетерпимых условиях.

С своей стороны, думаем, что выступление Болгарии и Греции в С.-Петербурге не может быть оставлено без внимания в виду предпринятого графом Берхтольдом шага. Хотя последний и полагает, что перемены, вводимые в Албании, будут естественно распространены в будущем на другие народности, все же нельзя не опасаться, что одни предположения и советы едва ли будут достаточно убедительны для мирного течения дел.

Мы думаем, что самым правильным выходом было бы в некоторой степени удовлетворить пожелания софийского и афинского кабинетов. Для этого надлежало бы сократить по возможности льготы для албанцев с прямым обещанием турецкого правительства подготовить применение подобных же льгот к местностям с другими национальностями. Почин к этому мог бы принадлежать самим туркам после предварительных их бесед с послами в Константинополе.

Наше мнение не находится, повидимому, в противоречии с выступлением Берхтольда [1]).

Благоволите доверительным образом объясниться по этому предмету с правительством, при коем вы аккредитированы, и о взгляде его телеграфировать.

Заключение посла в Константинополе запрошено.

Нератов.

№ 6. Секретная телеграмма упр. мин. ин. дел поверенному в делах в Вене.

С.-Петербург. 5 августа 1912 г. № 1566.

Сообщается в Париж, Лондон, Берлин, Рим и Константинополь.

Австрийский посол вручил министру памятную записку, в которой венский кабинет предлагает державам вступить в обмен мнений по поводу положения на Балканах.

[1]) Памятная записка австро-венгерского посольства в Петербурге была получена российским министерством ин. дел 3/16 августа 1912 г. О ней см. ниже.

Венский кабинет, относясь вполне одобрительно к проявляемому нынешним турецким правительством намерению даровать албанцам льготы, находит, что прочие национальности Европейской Турции должны были бы приветствовать этот первый шаг к административной децентрализации, которой они сами могут впоследствии добиться.

Между тем Болгария и Греция и даже Сербия склонны усматривать в уступках албанцам угрозу интересам других национальностей, и настроение в Болгарии таково, что может создать серьезные затруднения мирной политике кабинета Гешова.

Австро-венгерское правительство предлагает поэтому, с одной стороны, дружескими советами в Константинополе поддерживать стремление Порты к проведению новой внутренней политики, а с другой — сделать вновь представления балканским государствам с целью указать, что таковая политика Порты соответствует интересам их сородичей в Турции и что им следует поэтому воздерживаться от всего, что могло бы угрожать спокойствию на Балканах и препятствовать ее проведению.

Вполне соглашаясь с возможностью вышесказанных советов в Константинополе, поскольку дело не будет касаться широких автономных начал, гофмейстер Сазонов высказал послу, что таковые советы не должны бы иметь, однако, характер коллективных представлений, неприятных турецкому правительству. Что же касается выступлений в балканских столицах, таковые, после неоднократно преподанных там в последнее время советов сдержанности, не имели бы, по нашему мнению, особого практического значения и могли бы даже при известных обстоятельствах привести к обратным результатам, ослабив положение местных правительств.

Поэтому означенная часть предложения венского кабинета требовала бы особо внимательного обсуждения.

В заключение министр высказал полное удовлетворение тем, что венский кабинет стоит на той же почве, на которой он взаимно сошелся с нами в 1910 году касательно балканских дел, т.-е. стремления к успокоению на Балканах и сохранения status quo на принципе мирного развития балканских народов.

А. Нератов.

№ 7. Секретная телеграмма министра ин. дел посланнику в Софии.

С.-Петербург. 14 (27) августа 1912 года № 1655.

Сообщается: в Белград, Афины, Цетинье, Константинополь, Париж, Лондон и Вену.

Ссылаясь на вашу телеграмму № 97 [1]), турецкий посол сообщил мне вчера доверительным образом об отрицательном отношении Порты

[1]) Телеграмма Неклюдова № 97 в делах отсутствует.

к австрийскому выступлению и тягостном впечатлении, произведенном в Константинополе мыслью о «децентрализации».

Я считаю поэтому всякие шаги держав там в настоящее время излишними и обреченными заранее на неудачу; взгляд этот разделяется, повидимому, также Францией и Англией.

Нельзя терять из виду, что о даровании албанцам автономии теперь нет речи и что активное выступление балканских государств в защиту христианских народностей Турции не оправдывается необходимостью; оно может лишь повести к крайне печальным результатам для выступившего, против которого обратилось бы общественное мнение Европы, твердо намеренной не допускать возникновения вооруженного конфликта на Балканах и подавить таковой в самом начале.

С своей стороны, я указал Турхану-паше, в самой дружеской форме и вне всякой связи с шагом Берхтольда, на крайнюю желательность как в интересах самой Турции, так и ради облегчения державам взятой ими на себя задачи действовать умиряющим образом на балканские государства, — того, чтобы Турция по собственному почину дала своим христианским подданным какие-нибудь удовлетворения, способные положить предел царящему среди них возбуждению.

Сазонов.

№ 8. Доверительное письмо поверенному в делах в Лондоне.

Лондон. 15 (28) августа 1912 г.

Я имел честь по телеграфу уведомить А. А. Нератова, что сэр Э. Грэй ограничился общим ответом на предложение гр. Берхтольда, переданное ему словесно австро-венгерским поверенным в делах. Министр, до сего времени отсутствующий из Лондона, поручил сэру Луи Маллету передать графу Трауттмансдорфу о своей всегдашней готовности обсуждать всякие меры, имеющие целью водворение и обеспечение спокойствия на Балканах.

Сообщив мне об этом, сэр Л. Маллет прибавил, что статс-секретарь по иностранным делам желает во что бы то ни стало избегнуть всякого подобия давления на Порту и всякого выступления — тем более коллективного, — имеющего вид вмешательства во внутренние дела Турции.

При следующем моем с ним свидании г. Маллет заметил, что министр с большим удовольствием осведомился о таковом же отношении к вопросу вашего высокопревосходительства. Он присовокупил, что лондонский кабинет, в ожидании дальнейшего более подробного развития гр. Берхтольдом возбужденного им вопроса, намерен, с своей стороны, его совершенно не подымать и что ему казалось бы крайне желательным и необходимым, чтобы Россия, Англия и Франция заблаговременно согласовали как свое отношение к австрийскому предложению, так и дальнейший их совместный образ действий.

В Foreign Office'е всецело разделяют мнение Тевфик-паши, что советы держав Порте о направлении ее внутренней политики привели бы к падению правительства Мухтара-паши, которого здесь считают единственным государственным деятелем, способным еще несколько упорядочить положение вещей. Здесь поэтому с удовольствием узнали о заявлении, сделанном также турецким послом в Вене гр. Берхтольду, что предлагаемый им обмен взглядов послужил бы не к укреплению положения правительства, а, напротив, к его распадению. После каждого разговора моего с Маллетом я убеждаюсь, что здесь одушевлены желанием поддерживать те более доверчивые отношения с Турцией, которые, в ущерб преобладавшему германскому влиянию, постепенно стали устанавливаться и развиваться после крушения старого режима.

Мухтар-паша, как известно, считается другом Англии, и старания, проявляемые в Лондоне в видах оказания ему поддержки, тем более понятны.

Отставка Хильми-паши, предвещавшая, казалось, общий министерский кризис, произвела здесь поэтому неблагоприятное впечатление.

Лондонский кабинет, вследствие сего, всегда готовый принимать участие в советах умеренности, преподаваемых Порте, при возникновении пограничных или международных инцидентов, повидимому, желает совершенно воздерживаться от участия в каких-либо выступлениях в Константинополе по вопросам, касающимся внутреннего положения вещей или политического строя Турции.

Из слов сэра Л. Маллета я заключаю, что сэр Э. Грэй в общем скорее несочувственно отнесся к инициативе австро-венгерского министра, признав ее во всяком случае несвоевременною.

Находя предложение крайне неопределенным и неясным, г. Маллету (т.-е., несомненно, и сэр Э. Грэю) к тому же представляется особенно неуместным и неосторожным упоминание о «децентрализации», способное скорее раздразнить, чем успокоить, порывы различных балканских народностей.

Тем не менее, здесь, как мне кажется, не расположены видеть в выступлении гр. Берхтольда скрытых намерений, полагая, что в данную минуту, во всяком случае, Австрия едва ли не лишена возможности рассчитывать, для выполнения каких-либо замыслов, на албанцев, временно удовлетворенных расширением своих самобытных прав.

Поскольку дело касается поддержания спокойствия среди других национальностей, — в Македонии и Старой Сербии, — то здесь также, повидимому, находят, что образ действий, предложенный венским кабинетом, вернее способен привести к обратным результатам.

Советы благоразумия с указаниями и на пример Албании и на смутную возможность приобретения подобных же прав в будущем едва ли могут явиться для них вескими аргументами, тем более

что, вероятно, и христианские народности Балкан не могут отныне рассчитывать на сочувствие и помощь со стороны албанцев.

Позволяю себе прибавить, что французский поверенный в делах совершенно доверительно сказал мне, что, по имеющимся в его посольстве сведениям, выступление гр. Берхтольда будто бы было вызвано событиями позднейших времен, состоявшимися сближениями между балканскими государствами, укреплением тройственного согласия и, между прочим, заключением морской конвенции, которую здешний германский посол считает «непосредственно и исключительно» направленною против Австро-Венгрии. Барон Маршал перед отъездом из Лондона в отпуск, оказывается, в этом смысле высказался перед двумя проживающими здесь австрийскими журналистами, из которых один натурализованный англичанин.

Примите и проч... *Н. Эттер.*

P. S. Я только что ознакомил г. Маллета с содержанием вашей телеграммы за № 1655, полученной сегодня утром.

Г. Маллет, поблагодарив за сообщение сущности разговора вашего превосходительства с Турханом-пашою, прибавил, что сэр Э. Грэй, несомненно, воспользуется полученными данными при предстоящем, его свидании с Тевфик-пашою. Он при этом вновь подтвердил, что все высказанные вами соображения всецело соответствуют взглядам статс-секретаря, считающего больше, чем когда-либо, опасным затрагивать внутренние дела Турции.

Появившиеся в газетах заявления Джавид-бея, указывающего на возобновление державами немедленно после падения младотурецкого министерства применявшихся ими при Абдул-Гамиде приемов вмешательства, — по мнению сэра Луи Маллета — подтверждают обоснованность вашей точки зрения.

№ 9. Секретная телеграмма посланника в Софии.

София. 16 (29) августа 1912 г. № 104.

Ссылаюсь на мою предыдущую телеграмму [1]). Копия в Константинополь почтою.

Имел только что разговоры с Даневым и Гешовым. Данев сказал, что сообщение не является для него неожиданностью после его разговора с вами, что он вполне понимает причины и соображения, руководящие императорским правительством, и будет, насколько возможно, сообразовывать свое поведение с нашими категорическими советами, но что волнение, охватившее Болгарию, весьма серьезно и может повести к острому неудовольствию и кабинетом и, в особенности,

[1]) В своей предыдущей телеграмме за № 103 от 16/29 авг. 1912 г. Неклюдов сообщал о получении тел. № 1655 и о той тревоге, которую внушали ему господствовавшие в Болгарии настроения.

королем, коего теперь уже публично обвиняют в малодушии и пренебрежении национальными интересами. Правда, Гешов был чрезвычайно взволнован моим категорическим сообщением и пытался доказать мне, что выступление болгар купно с сербами, черногорцами и греками не может зажечь общего европейского пожара, если только балканские государства поставят на своем знамени не изменение территориального status quo, а дарование македонцам прав, предусмотренных параграфом 23 Берлинского трактата [1]). При подобной постановке вопроса Румыния, по мнению Гешова, не сочла бы себя вынужденной напасть на Болгарию. Далее Гешов высказал опасение, что война может быть начата сербами и черногорцами и что в таком случае, конечно, и невозможно будет отстать от своих союзников. По сведениям Гешова, в Константинополе принимаются в настоящую минуту важные решения, в виду чего туда и отправился третьего дня здешний сербский посланник. Я самым решительным образом заявил ему, что при каких бы то ни было условиях мы не согласны с выступлением Болгарии и других и видели бы в таковом истинную и величайшую опасность для самих православных государств полуострова, что мы, несомненно, сумеем воспрепятствовать легкомысленным решениям в Белграде и Цетинье, что, во всяком случае, Болгария, начав войну, сделала бы это на свой страх и риск и не имела бы права рассчитывать ни на какую с нашей стороны поддержку. Вышеизложенные доводы Гешова заставляют меня подозревать, что между болгарами, сербами и Николаем черногорским уже назревал план совместного выступления. Путешествие Спалайковича, издавна воинственно настроенного, и прибытие сюда из Цетинье Колушева я ставлю в непосредственную связь с этим планом. За всем тем, волнение в стране и неудовольствие в офицерской среде существуют в действительности. Проявлениями первого, быть может, пользуется правительство в целях производить известное давление и на Порту и на нас, но они представляют несомненную опасность и для устойчивости нынешнего кабинета и для положения короля. В беседе и с Даневым и с Гешовым я не преминул указать на постоянные и настойчивые шаги ваши и Гирса перед Портою для упорядочения и облегчения положения македонских христиан. Я также обратился к их давнишним чувствам любви и уважения к России, настоятельно прося их не принимать никаких решений, которые были бы не только опасными для самих болгар, но и внесли бы в конце концов охлаждение между ними и Россиею.

Неклюдов.

---

[1]) Согласно § 23 Берлинского трактата, Порта, подтверждая свое обязательство тщательно применять на о. Крите органический устав 1868 г., обязалась вместе с тем аналогичное положение ввести и в других областях Европейской Турции. Для этой цели в каждой провинции должны были быть образованы специальные комиссии с широким представительством в них туземного населения.

№ 10. Секретная телеграмма поверенного в делах в Лондоне.

Лондон. 24 августа (6 сентября) 1912 г. № 225.

На дополнительные предложения Берхтольда [1]) Маллет по поручению Грэя ответит завтра австрийскому поверенному в делах, что министр сочувственно относится к его политике, направленной к поддержанию мира и status quo в связи с проведением реформ. Из сообщения, сделанного великим визирем Паллавичини, вытекает, что Порта уже имеет в виду проведение административных реформ, вследствие чего Грэй считает более целесообразным, чтобы державы только нравственно поддерживали этот ее проект и отнеслись к нему с поощрением, но отнюдь не прибегая к совместным представлениям. Также разделяя взгляд Берхтольда на желательность равномерного представительства по национальностям в парламенте, Грэй, однако, предлагает ограничиться благожелательными отзывами в оценке усилий самой Порты, направленных к достижению беспристрастных выборов. Наконец, всецело оценивая почин, взятый на себя Берхтольдом по поводу обмена взглядов, Грэй высказывает надежду, что полная согласованность в действиях держав не будет нарушена, несмотря ни на какие обстоятельства. Этот ответ соответствует по существу французскому, но Грэй был бы признателен ознакомиться с мнением вашего высокопревосходительства. Грэй рассчитывает, что подобный общий ответ прекратит дальнейшие переговоры по возбужденному графом Берхтольдом вопросу.

Эттер.

№ 11. Секретная телеграмма мин. ин. дел. поверенному в делах в Лондоне.

Москва. 27 августа 1912 г.

Получил вашу телеграмму № 225.

На второе австрийское предложение я ответил, что с удовольствием усматриваю в нем доказательство нежелания Австрии отделяться от других держав в вопросах, касающихся Балканского полу-

---

[1]) Дополнительные предложения гр. Берхтольда были изложены во 2-й памятной записке австро-венгерского посольства, полученной российским министерством ин. дел 20/VIII—2/IX 1912 г. В записке указывалось, что в намерения австро-венгерского правительства отнюдь не входила организация коллективного выступления послов в Константинополе: полагая, что новый курс турецкой политики дает основания надеяться на разрешение создавшейся в стране конфликтной конъюнктуры мирным путем, гр. Берхтольд имел в виду оказание «моральной поддержки» Порте в ее новом политическом курсе. «Что касается возможного участия в нем держав,— значилось в записке,— то гр. Берхтольд полагает, что речь может итти лишь о дружественных сепаратных выступлениях послов и посланников, — выступлениях, которые должны быть повторяемы при каждом удобном к тому случае и которые, таким образом, лучше всего доказали бы единодушное стремление Европы к сохранению мира».

острова. Выразив полное сочувствие сделанным предложениям, я тем не менее не скрыл своих опасений насчет их осуществимости в виду неизбежных затруднений со стороны Турции.

Сазонов.

№ 12. Копия шифрованной телеграммы военного агента в Черногории на имя ген.-квартирмейстера гл. упр. ген. штаба.

Цетинье. 3 (16) сентября 1912 г. № 925 [1]*).*

В дополнение 919 [2]). Заключенная между Черногорией и Болгарией в форме обмена военная конвенция находится сейчас на утверждении в Софии; содержание вкратце таково: обе стороны обязуются начать войну всеми силами, — Черногория не позже 15 сентября, Болгария не позже как через месяц после нее; обеим сторонам предоставляется полная свобода действий; Черногория обязана привлечь на себя возможно большее количество турецких сил, Болгария уплачивает ей по семисот тысяч за каждый месяц войны; в виду неполной готовности Болгарии возможна отсрочка начала военных действий.

Сербию решено уведомить о союзе с Болгарией и о намерении начать войну, как совершившемся факте; необходимо известить об изложенном наше министерство иностранных дел, равно как и о начатом уже здесь перемещении к границе военных материалов. Подлинную подписал генерал-майор Потапов.

С подлинным верно:
Генерального штаба подполковник Стахович.

№ 13. Секретная телеграмма министра ин. дел поверенному в делах в Вене.

С.-Петербург. 4 (17) сентября 1912 г. № 1829.

Сообщается в Константинополь.

Дополнение моей телеграммы № 1827 [3]).

Вызвав австрийского поверенного в делах, я ознакомил его с содержанием этой телеграммы. Я обратил внимание г. Силаши, что в предложении, с которым я счел долгом обратиться к державам, мною руководит сознание исключительной серьезности переживаемой

---

[1]) Переслана министру иностранных дел того же числа.

[2]) В телеграмме от 29/VIII 1912 г. за № 919 ген. Потапов сообщал о приготовлениях Черногории к военному выступлению и о полученных ею от Болгарии и Греции обещаний не только военной, но и денежной помощи.

[3]) В тел. № 1827 от 4/IX 1912 г. Сазонов поручал послам в Париже, Берлине, Лондоне, Вене, Риме и Константинополе предложить соответствующим правительствам сделать Порте в форме, не имеющей характера совместного шага, представления о необходимости безотлагательного проведения реформ в Македонии. Телеграмма была опубликована в «Материалах по истории франко-русских отношений» 1910—14 г.г. изд. Н. К. И. Д., стр. 276.

минуты. От меня далеко какое-либо желание перехватить в свои руки инициативу графа Берхтольда, на сочувствие коего настоящему предложению мы тем более рассчитываем, что оно исходит из тех же побуждений, кои мы усматриваем в недавнем выступлении руководителя австрийской политики.

Я сказал своему собеседнику, что, считая необходимым обратиться в настоящем случае ко всем державам, я полагаю, однако, самым важным установить прежде всего единство взглядов между нами и Австрией как державами, всего ближе заинтересованными в положении дел на Балканах. Возможное согласование наших взглядов я признаю одинаково важным как в надежде предотвратить осложнения, так и в целях охранения непосредственных интересов обеих держав.

Г. Силаши выразил живейшее сочувствие высказанным мною словам и просил моего согласия передать их в Вену, добавив, с своей стороны, что в виды гр. Берхтольда отнюдь не входила монополизация инициативы.

Благоволите в ваших объяснениях с гр. Берхтольдом, с своей стороны, подчеркнуть наше желание установить возможно бóльшую согласованность взглядов с венским кабинетом.

Сазонов.

№ 14. Секретная телеграмма министра ин. дел посланникам в Софии и Белграде.

С.-Петербург. 5 (18) сентября 1912 г. № 1840.

Сообщается в Вену и Константинополь.

Благоволите сделать правительству, при коем вы аккредитованы, следующее доверительное сообщение.

Императорское правительство в свое время с полным сочувствием отнеслось к соглашению между Сербией и Болгарией, горячо приветствуя прекращение братоубийственной борьбы между двумя славянскими народами.

Не желая тормозить осуществление такого сближения, мы сочли возможным не возражать против упоминания в сообщенном нам акте имени России как верховного арбитра в могущих возникнуть разногласиях. Те же соображения побудили нас обойти молчанием некоторые другие статьи, хотя и внушавшие нам серьезные сомнения.

Полагая, что сближение между обоими славянскими народами будет тем искреннее, чем меньше будет проявлено какое-либо давление со стороны, мы с самого начала не переставали смотреть на сербоболгарское соглашение лишь как на акт взаимной обороны и признания обоюдных интересов.

Если же теперь, вопреки настойчивым нашим предостережениям, оба государства решат использовать свое соглашение в целях совместного наступления на Турцию, грозящего подвергнуть гибельному

испытанию их целость и независимость, то мы считаем долгом откровенно [1]) предупредить их, что в этом случае нами будет руководить только забота о прямых и непосредственных интересах России.

Сазонов.

№ 15. Секретная телеграмма министра ин. дел упр. мин. ин. дел [2]).

Лондон. 8 (21) сентября 1912 г. № 233.

Телеграфирую в Париж: получил телеграмму № 191 [3]).

Английское правительство отказалось от своего первоначального решения не делать никакого заявления в Константинополе по поводу моего предложения державам. В понедельник Марлинг получит инструкцию преподать Порте дружеский совет и высказаться перед Габриэлем в той же форме, в какой Грэй говорил по этому предмету с турецким послом.

Сазонов.

№ 16. Секретная телеграмма посла в Париже.

9 (22) сентября 1912 г. № 194.

Телеграфирую министру. № 2 [4]).

Пункты, предложенные господином Пуанкарэ:

1. Державы сделают одновременно в самом непродолжительном времени перед кабинетом Софии, Белграда, Афин и Цетинье представления, заключающие в себе совет не предпринимать ничего, что могло бы нарушить мир или затронуть status quo на Балканском полуострове.

2. Если советы не будут приняты во внимание, державы тотчас же объединят свои усилия на том, чтобы локализовать конфликт и положить ему конец. Они заявят государствам, нарушающим мир, что последние не могут надеяться на какие-либо территориальные приращения в случае возможной победы.

3. Если развитие событий потребует применения более действительных средств, как военная или морская демонстрация, державы прибегнут к ним лишь по взаимному соглашению.

4. Одновременно с выступлением, упомянутым в пункте 1, державы войдут к Высокой Порте с представлением совета о незамедли-

---

[1]) Слово «откровенно» надписано карандашом.

[2]) Мин. ин. дел Сазонов находился в заграничной поездке.

[3]) В тел. от 8/21/IX 1912 г., № 191 Извольский, сообщал об отрицательном отношении Пуанкарэ и Грэя к русскому проекту о коллективном выступлении представителей держав в Константинополе.

[4]) Перев. с французского. Телеграмму Извольского № 1 о мотивах, побуждавших Пуанкарэ к предварительному обмену мыслей втроем и далее к пятерному выступлению см. «Материалы», стр. 278.

тельном проведении реформ административного управления, составляющих законные требования христианского населения Балканского полуострова.

Извольский.

№ 17. Секретная телеграмма посла в Париже.

Париж. 9 (22) сентября 1922 г. № 195.

Телеграфирую министру. № 3.

Передавая мне изложенные в телеграмме № 2 пункты, Пуанкарэ сказал мне, что он поручил Камбону сообщить их вам и Грэю и просил меня, со своей стороны, поддержать их перед вами. Я высказал ему, что по существу не предвижу против них возражений. Что касается формы предположенного уговора, я убежден, что и вы и Грэй найдете необходимым избежать всего, что могло бы подчеркнуть разделение держав на две группы; поэтому прежде всего следует сохранить настоящие переговоры в строгом секрете и предотвратить всякую возможность разглашения их в печати. Пуанкарэ ответил мне, что главною его целью является именно установление коллективного действия пяти держав, и вполне согласился со мною о необходимости строгой тайны. Относительно 3 пункта он объяснил мне, что им имеется в виду предотвратить возможность единоличного выступления со стороны Австрии.

Извольский.

№ 18. Секретная телеграмма министра ин. дел упр. мин. ин. дел.

Лондон. 16 (29) сентября 1912 г. № 243.

Телеграфирую в Париж:

Во избежание дальнейшего обострения положения вследствие последовавшего созыва редифов в Турции, я телеграфирую, с одной стороны, в Константинополь, настаивая, чтобы Порта не сосредоточивала указанных войск вблизи своих границ; с другой стороны — в Софию, Белград, Цетинье и Афины, чтобы постараться удержать балканские государства от мобилизации. Английское правительство дает своим представителям в названных пяти столицах подобные же указания. Весьма желательно было бы, чтобы и правительство, при коем вы аккредитованы, последовало. Благоволите объясниться по этому поводу с Пуанкарэ [1]) и сказать ему, что крайняя спешность дела заставляет нас в данном случае, по настоянию Грэя, обратиться одновременно с сим в Берлин и Вену в уверенности, что Франция не откажется присоединиться к шагам России и Англии.

Сазонов.

---

[1]) Пуанкарэ предлагал в случае необходимости выступление пяти держав заменить выступлением России и Австрии. См. «Материалы», стр. 278.

№ 19. Секретная телеграмма министра ин. дел. упр. мин. ин. дел.

Лондон. 18 сентября (1 октября) 1912 г. № 244.

Я сказал здешнему австрийскому послу, что, в виду обострившегося положения на Балканах, я придаю особенно значение тому, как отнесется Австрия к назревающим событиям, так как от этого будет в значительной степени зависеть дальнейшее их развитие. Основываясь на неоднократно делавшихся за последнее время Австрией заявлениях, я хочу надеяться, что она во всяком случае воздержится от единоличного вмешательства в происходящую на Балканах смуту. С своей стороны, Россия намерена также ограничиться дипломатическими шагами в целях умиротворения балканских государств. Австрийский посол обещал передать мои слова в Вену, где, по его уверениям, они несомненно встретят сочувствие.

Сообщено в Вену. *Сазонов.*

№ 20. Секретная телеграмма поверенного в делах в Берлине.

Берлин. 18 сентября (1 октября) 1912 г. № 121.

Статс-секретарь по иностранным делам повторил сегодня о своей готовности обсудить всякое предложение, имеющее целью локализацию надвигающегося на Балканах конфликта или, если то еще возможно, предотвращение оного. Он не берет на себя никакой инициативы, ожидая таковой со стороны России и Австрии. Сообщено министру.

Броневский.

№ 21. Секретная телеграмма упр. ин. дел министру ин. дел [1]).

С.-Петербург. 19 сентября (2 октября) 1912 г. № 2016.

Телеграммы из Лондона № 244 и из Вены № 74 [2]) получены.

Прихожу к убеждению, что развитие событий требует скорейшего приступа к деятельным переговорам с венским кабинетом на почве конкретного предложения локализации войны и заявления воюющим сторонам о недопустимости нарушения территориального status quo.

В виду того, что достижение такого рода соглашения потребует времени, не признали ли бы вы возможным снабдить соответствующими указаниями нашего посла в Вене и министерство. Опасаюсь, что отсрочка до вашего возвращения сюда была бы рискованна.

Определенное выяснение позиции Австрии было бы существенно важно для направления дальнейших наших усилий как в области политической, так и в вопросах, связанных с охраной наших интересов, и соответствующей разработки военно-морских мероприятий.

[1]) В Париж.

[2]) Телеграмма Гирса за № 74 в делах отсутствует.

Из предварительных данных можно заключить, что высадка двух наших корпусов в болгарские порты, при обеспечении ее свободы, потребовала бы два месяца.

Нератов.

№ 22. Секретная телеграмма министра ин. дел упр. мин. ин. дел.

Париж. 21 сентября (4 октября) 1912 г. № 216 [1]).

Телеграфирую в Берлин, Вену, Лондон, Рим и Константинополь. № 2.

Текст: Державы имеют довести до сведения балканских государств и Турции: 1) что они решительно осудят всякую меру, могущую повести к нарушению мира, 2) в случае если между Портой и балканскими государствами все же возникнет война, они не допустят по окончании войны никакого изменения в нынешнем территориальном status quo на Балканах; что, основываясь на статье 23 Берлинского трактата, они возьмут на себя, в интересах христианских народностей, осуществление административных реформ в Европейской Турции, при условии, что эти реформы ничем не нарушат территориальной неприкосновенности Оттоманской империи. Само собой разумеется, что декларация эта не лишает держав права заняться в дальнейшем совместной разработкой вопроса о реформах.

Сазонов.

№ 23. Секретная телеграмма посла в Лондоне.

Лондон. 21 сентября (4 октября) 1912 г. № 249 [2]).

Телеграфирую в Париж на № 212 [3]).

Камбон сказал мне, что он уполномочен сообщить Грэю приблизительно такую же телеграмму. Никольсон отправил это сообщение Грэю; последний написал на полях: «поддерживаю». Никольсон прибавил в качестве личного мнения, что он, однако, думает сообщить Грэю, что заявление русского и австрийского правительств может касаться лишь 4 столиц балканских государств, не затрагивая Константинополя, где все державы должны действовать совместно. Камбон ответил, что, согласно текста телеграммы Пуанкарэ, вопрос идет лишь о христианских столицах. Действительно, в телеграмме Пуанкарэ Камбону Константинополь не упоминается, что и составляет некоторое различие этой телеграммы от вашей.

Бенкендорф.

---

[1]) Перев. с французского. Настоящий текст предложения Пуанкарэ, с которым солидаризировался Сазонов, а также проект заявления, которое должно было быть сделано четырем балканским державам, были опубликованы в «Материалах». См. стр. 280—281.

[2]) Перевод с французского.

[3]) В телеграмме от 19/IX 1912 г. за № 212 Сазонов сообщал о предложении Пуанкарэ в случае необходимости заменить выступление пяти держав выступлением России и Австрии.

№ 24. Секретная телеграмма поверенного в делах в Берлине.

Берлин. 21 сентября (4 октября) 1912 г. № 126.

Изложил статс-секретарю содержание первого обмена мыслей вашего высокопревосходительства с Пуанкарэ. Он сочувствует предположенной формуле заявления балканским государствам при условии, чтобы первая часть этой формулы о том, что «державы не могут допустить нарушения мира», не означала принятия на себя обязательства помешать такому нарушению коерситивными [1]) средствами; повидимому, он опасается, как бы подобными обязательствами не компрометировать главной цели — локализации конфликта. Турции, по его мнению, можно было заявить, что обещание, данное ею о введении реформ, принято державами к сведению и не будет забыто, а также, что в случае военных действий территориальные приращения не будут допущены. Относительно реформ можно сказать и балканским государствам, что державы будут сочувствовать проведению оных на основах, которые будут выработаны державами после того, как всякая опасность конфликта окажется устранена: при этом он пояснил, что составление программы реформ немедленно заняло бы слишком много времени и, к тому же, дело не может, очевидно, итти о реформах в фантастическом масштабе, ныне заявленном балканскими государствами. Как статс-секретарь телеграфировал сегодня в Вену, — ему безразлично, будут ли эти представления предприняты всеми пятью державами, или будут сделаны от общего имени Россиею и Австриею; он, впрочем, признает за последним способом некоторое преимущество скорости, являющееся в данный момент существенным. Ответ, данный статс-секретарем Камбону, несколько более краток, но в общем совпадает с вышеизложенным. Сообщено министру.

Броневский.

№ 25. Секретная телеграмма упр. мин. ин. дел министру ин. дел.

С.-Петербург. 22 сентября (5 октября) 1912 г. № 2062.

Сообщается послам в Берлине, Вене и Константинополе.

Телеграмма № 214 получена. Ссылаюсь на свою телеграмму № 1988 и на телеграмму Гирса № 765 [2]).

Из намека Турхан-паши вывожу заключение, что в случае войны Турция желает сохранить свободу действий в Черном море. Поэтому заявление, в форме пожелания, чтобы она отказалась от военных действий в Черном море, едва ли может рассчитывать на успех.

---

[1]) Принудительными. *(Прим. ред.).*

[2]) В телеграмме от 20/IX 1912 г. за № 214 Сазонов указывает на необходимость побудить Порту отказаться от мысли о военных операциях в Черном море. В тел. от 18/IX 1912 г. за № 1988 Нератов говорит о необходимости «усилить непосредственный контакт» с Австрией в целях смягчения и локализации балканского кризиса. Телеграмма Гирса за № 765 в делах отсутствует.

Единственным ограждением наших политических и торговых интересов было бы категорическое заявление Порте после начала войны и без предварительных с нею переговоров о признании нами недопустимыми военных действий на Черном море.

Такого рода заявление в виду его серьезности могло бы быть сделано нами только по предварительном соглашении с Австриею, которое определило бы наши взаимные отношения во время предстоящей войны.

Помимо провозглашения нерушимости территориального status quo и локализации войны, Россия и Австрия как соседние с Турцией империи заинтересованы в исключении из района военных действий, Россия — бассейна Черного моря, Австрия — северной части Новобазарского санджака.

В случае указания венским кабинетом несоответствия по своему значению обоих районов, мы могли бы возразить, что оно происходит от несоответствия затрагиваемых интересов. Провозглашая нерушимость территориального status quo, Россия устраняет возможность заподозрить ее в своекорыстных намерениях. Однако только ограждением бассейна Черного моря от военных действий мы хоть отчасти охраним интересы нашей и, вообще, международной торговли, которая, без сомнения, все же понесет громадные убытки от необеспеченного прохода через проливы. Между тем непосредственный интерес Австрии, казалось бы, заключается лишь в изоляции своей небольшой сухопутной границы с Турцией от района военных действий, отодвинув последний на некоторое расстояние.

Достигнув признания Австрией помянутого нашего интереса, мы могли бы без слишком крупного риска заявить Порте в самом начале войны, что наши интересы требуют ограждения бассейна Черного моря от военных действий.

Чем категоричнее был бы тон нашего заявления, тем меньше будет риска нарушения нашего требования со стороны Турции. Тем не менее нужно предвидеть возможность несговорчивости с ее стороны, против каковой самым серьезным аргументом была бы известная Турции готовность нашего флота. Поэтому для лучшего обеспечения переговоров с турками полезно было бы крейсерство наших судов близ болгарских берегов, одновременно с предъявлением нашего заявления вслед за открытием военных действий.

В случае предварительного соглашения с Австрией таковое активное выступление могло бы быть принято спокойно европейскими державами, а Турция едва ли фактически пошла бы на риск встретиться в море с нашими военными судами.

По поводу ограничения сферы операций в Адриатическом море Италии поручил послам в Вене и Риме сообщить вам справку в Берлин.

(Окончание следует.)

Март — май 1917 г.

Трехмесячный отчет «отдела сношений с провинцией» Государственной Думы представляет собой документ исключительного интереса для характеристики процессов, происходивших внутри страны в первые месяцы после февраля 1917 года.

Правда о происходившем в марте, апреле и мае пробивает себе в этом документе дорогу через всю кучу неверных утверждений и выводов, которыми полон тот же доклад. Даже своеобразная социология помещичьего обывателя,—полагающего, что революционная Россия 1917 года есть та чистая доска, на которой наиболее энергичные люди, т.-е. они, помещики, напишут все, что им угодно, полагающего, что вся Россия только и жаждет крепкой власти, откуда бы она ни исходила, что Государственная Дума пользуется исключительным влиянием, будто бы, наконец, действительно революционный период закончился в апреле и далее придет устоявшаяся «вода государственной жизни», не смогла вытравить действительности из этого своеобразного документа.

Нелицеприятное свидетельство, тем более ценное, что оно исходит от врага, мы имеем в этом документе о роли солдат, крестьян, рабочих и интеллигенции в революции. В солдат отчет «отдела сношений с провинцией» упирается во всех своих частях. Уже в первом отделе—«Осведомление о перевороте»—отчет подчеркивает роль солдат, «осведомлявших» крестьян о перевороте разгромом лавок, имений, рубкой леса, разгоном стражи из лесов, захватами, поджогами, разгромами. В разделе о работе комиссаров тот же отчет к числу основных комиссарских трудностей причисляет разъезжавших по селам солдат, поселяющих вокруг себя целые сонмы легенд. В разделе о волостных комитетах к числу величайших трудностей, мешающих этим волостным комитетам работать так, как этого хотелось бы членам Государственной Думы, отчет причисляет наезжавших солдат с фронта. Эти солдаты вызывают веру к себе тем, что они выражают чаяния масс, изголодавшихся по земле. Барин с издевкой описывает такого солдата, который «говорит, говорит, уморится, сядет, закроет глаза и сидит, пока не отойдет немного, отошел, опять начинает, пока опять из сил не выбьется»...

Но, увы, издевка здесь служит плохим утешением: ведь в результате речи такого, говорящего непонятными для барина словами, солдата, по собственному признанию отчета, вместо обсуждения поставленных на повестке вопросов выносятся «совсем другие постановления». Ведь в итоге таких речей солдат происходит и тот регистрируемый отчетом акт, что из посылки войсковых команд против крестьян ни разу ничего не вышло, потому что солдаты не хотели выступать против крестьян.

Очень ценно указание отчета на роль рабочих. О рабочих здесь говорится, между прочим, в разделе, озаглавленном «Женщины на выборах», но тем существеннее рассказ

отчета о рабочих, якобы, угрозами заставляющих крестьян признать, что пришла их, рабочих, очередь, как наиболее знакомых с крестьянскими нуждами, стать первыми и что кто против рабочих пойдет, тот сторонник старого режима.

Еще характернее сообщения отчета о роли интеллигенции. Здесь, несомненно, круг наблюдения представителей Государственной Думы был наиболее широким.

Крестьяне интеллигентов не выбирают в свои комитеты, бойкотируют даже членов правлений кредитных товариществ, предпочитают вести свои дела сами, несмотря на свою неграмотность; даже учителя не пользуются никаким авторитетом; наилучших интеллигентов, которых сначала избрали в волостные комитеты, затем удаляют.

А крестьяне? Они разворачивают, несмотря на все умнейшие доказательства умнейших людей России о ничтожнейшем количестве помещичьей земли, один основной лозунг: «Земли!». Они не слушают представителей Государственной Думы, наглядно показывающих, что земли нет, доказывающих это цифрами и документами. «Для крестьян новый строй — это земля». Крестьянин не согласен давать хлеб, пока правительство не заставит богачей отдать их капиталы на нужды родины. Крестьяне хотя и принимают самые наилучшие, самые лойяльные к Государственной Думе резолюции о войне, по существу же полагают до осени постоять на фронте, посмотреть, что будет, а там — по домам...

Такова крестьянская программа по этому отчету. Она, как знает читатель, и была в действительности примерно таковой.

Отчету нужно отдать должное и в другом. Он описал довольно верно и тот путь, по которому пошла крестьянская масса, добиваясь выполнения своей программы. Это путь явочного проведения в жизнь захвата помещичьего добра. Любое постановление уездного комитета, любую резолюцию, вычитанную из газет, любой проект закона, где бы то ни было напечатанный, они принимают за действительный закон и вычитывают из него самое желанное для себя, самое чаянное. Поэтому крестьянину, по признанию отчета, очень трудно дойти до настоящего закона Керенского. Чтобы выжить помещиков, крестьяне устанавливают непосильные для помещиков таксы на рабочие руки, отказываются от арендных договоров, запрещают рабочим наниматься к помещикам, не без основания полагая, что без рабочих помещики, «как тараканы, подохнут», запрещают помещикам вывозить даже в самых минимальных количествах нужный им для топки лес (хотя отлично «понимают» ораторов Государственной Думы), забирают у помещиков сенокосы, под предлогом невыполнения ими в срок покосов, или оставляют помещику столько, сколько нужно для его коров (конечно, не для всех коров, а для тех коров, которые нужны, по крестьянскому расчету, для прокормления помещичьего семейства).

Поразителен в этом документе органический оптимизм обывателя, уверенного в том, что, в конечном счете, не могут рушиться устои привычного для него мира. Только внутренней уверенностью в том, что помещичья собственность не может быть ликвидирована путем крестьянского захвата, можно объяснить тот факт, что весь отчет полон весьма своеобразного и весьма глуповатого оптимизма и оценивает все вышеприведенные факты преимущественно как эксцессы крайних элементов, объясняющиеся плохим осведомлением о перевороте.

Даже признание во всех разделах отчета полной дезорганизации старого государственного аппарата помещиков и нового государственного аппарата буржуазии не может уничтожить в буржуа уверенности в его конечной победе. Факты, характеризующие состояние государственного аппарата Временного Правительства, приводимые отчетом, в общем и целом довольно точно соответствуют действительности: правительственных

комиссаров население не признает, милиции в деревнях нет, податей крестьяне не платят, судебные органы дезорганизованы, временных судов во многих местах совсем нет (тут же признание того, что помещикам в борьбе с крестьянами не смогла бы помочь и милиция, в виду массового характера крестьянского движения), продовольственного аппарата нет.

В условиях такой дезорганизации государственного аппарата, — ряд возникающих на местах республик, в которых советы берут всю полноту власти в свои руки. Отчет дает весьма добросовестное перечисление таких республик под эпическим заголовком «мелкие республики».

А главное — почти нет таких общественных сил, которые могли бы послужить действительно серьезной основой для осуществления помещичьих чаяний.

Столыпинская карта на отрубников будет бита, — это было ясно составителям отчета, и в 4 строчках, посвященных отрубникам, совершенно правильно изложено отношение крестьянской массы к отрубникам. У отрубников крестьяне забирают земли так же, как у помещиков...

Остается городской обыватель. К нему отчет подходит с точки зрения февральских позиций, февральского официального лицемерия, которое украшало тогда одинаково Милюкова и Керенского, Родзянко и Чхеидзе.

Обыватель, по наблюдениям отчета, наиболее склонен к контр-революционным настроениям, наиболее консервативен, наиболее безразличен. Февральское благодушие отчета доходит до того, что организацию союзов домовладельцев и промышленников он считает (и считает совершенно справедливо!) организацией контр-революционных сил.

В заключение остается отметить и обратить внимание читателя на искреннее отчаяние уполномоченных Государственной Думы, которые не только не понимают того, что говорят солдаты, но которые сами говорят языком для крестьян непонятным. Язык буржуазных книг, брошюр, листовок оказался не только неприемлемым по содержанию для крестьян, но просто непонятным. Чем первокласснее были те буржуазные силы, к которым обращались руководители Государственной Думы для составления народных брошюр, тем получалось хуже. За десятилетия изощренности дворянской культуры пришлось платить господам помещикам горестным сознанием: «Требовались переводчики с этого языка на язык народный... Ничто так не отчуждает человека от человека, как различие языка»... «Нет слов, — пишет делегат по Псковской губернии, — передать о том смущении, стыде и боли, которые охватывают человека, убежденного в том, что так скудно, так мало даваемая литература по существу представляет камень вместо хлеба, ибо она непонятна, чужда, темна по самому изложению, по самому языку своему для деревни»...

По отчету намечается и практическая программа агитации Временного Комитета Государственной Думы. Констатировав, что крестьянской программой является полный захват помещичьей земли, что солдаты организуют повсеместно крестьян против помещика, что даже отрубники не могут представить собой серьезной опоры, что государственный аппарат в корне дезорганизован, что интеллигенция выбивается крестьянами из всех своих организаций, что, наконец, у помещичье-буржуазной верхушки даже языка нет общего с мужиками, что дворянско-буржуазная верхушка говорит на иностранном для мужиков языке, отчет развивает свою программу агитации среди крестьян. Это — программа такой агитации, которая должна обнаружить с исключительной ясностью перед каждым крестьянином, что все его мечты о помещичьей земле, это только «мыльные пузыри», что никакой помещичьей земли в действительности нет. Отчет предлагает рассылать для агитации лекторов-переводчиков, которые смогли бы заменить исполнитель-

ную власть и удержать крестьян от эксцессов. Эта программа тушения величайшего в истории пожара лейкой интеллигентных переводчиков дворянской программы на мужицкий язык не могла не быть бита. Стоит сравнить этот отчет важнейшего отдела временного комитета Государственной думы с любым документом нашей партийной организации в тот период для того, чтобы понять, как у класса, обреченного ходом истории на гибель, исчезает даже самый элементарный разум.

Н. Яковлев.

Обзор положения России за три месяца революции по данным отдела сношений с провинцией Временного Комитета Государственной Думы [1])

Образовавшийся 10 марта 1917 года при Временном Комитете Государственной Думы «отдел сношений с провинцией» поставил своей главной задачей осведомление населения и организацию общественных сил путем посылки на места литературы и своих представителей.

Преследуя цели осведомления и помощи организации, делегаты отдела, попутно, в своих отчетах давали подробные сведения о положении на местах. Отделом эти сведения разрабатывались по определенному плану, что дает теперь некоторую возможность сделать обзор общего положения провинции и дела революции в ней за 3 месяца.

Движение и внутренняя политика.

Осведомление о перевороте. Весть о происшедшем перевороте распространялась в высшей степени неравномерно, и осведомление о нем народа в первое время имело характер случайный, в зависимости от тех или иных условий. Насколько ярок характер случайности, видно, например, из того, что в Псковской губернии, близкой сравнительно к Петрограду, весть о перевороте и первые шаги новой местной власти были сделаны на две недели позднее, чем в Николаевске Приморской области, за 8.000 верст от столицы. Там в полной мере было известно все, и уже возникли общественные организации.

Эта неравномерность, конечно, объясняется прежде всего тем, что центр в первый момент был в самом вихре событий и не имел ни сил, ни возможности планомерно и быстро осведомить население всей страны о том, что произошло. И произошло так внезапно.

Естественно, что сначала стало известно о перевороте в крупных центрах, вблизи железных дорог и в фабрично-заводских районах, которые высказали особенную чуткость к политическому моменту. И вообще в таких местах, которые были связаны с центром главным образом удобством путей сообщения.

Но, кроме удобства или неудобства сообщения, осведомленность населения о перевороте находилась в зависимости от политического

[1]) Архив Окт. Рев., фонд. III: Дела Врем. Правительства.

настроения правящих и, так или иначе, господствующих сил каждой губернии. Где же преобладали реакционные силы, там население узнавало слишком поздно о перевороте. Есть такие губернии, в которых до 31 марта, даже до апреля (Могилевская, где силен дух царской ставки, Казанская и др.) не было ничего известно определенного о перевороте. Вся старая власть — урядники и становые — оставались на местах. Священники, даже в пригородах Петрограда, продолжали поминать царя и держали себя так, как будто ничего не случилось.

В таких местах крестьянская масса волновалась, начались — главным образом, с прибытием дезертиров — разгромы лавок, имений, стали прогонять стражу из казенных лесов, рубить лес. Движение, благодаря полной неосведомленности о том, что совершается, под давлением малоземелья и давней вражды к помещикам, приняло слепой безотчетный характер в некоторых губерниях, в особенности в Нижегородской, где у крестьян была давняя вражда с помещиками. Осложненное черносотенной агитацией движение особенно ярко проявило себя в Бессарабской губернии, этом очаге реакции. Крайне невежественное население, в среде которого поражающе высок рецидив безграмотности, чрезвычайно сильная партия крупных аграриев, захватившая в свои руки всю власть в крае, отсутствие значительного числа рабочих и революционной демократической интеллигенции — это явилось благодарной почвой для всякого рода реставрационных, погромных, одним словом, контр-революционных авантюр.

Кроме того, выпущенные на произвол судьбы уголовные, часто не снабженные ничем необходимым, не имея никакого заработка или просто пользуясь удобным случаем, также терроризовали население.

Но крестьянское движение носило характер случайный в своих диких проявлениях и опять-таки благодаря полной неосведомленности, с одной стороны, и благодаря выступлениям отдельных безответственных лиц—с другой. Оно, кроме того, отличалось более мягким характером, чем это было в 1905 году, когда в приливы бессмысленной жестокости у лошадей владельцев, напр., вырезывались языки, и скоро прекращалось под влиянием простого убеждения словом. Здравый смысл крестьянина подсказывал ему, что «теперь, без царя, положение другое, начальства старого не будет, и нужно самим смотреть, чтобы зря худого не было». Кроме того, сравнительная мягкость движения объясняется еще тем, что все молодое и более пылкое население деревни находится на фронте. Как только оно появлялось в деревне в лице дезертиров, сейчас же начинались резкие выступления: захваты, поджоги и разгромы.

На ряду с отрицательной стороной и вредом появления дезертиров в деревне была и положительная: волею судьбы они явились первыми осведомителями, первыми вестниками освобождения. При отрицательном отношении к ним крестьянства их крайние выступления парализовались, и во многих случаях оставалось только одно осве-

домление. Крестьяне узнавали, что совершилось что-то огромное, дезертиров в большинстве случаев отправляли и ждали к себе более надежных лиц, от которых можно было узнать «всю правду».

В городах смена старой власти проходила почти безболезненно. Эту задачу в большинстве случаев выполняли войска, представители Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Представители старой власти смещались, полиция и жандармы арестовывались и отправлялись на фронт. Только в редких случаях приходилось прибегать к оружию и брать их силой.

Широко распространенное убеждение, что русский мужик привязан к царю, без царя «не может жить», было ярко опровергнуто той единодушной радостью, тем вздохом облегчения, когда они узнали, что будут жить без того, без кого они «не могли жить».

Распутинская история известна в самых дальних углах России. И крестьяне обыкновенно говорят:

— Царь-то до чего себя довел! И нас разорил вконец.

Если и были у кого симпатии к монархии, то настолько было сильно противоположное течение, что монархистов совершенно не было слышно. Они притаились и если пробовали высказываться, пробуя почву, то скоро меняли тон, так как почва везде была недобрая. Исключениями являются те же Бессарабская губ., южные уезды Черниговский и Могилевский, в районе ставки. Здесь течения монархические сильны.

Наибольшие симпатии к старой власти и наименьшую активность в возвещении начал нового строя проявило, между прочим, повсеместно духовенство. Нет почти ни одного делегатского отчета, в котором не было бы указаний на это.

Мелкобуржуазный уездный городской элемент особенно показал себя шатким и непрочным. При всякой действительной или мнимой опасности он готов повернуть назад. (Поэтому, напр., неоднократно на местах к делегатам обращались с просьбой, нельзя ли похлопотать в Петрограде, чтобы переменили деньги и марки, так как продолжающие фигурировать на них царские портреты колеблют эту нетвердую часть населения.)

Но это — ничтожное меньшинство, все же остальное — крестьяне, солдаты, интеллигенция — заняли слишком определенную позицию.

Прочность и легкость перехода к новой власти объясняются, конечно, тем, что для народа переход этот был не «слепой». В самых дальних углах уже присмотрелись, привыкли верить тем людям, которые приняли власть.

Теперь только народ «увидел» власть; вместо ничего не говорящих народу имен, выныривавших откуда-то из царской передней, он увидел людей, которых знал, от которых ждал (имя Керенского и Милюкова известно решительно всюду). И этим объясняется та «любовь к прави-

тельству», которую везде выражало население с просьбами передать земной поклон и уверить, что они готовы отдать свою жизнь.

Временное Правительство и Дума. В первые дни правительство в сознании провинции не отделялось от Думы. Не знали, где кончается Дума и начинается правительство. Послать ходока в Думу — значило направить его и к правительству. К Родзянко обращались, как к участвующему в делах правления. И в первые же дни переворота потянулись из провинции целые паломничества в Думу, и посыпались просьбы из всех концов прислать знающего человека из самой Государственной Думы.

В провинции было много разговоров о пресловутом двоевластии. Она очень чутко прислушивалась к этому, она волновалась возможностью двоевластия, волновалась возможностью ослабления власти, так как, чем дальше от центра, тем больше все держится верой в твердую власть. Жажда и тоска по твердой власти в провинции такова, что она, если ей придется вынести серьезное испытание в этом смысле, готова пойти за всякой твердой властью, откуда бы она ни исходила.

Совет Рабочих и Солдатских Депутатов. К убеждению в доверии Временному Правительству почти никогда не приходилось прибегать; доверие всегда было налицо, за исключением очень немногих мест, как напр., некоторых уездов Вятской губ. и Костромской губ., где исключительно господствовал и господствует авторитет Совета.

Совет Рабочих и Солдатских Депутатов имеет большой авторитет, главным образом у военной и рабочей части населения. Но большинству населения он, в особенности в первое время, представлялся в форме безымянной и расплывчато-туманной силы, от которой неизвестно, что можно ждать.

Впрочем, на местах популярность Совета скоро возросла, так как члены местных советов, несмотря на некоторые отрицательные черты, выказали себя (по отзывам даже таких официальных лиц, как некоторые комиссары) людьми инициативы, активности и дела на местах.

Форма правления. Относительно формы правления народ при весьма малом своем знакомстве с существующими в других государствах формами правления почти везде и единогласно (в резолюциях всех крестьянских и др. съездов) стоит за демократическую республику.

Крестьяне представляют себе это так, что правитель будет вроде старосты, выборный на 3 года. «3 года походит, — если хорош, ходи еще, а не хорош — по шее».

Учредительное собрание. Представление об Учредительном собрании смутное, но, опять-таки, здоровый инстинкт крестьянского ума находит к нему ощупью дорогу и выливается в формулу:

— Будет вроде Думы только много больше, — от всего народа пойдут.

Но в большинстве случаев впечатление от отношения крестьянства к этому важнейшему моменту русской политической жизни печальное.

Здесь нужна немедленная, самая усиленная подготовка населения, в особенности сельского. В большинстве случаев об Учредительном собрании совершенно не думают и никак себе его не представляют, в некоторых местах о нем ничего и не слыхали, в особенности крестьянские женщины. Крестьяне им вообще ничего не говорят, и большая половина сельского населения поэтому остается совершенно неосведомленной о том, что ему предстоит. И своего мнения у сельского населения по отношению к Учредительному собранию нет н и к а к о г о.

Это факт. С ним надо считаться. Требуется самая усиленная безотлагательная подготовка — осведомление, — и не брошюрами, которых народ, почти сплошь неграмотный, не понимает, а словесным разъяснением, и даже не митингами, а беседами. Крестьянин понимает только тогда, когда он и сам говорит и задает вопросы, но не тогда, когда слушает, что говорят без непосредственного обращения к нему — Ивану, Петру, Сидору. И с этими беседами и надо спешить, иначе уже теперь приходится слышать осторожный шопот, за кого голосовать, за царя или студентов...

Когда некоторые делегаты, проехавши по волостям, мысленно рисовали себе картину выборов в Учредительное собрание, впечатление получалось озадачивающее: каким образом будет организовано Учредительное собрание на принципах четырехчленной формулы, если выборы будут происходить не на местах, а в сборных пунктах уезда. Какая часть сельского населения (принимая во внимание осенние пути сообщения и все бытовые условия) примет непосредственное участие в выборах? Ничтожная — не более 15%. И, прежде всего, отпадет 50% избирателей в лице женского населения. Мыслимо ли, чтобы крестьянская женщина оставила избу, детей и отправилась в город осуществлять свои избирательные права. Каким образом осуществить принцип прямого и тайного голосования в деревне наполовину (а с уходом громадной части на фронт и на 90%) неграмотной?

Некоторые делегаты, наметив себе какой-нибудь один уезд, разбивают его на несколько (до 15) участков и, привлекая интеллигентные силы, планомерно шаг за шагом ведут ознакомление народа с предстоящей ему задачей. Сделав это в одном участке, делегаты переходят в другой, оставив в прежнем надежных людей. И только таким медленным и упорным путем, а не митингами и наездами, можно подготовить сельское население к сознательному отношению к этому огромному делу.

Задача так велика, работа так огромна, что усилия провинциального отдела в том масштабе, в каком отдел имеет возможность проявлять их, а также и усилия других организаций являются каплей в море.

У к р а и н а. На Украине падение старой власти и переход ее к новому правительству встречен с горячей радостью. Служились благодарственные молебны и молебны о ниспослании здравия Временному Правительству и Государственной Думе. Устраивались празднества, прошедшие в образцовом порядке, с отпечатком чувства художественной красоты, столь свойственной украинскому народу.

Была отдана дань и национальным чувствам в виде украинских флагов и портретов Шевченко, но ни в надписях на флагах, ни в речах не было и тени какого-нибудь шовинизма или сепаратизма.

Крестьянский съезд в Полтаве прошел под флагом федеративной республики с широкой автономией Украины, а в экономическом — под флагом социализма.

Отношение к украинской идее совершенно различно у местной интеллигенции и у народных масс.

У первой — горячее желание воскресить былую самостоятельность Украины, модернизовав ее сообразно с изменившимися условиями, и сквозь это желание нередко и невольно пробиваются нотки шовинизма в отношении русского государства, даже в его новых правовых очертаниях.

В народных же массах — только тяготение к родному языку и родному хозяйственному укладу, но отнюдь не к отчуждению от России. Ни сепаратизма, ни тем более шовинизма в народных массах нет.

М а л е н ь к и е р е с п у б л и к и. Одной из характерных черт, главным образом последнего месяца, является появление маленьких республик, когда местная власть пытается занять в некоторых случаях позицию центральной власти. Так было в Херсоне, где совет рабочих и солдатских депутатов заявил притязание на это и губернскому комиссару предложил войти в совет как представителю. Так же в Шлиссельбурге, где не хотели подчиниться распоряжению кн. Львова о смене комиссара Сытенко и народный комитет постановил немедленно требовать отмены распоряжения министра-председателя.

Так же в Царицыне, где солдаты захотели взять в свои руки всю власть.

Кострома же 2 мая выразила доверие Временному Правительству, изменив свою прежнюю позицию.

Первое место между «республиками» занял Кронштадт, где положение оказалось наиболее серьезным.

Организация на местах.

Ход организации представляется в таком виде.

В первые дни переворота в городах спешно возникали общественные организации для охраны порядка. Быстро образовывались комитеты и местные советы рабочих и солдатских депутатов, реформировались общественные учреждения, принимая в себя широкий

поток демократических элементов. Сознание своей силы влекло демократию с особенной энергией к власти.

Схема организации представляется в таком виде: первая ячейка — сельский комитет, вторая — волостной, третья — уездный и, наконец, губернский. Представителями правительства в губернском городе и уездном являются губернский и уездный комиссары.

Выборы начинаются с сельских комитетов, которые посылают своих представителей в волостные и т. д. по восходящей линии до губернских комитетов.

Но первыми в хронологическом порядке почти везде образовывались городские общественные комитеты. На ряду с ними возникали другие общественные организации, по большей части весьма многочисленные. В городах картина в первое время получилась приблизительно такая: 1) губернский комитет, 2) городской комитет, 3) уездный комитет, 4) городская дума, 5) губернская управа, 6) уездная управа, 7) совет рабочих и солдатских депутатов и 8) представители правительства — комиссары.

Громоздкость административного аппарата сразу бросается в глаза.

Задачами комитета являлись:

1. Охранение порядка и спокойствия, организация милиции.
2. Укрепление нового строя.
3. Подготовка и проведение выборов в городское самоуправление.
4. Подготовка и проведение выборов в земское самоуправление.
5. Подготовка и организация выборов в Учредительное собрание.

Городские думы взяли на себя хозяйственную и продовольственную часть.

Впоследствии организация пошла по пути слияний параллельных учреждений, но не везде это проходило гладко и безболезненно. Постоянно наблюдалось и наблюдается до сих пор стеснение одними органами других, конкуренция власти, непомерное расширение своих функций, вмешательство одних в круг деятельности других. Часто городской комитет заседает рядом с думой и не признает ее. Она выносит свои решения, он — свои. Совет солдатских и рабочих депутатов — свои. Несколько учреждений выполняют одни и те же функции, в то время как некоторые стороны жизни вовсе никем не обслуживаются или обслуживаются крайне недостаточно (отсутствие местных судов, неудовлетворительная постановка милиции и т. д.). Долгое время взаимоотношения уездных и городских комитетов оставались вне какой-нибудь регламентации из губернского комитета. И несмотря на то, что городские комитеты иногда, как бы для равновесия, допускали в свой состав представителей от комитетов уездных, все-таки это не устраняло трений между городскими и уездными комитетами и пререканий между ними по вопросам компетенции и власти. Делегатам отдела неоднократно приходилось выступать с указаниями необходимости слияния параллельных учреждений.

Так как все городские комитеты образовались ранее каких-либо определенных и руководящих указаний, хотя бы из губернского центра, то общей и основной чертой их являлось крайнее разнообразие структуры состава и чрезвычайная многолюдность, доходившая часто до 200 человек. В большинстве случаев многолюдность их обратно пропорциональна успешности работы. Кроме того, в первый период спешки организации в комитеты вошло много случайных элементов, или целиком остались старые. Все это вызывало недовольство населения, выражавшееся в полном недоверии к комитету, до тех пор, пока не производились перевыборы и не вводились в большом количестве демократические элементы.

И одной из важнейших задач делегатов являлось проведение везде принципа демократизации органов управления. Кроме делегатов, особенное давление в сторону реорганизации комитетов и введения в них демократических элементов почти везде оказывал совет рабочих и солдатских депутатов.

К о м и с с а р ы. Общее недовольство вызвано назначением комиссаров из председателей губернских и уездных управ.

Председатели уездных управ особенно не пользовались никогда симпатиями и доверием населения. Притом, при теперешнем культе народного избрания н а з н а ч е н и е не укладывалось в понимание народа. Он видел зачастую в этом посягательство на свою свободу. Надо заметить, что во многих местах комиссары сами давали к этому повод. Напр., в Новгородской губ. в одном из уездов ни само волостное правление, ни главные административные лица не были переизбраны, а приказом уездного комиссара утверждены в своих должностях. В некоторых местах они претендовали на верховную власть по отношению к комитетам.

Правительство скоро пошло навстречу желаниям населения и предложило вместо неприемлемых для него назначенных комиссаров представлять своих кандидатов. Тогда началось лихорадочное переизбрание. И надо отметить, что в тех местах, где комиссары остались не переизбраны, они совершенно не пользуются доверием населения.

Но даже там, где комиссаром состоит лицо, пользующееся доверием и симпатиями населения, даже там его деятельность не может хоть сколько-нибудь удовлетворять всем нуждам и потребностям места. В особенности в таком положении находятся уездные комиссары.

Несмотря на то, что общая почва крестьянства благоприятна для восприятия законности и порядка, комиссар своими единичными силами положительно не в состоянии выполнить все то, что во всей бесконечной сложности надвигается на него. Ему телеграфируют одновременно из десятка мест о возникших острых беспорядках, но он совершенно завяз в бумагах, требующих самого срочного и неотложного разрешения. Ему нужно оборонить массу от элементов, не принадлежащих ни к каким партиям и разъезжающих по уездам. Чаще всего — это солдат-дезертир с красным значком или еще кто-

нибудь, они поселяют вокруг себя целый сонм легенд, расходящихся по волости.

Комиссар, отправившись на организацию волостного комитета, часто волею судеб попадает совсем в другое место, потому что там возник спор между помещиком и крестьянами, грозящий самыми серьезными осложнениями.

Волостные комитеты. Организация волостных комитетов происходила гораздо медленнее и с бóльшим трудом, чем городских комитетов. В некоторых губерниях волостные комитеты и сейчас еще находятся в стадии образования.

Это вполне понятно, если принять во внимание плохую осведомленность населения, удаленность от центров, весеннюю распутицу, во время которой произошел переворот, почти полное отсутствие интеллигентных сил.

Первое, с чего начинали крестьяне, — это выборы в сельские и волостные комитеты.

К концу второго месяца они образовались почти повсюду.

Техника выборов в деревне, когда они производятся собственными силами, обыкновенно далека не только от тайны благодаря неграмотности, но и от примитивных форм подсчета поданных голосов, а производится большей частью настойчивостью отдельных лиц. «Глоткой», как говорят крестьяне. Деревня так спутана взаимоотношениями своими, что высказаться открыто самому, каждому в отдельности, выступить с заявлениями о нежелательности и непригодности выставляемого «крикунами» кандидата ни у кого не хватит решимости. А этим пользуются те, кто на выборах «берет глоткою» и определенно выдвигают кандидатуру своих благодетелей.

После произведенных таким образом выборов остается глухое брожение, оно копится, растет; в нем принимают участие крикуны уже с другой стороны, и наконец происходит взрыв: назначаются перевыборы, доходящие порою до драк.

В некоторых местах результаты выборов ошеломляющие. Напр., в Смоленской губ. в одной из волостей в комитет попали два ярых монархиста, местный псаломщик, настраивающий крестьян к насилиям и захватам, и промотавшийся дворянин, ныне трактирщик, человек без чести и без всяких общественных убеждений. Членами состоят также старшина, владелец паровой мельницы и кулак-торговец...

Избираются такие лица, которые пользуются недоверием до такой степени, что оно выражается даже кличкой «шпион». И все-таки его выбрали сами же.

На вопросы, как это могло случиться, крестьяне обыкновенно говорят, что попросит хороший человек за своего приятеля, ну отказать с глазу на глаз неловко.

— А потом кричите против него?

— А потом кричим. Что ж поделаешь-то, когда он предатель.

Но в то же время они определенно избегают, в особенности в последнее время, избирать интеллигентных лиц. К ним у них, чем дальше, тем больше создается крепкое убеждение, что и м не место с н а м и. Нашими делами должны ведать только мы сами.

А между тем зачастую в волостных комитетах нет грамотных людей чтобы писать протокол; прежних писарей повыгоняли за воровство. В некоторых местах в председатели комитетов попадают, впрочем, учителя, но они уже всецело идут по течению крайних настроений крестьянской массы, держатся только этим и не имеют никакой полезной руководящей силы.

Благодаря полному отсутствию интеллигентных людей (бойкотируются даже члены правлений кредитных товариществ) налицо в большинстве случаев полное отсутствие порядка и системы.

Кроме того, частые перевыборы положительно не дают возможности приступить к самому ведению дел.

Некоторые волости перевыбирают в неделю по нескольку раз. А дела спешные, срочные, дела волости тем временем стоят, мероприятия по устройству жизни не принимаются.

Нужно принять еще во внимание, что почти вся сельская интеллигенция в первые дни переворота ушла из деревни.

Учителя же и особенно учительницы, зорко оберегавшиеся старым режимом от сближения с крестьянами, не имеют никакой связи с ними и не пользуются никаким авторитетом.

Даже тех интеллигентных лиц, от которых крестьяне не видали ничего, кроме хорошего, и которых они в первое время сами же единогласно избрали председателями волостных комитетов, даже этих лиц в последнее время они удаляют.

О т р у б н и к и. Отношение к отрубникам такое же недоброжелательное и даже враждебное, как и к интеллигенции. Их и мелких собственников с 30—50 десятинами совершенно не выбирают, и их интересы остаются непредставленными.

Ж е н щ и н ы н а в ы б о р а х. К участию женщин в выборах, в противоположность рабочим, крестьяне относятся неодобрительно. Женщинам ничего не говорят, и они во многих местах не только не участвуют в устроении общественной жизни, но часто и не знают о своих правах, полученных ими с переворотом.

При разъяснениях делегатов им теперешних их прав они бывают обыкновенно очень удивлены и говорят, что они до сего времени ничего не знали и благодаря этому ничего не понимают.

Присутствующие при подобных беседах крестьяне с недовольством замечают: «Вы нам тут баб перемутите, их тогда в оглобли не введешь».

И почти нет нигде случаев, чтобы была избрана деревенская женщина.

В фабричных районах и местностях близких к ним руководят общественной крестьянской жизнью и выборами рабочие, работающие

на оборону; они действуют энергичнее всех, часто терроризируют своими угрозами своих же односельчан, заявляя, что они раньше были последними людьми, а теперь пришла их очередь — как наиболее знакомых с нуждой крестьянства — быть первыми, а следовательно, «что мы хотим, то и будем делать, а кто против нас пойдет, тот, значит, приверженец старого режима».

Связь волостных и уездных комитетов. Связь между волостными комитетами и уездными еще не наладилась и местами очень слаба. Уездные комитеты не знают, как выйти из создавшегося положения. Уездный комитет, напр., постановил, что на обязанности волостных комитетов лежит определение потребностей местного населения в строевом, дровяном и поделочном материале, а волостные комитеты толкуют это постановление, как кому вздумается. Захватывают и останавливают лесопильные работы, реквизируют лесной материал и т. п. На требования же уездных комитетов отвечают отказом или просто игнорированием.

А в то же время в волостных комитетах часто чувствуется полная невозможность разобраться в делах, найти руководящие нити. Отсутствие интеллигентных сил (игнорирование их) и даже просто хорошо грамотных людей сказывается здесь с особенной силой.

За закон принимают всякие резолюции из газет. Но оказывается, что принятая сегодня и открывшая все резолюция — завтра опровергается совершенно противоположной.

А откуда они идут и какие из них правильные, разобраться невозможно. Даже там, где выписывается «Правительственный Вестник», не различают проектов от окончательных законов. И обыкновенно принимаются за «самый правильный закон» те строчки из газеты, из резолюций партий, в которых воплощается для крестьян самое желанное, давно чаянное, вне зависимости от каких бы то ни было других условий и интересов других классов общества.

Там же, где налицо есть участвующие в деле интеллигентные или просто грамотные люди, работа налаживается. После неудач, трудностей, неразберихи дело так или иначе выходит на верную дорогу. Комитеты имеют условное существование. Они скорее похожи на сходы, чем на учреждения, и часто бывают игрушкой в руках политического агитатора. С другой стороны, нужно учитывать психологию человека, вчера только что вышедшего из централизованного государства: отсюда усиленное в первые месяцы паломничество в Петроград. Но как прежде трудно было дойти мужичку до царя, так теперь трудно дойти ему до закона. Бывают случаи, когда посланный депутат, приехавши из Петрограда, где на него обрушилась вся шумиха, весь водоворот партийных споров и разговоров, на вопрос, что он слышал т а м, говорит: «Забыл! Все забыл, что слышал. Т а к м н о г о слышал, что в конце концов н и ч е г о не запомнил». Все перепуталось, ничего припомнить не может. И односельчане его сажают в холодную за то, что он проездил общественные деньги и ничего не узнал.

Работоспособности волостных комитетов в значительной степени мешает и то еще, что деревня наводнена всевозможными ораторами, заменившими прежних начетчиков. Большею частью это солдаты с фронта или из Петрограда. Больше всего они вызывают веру к себе тем, что высказывают самые крайние мнения, выражающие чаяния безземельного, изголодавшегося по земле народа, без всяких ограничений, без всяких рамок. И еще тем, что говорят долго, много и часто с непонятными словами.

«Говорит, говорит, — уморится, сядет, закроет глаза и сидит, пока не отойдет немного, отошел, — опять начинает, пока опять из сил не выбьется». И на заседаниях комитета всем приходится выслушивать речи, которые кончаются митингом. А вместо обсуждения вопросов, поставленных на повестке, выносят совсем другие постановления.

Исполнительная власть в комитетах крайне слаба.

Слабость ее крайне вредно отзывается на общем положении дела. Почти везде в угрожающих размерах возникает винокурение, некоторые крестьяне употребляют излишки хлеба, чтобы попутно избежать реквизиции его. И противодействовать этому некому. Крестьяне уклоняются от уплаты податей, а побудить их к этому, разъяснив необходимость этого, тоже некому.

Милиция в деревнях сорганизована плохо, часто она не вооружена, не везде решен и улажен вопрос с вознаграждением, а бесплатное несение службы приводит к манкировкам по отношению к своим обязанностям. Денег в комитетах нет, и часто не знают, откуда их взять.

Бывали случаи, что судебные власти о преступлениях узнавали только через неделю и более, потому что некому было заявить.

Временные суды во многих местах отсутствуют, потому что нет лиц, могущих занять эту должность.

На этой почве происходят такие случаи, как, напр., в Харьковской губ., присуждение волостным комитетом, под давлением священника, крестьянина, оскорбившего икону, к голодной смерти. Приговор был исполнен.

Почти везде с тревогой ждут уборки хлеба, когда крестьяне, что весьма возможно, повезут владельческий хлеб к себе на гумно. И в связи с этим с мест требуют скорейшей организации деревенской милиции. Но в этом случае, конечно, меньше всего может помочь милиция, так как это, если оно случится, не будет носить характера единоличного правонарушения и физическим воздействием с ним бороться нельзя.

Здесь же попутно нелишним будет отметить, что за все 3 месяца революции в деревне не было ни одного случая применения вооруженной силы для подавления крайних выступлений крестьян. Правда, иногда посылались воинские команды. Свидетелями таких случаев были делегаты отдела. Но после убеждения делегатами начальников

отряда они не доезжали до места, куда отправлялся один делегат и убеждался, что присутствие вооруженного отряда привело бы к совершенно нежелательным результатам, тогда как без солдат удавалось подействовать простым словом убеждения и разъяснением.

В разъяснении и точном указании выхода из того или другого положения нужда больше, чем во всякой охране.

Часто, например, помещик убегал, оставив землю на произвол судьбы. Крестьяне и сама исполнительная власть затруднялись, как поступить в таком случае. Приходят в город за разъяснениями, заходят в комитет, к комиссару, в совет рабочих и солдатских депутатов, в партию социалистов-революционеров и везде получают различные указания...

Общий взгляд у большинства делегатов на волостные комитеты крайне мрачный.

Один из них, с известным литературным именем, сам все время болевший душой за крестьянина, следовательно, такой, которого нельзя заподозрить «в умеренности», пишет: «Волостные комитеты,— их надо зачастую причислять не к положительным, а к отрицательным явлениям русской жизни. Многие из них возникли не путем тайного голосования, а почти всенародно, кто громче кричал, добивался, того и выбирали, и потому во многих комитетах нет ни авторитета, ни гражданской ответственности».

Но на ряду со всеми недостатками, со всей темнотой и беспомощностью, отмечается одно достойное внимания обстоятельство: с возникновением волостных комитетов всякие эксцессы прекращаются. Кроме того, понятна психология людей, ясно и просто представлявших себе план организации и натолкнувшихся на вполне законные и естественные уродливости и трудности воплощения в жизнь этой организации.

Здесь не мешает вспомнить тех же народовольцев, которые шли в народ с преувеличенной верой в его силы и возможности и приходили в отчаяние от трудностей и испытаний с первых же шагов.

Земельный вопрос.

Но все вопросы отступают на второй план перед вопросом о земле. Это то, чем дышит огромная часть населения России.

Общее твердое убеждение крестьянства: земля должна перейти и перейдет к народу. И отчасти благодаря этой уверенности на протяжении всей революции замечается сравнительно малое количество эксцессов. Большой процент эксцессов обыкновенно падает преимущественно на те районы, где население слишком мало осведомлено о сущности и размерах переворота.

Но вместе эксцессов существуют и все более растут приемы мирного выживания и устранения от земли всех крупных и мелких собственников. Крестьяне устанавливают высокую, заведомо непо-

сильную таксу на рабочие руки (в некоторых местах она доходит до 20 р. в день), отказываются от арендных договоров с владельцами, устанавливают для владельцев особую приплату за пленных, которая взимается в пользу местного волостного комитета. Если же владелец откажется от платежа, то пленного бесплатно передают солдаткам.

Наконец, просто запрещают работать у владельцев.

«Не дадим им рабочих, они тогда все, как тараканы, подохнут».

Борьба против частного владения ведется не отдельными крестьянами: волостные комитеты главной своей задачей ставят эту борьбу. Мелкий хуторянин, средний землевладелец, крупный помещик одинаково испытывает тяжелые, иногда непоправимые, удары волостных комитетов.

Помещичьи сады остались без весенней обработки, огороды и поля вместо культурной свеклы засеяны травой.

Все землевладельцы, как крупные, так и мелкие, в большинстве случаев подавлены. В некоторых экономиях стали распродавать живой и мертвый сельскохозяйственный инвентарь.

Когда было объявлено о желательности, чтобы каждый клочок земли был занят, крестьяне, оставляя свои поля, брали помещичьи.

На ряду с отрицательным отношением к собственникам, в крестьянстве наблюдается повсеместная вражда к отрубникам. Даже там, где крестьяне не трогают помещиков, бывали случаи, что они отбирали землю у своих отрубников или у переселенцев из других губерний. И всюду, где применен закон 9 ноября, озлобление против отрубников налицо.

Бывают такие случаи, что какой-нибудь крестьянин отбирает у солдатки, у которой куча детей, землю, потом является, как к себе в дом, и уносит то пилу, то топор, насмехаясь при этом над ее беспомощностью. И все потому, что она жена солдата-отрубника. В некоторых местах отрубники, почувствовав невыгоду и невыносимость своего положения при новом режиме, «решили» перейти к старому. Начались между ними и общинниками споры, пререкания, сутяжничество, происходит серьезный раскол, грозящий крупными осложнениями, которые трудно учесть.

Почти на всех крестьянских съездах в выносимых резолюциях частная собственность на землю уничтожается. «Земля, как несозданная руками человека, не может быть ни продаваема, ни покупаема». Земля — всему народу. Наделение землей по трудовой норме и притом на местах жительства, без переселений и расселений, передача земли безвозмездная и даже без перевода долга. Есть и более крайние лозунги, в роде освобождения земли от всяких налогов и возвращения крестьянству внесенных им за землю выкупных платежей и ссуд, выданных крестьянскими банками.

Необходимо заметить, что крайние из этих лозунгов, вроде возврата крестьянам уплаченных ими капиталов, не вызывают особен-

ного доверия даже у самих крестьян. Неосуществимость их крестьянскому большинству ясна.

Но лозунги первого рода требуют ясной и понятной для крестьян критики.

Во-первых, в большинстве случаев крестьянина ожидает страшное разочарование. Земля! — ее почти нет. В Орловской губ., напр., если разделить (в некоторых уездах, а таких уездов и губерний много), если разделить всю владельческую землю, то крестьянину придется по $^1/_8$ десятины...

И, когда это обнаружится для крестьянина со всей неожиданной неподготовленной ясностью, неизвестно на кого обрушится его гнев, его негодование обманутого и разочарованного в тех дутых векселях, которых ему надавали со всех сторон. Возможно, что безземельные, изголодавшиеся крестьяне станут друг против друга (село против села) и будут угрожать друг другу из-за каждого свободного клочка земли, как это уже и есть налицо в Пензенской губ., где аграрный вопрос стоит особенно остро.

Чем дальше, тем положение становится хуже, тревожнее: начинаются посевы, надо возить навоз на пары, куда его возить? Рядом земля помещика, обетованная земля! Соседняя деревня Хрущово вполне удовлетворилась бы этой землей, но совершенно такую же претензию имеет на нее Рылово, а огромное село Монаенки грозит все захватить и вымести все деревни по самые Монаенки.

Сейчас крестьянин питается во многих местах не реальностью, а лозунгами. Он предвкушает золотой век осуществления их. Он часто далек от мысли, что все эти лозунги окажутся мыльными пузырями по той простой причине, что земли нет, что в большинстве средних губерний не только нельзя думать о трудовой норме, но и о лишних 2 десятинах.

И одним из спасительных мероприятий должно быть: подготовление крестьян к переходу от заманчивых перспектив «лозунгов» к реальной действительности, к уменьшению и ослаблению того «о б м а н а», в котором находится сейчас крестьянин по отношению к земельным чаяниям.

Некоторые делегаты намечают себе в этих случаях определенный план бесед, преследующий две цели: доказать, что не все желательное возможно, и убедить собеседников, что каждая частность земельного вопроса, в высшей степени трудного и сложного, должна составить предмет размышления и обсуждения и не должна приниматься на веру. Беседа начинается с вопроса о том, что, например, конечно, каждый желает получить земли столько, сколько он в состоянии обработать. И притом именно здесь, на месте, без перехода и расселения. На этот вопрос всегда получается, конечно, единодушный утвердительный ответ.

Тогда приступают к вычислению. (Конечно, цифрами делегат запасается для каждой отдельной местности заранее.) Сообщается

цифра десятин земли помещичьей и крестьянской, затем цифра населения волости, затем производится деление, и частное в большинстве случаев с поразительной ясностью обнаруживает, что не только трудовая норма (почти везде она определяется на семью из пяти душ — в двадцать десятин,—пятнадцать — посева и пять—толоки), но и продовольственная в пределах волости недостижима. От волости переходят к губернии. Здесь слушатели принимают цифры делегата на веру, так как точность его учета уже демонстрировалась на волости. Результат оказывается настолько же печальным; но это заставляет крестьян войти в вопрос глубже и не питаться только лозунгами.

В самом начале переворота крестьяне приезжали в Петроград или обращались к делегатам с просьбами, чтобы похлопотать перед правительством о воспрещении всяких земельных сделок, всякой купли и продажи в этой области. Некоторые владельцы поспешили начать рубку леса и, таким образом, во многих местах сильно обесценивали земельные участки. Крестьяне смотрели на это, как на противозаконное действие, и шли в Петроград за вышеупомянутым законом или сами брали охрану леса.

Лесной вопрос поэтому стоит особенно остро. Запрещают вывозить лес в самых минимальных количествах, нужных владельцу для топки.

В Смоленской губ. крестьяне запретили рубку леса лесопромышленнику, поставщику Ряз.-Уральской ж. д. Никакие документы не помогли. Лесопромышленник ездил к комиссару, взял от него бумагу — не послушались. Привозил солдат из гарнизонного совета уговорить — то же. Аргумент один: лес будет наш, а лесопромышленник пусть режет в другом.

Делегат объясняет, какая беда грозит стране и промышленности, если нехватит топлива. Слушают и п о н и м а ю т. Но стоит появиться самому лесопромышленнику, как сейчас же крестьяне вспоминают все мельчайшие обиды с его стороны, и дело не двигается.

Если даже удается убедить крестьян, это часто не значит уладить дело окончательно: несогласное меньшинство, деревня, прилегающая к вырубаемому участку и уверенная, что лес отойдет в ее пользу — «мы растили», — не желает подчиниться большинству и снимает порубщиков.

В некоторых местах ведется массовое истребление леса. В других местах, как, напр., в Мозырском уезде Минской губернии, жгут леса на том основании, что они помещичьи.

Один делегат пишет, что в представлении народа казенное добро есть предмет грабежа: и если объявить, что данное имение или лес — государственный или общественная собственность, и не поставить охрану, имение будет разграблено, а лес вырублен. Волостной комитет объявляет лес собственностью государства и поручает охрану его сельским комитетам; в лесу лежат порубленные дрова: владелец не может взять ни одного полена, а воры тащут днем и ночью. Через

неделю не остается ничего. В другом лесу все цело. Это благодаря тому, что владелец этого леса не одна, а две деревни. Друг за другом смотрят.

Остро стоит вопрос с покосом. В большинстве случаев покосов у крестьян очень мало. В прежнее время они покупали на стороне, но теперь всяких покупщиков гонят. В волостных комитетах выносятся постановления и обязательства, принуждающие помещиков до установленного срока скосить луга, в случае же неисполнения означенных работ в указанный срок сенокосы переходят в пользование местных крестьян по распределению и за плату, устанавливаемую местными комитетами, а деньги вносятся не в пользу землевладельца, а в казначейство, на общие государственные нужды.

Наблюдаются случаи, когда крестьяне требуют от помещика представления сведений о числе покоса у него. И потом сами определяют, сколько на его семью нужно коров. На такое количество ему и оставляют покосы, не принимая в расчет тех коров, которые есть у помещика сверх определенной ими нормы.

В самом начале переворота почувствовалась настоятельная потребность в органах, регулирующих взаимоотношения между крестьянами и помещиками. Такие органы скоро возникли в виде примирительных земельных камер. Членами камер обыкновенно являются члены волостного комитета — с одной стороны, и представители различных классов местного населения, обыкновенно по три от каждого класса. Примирительные камеры в большинстве случаев решают споры о размере арендной платы помещику за землю. Цель камер с большим успехом достигается, и идея их пришлась крестьянству по душе.

Итак, главные черты в земельном вопросе следующие:

1. Недостаток земли в средних губерниях.
2. Вся земля трудовому крестьянству без выкупа.
3. Частичные эксцессы и захваты как следствие неосведомленности или острого недостатка земли.
4. Борьба с частным владением и вытеснение его.
5. Отсутствие представления у крестьян о трудности и запутанности земельного вопроса и о недостатке земли для наделения их ею в пределах их волости.

Продовольственный вопрос.

Продовольственный вопрос не менее и даже, пожалуй, для городов, более остр, чем земельный.

В городах продовольственной частью ведают городские управы и продовольственные комитеты.

С одной стороны — дело страдает от недостатка товаров, с другой — от того, что во многих местах на хозяйстве города вредно отразилась реорганизация городских управ, откуда были удалены часто опытные

и давние работники и заменены элементами, хотя и желательными в других отношениях, но мало знакомыми с самой техникой продовольственного дела. Часто демократия брала в свои руки все дело, не оставляя старых работников, хотя бы для введения ее в курс техники продовольственного дела.

На ряду с ростом цен на рабочие руки растет и дороговизна продуктов. Это общий и главный предмет недовольства.

В провинции нет сахару, муки белой, масла. Привоз хлеба из деревни, в первые дни сильно увеличившийся, уменьшился со времени объявления хлебной монополии.

Для армии, бойкотируя города, крестьяне везут местами хлеб в большом количестве. Но, благодаря неорганизованности приема хлеба на станциях, и этот подвоз замедляется.

Напр., в Воронежской губ., под влиянием переворота, крестьяне собрали 1.000 пудов хлеба бесплатно для армии. И когда послали телеграмму на имя Родзянко с запросом, куда доставить этот хлеб, то получили ответ: «доставить хлеб по такому-то номеру», но никто не мог объяснить, что значит этот номер. Когда в той же Воронежской губ. крестьяне, откликаясь на призыв правительства, навезли хлеб на ст. Перелешино, то никто не хотел принимать этот хлеб. Пришлось свалить его под открытым небом, и хлеб сгнил. То же и на многих других станциях: хлеб везут, железные дороги его не отправляют, и образуются огромные залежи.

Организацией продовольственного дела в деревне ведают волостные комитеты, в которые, как составная часть, входят продовольственные комитеты. Не сразу и не везде одинаково гладко прошло слияние и подчинение. В некоторых местах продовольственные комитеты выделили себя в самостоятельные единицы, и это служило поводом к постоянным спорам и столкновениям.

В деревне продовольственное хозяйство значительно страдает от недостатка интеллигентных и даже грамотных лиц в составе продовольственных комитетов, где последние, в лице сельской интеллигенции и даже членов правления потребительных обществ, бойкотируются.

Хлеб в деревне есть. Ярового зерна было сравнительно мало, но озимый хлеб есть, за исключением прифронтовых западных губерний, благодаря частым реквизициям, наплыву беженцев и войск.

Большую нужду испытывают потребляющие (но непроизводящие) губернии, как, напр., Владимирская. Здесь, чтобы накормить нуждающихся в своем районе, правления кооперативов решают на средства кооперативов покупать у местных жителей, имеющих некоторый излишек муки, по 7 руб. и продавать ее по $5^1/_2$ р. нуждающимся, представившим удостоверение от своего сельского комитета. Убытки покрывать из имеющихся на это дело пожертвований и из средств кооператива.

В некоторых местах, как, напр., в Казанской губ., крестьяне откровенно говорили делегатам: «Возьми ты нашу деревню беднейшую, и она может легко собрать 500 пудов хлеба, а поезжай-ка ты кругом, к мельницам и вольным крестьянам, там найдешь клади, как матушка-земля, черные».

Т в е р д ы е ц е н ы. Но здесь на сцену выступает одна из самых больных сторон продовольственного вопроса — твердые цены.

Когда были установлены твердые цены на хлеб, оказавшиеся ниже себестоимости производителям, и когда по этим ценам стали реквизировать хлеб, привозимый на базары (при чем были случаи избиения крестьян-продавцов, требовавших более высоких цен), — то крестьяне перестали привозить хлеб на базар в уездные города и селения.

Создалось несуразное положение: деньги есть на покупку хлеба, и хлеб есть, но существует запрещение сделок по повышенным против твердых цен ценам, и крестьяне очутились в очень тяжелом положении: с одной стороны, вследствие недосева создается подготовка будущих продовольственных затруднений, с другой — подготовка к голодному бунту в настоящий момент.

Степенные, пожилые крестьяне, проведшие трудную жизнь, которых во всяком случае нельзя заподозрить в несерьезности отношения к делу и общему тяжелому положению страны, жалуются делегатам, что им волей-неволей придется грабить друг друга, если они не получат скорой помощи.

Далее существование твердых цен на хлеб при отсутствии таких же твердых цен на другие предметы первой необходимости вызывает острое недовольство. В некоторых губерниях деревня воюет с городом и в ответ на дороговизну предметов первой необходимости отвечает решением оставить город без хлеба.

Так, напр., в конце апреля в Нижнем-Новгороде можно было купить в лавках хлеб в любом количестве, а в середине мая уже нигде нельзя было достать. Ржаной хлеб в это время доходил в некоторых местах до 20 к. фунт. Несмотря на производимые обыски и реквизиции в разных местах, нужда в хлебе так велика, что уездные и волостные продовольственные комитеты стали делать попытки повысить твердые цены собственной властью. Вместе с тем стали делать попытки регулировать цены также и на другие товары: ситец, гвозди и т. п.

Чтобы добыть хлеба, отсутствующего при существовании твердых цен, население устанавливает свои базарные цены. Напр., покупатели охотно дают 4 р. за пуд, т.-е. почти вдвое против твердой цены. Продавцы запрашивают несколько больше, приблизительно около 5 руб., а в некоторых случаях острой нужды цена поднимается до 8 рублей.

Поэтому реквизиция хлеба проходит негладко, делегаты пишут, что они видели разбитые носы, окровавленные рты. Часто наблюдается

такая картина: члены продовольственного комитета идут реквизировать хлеб, а владелец стоит около амбара с ружьем...

Здесь нужно заметить следующее, что в большинстве случаев крестьяне совершенно не понимают сущности хлебной монополии и тогда относятся к ней враждебно, как к грабежу, стараются всеми средствами припрятать хлеб.

В тех же местах, где им разъяснена сущность монополии, необходимость притти на помощь родине, они сочувственно относятся к ней, хотя она бьет их по карману. Они только говорят при этом, что для армии они хлеб дадут, но для городов не дадут. И, кроме того, замечают, что они—крестьяне—все дали родине, и дают и сыновей своих, и хлеб, их принуждают к этому силой, если они этого не делают; почему только по отношению к богачам не делается никаких шагов, чтобы заставить их принести свои капиталы на нужды родины.

В местностях, бедных хлебом, реквизировать нечего, а в хлебородных, где есть избыток хлеба, продовольственные волостные комитеты формируются медленно и вяло работают, мало охоты производить друг у друга обыски и реквизиции, так что запасы хлеба, даже необмолоченного, залеживаются.

На ряду с твердыми ценами в продовольственном вопросе есть другое обстоятельство, вызывающее, как и при старом режиме, общее недовольство. Это — запрещение вывоза хлеба из одной губернии в другую.

В некоторых местах население кормится привозным хлебом исключительно (напр., особенно характерно в этом смысле с. Павлово, Нижегородской губ., с его 20.000 рабочих, работающих на оборону). Хлеба нет, его можно купить, но не по твердой цене, а по более высокой, и не в своей губернии, а в соседней. Уполномоченный же этой губернии не разрешает вывезти. На этой почве происходят вспышки погромного характера.

Кроме того, существует неопределенность и несогласованность в действиях уполномоченных. Если один уполномоченный разрешает вывезти из своей губернии хлеб, то случается, что уполномоченный той губернии, в которую привезли купленный хлеб, реквизирует его и продает в кооперативах по более высокой цене в сравнении с той, по какой он реквизировался.

Запрещение вывоза, помимо других отрицательных сторон, создает неприятное сознание на местах, что в этой области новая власть идет старыми путями. Ведь покупателями являются теперь не частные торговцы, которые, скупая хлеб, могли бы вздувать цену, а правительственные органы — волостные продовольственные комитеты, которые должны закупать хлеб в минимальном количестве, необходимом для волости, по минимальным ценам, возможным в данном районе. При непременном условии контроля со стороны губернских продовольственных комитетов контроль безусловно необходим, иначе часто

наблюдаются случаи нарушения закона или по незнанию, или из корыстных целей.

В некоторых местах волостные комитеты, организовавшись, начинали свою деятельность с установления твердых цен на хлеб и вместо, напр., существовавшей цены 2 р. 53 к. устанавливали свою — 1 р. 53 к. Общее основание к этому положению то, что крестьяне, когда у них был хлеб, продавали его по 1 р. 35 к., а теперь, когда его у них нет и им приходится покупать, они принуждены платить за него 2 р. 53 к. Теперь другой пример.

В одной из волостей Смоленской губ. делегата удивило постановление волостного совета об увеличении цены на реквизируемый хлеб. По распоряжению уездного продовольственного комитета реквизируются хлебные излишки и тут же в деревне распределяются между бесхлебными по 2 р. 65 к. за пуд. Совет волостной положил цену в 3 руб. 50 к. Делегату показалось несправедливым такое постановление: за хлеб платят беднейшие, их заставляют платить больше.

Объяснилось это очень просто: неожиданно беднейшими оказались «самогонщики», перекуривавшие свой хлеб на водку. У тех, кто хлеб сберег, его отбирают и отдают самогонщикам.

Тайное винокурение, не говоря уже о других сторонах этого зла, делает большую брешь в хлебных запасах деревни.

Во-первых, это одно из средств спрятать хлеб от реквизиции: «пережечь» его на водку. Во-вторых, — это занятие выгодно в высшей степени, так как самогонку продают по 40—60 руб. четверть — это пуд хлеба!

Поэтому почти в каждом овине — маленький завод, очень просто слаженный: горшок, к горшку шайка примазана и трубочка-змеевик — вся машина. Многие весь свой хлеб «сожгли» на самогонку.

Просвещение и осведомление.

Одним из самых трудных препятствий к безболезненному и прочному укреплению нового строя является народная темнота, доходящая до таких размеров, что у всякого столкнувшегося с нею и посмотревшего на нее неподготовленным взглядом культурного человека опускаются руки и пропадает вера в возможность осуществления и укрепления завоеванных благ новой жизни. Теперь, с отливом молодых сил на фронт, деревня сплошь безграмотна. И те школы, в которых обучались оставшиеся в деревне грамотные, научали только читать, но не понимать прочитанное. И вот теперь это бессилие, невозможность пользоваться печатным словом создает ужасное «слепое» положение.

Общий вопль деревни: книг, книг! Но революция застала врасплох книжный рынок. Не было буквально ни одной книги по тем вопросам, ответа на которые не знать сейчас — значит ничего не знать. Это понятно, потому что все эти вопросы находились под запретом

у старой власти. Из архивов и подполий вытащили запрещенную литературу 1905 года и стали давать ее рвущим из рук людям. Принялись писать наскоро брошюры и отсылать их в провинцию; тюками отправляли газеты всех партий, всех направлений, стараясь не производить искусственного давления на мысль и убеждения народа, предоставляя ему самому разбираться во всем новом багаже. Но здесь и ту и другую сторону ждало горькое разочарование.

Полученные в деревне книги были написаны языком... каким угодно, только не тем, на котором говорит народ. И чем хотели добросовестнее здесь отнестись к своей задаче и выполнить ее при помощи серьезных первоклассных сил, тем получалось хуже. Вместо хлеба давали камень. Требовались переводчики с этого непонятного языка на язык народный. Таких переводчиков в деревне не было, нужно было их выписывать вместе с книгами, потому что книги написаны на их языке.

Ничто так не отчуждает человека от человека, как различие языка. И это различие сыграло потом крупную роль в быстро начавшем проявляться отрицательном отношении к интеллигенции. С газетами получилась еще худшая история: крестьянин, чем слабее в печатном слове, тем с большей верой относится к нему. У него убеждение: что в книжке напечатано, то, значит, правда. И вдруг он читает одну газету, — одна правда, читает другую, — там другая правда, как раз прямо противоположная предыдущей. Он сидит, разбирается «свободно, без давления на его убеждения», и у него голова идет кругом. Или один конец деревни читает одну газету, другой — другую. Опять — горе. И все-таки крик: пришлите книг, пришлите газет — не прекращается ни на минуту, он, — даже при той микроскопической осведомленности населения о существовании учреждений, рассылающих литературу, — растет, усиливается в такой степени, что слабые силы отдела не могут удовлетворить и одной тысячной доли того, что нужно, несмотря на солидные цифры отправленного в провинцию отделом печатного материала.

Отделом приняты всевозможные меры к децентрализации этого дела, к оживлению местных культурных центров.

Если книга сейчас, на первых порах, недоступна народу, если школ хороших в один год создать и обучить в них народ нельзя, то, естественно, нужен какой-то другой исход из этого невозможного положения.

Этим исходом и является привлечение в деревню «переводчиков», лекторов, которые читали бы для народа по самым насущным вопросам.

С этой целью при губернских исполнительных комитетах организуются культурно-просветительные общества, которые устраивают лекторские курсы. (Первый почин сделали Пермская, Нижегородская и Владимирская губернии.) Слушателями являются учителя и учительницы губернии, а вольнослушателями — все желающие.

Комиссиями составлены проекты организации культурно-просветительных ячеек на местах: губерния разбивается на районы, иногда

по нескольку на уезд, и в каждом районе работают 1—2—3 сотрудника комиссии, смотря по местным условиям.

Но все эти комиссии внушают мало доверия, так как часто все это или ограничивается проектами, или выполняется далеко не везде и не равномерно. Лучше всего стоят в этом отношении Пермская и Вятская губернии.

А в то же время, — при слабости исполнительной власти на местах, при негодности иных способов воздействия на народ, кроме слова, — лекторская деятельность, широко и планомерно организованная, могла бы с успехом заменить ту же исполнительную власть, удерживая население от эксцессов и необдуманных выступлений.

«В деревушку нашу никто не заглянет, и не доходят никакие объявления и разъяснения, и нет добрых людей наставить нас на путь истины и [рассказать] о новых правах и порядках».

«Чувствуем, что вышли из темного подземелья на свет божий и стоим, не зная куда ступить, что делать», — пишет далекая Сибирь.

Прежде фраза: «мы люди темные» — была ходовая, и в ней иногда слышалось немало лукавства и, по крайней мере, самооправдания, но теперь в ней слышится неподдельная тоска: так много трудного, сложного, интересного, и так мало знаний.

На местах за осведомление делегатам всякий раз выражается горячая благодарность. Престиж Государственной Думы везде очень высок. Но, между прочим, спрашивается: принимаются ли меры к тому, чтобы «распространить просвещение» и сделать возможно шире теперь же осведомление по таким вопросам, как республика, Учредительное собрание и т. п.

На местах выставляются настойчивые требования подготовки литературы в огромном количестве, при чем с непременным условием, чтобы во главе литературной работы, как в части распространения, так и в части составления ее, стояли люди, действительно знающие дух и нужды крестьянства и то, что ему надо дать и каким языком изложить.

«Нет слов, — пишет делегат из Псковской губернии, — передать о том смущении, стыде и боли, которые охватывают человека, убежденного в том, что так скудно, так мало даваемое — по существу представляет камень вместо хлеба, ибо оно непонятно, чуждо, темно по самому изложению, по самому языку своему для деревни».

И все-таки, получая этот камень, ломая об него зубы, народ терпеливо сознает свою слабость, свое неумение и неумение тех, кто так пишет, и жадно просит еще и еще книг.

Спрос на книги из провинции настолько велик, что этому необходимо со стороны соответствующего министерства притти на помощь, так как получение книг частным путем, из магазинов, невозможно. Книг нехватает, заказы остаются неисполненными, и пославшие денег на книги тщетно, целыми месяцами, ждут исполнения заказа.

Сейчас Россия вернулась к апостольским временам, когда по всей стране, из конца в конец, ходят люди и проповедуют новые начала.

«Благодатная почва в деревне для культурных семян; только рассевая эти семена разрозненными силами, приходится преодолевать много препятствий», — пишет женщина-делегат из Новгородской губернии. — «Способ передвижения самый ужасный, лошади не нанять — все пашут; приходится переходить пешком от деревни к деревне, при чем тащить на себе книги, газеты и хлеба краюшку, так как в дерезне на каждого едока оставлено определенное количество хлеба; на ночлегах приходится воевать с насекомыми и т. д., но все это обычно забываешь, когда видишь, с какой жадностью ловят каждое слово».

Нужно только отметить, что в деревне одинаково хороша почва как для добрых, так и для худых семян.

Взгляды на школу в деревне также различны: в одном месте просят похлопотать, чтобы народные школы давали лучшую подготовку и облегчали бы крестьянам доступ в средне-учебные заведения. А крестьяне Смоленской, Тульской и некоторых других губерний говорят: «учительниц нам этих не надобно — дороги. Вот придут солдаты с фронта, будут даром учить».

Крестьянин, если он сам неграмотный и практический, сам не испытал быть грамотным, [sic!], не любит тратить денег на этот предмет и склонен иметь бесплатно школы, книги и учителей. Эта черта настолько резко выделяется, что требует самого серьезного внимания.

Война.

О войне пришлось сказать в самом конце обзора; это почти символично: война, несмотря на то, что она, казалось бы, все собою поглощает, из всего выделяется, все таки отошла на задний план.

В столице, в больших городах, хоть спорили и спорят о ней, выносят резолюции, но в далекой провинции всецело занялись организационной работой и о войне часто забывают. Впрочем, указания на нужду армии, делаемые делегатами крестьянам, принимаются близко к сердцу, чувствуется даже нечто в роде конфуза, стараются объяснить заминку в доставке хлеба ссылкой на некоторые затруднения в приеме зерна на станциях. Последнее обстоятельство, действительно, подтверждается, как видно было из того, что сказано было выше, напр., о Воронежской губернии.

Большинство резолюций о войне, выносившихся на местах в начале переворота, говорили о войне до полной победы, в дальнейшем они постепенно переходят в стремление продолжать войну без захватных целей, к миру без аннексий и контрибуций, но приходится слышать и такие вещи: «до осени постоим, посмотрим, что будет, а там и по домам». Эти разговоры заставляют задуматься.

Далее, у крестьян накопляется раздражение против рабочих: «они только р а б о т а ю т, получая большие деньги, а крестьяне отдают с ы н о в е й». На этой почве часто рождается мысль: «что же, все только мы и мы...».

Мужское население деревни хочет мира, но сознает необходимость продолжения войны, пока свобода в опасности и враг стоит у ворот, женское — хочет только одного — мира.

Дезертирство, о котором много говорилось, было только вначале и объясняется, во-первых, тем, что крестьяне боялись раздела земли без них, и, во-вторых, тем, что дни переворота совпали с праздником пасхи.

Отношение к дезертирам в городе и деревне одинаковое: отрицательное, их отправляют на фронт, и только иногда не решаются сами крестьяне трогать, боясь со стороны дезертиров поджогов. В некоторых местах выносились постановления в волостных комитетах: не давать земли самовольно покинувшим фронт. Дезертиры большею частью самый неспокойный и дезорганизующий элемент. Нередки среди них случаи призывов к дружбе с Германией и к вражде с Англией. Но нужно принять во внимание, что крестьянин туго входит в вопросы внешней политики. Взгляд его, в особенности сейчас, слишком обращен «внутрь». Он ежечасно, ежеминутно помнит только о своем Яхонтове, Слободке, Сныхове, но о России он вспоминает и задумывается только тогда, когда ему неустанно напоминают о ней и ясно показывают, что интересы его Сныхова неотделимы от интересов России, так как только до тех пор и живо его Сныхово, пока жива Россия.

В этом отношении особенно необходимы частые беседы с крестьянами. Редкие наезды людей из центра только ненадолго поднимают их и выводят из тесного круга своей деревни, и через несколько времени они опять забывают о том, что за неделю до этого горячо поддерживали.

З а е м с в о б о д ы. Заем свободы идет довольно туго. В городах подписка двигается только тогда хорошо (иногда очень хорошо), когда бывают толчки извне, когда устраиваются «дни займа», обставляемые известной помпой, что, известно, действует на обывателя. В спокойной же среде подписка останавливается и замирает. В деревне подписка идет плохо, главным образом потому, что крестьяне совершенно неосведомлены о возможности получить ссуду в 75%. Они думают, что, раз внесши деньги, их больше не увидишь: «десять раз помрешь за 49 лет».

Кроме того, часто появляются агитаторы, уверяющие крестьян, что государство идет к краху и денег все равно обратно не получишь. В этих случаях делегаты отдела разъясняют, что государство, действительно, в тяжелом положении, но если его сейчас не поддержать и оно потерпит крах, то все равно накопленные обывателями и крестьянами бумажные деньги потеряют всякую ценность. Так что поддержка займа является, таким образом, спасением своих же денег.

Заключение.

Общий характер настроений на местах таков: после большого праздника и подъема наступают все большие и большие будни.

В городах обыватель, стремительно вышедший на улицу в первый момент, скоро убедился, что ничего катастрофического не произошло, и, удовлетворившись сознанием, что революция закончена, свобода завоевана, разошелся по домам, не обнаруживая особенного желания действовать активно и неослабно в сторону дальнейшего создания и укрепления нового порядка жизни.

Мирная жизнь с виду течет обычным порядком: фабрики работают, торговля идет, дельцы делают дела, беспорядков заметных нет, но во всем этом нет еще прочности, нет уверенности в завтрашнем дне. Бывает так, что после какого-нибудь резкого выступления «хоть не показывайся на улицу». В особенности это настроение связано с участившимися в последнее время разгромами винных складов. Настроение в уездных городах в большинстве случаев не внушает особенно радостных чувств. Часто слышится мотив беспокойства и утомления. Интерес к организационной работе падает. Общие массы населения городского становятся все более и более инертным материалом, из которого наиболее энергичные люди (вне зависимости от их направлений) могут лепить какую угодно форму.

Но зато нельзя не отметить, что общее настроение деревни более здоровое, чем города. В деревне совсем нет того страха и зыбкости положения, нет основания ожидать быстрого и трусливого скачка назад, какой возможен в городе. Городской обыватель пуглив и любит пугаться. В массе он отличается особенной консервативностью. И если старому он многое прощал, привыкши к нему, то новому он не прощает никаких ошибок. Он привык поклоняться только силе и в малейшем ослаблении силы власти, с одной стороны, и в увеличении крайних течений и размаха революции, с другой, — видит повод к упрекам и к обращению взоров назад.

Если крестьянин двигается только под влиянием тягчайших испытаний, то горожанин схватывается уже при уменьшении удобств.

Для крестьянина новый строй — это земля. Он это ясно и твердо усвоил себе. А земля для него все. Для городского же обывателя, в массе не особенно ценящего свободу, новый строй только тогда хорош, когда он сваливается к нему, как манна небесная, без всяких неудобств, длительных напряжений и попутных испытаний в виде угроз спокойствию и безопасности. Я говорю о мелко-буржуазной среде города, но не о рабочих, которые ценят свободу, как таковую.

Крайние выступления крайних партий обывателя пугают больше всего. А между тем, как бы в ответ на них, все правые элементы, затаившиеся во время самого переворота, начинают чувствовать больше поводов и подходящей почвы для своего выступления. Они «собирают» недовольство обывателя и его боязнь крайностей революционного

размаха. Организуются уже союзы домовладельцев, промышленников, о направлении которых не может быть двух мнений. И это опасно. Они преувеличивают всякую тревогу, громче всех кричат об анархии, о всеобщем развале, к которому идет будто бы Россия, и запугивают обывателя.

Крестьян труднее повернуть на эту линию, но наблюдающееся у них игнорирование интеллигенции лишает деревню необходимых руководящих сил. Движение это принимает все более и более упорный характер. Верят еще только приезжим интеллигентам, в особенности из Петрограда, делегатам Государственной Думы, но не своим местным. Новое лицо с полномочиями от правительства или Думы стоит вне всяких подозрений, своя же интеллигенция на подозрении, потому что она состоит или из помещиков, или из лиц, которые «якшаются» с помещиками.

Духовенство, пробудившееся значительно позднее всех слоев населения и долгое время молчавшее, начинает организовываться; происходят губернские съезды духовенства и мирян, где объединяются на платформе доверия Временному Правительству и выборного приходского начала. Нужно сказать, что там, где духовенство сразу пошло с народом, а не выжидало и не замалчивало переворота, оно пользовалось большим авторитетом. В отношении земства и земских служащих и кооперативов произошла резкая переоценка ценностей. То, что считалось недавно прогрессивным, передовым элементом, теперь стало считаться пережитком прошлого, требующим или перестройки, или решительного удаления.

В заключение можно сказать, что первый революционный период, период взбаламученного моря, к концу 3-го месяца приблизительно закончился, ломка произошла, и произошла замена старых форм новыми. Через большие потуги, через неурядицу, темноту и отсутствие необходимых культурных сил, дело все-таки идет, и организация новой жизни налаживается. В следующем обзоре можно будет дать уже картину устоявшейся воды государственной жизни, если в наше время можно надеяться, что она устоится. В конце необходимо оговориться, что этот обзор, конечно, не может служить вполне объективной оценкой положения. Главным образом потому, что в первый 3-месячный период революции жизнь представляла собой материал, менее всего поддающийся какому-нибудь среднему учету. Так как материал слишком текуч и изменчив, то важнее бывает иногда указать не количественно преобладающие явления, а угадать те возможности, которые пока незаметны, количественно ничтожны, но, развиваясь по логике событий или противно всякой логике, могут перевернуть и свести к нулю эти «количественно-преобладающие» явления. Относительно мрачности отчета нужно сказать, что часть ее следует отнести не на счет действительного преобладающего положения в стране, а на счет специальных задач делегатов, дававших отчеты: так как главной задачей делегата являлось указание на то,

что требует помощи и действия со стороны власти, то ими приводились главным образом, естественно, те черты жизни, которые требовали особенного внимания и действия.

Отчеты, которыми пользовался отдел при составлении настоящего обзора, получены из следующих губерний:

Северный район.

Архангельская, Вологодская.

Озерный район.

Псковская, Новгородская, Петроградская, Олонецкая.

Средний и нижний Поволжский район.

Казанская, Симбирская, Самарская.

Московский промышленный район.

Владимирская, Костромская, Ярославская, Нижегородская, Тверская.

Приуральский район.

Пермская, Вятская.

Черноземный район.

Пензенская, Орловская, Воронежская, Курская.

Малороссия.

Киевская, Полтавская, Черниговская.

Новороссия.

Таврическая и Область Войска Донского.

Прифронтовой район.

Минская, Могилевская, Смоленская.

Заведывающий отчетно-делегатским отделом *П. Романов.*

Февральская революция и европейские социалисты.

(Материалы о международной конференции.)

Мартовская победа восстания рабочих и солдат, освободившая страну от царизма, вызвала переполох во всех буржуазных странах. Особенно близко к сердцу приняли падение царизма представители англо-французского капитала. Английский министр Бонар-Лоу уже после отречения Николая II выражал ему симпатии и признательность господствующих кругов своей страны. Такие же знаки почтения и внимания к душителю русских рабочих и крестьян выражал и представитель Франции г. Рибо. Вместе с этими приветствиями и сожалениями, представители «союзных» правительств с первых же дней революции начали выражать свои опасения по поводу «гибельного влияния» революции на ведение войны.

Начавшаяся в нашей стране открытая борьба за прекращение войны еще более усилила тревоги союзных правительств. Требования прекращения войны, шедшие со стороны рабочих и солдат, становились с каждым днем все настойчивее и энергичнее, заставляя всех сторонников войны, начиная от Временного Правительства и кончая социалистами-оборонцами, объявить себя сторонниками мира. Пропаганда идеи прекращения войны снизу, т.-е. путем восстания самих воюющих народов, которой занималась наша Р. С.-Д. Р. П. (б), вызывала сочувствие в передовых рабочих кругах, а также и в той солдатской среде, которой она несла сохранение жизни и избавление от нечеловеческих тягот позиционной борьбы. Наша с.-д. большевистская пропаганда всегда подчеркивала, что мир, столь желанный миллионам солдат и рабочих во всех странах, может притти лишь в борьбе с военной политикой буржуазных правительств, а поэтому наша партия всюду выдвигала на первый план массовое действие против войны. Мысли о братании и борьбе против войны на самом фронте, брошенные и развитые нашей партией в первые недели войны, были встречены враждебно с обеих сторон проволочных заграждений.

Жажда мира была столь сильна, что социалисты-оборонцы вынуждены были стать на путь пропаганды мира. Но в этой пропаганде мира они решительным образом боролись с нами, с.-д. большевиками. Они были против братанья, они были за поддержку союзников и против «сепаратного мира» с Германией, а на деле их пропаганда являлась наглым обманом солдат и рабочих. Ныне это вполне подтверждается и документами.

Мирная кампания Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов нашла живой отклик во всех социалистических кругах Европы, особенно активный среди тех, которые не приняли войны и не тащились за ее колесницей. Все союзные правительства, начиная от нашего Временного Правительства и кончая самым малым союзником, быстро учли угрожавшую им опасность, сговорились и направили в нашу страну своих агентов-

социалистов, сторонников войны. Основной задачей поездки в Россию таких правительственных агентов являлась борьба с с.-д. большевистской пропагандой и мирной политикой Совета.

Конец марта и начало апреля ознаменовались целым рядом манифестаций «международной солидарности», чрезвычайно однобокого характера. В нашу революционную столицу прибывали «приветствовать» революцию различные большие и малые вожди официальных социалистических партий. Первым побывал у нас Яльмар Брантинг вождь шведской соц.-демократии. Он был сторонником стран Согласия (Антанты) и предостерегал нашу «революционную демократию» от таких шагов, которые могли бы принести ущерб «англо-французской» демократии. Вслед за Я. Брантингом спешил в Петроград датский социалист Боргбиерг, ориентировавшийся на центральные державы. Долгое время Временное Правительство не пускало его в Россию, и лишь благодаря особому ходатайству социал-патриотов ему был разрешен въезд.

Английское и французское правительства, по соглашению со ставкой верховного глазнокомандующего русскими армиями, послали для борьбы с мирной политикой Совета и пропагандой с.-д. большевиков особые делегации из представителей социалистической партии и профессиональных союзов.

Французское правительство снарядило для этой цели Муте, Ляфона, Кашена, а также Альбера Тома. Английское королевское правительство послало к нам Сандерса, О'Греди и Уильтона. 5 апреля вся эта компания агентов французского и английского генерального штаба представлялась Временному Правительству. От имени английской делегации выступил г. Сандерс и сказал, что «мы, члены английской делегации, являемся представителями не только организованных в тред-юнионы рабочих, но всех вообще рабочих армий. Мы приехали приветствовать вас от имени английских рабочих и всего демократического населения Англии. Мы рады, что английская демократия может соединиться с демократией России, уничтожить в будущем всякую возможность войны. И еще я хочу прибавить, что эту войну мы будем вести ради идей демократии и свободы. Мы хотим передать вам мнение рабочих Англии, которые думают, что настоящая ужасная война должна окончиться только одним способом: окончательным поражением тех сил, которые уже ниспровергнуты в России и которые должны быть ниспровергнуты всюду, — тех темных сил, которые порабощают Бельгию, Сербию и Румынию. Английские рабочие проливают свою кровь и отдают свои труды не для идеи завоеваний и порабощения, а для идеи свободы, для демократизма. Нам отрадно, что в этой борьбе демократия Англии идет рука об руку с демократией Франции, России и Америки».

За ним выступил от имени французской делегации г. М. Муте: «Приветствуя Временное Правительство от имени демократии Франции, мы выражаем этим мнение всего французского народа. Свободная демократическая Франция в союзе со свободной демократией России должна будет бороться до конца, до победы над милитаризмом, за свободу всех народов и уничтожение войны на земле».

От имени Врем. Правительства отвечал П. Н. Милюков: «Мы понимаем, что в момент революции, в момент коренной ломки всего старого строя внутри России, у вас могла зародиться тревога, не ослабнет ли у нас, ваших союзников, сила сопротивления. Поэтому мы особенно благодарны вашему приезду и вашему заявлению, что вас не смущает тревожное время, переживаемое Россией. Я прошу вас, возвратившись к себе на родину, передать, что свободная Россия стала вдвое сильнее, что благодаря демократизации всех ее учреждений, она вынесет все невзгоды, связанные

с военным временем, что, несмотря на переворот, мы сохранили главную цель и смысл этой войны. Мы можем с уверенностью сказать, что Временное Правительство еще с большей силой будет добиваться уничтожения германского милитаризма, ибо наш идеал в том, чтобы уничтожить на будущее время какие бы то ни было войны. Теперь наша задача сорганизовать силы обороны, потрясенные революцией. Мы это делаем, и мы с двойной силой готовы встретить врага, уверенные, что наша победа приближается».

Но уже в те дни во Врем. Правительстве не было единства взглядов, и поэтому с дополнением Милюкову выступил и А. Ф. Керенский, приветствовавший делегатов от имени русской демократии и социалистов и заявивший, что «вы должны знать, что русская демократия в настоящее время хозяин русской земли. Мы решили раз навсегда прекратить в нашей стране все попытки империализма и захвата, ибо мы, русские демократы, не хотим порабощений, не хотим никаких захватов. Мы служим идее равенства и братства всех народов. Мы должны знать и верить, что тот энтузиазм, которым охвачена русская демократия, проистекает не из каких-либо частичных, даже не из идеи отечества, как понимала эту идею старая Европа, а из тех идей, которые заставляют нас думать, что мечта о братстве народов всего мира претворится скоро в действительность, что близок уже миг, когда все демократии мира поймут, что между ними нет вражды и не может быть вражды.

Мы, русские демократы, до конца будем стоять на тех позициях, которые высказаны в декларации Врем. Правительства о целях войны и в декларации к народам всего мира Совета Рабочих Депутатов. Мы никогда и ни в каких условиях не допустим вернуться к старым захватным задачам войны. Мы просим вас передать о подлинных чувствах русского народа и русской демократии французским и английским рабочим и вашим правительствам. Мы просим вас верить, что интересы французской и английской демократии дороги русскому народу, и мы ждем от вас, чтобы вы оказали на остальные классы своих государств такое же решающее влияние, которое мы здесь, во внутренней России, оказали на наши буржуазные классы, заявившие ныне о своем отказе от империалистических стремлений».

На другой день обе указанные делегации пришли в Таврический дворец на заседание Исполнительного Комитета. Это было уже на третий день после окончания Всероссийского совещания, на котором было выбрано еще человек 50 новых членов Исполнительного комитета и общее количество членов Исполнительного Комитета превышало 90. Собрание было весьма многолюдное, но приходится сожалеть, что протокольная запись велась так неряшливо, что ход заседания теперь расшифровать весьма трудно. Однако это заседание имело столь необычайный характер, и благодаря этому оно сохранилось в моей памяти настолько живо, что общую картину его и ход прений восстановить возможно.

Первым выступил депутат социалист М. Кашен, заявивший о желании обеих делегаций познакомиться с резолюциями только что закончившегося Всероссийского Совещания Советов Р. и С. Депутатов. Делегатов особенно интересовала резолюция о войне. Председательствовавший на заседании Исполнительного Комитета Н. С. Чхеидзе попросил сообщить Исполнительному Комитету об их целях приезда в Россию. На этот запрос за всех отвечал М. Кашен. На этот раз М. Кашен заявил, что все они приехали в Россию не говорить, а выслушать, и решительно запротестовал по поводу появившейся тогда в шведских газетах информации о целях их поездки. М. Кашен всячески защищался

от обвинений со стороны шведской с.-д. (левой) печати, разоблачившей тогда правительственный характер их путешествия. Действительная задача их приезда, по словам М. Кашена, заключалась в желании видеть видоизменения, произведенные революцией. Для них интересно было наглядно видеть работу демократии на деле. Перейдя к вопросам политики и указав, что вопросы внутренней политики тесно сплетаются с внешней политикой, М. Кашен выразил желание, чтобы русские социалисты пошли навстречу французским социалистам, ибо они желают согласовать свои действия с нашими. При этом он указал, что было бы очень печально, если бы мы оказались в оппозиции друг другу. Чтобы избежать последнего, они считали крайне важным выработать вместе с русскими социалистами общую линию поведения как во внутренней, так и во внешней политике. Далее он же сообщил, что они ознакомились с нашими документами и резолюциями и убедились, что по всем основным вопросам, в особенности же по вопросу о войне, они согласны и находят, что они вполне соответствуют основным принципам французской революции.

Что же касается до наших требований об отказе от аннексий, то М. Кашен заявил, что они уже добились от своего правительства отказа от захватов и рассматривают войну, как защиту страны, как войну против захватов. В резолюциях нашего Совещания Советов они видели лишь подтверждение принципов, высказанных ими своевременно на партийных съездах и в прессе. Принцип освобождения народов они понимают не только по отношению к тем народам, которые потеряли свои свободы под влиянием победы Германии, но и по отношению к тем, которые потеряли их прежде. Все союзные державы под влиянием демократии приняли эту точку зрения.

По вопросу об отношении Советов к Врем. Правительству М. Кашен сказал, что в резолюции о поддержке правительства они находят подтверждение их собственной тактики по отношению к своему правительству, которая включала принцип условной поддержки, поскольку правительство не шло в разрез с требованиями демократии.

Но для них была интересна не только резолюция о Врем. Правительстве, но также и то, каково воздействие Совета на Врем. Правительство и как организовали мы свои силы в стране. Интересовал их вопрос об угрозе контр-революции. Но особенно долго остановился М. Кашен на вопросе об отношении свободной России к войне, а также и на понимании характера современной войны. «Вы, социалисты, против войны, но как вы представляете себе условия, которые приведут к наступлению мира, если со стороны противника вы не встретите поддержки? Мы гораздо более скептически относимся к германским социал-демократам. В свое время мы обращались к германским социал-демократам с призывом, но благоприятного ответа не получили». Этот опыт заставляет их иначе относиться к утверждениям о революционном движении в Германии. Они не верили в возможность революционного движения в Германии в связи с воззванием Совета «К народам всего мира» от 14 марта.

Французов и англичан весьма смущал лозунг мира «без аннексий и контрибуций». М. Кашен особенно просил разъяснить, как понимать «мир без аннексий и контрибуций». Они принимали без спора первую часть этой формулы — мир без аннексий, но не понимали второй ее части — «без контрибуций». Если под словом контрибуция понимать возмещение военных расходов, то это приемлемо. Во Франции лишь небольшая часть реакционеров стоит за контрибуцию в таком смысле. Они также против навязывания коммерческих договоров побежденной стороне, и они не хотят превратить побежденных в колонию. Но как быть со странами, подвергшимися нашествию, разорению? Третья

часть Франции, вся Бельгия и Сербия заняты немцами и разорены. Восстановление разрушенной промышленности, земледелия, вызвало бы расходы от 5 до 10 миллионов франков. Согласно закону, во Франции необходимо всем лицам восстановить дома, заводы, чтобы и рабочие и крестьяне могли прожить. Россия пострадала меньше (окраины), и делегаты опасались, чтобы не забыли тех, кто больше пострадал — французский пролетариат. Далее М. Кашен нарисовал картину ужасных разрушений и тут же заявил, что они репрессий не хотят, но они находят, что расходы на восстановление разрушенных областей не должны пасть на плечи потерпевших бельгийцев, французов, сербов и других, а лечь на спину германских стран, которые повинны в этом. Русская революция создает очень выгодные условия; опираясь на ее силы, они должны будут давить на свои правительства, но они должны получить ответ на вопрос о возмещении, и тогда им будет легче бороться. Они полагают, что демократия должна будет установить контроль внешней политики и после войны. Жорес всегда протестовал против тайной дипломатии, но тогда в Европе не было реальной силы. Только ныне они ее видят в лице русской революции, и Россия должна быть пионером в демократизации внешней политики. В этом они видят задачу завтрашнего дня.

Таково было, в основном, содержание речи М. Кашена. Во время речи Кашену был поставлен ряд вопросов мною и меньшевиком Гриневичем. Ответы на них М. Кашен дал в своей речи, в частности по вопросу о борьбе за прекращение войны. По окончании его речи поставили вопрос о том, обсуждать ли его доклад, или же перенести дачу ответа делегатам на особое частное совещание. Все оборонцы стремились снять с обсуждения поставленные французами вопросы и перенести спор, вернее — сговор с ними, на «частное совещание». Но против этих предложений выступили все с.-д. большевики, с.-д. меньшевики-интернационалисты, а также социалисты-революционеры — интернационалисты. Общими силами нам удалось склонить большинство на обсуждение, о чем и было принято постановление: «выслушать все интересующие французов вопросы, сформулировать их и дать коллективный ответ после обсуждения в Исп. Комитете, кроме того, по желанию гостей, устроить и частное совещание; в виду выраженного товарищами желания получить разъяснение по некоторым резолюциям откомандировать какого-нибудь товарища для разъяснений.»

После этого выступил Ляфон и говорил об отсутствии правильных сведений о положении дел в России, что ставило их в трудное положение, ибо по ряду вопросов, которые им ставили во Франции, они не могли дать ответа. Их интересовали вопросы о том, что́ сделано в смысле распространения идеи манифеста «К народам всего мира». Им неизвестно, как действует организационное строительство русской демократии. Но особенно интересовало их, как идет дело организации обороны. Этим они интересовались как представители народа, так как французы больше всех страдают. «Все буржуазные органы печати искажают истинное положение дел в России, и нам приходится его восстанавливать. Только от нас могут узнать правду». Затем Ляфон сказал, что делегатам многое необходимо узнать, что делается у нас, более чем нам (русским) у них. Подчеркивал важность организации осведомления, ибо русская революция имеет много сторон, разъяснить которые можем только мы, в частности, — формы строительства новой демократии.

После Ляфона было предоставлено слово пишущему эти строки. Н. С. Чхеидзе предложил Дану быть переводчиком, но от этой любезности я решительно отказался и заявил, что французским языком владею достаточно для того, чтобы изложить свои мысли. Тогда они поставили вопрос о том, чтобы я сказал собранию Исп. Коми-

тета сначала по-русски то, что предполагал сказать делегатам. На это я согласился и сделал коротенькое изложение по-русски.

Свою речь я начал с критики состава самой делегации, заявив, что она не может считаться представительницей революционных пролетариев-социалистов Франции, а представляет лишь часть французских правительственных социалистов. Среди приехавших делегатов не было ни одного представителя социалистов меньшинства. В качестве довода я использовал полученное из Парижа письмо сторонников меньшинства, заявлявших о своих несогласиях с военной политикой социалистов большинства. Это письмо мне привезли приехавшие делегаты, но за чьими подписями оно было, не помню. В протоколе сохранилась лишь весьма неточная запись на слух, в вольном переводе. Но из этой записи видно, что социалисты из оппозиционного меньшинства имели за собой половину организованных социалистов во Франции и стояли за объединение Интернационала. Эти факты показывали, что внутри французской социалистической партии нет единства, а приехавшие воспользовались привилегиями, предоставленными им правительством, не могут считаться подлинными выразителями рабочих и социалистических организаций и поэтому не заслуживают доверия.

Затем я перешел к доказательству того, что не они давят на свое правительство, а оно держит их в плену. Что война ведется не во имя торжества демократии и цивилизации, а ради захвата рынков. Что за время войны в самой Франции, под видом «национального единения», господствует невиданная реакция. Для иллюстрации «демократических» побед во Франции я продемонстрировал перед делегатами и членами Исполнительного Комитета несколько номеров издававшейся в Париже газеты «Наше Слово», интернационалистского направления, которые имели $^3/_4$ пустых, изъятых цензурой мест. Эта демонстрация произвела на членов Исполнительного Комитета большое впечатление и смутила всех представителей западной цивилизации.

Третьим пунктом моего выступления было обвинение французов из социалистического большинства в том, что они являются виновниками обмана рабочих и пособниками буржуазии в бойне народов. Коснулся и их целей приезда — подогнать русские армии в наступление, что также свидетельствовало о том, что они защищают не рабочих, а буржуазию.

С ответом на мою речь выступил сначала Мутэ, заявивший, что он привез все партийные постановления, свидетельствующие, что единство в организациях существует полное. Единство было при голосовании кредита на войну. Раздвоение наблюдалось в 1916 году. Мутэ решительно возражал относительно ответственности за войну, ссылаясь на речи Жореса и на все его попытки предотвратить войну. Он выражал надежду, что на почве решений Совета можно сойтись и сговориться. Они готовы усилить свое воздействие на правительство, но они должны знать ясно и точно, чего мы хотим, и тогда успехи русской революции закрепятся и вне России.

После Мутэ выступил один из представителей английской делегации, — кто именно, теперь не помню. Он начал свою речь сожалением, что не говорит ни по-французски, ни по-русски. Приехал уполномоченным от английской рабочей партии и комитета тред-юнионов. Первая его задача — передать поздравления Советам Р. и С. Депутатов и выразить радость, что революционное движение шло так удачно. Вторая задача — привезти в Англию общее впечатление обо всех событиях, а также передать о том, как смотрит русская демократия на войну, и не только на войну, но и на последствия войны, на организацию Европы после войны. От имени комитета тред-юнионов он передал при-

глашение послать представителей русских организаций на конгресс тред-юнионов, который должен был состояться в первую неделю сентября, в городе Б. На нем будет обсуждаться отношение к войне, и он считал, что будет очень важно, чтобы мнения русских рабочих там были высказаны. Во многих собраниях обсуждался вопрос о мире и войне, и все партии пришли к одному заключению: пока Бельгия, часть Франции, находятся в руках Германии, вопрос о мире не может обсуждаться. До тех пор, пока часть Европы находится в распоряжении Германии, мира быть не может. Только после разрушения германского империализма и может итти речь о мире. Нет данных, говорящих о том, что германский народ подготовляется к революции, как Россия. Но так как нет таких данных налицо, то до тех пор вопрос о мире решен быть не может. Английское кородевство достаточно велико, и ему не нужны территориальные завоевания. Вопрос об аннексиях связан с вопросом о порабощении, и таких целей Англия не преследует.

После англичанина я вновь прошу слова, но мне его дали только для постановки вопросов делегатам, а просьбу о предоставлении слова занесли в очередь. Но и постановку вопросов я постарался использовать в целях разоблачения фальши этих делегатов и их милитаристской позиции. Опять на французском языке я попросил разъяснить нам следующие три вопроса. 1) Мы слышали, что обе делегации говорят от имени рабочего класса, но почему же среди них нет представителей от той части французских и английских рабочих, которые стоят в оппозиции к изложенным прибывшими представителями взглядам? 2) Далее я попросил разъяснить нам, как они смотрят на освобождение колониальных народов, эксплоатируемых капиталистами их стран? Делегаты французские и английские говорили об освобождении всех народов. Что же они думают делать с Конго, Марокко, Ирландией, Индией и др. колониями? Ведут ли они борьбу за освобождение народов этих колоний? 3) Указав, что делегаты-французы ссылались на Жореса, как на первого борца с тайной дипломатией, мы хотели бы узнать их мнение о том, будут ли они добиваться опубликования всех договоров, заключенных между французским правительством и русским царизмом?

На все вопросы, заданные мною, ответ дал Ляфон, заявив по первому, что отсутствие представителей меньшинства не является актом преднамеренным. «Вы, русские люди, интересуетесь знакомыми по личным связям, но среди меньшинства не нашлось ни одного, желающего поехать». Далее Ляфон признал, что полного единства среди французских социалистов, конечно, нет, но связь все же довольно крепка, и они желают и нам от всего сердца такого же согласия. Посланный общий привет — лучший показатель этого согласия. У социалистов нет обычая непременно во всем быть согласными.

Прямого ответа на второй вопрос, о борьбе за освобождение колоний, Ляфон не дал и занялся словесной эквилибристикой. Шляпников говорил об освобождении колоний, но связан ли этот вопрос с войной и следует ли его понимать, что не нужно освобождать Сербию и Бельгию до тех пор, пока Марокко, Конго и др. колонии не будут освобождены? Все французские социалисты против колониальной политики, но они не могут их освободить, они не хозяева положения. Они согласны с тем, что европейские державы не должны угнетать свои колонии. Но теперь дело идет об европейских государствах, которые попали в порабощение благодаря войне. Все французские социалисты действуют в определенном направлении, и Мутэ всегда выступает защитником угнетенных народов. Недавно он выступал в Алжире. Одним словом, мы находимся в таком плачевном положении, в каком вы, русские социалисты, очутитесь завтра, когда станете лицом к лицу с судьбой порабощенного народа.

По третьему вопросу, о борьбе с тайной дипломатией, — этот вопрос для французов стар. К сожалению, после разгрома Франции Пруссией (в 1871 г.) она попала под влияние реакции. Теперь, когда русская революционная демократия может взять судьбу своего положения в свои руки, задачи французских социалистов упрощаются и облегчаются. Нам будет легче добиться уступок в смысле демократизации внешней политики. В частности, что касается до опубликования тайных договоров, они этого требовали и дальше будут требовать.

Затем он попытался объяснить гонения французской цензуры на газету с.-д. интернационалистов «Наше Слово» тем, что французская военная цензура не делала различий между газетами различных направлений. Они обращались по этому поводу к французскому правительству, но правительство находилось под давлением Извольского, угрожавшего, что Россия не будет воевать. Политика Извольского — шантаж. Извольский поддерживал Константина против Венизелоса. Этот шантаж продолжается. Но французское правительство поддерживало русских революционеров, многим выдавало французские паспорта.

После Ляфона выступил еще один англичанин, начавший свою речь с заявления, что английский народ не может допустить, чтобы народы управлялись чуждыми правительствами, и перешел затем к указанию на огромную важность посылки делегатов от Совета на сентябрьский конгресс тред-юнионов. На этом конгрессе будут представлены 3 миллиона организованных рабочих. До войны на конгрессах принимали участие представители рабочих организаций различных стран, в частности и от Германии, но теперь, во время войны, немецких делегатов больше не приглашали.

В виду того, что Германия не считалась со святостью договоров, Канада признала необходимым вести борьбу за национальную независимость и добиться обязательного соблюдения договоров. По его мнению, победа Германии была бы большим несчастием и уничтожением всей Европы, поэтому нужно бороться до полной победы, до конца.

С ответом на поставленные мною вопросы выступил третий английский делегат, заявивший, что в Англии принято, что меньшинство подчиняется большинству. Меньшинство же имеет привилегию: ему предоставляется право задавать вопросы. Всякий представитель во всяком заседании и собрании есть представитель большинства.

Англия состоит из многих наций, имеющих свои языки, религии. Наш идеал — создать федеративное государство, в котором могли бы свободно развиваться все народы. Вопрос об Индии самый сложный: в Индии сотни языков, сотни религий, обычаев. Каждая группа, племя, обычно чуждается другого. В Индии имеется несколько организаций, а во главе стоит собственное правительство, которое управляет в совете с англичанами. Управление племенами построено совершенно своеобразно, и из всех организаций только одна поддается демократизации. Англии там верят, и она много делает для воспитания свободных граждан в Индии. Англичане ввели там бесплатную обязательную грамотность, уже в 1808 году были сделаны первые шаги к самоуправлению. Прошу товарищей верить, что как только Индия будет подготовлена к самоуправлению, — оно будет ей дано.

Вопрос о самоуправлении Ирландии приостановлен только на время войны. После войны Ирландии будет предоставлено полное самоуправление. В Ирландии были разногласия между севером и югом, но обе части пришли к соглашению, и английское правительство прилагает все усилия, чтобы это соглашение осталось и после войны. Относительно борьбы с тайной дипломатией мы все согласны. В Англии будет образован еще

во время войны комитет по иностранным делам, как и во Франции. Уничтожения тайной дипломатии требуют не только рабочие, но и средний класс Англии [1]).

Против воли с.-д. оборонцев посещение иностранными социалистами Исп. Комитета закончилось совершенно нежелательной для них дискуссией. Содержание бесед с иностранными гостями опубликовано не было. Лично я должен был сделать это для нашей «Правды», но через день или два после этого был контужен и на некоторое время выбыл из строя, попав в госпиталь.

После этого совещания все переговоры велись представителями социал-патриотов в «частном порядке». Исполнительному Комитету так и остался неизвестным тот коллективный ответ, который было постановлено дать социалистам Франции и Англии. Переговоры и сговоры происходили также и в отделе международных сношений Исп. Комитета, организованном незадолго до этого.

В те же дни — начала апреля — прибыла телеграмма Бернской комиссии (Кинтальской), предлагавшая, в ответ на воззвание Совета «К народам всего мира», свою инициативу для созыва международной конференции социалистов, противников войны.

Вскоре после приема Исполнительным Комитетом английской делегации из самой Англии были получены сообщения, разоблачавшие самозванный характер делегации, а также ее непосредственную связь с правительством. Вопрос об этой делегации рассматривался 13 апреля в заседании Исполнительного Комитета, и было вынесено решение напечатать о том, что Исполнительный Комитет сожалеет, что вступил в сношения с делегатами, осужденными двумя социалистическими партиями. Возмущение с.-д. меньшевиков и соц.-революционеров было огромное, но все-таки постановление Исп. Комитета напечатано не было. Закулисные сделки обязывали с.-д. меньшевиков и соц.-революционеров скрывать от русских рабочих этот факт, разоблаченный нашей газетой «Правда».

На одном из заседаний Исполнительного Комитета было постановлено пригласить все социалистические партии принять участие в работах по созыву Международной Социалистической Конференции. На это приглашение наша партия ответила мотивированным отказом, принятым Всероссийской Конференцией и напечатанным в № 41 «Правды» (от 26 апреля 1917 г.). Эта резолюция - ответ была оглашена на заседании Исполнительного Комитета от 25 апреля. К ней присоединились там же представители петроградской группы польской соц.-демократии, а также представители ЦК латвийской с.-д.

Отношение других партий к созываемой конференции было совершенно иное. Представитель Организационного Комитета заявляет, что будет принимать участие в конференции, на которой будут представлены и так называемые меньшинства, не откажется принимать участие в Конференции, состоящей из одних меньшинств [2]).

Тов. Брамсон от имени трудовой группы заявляет, что трудовая группа считает возможным участвовать в конференции при условии, что будут представлены на ней социалистические партии Франции и Англии; при отсутствии большинств соц. партий союзных стран трудовая группа не считает для себя возможным участвовать в Конференции.

От имени ЦК Бунда т. Эрлих высказывается за необходимость активного участия на Конференции, где будут представлены по возможности все партии.

---

[1]) См. «Дело междунар. отд. Петрог. Совета Р. и С. Деп. Протокол заседания ИК от 6/IV 1917 г.». Архив Окт. Революции. ф. XXX. В сборнике протоколов не опубликован.

[2]) Арх. Окт. Рев., ф. XXX, В/1, д. № 37.

Почти все дальнейшие ораторы сошлись на том, что инициативу созыва Конференции должен взять на себя Совет как орган русской революции. Разногласия проявились в вопросе о составе будущей Конференции. Меньшинство находило невозможным участие на Конференции тех большинств, которые за время войны проявили себя как партии, слепо шедшие за своими правительствами, разорвавшие связь с Интернационалом и руководившиеся в своей деятельности в первую голову интересами своей национальности. Поскольку на будущей Конференции ставят задачи мира без аннексии и контрибуции, мира, продиктованного интересами не только русской революции, но и интересами международного пролетариата, к такой конференции должны быть привлечены лишь те партии и группы, которые в своих государствах боролись против аннексионных стремлений и империалистических замашек своих собственных правительств и их прислужников, социалистов-патриотов, т.-е. так называемых «меньшинств».

Большинство Исполнительного Комитета, наоборот, для успеха дела мира считает необходимым привлечение по возможности более широких масс пролетариата лишь при условии привлечения всех партий и групп, входящих в состав Интернационала. Конференция достаточно компетентна и сильна, чтобы осуществить идеалы мира. После прений огромным большинством принята резолюция, предложенная тов. Даном [1]). В этой резолюции было заявлено, что:

1. «Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов берет на себя инициативу по созыву Международной Социалистической Конференции.

2. К участию в ней должны быть приглашены все партии и фракции пролетарского Интернационала, которые готовы стать на почву платформы воззвания Совета к народам всего мира.

3. Необходимым условием осуществления Международной Конференции Исполнительный Комитет признает предоставление всем без исключения социалистическим партиям и фракциям фактической возможности проехать к месту созыва Конференции. Исполнительный Комитет обращает в этом смысле самые настойчивые представления всем правительствам и категорически требует от фракций большинства гласного, открытого и энергичного настояния перед своими правительствами о свободном пропуске делегатов меньшинства.

4. Местом созыва Конференции должна быть избрана нейтральная страна.

5. Для подготовки Конференции и выработки ее программы при Исполнительном Комитете образовывается особая комиссия по созыву Конференции из представителей Исполнительного Комитета и из представителей партий, являющихся членами Интернационала и входящих в состав Исполнительного Комитета.

6. Немедленно должно быть выпущено воззвание ко всем народам и специальное обращение к социалистам союзных стран по вопросу о мире и созыве Конференции.

7. Должна быть послана особая делегация Исполнительного Комитета в нейтральные и союзные страны для установления контакта с социалистами этих стран и делегация в Стокгольм для подготовки Конференции».

На заседании Исполнительного Комитета от 25 апреля было заслушано письмо Альбера Тома, в котором он просил о приеме. Вопрос был поставлен на голосование; большинством, 27 голосами против 12, при 4 воздержавшихся, ему был назначен прием на 29 апреля. Против приема и разговоров с А. Тома голосовали все члены с.-д. большевики и некоторые интернационалисты-меньшевики.

---

[1]) Центрархив. Петроградский Сов. Р. и С. Д. Протоколы заседаний 1925, стр. 127, 128 и прилож. стр. 322.

Прием А. Тома состоялся, и речь сохранилась в протоколе Исполнительного Комитета от 29 апреля почти полностью, но без всякого постановления по заслушанному. Вот ее содержание:

«Прием Альбера Тома. Председатель приветствует Тома и выражает надежду, что французские социалисты будут содействовать скорому окончанию войны на условиях, формулированных в воззвании Совета к народам всего мира. Тома благодарит за приглашение; он говорит, что в полной мере в громадной роли и силе Совета он убедился только по приезде в Россию. Цель его посещения — высказаться по ряду вопросов, которые волнуют не только русских, но и социалистов всего мира. Он надеется, что ему удастся показать всю трудность положения французских социалистов и найти понимание и сочувствие в русских товарищах. Приехал он в Россию с миссией от правительства принести привет новой России и с некоторыми военными целями. Вопрос об обмене войсками, вопрос о выяснении условий, при которых война может продолжаться, входили в программу его посещения. Незадолго после начала русской революции стал поступать от французского посла ряд беспокойных телеграмм. Тревога во Франции росла, и правительство решило его послать. Результатом, в первую голову, было смещение Палеолога, но официальными рамками он не может ограничить своей задачи; как социалист он хочет присмотреться ко всему совершающемуся, в особенности к настроениям и деятельности органов революции, как Совет. Его интересует, как смотрит Совет на обязательство и договоры, прежде заключенные между Россией и союзниками. Предварительно он хотел бы познакомить собрание с тем, что́ пережила Франция в течение настоящей войны. Когда началась война, французы убедились в громадной силе германского милитаризма, и все надежды возлагались на Россию. Вначале жили еще мифами. Говорили о громадной славянской силе, которая в нужную минуту придет на помощь, но постепенно убеждались, что старый режим был беспомощен оказать ее в надлежащей мере, приписывали ее слабость германофильскому влиянию Штюрмеров, императрицы, и это вызвало неоднократные визиты и посылки специальных миссий. Постепенно приходили к убеждению, что настоящая помощь может притти лишь с освобождением России, с момента свержения старого режима. Но вот пришла, наконец, и долгожданная русская революция, а помощь Франции «нужно, это прямо сказать», свелась к нулю. Франции приходится теперь, как никогда, нести все тяготы войны, у французов все больше и больше растет недоумение и беспокойство. Нет сомнения, что старые демократии, к которым принадлежит и французская, не понимают смысла многих слов, которые вы произносите; в вашей формуле «мир без аннексий и контрибуций» их поражает ее, так сказать, негативный характер. Им оно представляется, как голое отрицание войны. Они не понимают, что в этой формуле вложено глубокое отрицание старого режима. С другой стороны, видя, что западные демократии не стоят на почве этих лозунгов, вы им приписываете империалистические задачи. Подобно тому, как Тома ставит себе задачей разъяснить своим согражданам глубокое революционное значение тезисов Совета, он хотел бы рассеять и обвинения и упреки французских социалистов в приверженности к империализму, но не трудно, проследив всю внешнюю политику французов за последние годы, убедиться в обратном. Еще задолго до этой войны поведение социалистов, с Жоресом во главе, было направлено на то, чтобы устранить политические промахи Франции. Социалисты давно уже открыто устанавливали ответственность Франции за всякий возможный конфликт, как было в вопросе о Марокко и в целом ряде других вопросов. Больше всего опасались, чтобы какой-нибудь ложный шаг со стороны французской дипломатии не мог пасть виной на Францию. И если начавшаяся война, объединившая всю страну в священный союз, сплотила и крепко связала всех французских социалистов, то это объясняется лишь тем, что война Франции была навязана, что никаких захватных стремлений в ней Франция не преследует. Желание, объединяющее всех французов, — прочный мир, но если Франция, французский народ не желает ни аннексий, ни завоеваний, он добивается гарантий осуществления прочного мира. Есть еще одно желание, сплачивающее всех фран-

цузов. Это вопрос об Эльзасе и Лотарингии. Французы не собирались воевать из-за Эльзаса и Лотарингии, но, когда началась война, когда было затрачено столько жертв, Франция не может отказаться от своих отторженных провинций. В этом вопросе французы единодушны, в этом вопросе ни одна партия не уступит, хотя социалисты не предрешают, как этот вопрос будет разрешен. В порядке ли плебисцита, или иным путем, французские социалисты всецело признают принцип национального самоопределения. Они всегда стремились к мирному сожительству народов. Препятствием к этому служила и может служить Германия. До тех пор, пока, в частности, Мец находится в ее руках, Франция пребывает в постоянной угрозе.

В настоящий момент весь ход войны совершенно изменился под влиянием двух главных факторов: вступления демократической Америки в войну и русской революции.

Америка, в течение двух лет войны в качестве нейтральной державы показавшая свою готовность способствовать делу мира, несомненно, внесет свою примиряющую ноту, но еще большее значение имеет второй фактор — русская революция. Позиция ее выразителя—Совета—предполагает необходимость давления социалистов союзных стран на свои правительства с целью побудить их гласно заявить об отказе от аннексий и контрибуций и т. д. Французские социалисты, в частности Тома, готовы всемерно этому содействовать, но, чтобы быть правильно понятыми нацией и рассчитывать на успех, они должны приобрести уверенность, что русская революция не порвала с обязательствами перед союзниками и что русская демократия считает себя морально обязанной итти с ними рука об руку. В дальнейшем Тома находит, что необходимо конкретизировать понятие «без аннексий и без контрибуций», следует ли первую часть этой формулы понимать как .....[1]), тогда остается неясным, как предполагает[ся] разрешить вопрос об Эльзас-Лотарингии и других национальных областях, еще до войны против воли их жителей насильственно-прикрепленных к чужому государству, и что понимать «под контрибуцией». Военные вознаграждения, в роде пяти миллиардов, уплаченных в семидесятом году Францией, или возмещение потерь, понесенных народами, пострадавшими не по своей вине. Ряд недоуменных вопросов, которые могли бы совершенно сбить с толку, если бы не положительная формула, устанавливающая право каждой нации на самоопределение. Еще в 1790 г. французская демократия выдвинула этот лозунг, но она не ограничилась платоническим его выставлением, а силой оружия добивалась его осуществления. Тома спрашивает русских товарищей, готовы ли они его отстаивать силою оружия, способна ли эта формула вдохнуть в русский народ военный энтузиазм? Говорят,—продолжает Тома,—что его залог в гласном отказе союзных стран от завоеваний, тогда, говорят, были бы руки развязаны, и русская демократия получила бы возможность со всей энергией отстаивать эти задачи. Да, конечно, нужно заставить союзную демократию стать на точку зрения русской революции, но нужно и, с другой стороны, показать, что русские не утеряли ни способности, ни желания бороться за общее дело [2]).

События внутри страны, особенно в связи с нотой Милюкова, показывали соглашательскому большинству, что рабочие и солдаты ожидают от них действительной борьбы за мир. Поэтому им пришлось разворачивать свою соглашательскую политику в международном масштабе. Второго мая было опубликовано воззвание Исполнительного Комитета «К социалистам всех стран», следующего содержания:

«Товарищи!

Российская революция родилась в огне мировой войны. Эта война является чудовищным преступлением империалистов всех стран, своею алчностью к захватам, своею

[1]) Пропуск в оригинале.

[2]) См. протокол заседания ИК (Петроградск.) Совета Рабочих и Солдатских Депутатов от 29 апреля 1917 г. Арх. Окт. Рев., ф. XXX.

безумною скачкою вооружений подготовлявших и делавших неизбежным мировой пожар.

Каковы бы ни были превратности военного счастья, — империалисты всех стран одинаково являются в этой войне победителями: война дала и дает им чудовищные прибыли, скапливает в их руках колоссальные капиталы, наделяет их неслыханною властью над личностью, трудом и самою жизнью трудящихся.

Но именно поэтому трудящиеся всех стран одинаково являются в этой войне побежденными. На алтарь империализма они несут бесчисленные жертвы своею жизнью, своим здоровьем, своим состоянием, своею свободою, на их плечи ложатся несказанные лишения.

Русская революция, революция трудящихся — рабочих, солдат — это восстание не только против царизма, но и против ужасов мировой бойни. Это первый крик возмущения одного из отрядов международной армии труда против преступлений международного империализма. Это не только революция национальная, это — первый этап революции международной, которая положит конец позору войны и вернет человечеству мир.

Русская революция с самого момента своего рождения отчетливо сознала стоящую перед нею международную задачу. Ее полномочный орган — Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов,—в своем воззвании 14 (27) марта призвал народы всего мира объединиться для борьбы за мир.

Революционная демократия России не хочет сепаратного мира, который развязал бы руки австро-германскому союзу. Она знает, что такой мир был бы изменой делу рабочей демократии всех стран, которая очутилась бы связанной по рукам и по ногам перед миром торжествующего империализма. Она знает, что такой мир мог бы привести к военному разгрому других стран и тем на долгие годы упрочить торжество идей шовинизма и реванша в Европе, оставить ее в положении вооруженного лагеря, каким она была после франко-прусской войны 1870 г., и тем неизбежно подготовлять новую кровавую схватку в недалеком будущем.

Революционная демократия России хочет мира всеобщего на основе, приемлемой для трудящихся всех стран, которые не ищут захватов, не стремятся к ограблению, которые одинаково заинтересованы в свободном выражении воли всех народов и в сокращении мощи международного империализма. Мир без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов—эта формула, воспринятая без задних мыслей, пролетарским разумом и сердцем, дает платформу, на которой могут, на которой должны столковаться трудящиеся всех стран, воюющих и нейтральных, чтобы установить прочный мир и общими усилиями залечить раны, нанесенные кровавой войной.

Временное Правительство революционной России усвоило эту платформу, и революционная демократия России обращается прежде всего к вам, социалистам союзных держав: вы не должны допускать, чтобы голос русского Временного Правительства оставался одиноким в союзе держав согласия. Вы должны заставить свои правительства заявить решительно и определенно, что платформа мира без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов есть и их платформа. Этим вы придадите надлежащий вес и силу выступлению русского правительства. Вы дадите нашей революционной армии, написавшей на своем знамени «мир между народами», уверенность, что ее кровавые жертвы не будут употреблены во зло. Вы дадите ей возможность со всем пылом революционного энтузиазма выполнить выпадающие на ее долю боевые задачи. Вы укрепляете в ней веру в то, что, защищая завоевания революции и нашу свободу, она в то время борется за интересы всей международной демократии и тем содействует скорейшему наступлению желанного мира. Вы поставите правительства враждебных стран перед необходимостью или так же решительно и бесповоротно отказаться от политики захвата, грабежа и насилия, или же откровенно признаться в своих преступлениях и тем обрушить на свои головы справедливый гнев своих народов.

Революционная демократия России обращается и к вам, социалисты австро-германского союза: вы не можете допустить, чтобы войска ваших правительств стали палачами русской свободы. Вы не можете допустить, чтобы, пользуясь радостным настроением свободы и братства, охватившим революционную русскую армию, ваши правительства перебрасывали войска на западный фронт, чтобы сначала разрушить Францию, затем броситься на Россию и, в конце концов, задушить вас самих и весь международный пролетариат в мировых объятиях империализма.

К социалистам воюющих и нейтральных стран обращается революционная демократия России с призывом не допустить торжества империалистов. Пусть дело мира, начатое российской революцией, будет доведено до конца усилиями международного пролетариата.

Для объединения этих усилий Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов решил взять на себя инициативу созыва Международной Конференции всех социалистических партий и фракций всех стран. Каковы бы ни были разногласия, раздиравшие социализм в течение трех лет войны, ни одна фракция пролетариата не должна отказываться от участия в общей борьбе за мир, поставленной на очередь дня Российской революцией.

Мы уверены, товарищи, что увидим представителей всех социалистических групп на созываемой нами Конференции.

Единодушное постановление пролетарского Интернационала будет первой победой трудящихся над интернационалом империалистов.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Этим призывом наши социал-оборонцы протягивали руки всем соглашателям, надеясь на общий сговор и взаимную амнистию.

Одновременно с воззванием к социалистам Исполнительным Комитетом было опубликовано обращение «к армии», пояснявшее солдатам этот шаг следующим образом:

«Товарищи солдаты на фронте!

От лица революционной демократии России мы обращаемся к вам с горячим призывом.

Тяжелый подвиг выпал вам на долю. Дорогой ценой, кровью своей вы заплатили за преступления царя, пославшего вас воевать и оставившего вас без оружия, без снарядов, без хлеба. Ведь те лишения, которые вы сейчас несете, — дело рук царя и его приспешников, до тла разоривших страну. И много еще усилий понадобится революции, чтобы справиться с разрухой, оставленной ей в наследие грабителями и палачами.

Война не нужна была трудовому народу. Не он ее начал. Затеяли ее цари и капиталисты всех стран. Для народа каждый лишний день войны — лишнее горе. Сбросив с трона царя, русский народ первой задачей своей поставил скорейшее прекращение войны.

С.Р. и С. Д. обратился ко всем народам с воззванием о прекращении бойни. Он обратился и к французам, и к немцам, и к австрийцам.

Россия ждет ответа на это воззвание.

Но помните, товарищи солдаты, наши воззвания ничего не будут стоить, если полки Вильгельма разгромят революционную Россию раньше, чем на ее призывы откликнутся наши братья-рабочие и крестьяне других стран.

Наши воззвания обратятся в пустой лист бумаги, если за ними не будет стоять вся мощь революционного народа, если на развалинах русской свободы утвердится торжество Вильгельма Гогенцоллерна. Гибель свободной России будет громадным, непоправимым несчастием не только для нас, но и для трудящихся всего мира. Товарищи солдаты! Защищайте же изо всех сил революционную Россию!

Рабочие и крестьяне России всею душою стремятся к миру. Но этот мир должен быть всеобщим миром для всех народов, по их общему соглашению. Что будет, если мы захотим мира, сепаратного мира только для себя? Что будет, если русская армия

сегодня воткнет штыки в землю и скажет, что она больше воевать не хочет, что ей нет дела до того, что творится на всем белом свете?

Будет то, что, разгромив наших союзников на западе, германский империализм всей силой своего оружия обрушится на нас. Будет то, что германский император, германские помещики и капиталисты поставят свою тяжелую пяту на нашу шею, захватят наши города, села и земли, обложат русский народ данью.

Так неужели для того свергли мы иго Николая, чтобы склониться к иго Вильгельма?

Товарищи солдаты! Совет Рабочих и Солдатских Депутатов ведет вас к миру другим путем. Мы ведем вас к миру, зовя к восстанию, к революции рабочих и крестьян Германии и Австро-Венгрии, ведем вас к миру, добиваясь от нашего правительства отказа от политики захватов и требуя такого же отказа от союзных держав.

Мы ведем вас к миру, созывая международный съезд социалистов всего мира для общего и решительного восстания против войны. Нужно время, товарищи солдаты, чтобы пробудились народы всех стран. Нужно время, чтобы они восстали и железной рукой принудили своих царей и капиталистов к миру. Нужно время, чтобы трудящиеся всех стран сплотились с нами для беспощадной борьбы с насильниками и грабителями.

Но помните, товарищи солдаты. Это время никогда не наступит, если вы не сдержите натиск врага на фронте, если ряды ваши будут смяты и у ног Вильгельма ляжет бездыханный труп русской революции.

Помните, товарищи: на фронте, в окопах, вы стоите теперь на страже русской свободы. Вы защищаете российскую революцию, защищаете своих братьев рабочих и крестьян. Пусть же эта защита будет достойна великого дела и понесенных уже вами великих жертв! Нельзя защищать фронт, решившись во что бы ни стало сидеть неподвижно в окопах. Бывает, что только наступлением можно отразить или предупредить наступление врага.

Иной раз ожидать нападения — значит покорно ждать смерти. Иной раз, только переходя в наступление, можно спасти от истребления и гибели самих себя или своих братьев на других участках фронта.

Помните это, товарищи солдаты. Поклявшись защищать русскую свободу, не отказывайтесь от наступательных действий, которых может потребовать боевая обстановка. Свобода и счастье России в ваших руках.

Защищая эту свободу, бойтесь провокации, бойтесь ловушек. В такую ловушку легко может превратиться то братание, которое развивается на фронте. Революционные войска могут брататься, но с кем? С армией, тоже революционной, тоже решившейся умирать за мир и свободу. Но сейчас не такова еще армия Германии и Австро-Венгрии, сколько бы ни было в ней отдельных сознательных и честных людей. Там нет еще революции. Там войска еще идут за Вильгельмом и Карлом, за помещиками и капиталистами, идут на захваты чужих земель, на грабежи и насилия. Там военный штаб использует не только вашу доверчивость, но и слепую покорность своих солдат.

Вы с открытой душой идете брататься, а навстречу вам выходит из вражеских окопов переодетый в солдатский мундир офицер генерального штаба.

Вы без всякой хитрости говорите с противником, а тем временем его начальство фотографирует местность. Вы прекращаете стрельбу для братания, а за вражескими окопами передвигают в это время артиллерию, сооружают укрепления, перебрасывают войска.

Товарищи солдаты! Не братанием достигнете вы мира, не молчаливыми договорами, которые заключаются на фронте отдельными ротами, батальонами, полками. Не в сепаратном мире и не в сепаратном перемирии спасение революции, торжество мира всего мира. К гибели вас самих, к гибели русской свободы ведут люди, уверяющие вас, что братание — путь к миру. Не верьте им.

Путь к миру другой. Его указал вам Совет Рабочих и Солдатских Депутатов. Поддержите его. Отметайте все, что ослабляет вашу боевую мощь, что вносит в армию разложение и упадок духа. Ваша боевая мощь служит делу мира. Только полагаясь

на вас, что вы не допустите военного погрома России, может Совет Рабочих и Солдатских Депутатов творить свое революционное дело, со всею силою развернуть свою борьбу за мир.

Товарищи солдаты! С доверием и упованием смотрят на вас рабочие и крестьяне не только России, но и всего мира. Солдаты революции, вы окажетесь достойными этого доверия, зная, что делу мира служит ваша боевая работа.

Во имя счастья и свободы революционной России, во имя грядущего братства народов вы исполните свой воинский долг с непоколебимой твердостью!»

Это воззвание являлось одновременно подготовительным шагом к наступательным действиям русских армий, чего так добивалось военное командование союзных стран. В части, говорившей против братания, воззвание прямо натравливало русских солдат на австро-германцев. Самое значение братания на фронте изображалось, как германская ловушка, как хитрость врага.

8 мая Исполнительный Комитет по докладу отдела международных сношений решил образовать «Комиссию по созыву Международной Конференции» и принял по этому случаю нижеследующее постановление:

«1. В состав Комиссии входят: президиум Исполнительного Комитета (4), 3 члена ИК по избранию и представители от следующих партий: от партии с.-р.—2, от с.-д. большевиков — 2, от с.-д. меньшевиков — 2, Бунда — 1, латышских с.-д. — 2, трудовиков—1 (всего 17 человек: 7 по избранию ИК и 10 по назначению центральных партийных организаций). Кворум пленарного заседания комиссии—9 человек.

2. Комиссия выделяет из своей среды: а) делегацию к заграничным рабочим партиям и организациям и б) постоянного представителя в Стокгольме.

3. Делегация состоит из 3 лиц, одним из которых должен быть член президиума ИК, а двое других с.-д-ом и с.-р-ом. В помощь делегации приглашается специальный секретарь. В задачу делегации входит посещение Англии, Франции, Италии и Швейцарии с целью привлечения всех рабочих организаций союзных стран к участию в Конференции.

4. Постоянный представитель в Стокгольме имеет своей задачей быть связующим звеном между делегацией и ИК, с одной стороны, и между ИК и скандинавскими странами—с другой; на него также возлагается обязанность поддержать и развить сношения через нейтральных социалистов с рабочими организациями Германии и Австро-Венгрии. В помощь ему приглашается также специальный секретарь.

5. На посылку делегации ассигнуется кредит в 15.000 рублей (пятнадцать тысяч рублей); постоянному представителю в Стокгольме отпускается кредит в размере 2.000 рублей (две тысячи рублей) в месяц».

Наша РСДРП (б) тотчас же разоблачила двойную бухгалтерию соглашателей и отказалась принять участие в организации такой Международной Конференции. ЦК по этому вопросу послал в Исполнительный Комитет следующее сообщение:

«В ответ на постановление Бюро Исполнительного Комитета от 13 сего мая Центральный Комитет сообщает, что согласно своему отношению к созыву Международной Конференции он отказывается от участия в комиссии о созыве ее».

Жажда мира была настолько сильна, что даже двусмысленное обращение соглашательского большинства Совета вызвало отклик в социалистических кругах Западной Европы. В Исполнительный Комитет поступали приветствия и запросы буквально из всех стран Европы. К Совету обращались различные пацифисты и социалисты. В архиве Исполнительного Комитета сохранилась лишь некоторая часть таких документов, как обращение шведов к Совету Рабочих и Солдатских Депутатов в Петрограде [1]).

[1]) Арх. Окт. Рев., ф. XXX, Д/11, д. № 2.

«Пацифисты Швеции с искренней симпатией и большими ожиданиями следили за освободительною борьбою русского народа. Время созрело для великих событий, и мы надеемся, что за проломом демократии в России последует торжество демократии и в остальных странах света. Мы ожидаем, что демократические силы доведут настоящую войну до конца, навеки освобождающего человечество от бича войны и милитаризма.

Народы алчут мира. Но, несмотря на это, военная борьба продолжается с неуменьшенной интенсивностью и той же силой, и мир, как тучи и туман, рассевается перед свирепым ураганом, каждый день разоряющим тысячами драгоценные человеческие жизни. Долго ли? — с трепетом спрашивают народы. До тех пор, пока кто-нибудь да победит,—отвечают правительства. Но мир, которого тогда добивался бы [1]),не будет, пожалуй, мир права, а все еще мир власти, тяжелый и угнетающий. Такого мира не жаждут люди. Они требуют всеобщего и постоянного мира народов, основанного не на военных средствах власти, а на взаимных интересах наций.

Мысль о сепаратном мире между Россией и центральными империями отныне уж придется считать исключенной. Если Россия добивалась мира, а другие государства продолжают бороться о победе, о власти сильного над слабым, тогда уж мы недалеко двигались вперед на пути к будущему царству человечества.

Но теперь именно России представляется возможность вступить образом, определенно разъясняющим мирные старания сражающихся правительств.

Совет Рабочих и Солдатских Депутатов высказался за мир без захватов. Это желание мира, однако, должно оформиться в более конкретные цели мира.

Несколько нынешних вождей русского народа обещались быть сторонниками тех линий мира, заявленных президентом Вильсоном в его большой речи в сенате и являющихся теми же, которые были приняты шведским и северным движением мира в 1915 г., направляющими линиями для постоянного мира, а именно:

всемирный союз мира с правом самоопределения для наций;

международное правовое положение с обязательным третейским судом во всех спорных вопросах;

отмена национальных войск.

Если Россия теперь представила бы в центральные империи сделать державам Согласия мирное предложение по этим направляющим линиям и обязалась бы у своих союзников поддержать такое предложение о мире, то центральные империи и другие сражающиеся государства имели бы случай на деле изъявить род их желания мира.

Шведские организованные пацифисты, убедительно просим вас, русских братьев, во имя любви и человечества, влиять на русское правительство, дабы подобное предложение было бы принято им, убеждены этим служить тому миру, который должен стать миром будущности».

Стокгольм 16 мая 1917 г.

За Шведское общество мира и арбитража:

Следуют семь подписей: *Н. Берг*, *Кнут* (Сандс?), *Г. Люндгрин*, *Карл Линдхаген*, *Эмиль Ярсон*, (неразб.), *Е. Винберг*.

Прямым ответом на то же воззвание было и письмо «Голландско-Скандинавской комиссии», сообщавшей от 9/22 мая 1917 г., что

«Голландско-Скандинавская комиссия приняла вчера граждан Вандервельда и Демана, проездом в Стокгольм, едущих в Петроград. От имени собрания Брантинг приветствовал представителя Международного социалистического бюро, которое, несмотря на кризис войны, сохранило в глазах всех социалистов престиж великого морального авторитета. При продолжительном обмене мнений Вандервельд заявил, что, подчиняясь мандату, данному из занятой неприятелем Бельгии, он считал невоз-

[1]) Не вполне удачные выражения принадлежат русскому переводу обращения. *Ред.*

можным принять участие совместно с социалистами, поддерживавшими и поддерживающими империалистическую политику центральных держав. С другой стороны, не может быть возражений, а, наоборот, может представить выгоды, чтобы представители всех социалистических течений одни за другими приезжали бы в Стокгольм и высказали бы свои точки зрения перед Голландско-Скандинавской комиссиею.

До собрания гражданин Вандервельд выяснял в Голландско-Скандинавской делегации, при каких условиях она приехала в Стокгольм. На заявление делегации, что она всецело ответственна за инициативу этой поездки, за которую исполнительный комитет международного социалистического бюро не несет никакой ответственности, Вандервельд ответил, что это заявление устраняет всякие недоразумения и что с его стороны нет возражений против принятого делегацией образа действий.

Комиссия также приняла гражданина Рубановича, представителя партии русских социалистов-революционеров в МСБ, который высказал свое мнение относительно настоящего положения вещей.

Гражданин Боргбьер, на обратном пути из Петрограда, подробно делился своими впечатлениями насчет переговоров с русскими товарищами, которым он передал программу о мире, подсказанную некоторыми влиятельными членами большинства германской социал-демократии.

Запрошенный Боргбьер заявил, что он действовал исключительно от своего имени. Председатель отметил это заявление и подчеркнул согласие Боргбьера с уже высказанной комиссией точкой зрения о том, что при нынешних условиях центр международной социалистической деятельности должен, ради счастливого завершения предпринятого дела, находиться при партии нейтральных стран».

Вандервельд, о поездке которого говорилось в письме, прибыл в Россию и соединился с самыми шовинистическими и воинственными кругами. До своей поездки в Россию он постарался договориться с Макдональдом о совместном действии, и последний изложил свой взгляд на задачи русской демократии в следующем письме.

26 апреля 1917 г.

«Дорогой Вандервельд!

В подтверждение нашего вчерашнего разговора, сообщаю вам вкратце мое мнение о том, как должны сейчас действовать наши русские товарищи с целью использовать громадное влияние, которое русская революция имела на общее положение Европы.

Дальнейшее развитие придет само собою.

1. Я считаю необходимым, чтобы они действовали как одно целое для европейской демократии, а если бы они согласились кончить войну, получив гарантии исключительно для России, они возложили бы на других заботу уладить все затруднения и потрясения, которые Европа переживает в настоящее время.

2. Поэтому я думаю, что наши русские товарищи должны формулировать демократическую программу мира, выставляя условия, приемлемые для демократий всех европейских стран. Принимая во внимание большую натянутость и подозрительность, которые ныне обнаруживают воюющие народы, а также зловредные влияния, старающиеся внести разлад между ними, эта программа должна быть объявлена по совместном обсуждении и могла бы исходить от наших русских товарищей в согласии с товарищами из других наций.

3. Программная декларация должна состоять из двух главных пунктов:

А. Само решение — как-то: реставрация и полное восстановление Бельгии, средства для решения балканских национальных задач, интернационализация Дарданелл, объединение и независимость Польши и т. д. В этом пункте было бы указано на то, что некоторые из этих задач могут быть решаемы только международными комиссиями, тогда как другие никакому торгу не подлежат. К первой категории отно-

сятся балканские недоразумения, ко второй — восстановление Бельгии как независимое суверенное государство.

Б. Политические условия, при которых исключительно возможно ненарушимое строительство. Главнейшие из этих условий, это: чтобы европейские нации были демократичны, чтобы правительства, не совсем подчиненные демократическому контролю, перестали существовать и чтобы даже те правительства, которые номинально демократичны, были бы навсегда подчинены демократической власти по вопросам международной политики. Этот пункт должен также содержать декларацию в пользу союза народов (по вопросам о вооружении и о воинской повинности), с тем, чтобы могли бы быть проведены в жизнь самые широкие пожелания европейской демократии относительно постоянных условий мира и братских отношений.

4. Я повторяю, что, если наши русские товарищи уразумеют, насколько велика в этом их ответственность, их политика должна быть направлена к тому, чтобы вести за собою и вдохновить всю Европу, а не только оставить Европу в безвыходном положении. Однако им будет необходимо дать совершенно ясно понять своим внешним союзникам, что демократия в России не будет больше простым оружием в руках правительств, но что она ставит себя во главе международного демократического движения, которое имеет использовать эту войну для установления своих собственных идеалов в своей собственной власти.

5. Когда содержание и форма манифеста будут приняты, он должен быть сообщен германскому и австрийскому народам, дабы они окончательно знали, каковы наши намерения, и могли бы, если пожелают, предпринять нужные шаги для приобщения себя к новому движению.

6. В заключение могу сказать, что некоторые из нас в палате общин, с большой симпатией и радостью наблюдавшие за ростом русской революции, только что отправили через русское посольство в Лондоне поздравительный адрес Временному Правительству и Совету Рабочих в Петроград.

Всегда ваш *Макдональд*».

В середине мая произошло несколько заседаний созданной Исполнительным Комитетом комиссии по созыву Международной Конференции. В делах Исполнительного Комитета сохранилось лишь два нижеследующих протокола:

«Протокол 1-го заседания комиссии по созыву Интерн. Конференции. 15/V 1917.

Присутствовали: Чхеидзе, Гоц, Дан, Стеклов, Суханов, Гольденберг и представители партий: от меньшевиков — П. Б. Аксельрод, Бунда — Г. М. Эрлих, трудовиков — П. Б. Шаскольский, от отдела международных сношений — В. Н. Розанов.

Решения:

1. По вопросу об организации Конференции. Исполн. Комитет берет на себя исключительную инициативу по созыву Конференции и ее организации. Через особого делегата сообщить это решение Голландско-Скандинавскому комитету и Бернской Комиссии, объяснить им, почему — по соображениям тактическим — Исп. Комитет берет на себя исключительную инициативу созыва и постарается обеспечить себе содействие этих организаций.

2. Место. Желательно Стокгольм. Запросить срочной телеграммой обе шведские партии о возможности Конференции в Стокгольме.— (Срочная телеграмма отправлена 15/V, в 8 ч. вечера).

3. Время. Промежуток от 18/VI до 2/VII ст. стиля (1—15 июля). Запросить срочно Голландско-Скандинавский комитет и Бернскую Комиссию о том, насколько это время удобно. (Срочная телеграмма 15/V).

4. Платформа. Развить платформу Совета Р. и С. Д. общей борьбы против правительства с целью принудить их к признанию и проведению этой платформы. Обязательство участвовать в интернациональной акции против империалистических правительств с целью принудить их ликвидировать войну на этих основаниях.

Конференция должна выработать способы борьбы. Партии, принимающие эту платформу, приглашаются на Конференцию. Поручить составление письма П. Б. Аксельроду, И. П. Гольденбергу и В. Н. Розанову.

5. Состав. Партии, афилированные в старом или новом Интернационале. Центральные профессиональные организации.

6. Вотум на Конференции: по нормам конгрессов.

7. Организацию делегации из России рассмотреть в следующем заседании.

В заседании Комиссии 17/V.

Присутствовали: Чхеидзе, Церетели, Гоц, Дан, Стеклов, Суханов, Гольденберг, от с.-д. меньшевиков—П. Б. Аксельрод, от Бунда — Эрлих, трудовиков — Шаскольский, нар. с. — Шнитников, отдела международных сношений — Розанов.

Был заслушан и принят проект обращения к социалистическим партиям и центральным профессиональным союзам.

Вопрос о составе Конференции вызвал продолжительные дебаты.

Было решено: из партий России представительство имеют только афилированные в Интернационале и Ц. Бюро профессиональных союзов.

Большинством всех против 1 (Дан) решено:

1. Совет Депутатов входит на Конференцию с решающим голосом, при чем Совету должна принадлежать значительная часть голосов, падающих на Россию.

2. Вступить с имеющими право представительства партиями в переговоры об уступке их голосов Совету.

3. Запросить с.-д. большевиков о том, будут ли они участвовать в Конференции».

Решения Комиссии были затем внесены на утверждение Исполнительного Комитета, и в протоколе от 18 мая мы находим следующее постановление [1]):

«1. По предложению Бюро ИК, в отдел международных сношений при Исполнительном Комитете избраны товарищи: Мартов, Аксельрод, Рубанович, Розанов.

Все вновь избранные члены отдела вводятся в ИК с совещательным голосом.

2. Кандидатами в товарищи председателя Совета избраны предложенные Бюро ИК товарищи: Гоц, Дан, Анисимов, подлежащие утверждению Совета.

3. Комиссия по созыву Международной Конференции представила ИК проект обращения ко всем социалистическим партиям и центральным профессиональным союзам — ряд соображений об условиях созыва и составе будущей Конференции. Конференцию предполагается созвать в Стокгольме на 18 июня нового стиля. К участию в Конференции приглашаются все социалистические партии, афилированные Гаагским Бюро и Бернской Комиссией, принимающие положения, развитые Советом в своем обращении «К народам всего мира», и обязующиеся подчиниться всем постановлениями, которые будут приняты Конференцией.

В связи с выраженным желанием некоторых социалистических партий в России, до сих пор не включенных в Интернационал, участвовать на Конференции, Комиссия указала, что этот вопрос может быть разрешен только Бюро самой Конференции. В случае же запроса со стороны Бюро Конференции Исп. Комитету, Комиссия предлагает высказаться за предоставление этим партиям права совещательного голоса. Комиссия высказалась за предоставление делегации Совета в общероссийской делегации решающего голоса, при чем представители Совета должны составлять не менее половины всей делегации.

Прения по этому вопросу еще не закончены и переносятся на ближайшее заседание ИК, в субботу, 20 мая.

В прениях принимал участие присутствовавший на заседании ИК председатель Бернской Комиссии Роберт Гримм».

---

[1]) См. прот. засед. Петроградского ИК от 18 мая 1917 г. Арх. Окт. Рев., ф. XXX.

На заседании Исполнительного Комитета от 20 мая было заслушано и одобрено следующее обращение к социалистическим партиям и центральным профессиональным союзам [1]):

«28 (15) марта Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов обратился с воззванием «К народам всего мира», в котором он призывал «народы Европы к совместным решительным выступлениям в пользу мира».

Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, а с ним и вся демократия написали на своем знамени: «Мир без аннексий и контрибуций, на основе права наций и самоопределения».

Российская демократия заставила первое Временное Правительство признать эту платформу и, как показали события (20 и 21 апреля), 3 и 4 мая, не позволила первому Временному Правительству отклониться от нее. Второе Российское Временное Правительство, по настоянию Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, поставило эту платформу первым пунктом своей декларации. 9 мая (26 апреля) Исп. Комитет СР и СД постановил взять на себя инициативу созыва Международной Социалистической Конференции, и 2 (15) мая Совет обратился с воззванием «К социалистам всех стран», призывая их к общей борьбе за мир.

СР и СД полагает, что скорейшего прекращения войны и водворения мира на условиях, требуемых общими интересами трудящихся масс и всего человечества, социалистическая демократия может добиться только интернационально объединенными усилиями рабочих партий и профессиональных организаций воюющих и нейтральных стран для энергичной и упорной борьбы против всемирной бойни. Первым же необходимым и решительным шагом в деле организации такого международного движения является созыв Интернациональной Конференции. Главнейшей задачей ее должно быть соглашение между представителями социалистического пролетариата как относительно ликвидации политики «национального единения» с империалистскими правительствами и классами, исключающей возможность борьбы за мир, так и относительно путей и средств этой борьбы.

Международное соглашение в целях ликвидации этой политики является вообще необходимой предпосылкой для организации борьбы на интернациональном базисе и в широком масштабе. Этот путь предуказан пролетариату всеми его международными договорами.

Созыв Конференции также властно диктуется общими жизненными интересами пролетариата и всех народов.

Партии и организации трудящихся классов, разделяющие эти взгляды и готовые объединить свои усилия для проведения их в жизнь, приглашаются Советом принять участие в созываемой им Конференции.

Совет выражает при этом уверенность в том, что все принимающие это предложение партии и организации возьмут на себя обязательство неуклонно проводить в жизнь все постановления, которые будут приняты Конференцией.

Местом Конференции Совет избирает Стокгольм. Время созыва Конференции — 28 июня—8 июля 1917 года.

Была оглашена телеграмма на имя председателя Совета, тов. Чхеидзе, следующего содержания:

«С радостью сообщаем вам, что после нашего доклада национальный совет социалистической партии единогласно принял переданное вами приглашение участвовать в Международной Конференции, созываемой русской революцией, чтобы наметить условия демократического мира, на указанных вами основах. Французский социализм, которому мы имели счастье передать верное ваше поручение, заверяет вас, что он выступит с вами против империалистических войск за восстановление Интерна-

[1]) См. протокол заседания Петроградского ИК от 20 мая 1917 г. Архив. Окт. Рев., ф. XXX. Д/11.

ционала и в защиту прав народов на национальную свободу. Мы не сомневаемся, что вы, с своей стороны, будете готовы к двойному напряжению сил: интернационалистическому и военному, которые могут привести нас к общей цели. Кашен Мутэ, депутат».

Это обращение Совета было принято всеми пацифистскими и даже лево-социалистическими элементами весьма благожелательно. «Лейпцигер Фольксцейтунг» [1]) посвятил ему целую статью, заявив, что

«это воззвание является актом всемирной исторической важности. Оно ставит заключительную точку под всем тем, что до сих пор было сделано русскими социалистами в пользу приближения мира. Характерно, как ясно, в сознании собственного достоинства, определяет Совет Р. и С. Д. свое отношение к правительству. Он указывает на то, что он принудил в первое время правительство к признанию своей программы мира без аннексий и контрибуций. Он не давал правительству уклониться от нее. Второе Временное Правительство вынуждено было поставить эту программу во главе своей декларации. Это воззвание показывает, какой силой обладает и какое воздействие оказывает Совет Р. и С. Д. Он послал своих представителей в состав нового правительства, но не для того, чтобы стать, по примеру большинства социалистов во Франции и Англии, пленниками буржуазного правительства, а для того, чтобы толкать правительство по пути, предназначенному Советом. Этим обнаруживается, насколько неправильно ставить русских социал-демократов за их согласие на выпуск «займа свободы» на одну ступень с теми социалистами в Германии, Англии и Франции, которые голосовали за кредиты.

Вторая часть воззвания, призывающая социалистов всех стран к общей борьбе за мир, не только вторично предлагающая созыв Интернациональной Конференции, но и назначающая место и время его, доказывает, что Совет Р. и С. Д. не дает себя запугать ни г.г. Рибо, ни Ллойд-Джорджем. В немецкой буржуазной прессе высказывалось предположение, что русское правительство в вопросе о Конференции социалистов всех стран не захочет создать обостренного отношения с союзниками и что Совет Р. и С. Д. в вопросе о поддержании хороших отношений с союзниками будет до бесконечности откладывать свою Конференцию. Совет Р. и С. Д. не оправдал этого предположения. Напротив: тем, что он в первой части своего воззвания указывает на ту власть, которой он располагает, он этим подчеркивает, что за этим воззванием не стоит какая-либо одна партия, но вся страна. Мы с нетерпением ждем известий, как английское и французское правительства отнесутся к этому недвусмысленному воззванию и решатся ли они и впредь отказывать английским и французским делегатам в выдаче паспортов. Можно сказать почти с уверенностью, что русское воззвание найдет себе живейший отклик среди французских рабочих и заставит правительственных социалистов пересмотреть свои решения».

Ответили на обращение Совета и представители большинства с.-д. партии Германии (шейдемановцы), прислав в Исполнительный Комитет следующее заявление:

«Уважаемые товарищи!

Делегаты социал-демократической партии и профессиональных союзов Германии, приехавшие на Интернациональную Конференцию в Стокгольме, обсудили опубликованное на-днях воззвание Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, призывающее соц.-демократические партии всего мира принять участие в Интернациональной Конференции, долженствующей быть созванной между 28 июня и 8 июля в Стокгольме. Дословно текст этого воззвания нам неизвестен. Судя по находящемуся в нашем распоряжении тексту, всем партиям и организациям рабочего класса предлагается сообщить Совету Раб. и Солд. Депутатов, желают ли они участвовать в этой Конференции.

[1]) Лейпцигская социал-демократическая газета.

Мы охотно готовы принять в ней участие, как мы и вообще в течение всей войны были готовы возобновить интернациональные сношения со всеми социалистическими партиями.

Социал-демократия Германии определяла свою политику во время войны независимо и самостоятельно. Решающим для нее были при этом интересы трудящегося народа. Из приложенных документов видно, что немецкая социал-демократия непрестанно и энергично высказывалась за соглашение между рабочими всех стран, чтобы общими силами достигнуть мира. Мы решительно боролись против всех империалистических завоевательных планов. Такое отношение дало нам возможность горячо приветствовать русскую революцию и стать, согласно резолюции нашего партийного правления, целиком на почве требований Совета Раб. и С. Д., призывающего все народы к общим выступлениям в пользу мира. Провозглашенная Советом Р. и С. Депутатов и русской демократией цель: «мир без аннексий и контрибуций» является также и нашей целью. Текст резолюции нашего правления, которое мы также энергично отстаивали в рейхстаге, мы приводим ниже.

Сознательный пролетариат в Германии, который всегда относился к русскому освободительному движению с величайшим восторгом и поддерживал его, желает российской демократии после победы революции прочного укрепления. В собственных интересах немецкого пролетариата, в интересах освободительного развития в Германии, является весьма желательным соседство с победной демократической Россией. Основывающиеся на свободе и дружеских сношениях добрососедские отношения являются вернейшей гарантией для прочного мира в Европе.

Копию этого письма мы направили т.т. Чхеидзе, Церетели, Скобелеву, а также в редакции партийных газет: «Рабочая Газета» и «Новая Жизнь».

По вашему поручению Голландско-Скандинавский Комитет просил нас оказать содействие для выдачи паспортов т.т. Фриму и Христеско в Бухаресте, Лаптневичу и Казлеровичу в Белграде.

Мы сделаем все от нас зависящее в желательном вам направлении.

Стокгольм, 7 июня 1917 г.

С социалистическим приветом, делегация германской социал- демократии и профессиональных союзов в Стокгольме.

Следуют подписи:

Fr. Ebert. Scheidemann. Herm. Muller. Ed. David. Richard. Fischer. H. Molkenbuhr (?), I. Bauer. C. Legien. Iohann Sassenbach.

Примечание. Текст резолюции, принятой единогласно 19 апреля в объединенном заседании совета партии рейхстага и ландтага, а также прусского правления партии, президиумов фракции областного комитета.

«Мы подтверждаем непреклонное решение немецкого рабочего класса вывести Германию из этой войны как свободное государство. Мы требуем немедленного устранения всех неравенств в гражданских правах в государстве и местном самоуправлении, а также устранения всех явлений бюрократического режима и замены его решительным влиянием народного представительства

Мы энергично отвергаем распространяемое враждебными правительствами заявление, что продолжение войны необходимо, чтобы принудить Германию к реорганизации государственного строя на началах свободы. Это является исключительно задачей немецкого народа — развивать свое внутреннее устройство в духе своих убеждений.

Мы с горячим участием приветствуем победу русской революции и вызванное ею возрождение интернациональных и мирных стремлений. Мы подтверждаем свою солидарность с резолюцией Всероссийского Совещания Советов Р. и С. Депутатов подготовить общий мир без аннексий и контрибуций на основе свободного национального развития всех народов.

Мы считаем поэтому важнейшим долгом социал-демократической партии Германии, а также социалистов всех стран бороться против мечтаний о власти честолюбивого шовинизма, толкать правительства на путь ясного отказа от всякой завоева-

тельной политики и стремиться тем скорее привести к началу решительных мирных переговоров на этой основе.

Заключение мира не должно поставить ни один народ в унизительное невыносимое положение, но каждому народу должна быть дана возможность добровольным присоединением к сверх-государственной организации и признанием обязательного арбитража способствовать установлению прочных основ будущего всеобщего мира».

Исполнительный Комитет ответил на это следующим письмом от 9 июня 1917 года:

«Уважаемые товарищи!

Мы получили ваше письмо от 7 июня. Чтобы выяснить вам нашу позицию, мы препровождаем вам подлинный текст нашего воззвания. Приветствуя ваше согласие участвовать в Конференции, мы еще раз обращаем ваше внимание на то, что созываемая нами Конференция основана на предположении, что все ее участники изъявят согласие совместно обсуждать и решать необходимые шаги к тому, чтобы возбудить пролетарские массы к борьбе против империалистических правительств с целью принудить их к отказу от их целей войны и возьмут на себя обязательство осуществить решения Конференции.

Таким образом будет открыт путь всеобщему демократическому миру, который может и должен быть достигнут только на основе права наций на самоопределение и отказа каждой страны от аннексий и контрибуций».

Вся переписка проходила через Стокгольм, где находились в то время представители различных международных центров.

Но вскоре после опубликования этого обращения начались внутренние трения среди самих соглашателей. Началась затяжка созыва Конференции. В один день, 8 июня, было отправлено в Стокгольм три телеграммы, откладывающих срок созыва Конференции.

Первая, на имя Брантинга, сообщала, что «посылка делегации несколько замедлена по причине Съезда Советов Рабочих и Солдатских Депутатов. Вопрос этот поставлен в порядок дня Съезда, как один из наиболее важных».

Вторая предлагала передать Гюисмансу, что «чрезвычайное множество неотложных дел, встающих перед нами каждую минуту, мешает до сих пор образовать делегацию, снабженную инструкциями для подготовки Конференции. Все наше время будет занято в течение текущей недели Съездом всех Советов Р. и С. Депутатов. Были бы рады, если бы вы могли посетить Петроград через 10 дней, для того чтобы обсудить вопрос вместе с нами здесь».

Третья предлагала сообщить Гюисмансу и напечатать в бюллетене, что «вследствие просьбы французских товарищей, не имеющих возможности прибыть к сроку, Конференция откладывается. Новый срок будет назначен по соглашению с ними и другими партиями».

Наконец, четвертая телеграмма была послана в Париж, в газету французской социалистической партии «Юманитэ», что «согласно вашему желанию мы откладываем созыв Конференции. Новый срок назначим по соглашению с вами и другими партиями. Рады приезду в Петроград ваших делегатов Реноделя и Лонге. Просим телеграфировать время их прибытия».

В первой половине июня начался Съезд Советов, на котором был поставлен и обсужден вопрос о намеченной Конференции. Доклад был сделан по нижеследующим тезисам, утвержденным Исполнительным Комитетом.

«Международная Конференция, созываемая по инициативе Исполн. Комитета, имеет своей целью достигнут объединения трудящихся классов всех стран в смысле совместной борьбы за справедливый мир.

Почву для такого объединения дает повсеместное желание трудящихся достигнуть возможно скорее мира без каких-либо угнетений и несправедливостей над отдельными народами. Эти условия мира в общем виде выражены известной формулой «без аннексий и контрибуций на основе права наций на самоопределение». Для достижения такого мира необходимо, чтобы солидарная в своих целях демократия вела борьбу, каждая в своей стране, против империалистических классов и все демократии вместе—против господства империализма в мировой политике. Только преодолев империалистическую политику буржуазии, мы можем достигнуть демократического мира.

Поэтому в платформе, на основе которой созывается Конференции, центральное место занимает призыв к партиям решиться на объединенные совместные действия против империалистической политики буржуазии.

Мы должны стремиться к тому, чтобы достигнуть объединения всех трудящихся масс всех стран. Чем шире будет объединение, тем оно будет плодотворное. Поэтому Исполнительный Комитет в приглашении на Конференцию не делает различия между партиями и направлениями, но призывает всех желающих объединиться на указанных выше основаниях. Созываемая Исполн. Комитетом Конференция имеет целью восстановить доверие демократии различных стран друг к другу объединением их на одной платформе мира и обязательством поддерживать друг друга общей борьбой против империализма».

А. Шляпников.

(Окончание следует.)

Гирш Лекерт и его покушение.

(Вместо предисловия.)

Мы хотим здесь остановиться на трех моментах, освещение которых поможет читателю разобраться в материале, сообщаемом ниже тов. Арским, а именно: 1) Общей обстановке, в которой разыгралась виленская драма (телесное наказание, покушение Лекерта и его казнь), 2) некоторых биографических чертах казненного Лекерта и, наконец, 3) на подготовке самого покушения.

* * *

Сейчас, 20—30 лет спустя, мы можем уже спокойно, в исторической перспективе, дать оценку тому периоду еврейского рабочего движения — со всеми его радостями и печалями, со всеми его недостатками и колебаниями, к которому относится виленская драма.

Еврейский рабочий выступил на историческую арену как социалист. Его идеологией с самого начала был марксизм, идея классовой борьбы, интернационального объединения рабочих масс. Как ни ограничены, как ни малы были первые шаги движения,— все же то было классовое выступление социального слоя, выкристаллизовавшегося в обществе в процессе экономического развития.

Вековая социальная однотонность, социальная недифференцированность еврейских масс стала исчезать. Появился еврейский фабрикант и крупный купец. Он подчинил себе мелкого ремесленника, тем самым усилив эксплоатацию наемного рабочего. И вырос рабочий—«еврейский рабочий, жертва богатых, уже подымающий знамя свободы». (Слова из первой еврейской революционной песни.)

Едва только он зашевелился в своем стремлении к свободе, он немедленно пришел в открытое столкновение со всей окружающей средой. Вместо старой идеи национального единения — классовая борьба, вместо подчинения — революционная борьба, вместо страха перед паном и царем — идея свержения их власти. Что бы ни сказал в первый момент своего выступления организованный еврейский рабочий, как бы он ни мыслил в деталях — объективно его выступление было революционно и революционизировало всю окружающую среду. Революционным был сам факт его выступления.

Объективные условия были неблагоприятны для еврейского рабочего движения. Выросши как часть интернациональной рабочей армии, еврейская рабочая масса не имела возможности в массовом действии проявить свою интернациональную солидарность. В том районе, где возникло еврейское рабочее движение, не было нееврейских концентрированных рабочих масс. В тех же местах, где нееврейские рабочие массы и были,

как в Польше, велика была национальная обособленность между двумя частями пролетариата, которые даже редко встречались на одних и тех же фабриках.

Вредное влияние имело также слабое экономическое развитие: еврейский рабочий большей частью работал в мелкой мастерской. Это задерживало темп его революционного развития, налагало мелкобуржуазный отпечаток на его сознание.

При таких тяжелых объективных условиях результаты еврейского рабочего движения первого десятилетия были поразительно велики. Организованные еврейские рабочие — вчерашние «парии среди пролетариев» — с гордостью могли говорить о себе, как об авангарде российского рабочего движения. В качестве такового еврейские рабочие шли в первых рядах в течение последних десяти лет минувшего столетия.

Однако содержание всего рабочего движения того времени не было глубоким. В руководящих кругах господствовало направление, имя которому «экономизм». Согласно этому учению, все движение должно было базироваться исключительно на экономической борьбе рабочего с фабрикантом. Даже борьба с царизмом обосновывалась почти исключительно этой экономической идеей: правительство препятствует экономической борьбе— долой это правительство! Не широкая всесторонняя классовая идея, поднимающая рабочего до мысли о борьбе за политическую власть, а узкий «экономизм» с добавлением политики, которую тов. Ленин так удачно окрестил тогда именем «тред-юнионистской политики».

«Бунд» был тогда широко разветвленной массовой рабочей организацией, состоявшей из экономических касс. А во главе каждой местной организации был соц.-дем. комитет, который должен был пропитать всю организацию социалистическими идеями революционной борьбы. Эту задачу комитеты в значительной мере выполняли с теми же недостатками, которые были присущи всему российскому рабочему движению.

Слабость идеологической спайки всего движения обнаружилась в 1901 году, когда Зубатов сделал покушение на еврейскую рабочую массу, пытаясь переманить ее на путь легальной организации. В Минске эта уловка удалась, и зубатовская «рабочая» партия целый год, и далеко не без успеха, конкурировала с бундовской организацией.

В то же время царское правительство щедро осыпало еврейского рабочего градом репрессий, толкая рабочую массу к открытому столкновению. Нападение на полицию в июне 1900 года в Вильне было симптомом того, что революционные силы нарастают и в еврейских рабочих массах, что они становятся уже способными к сопротивлению.

Мы приводим здесь официальное описание этого столкновения, которое имеет интерес с точки зрения биографии Гирша Лекерта и, вместе с тем, выясняет уровень революционного развития еврейских рабочих масс [1]).

«23 мая 1900 г. чинами уездной полиции были задержаны мещане: Эля Райчук, Рохл Зак и Стриля Лейфер, которые были застигнуты при распространении запрещенных воззваний к рабочим. На следующее утро их вывели из квартиры урядника для препровождения к становому приставу, но большая толпа евреев, неожиданно собравшаяся, напала на конвойных, избила их, разгромила квартиру урядника и освободила арестованных...

«Расследование выяснило, что вечером 23 мая 1900 года Лейба Цукерман обнаружил у себя в сенях двух евреек и одного еврея, возле которых валялись белые бумажки. Догадавшись, что это распространители прокламаций к рабочим, Цукерман позвал трех

[1]) См. «Обзор важнейших дознаний» за 1900 г., стр. 95—97.

проходивших мимо его квартиры сотских, которые задержали трех вышеупомянутых лиц; последние наскоро выбросили большое количество печатных листовок, находившихся при них. Пока сотские собирали листки, на Цукермана набросился местный житель Шлема Червонолуза, требуя освобождения арестованных; несмотря на это, они были доставлены в квартиру урядника. Через два часа прибыл местный пристав и приступил к дознанию. Тем временем, однако, народу возле урядника собиралось все больше, и, по словам одного еврея, у собравшихся были камни и палки. Около полуночи толпа куда-то исчезла, но в 4 часа утра, когда арестованных должны были препроводить к квартиру станового под конвоем пристава, урядника и десяти сотских, из прилегающих переулков на них набросилось несколько сот евреев и с криками: «бей урядника!» стали бросать камнями в полицейских. Пристав с арестованными и со стражей возвратился в квартиру урядника, но толпа ворвалась туда, выбила камнями стекла, разбила двери, при чем камни подвезли на двух тележках. Пристав, урядник и один сотский получили серьезные ушибы; арестованные евреи были освобождены, а толпа немедленно разбежалась.

Выяснено, что вышеупомянутые прокламации были выпущены «Всеобщим еврейским рабочим союзом России и Польши», который агитировал виленских чулочниц организовать забастовку с целью добиться повышения заработной платы. Райчук, Лейфер и Зак, освобожденные толпой, хотя и указали правильно свои адреса, но после вышеописанных беспорядков обратно в свои квартиры не возвращались».

По этому делу был арестован Гирш Лекерт, просидевший долго в тюрьме и затем высланный в Екатеринослав. Лекерт был душой этого нападения на полицию.

Вопрос о способах борьбы против полицейских насилий не сходил с порядка дня движения. Еще на 3-м своем съезде (1900 г.) «Бунд» рекомендовал мирное средство: массовые жалобы судебным властям. В то же время в массах назревала мысль о непосредственном массовом отпоре. А репрессии между тем росли.

Когда с прибытием фон-Валя разыгралась позорная экзекуция 1902 года, она обнаружила, что психология масс еще недостаточно подготовлена для противодействия этому испытанию.

Следует подчеркнуть, что позорная экзекуция с самого начала была воспринята всей рабочей массой, как признак ее собственного бессилия, как признак слабости революционных сил. Это было как раз в 1902 году, который был так богат массовыми столкновениями рабочих с полицией по всей стране, в год роста революции. Виленские розги болезненно отозвались только среди еврейских рабочих, не найдя отклика во всей России.

В этом факте с несомненностью выявилась обособленность еврейских масс, их оторванность от общей пролетарской стихии.

Виленская драма — целый этап в еврейском рабочем движении, когда оно еще не чувствовало себя достаточно смелым для открытого столкновения с правительством. Не сумев еще оказать массового противодействия, оно выдвинуло из своих рядов героя — массовика.

Таков — Гирш Лекерт. Появление таких героев было знаком того, что придут массы героев, которые в открытой борьбе, вместе со всем пролетариатом, пойдут на штурм всего здания царского самодержавия, а впоследствии — и буржуазного строя.

В покушении Гирша Лекерта — симптом нарастающих сил, которым предстояло в будущем сказать свое слово, как массе. Его индивидуальное выступление есть симптом того критического периода, которое переживало в то время еврейское рабочее движение.

В массе еврейских рабочих, вовлеченных в революционное движение конца прошлого и начала нынешнего столетия, явственно обозначались два типа. Один из них — еврейский ремесленный рабочий, прошедший школу подпольных кружков, поглощающий всю нелегальную литературу, патриот своей «бундовской» организации, гордый своей сознательностью, «философ» по преимуществу, дитя первого периода рабочего движения, когда оно еще не вышло на открытую борьбу с полицией, когда оно еще не затронуло самых отсталых слоев.

Но был и второй тип, рабочий из низов, из тех слоев, откуда вербует свои кадры фабрика. В больших центрах, как Вильна, эти два слоя еврейского пролетариата были разграничены и территориально. В центре города жили ремесленники: и мастера и подмастерья. Работницы чулочных, конвертных и табачных фабрик ютились в предместьях. Тут же жили мясники, кожевники, маляры, — жили рядом и в перемежку с польскими рабочими. Этот слой еврейского пролетариата был менее грамотен и начитан. Его организованность и сознательность были ниже. Он вступил в движение позже. Но в нем было больше революционной активности.

Гирш Лекерт — дитя рабочего предместья Вильны. Он принадлежит ко второму типу еврейских рабочих.

Работая в большой сапожной мастерской в Вильне, вместе с 30 другими рабочими, он обратил на себя внимание организаторов движения, так как уже тогда он выделялся среди других. Он был родом из маленького местечка, был ловким, подвижным малым, парнем не слабого сложения, и во всем его поведении не было специфических повадок сапожников того времени.

«Единственный его недостаток,— пишет о нем в своих воспоминаниях тов. Райчук [1]),— заключался в том, что он не умел ни читать, ни писать. Однако он очень интересовался, о чем пишут в газетах, и когда получалась газета (конечно, русская, еврейских легальных газет царское правительство еще в то время не разрешало), то заставлял читать ее вслух. Его безграмотность, повидимому, доставляла ему большое огорчение, что обнаруживалось всякий раз, когда кто-либо отказывался бросать работу для чтения. Тогда он порывисто вырывал работу и не возвращал обратно, пока не добивался своего».

В экономической борьбе Лекерт занял свое место.

Забастовочное движение ширилось изо дня в день. Подпольному союзу сапожников, в который он вступил, приходилось вести борьбу со штрейкбрехерами, которых часто нанимали сами хозяева, а подчас заставляла работать полиция. Сталкиваясь с такими штрейкбрехерами, случалось, понятно, среди других средств прибегать и к физическому воздействию — это так называемый «экономический террор», осуждавшийся организацией, но все же применявшийся довольно часто.

Лекерт приходил в сильнейшее возбуждение, когда узнавал о штрейкбрехерах. Обладая большой физической силой, он часто оказывался очень полезным, «сняв» немало

---

[1]) Мы упоминали выше эту фамилию в связи с столкновением еврейских рабочих с полицией.

штрейкбрехеров с работы. Нередко он заходил в самую мастерскую, где работал штрейкбрехер, и «снимал» его с работы то убеждением, то силой. Немало хлопот причиняли некоторые рабочие, мешавшие провести «нормальный» рабочий день, который в некоторых мастерских доходил до 12 часов. Были такие рабочие, которые срывали дисциплину и нарушали «нормальный» рабочий день.

«Однажды, — рассказывает тов. Райчук, — когда правление нелегального союза не допустило их к работе, на членов правления или на «распорядителей», как их тогда называли, был сделан донос.

Об этом узнал Лекерт и решил посчитаться с доносчиками. Немало трудов нам стоило убедить его отказаться от своего намерения. Долгое время организация следила, как бы он не ворвался к ним, не разбил им голов, чего они, по его мнению, и заслуживали».

Мы указывали уже выше на роль Лекерта в нападении на полицию в 1900 г. Дополним оффициальные источники.

Среди рабочих после столкновения оказались раненые. Среди последних был земляк и близкий друг Лекерта по имени Хоне-Файвке, которому урядник рассек шашкой голову. Раненого необходимо было отвезти для лечения в какое-нибудь местечко, так как в городе всем врачам было приказано сообщать в полицию, если к ним привезут больного с рассеченным черепом. Лекерт взял на себя задачу отвезти товарища. Он и больной переоделись в женское платье и уехали в местечко. Но там они показались подозрительными и их арестовали. Лекерт убежал от конвоя, а больного привезли в Вильну и поместили под надзором городового в госпиталь. Но Лекерт спасает его и оттуда. Он приносит ему женское платье, больной переодевается и незаметно для охраны проходит через ворота. Здесь Лекертом развита огромная энергия и настойчивость. Лекерт — настоящий революционер-массовик.

В заключение приведем описание казни Лекерта из современного еврейского революционного органа — «Арбейтер-Штиме» (орган «Бунда»).

«28 мая был приведен в исполнение смертный приговор над нашим товарищем Гиршем Давидовичем Лекертом. Военный суд приговорил его к повешению. (См. стр. 95.)

Судебный процесс велся, конечно, без посторонних свидетелей, и мы пока не можем дать полного отчета о нем, но надеемся вскоре получить эту возможность. Пока же мы имеем подробные сведения о приведении приговора в исполнение.

Виселица была приготовлена на виленском военном поле. Палач был затребован из Петербурга. При казни присутствовали четыре батальона войск, врач «казенный» и еще несколько лиц. Публики не было. Все происходило среди ночи, тайно, как обычно водится, когда царское правительство проделывает свои особенно гнусные дела. Местная администрация боялась, как бы в городе не узнали о казни, и в этот вечер улицы были запружены полицией, останавливали каждого подозрительного, расспрашивая, куда он идет и т. п. Врача (Янковского) вице-губернатор вызвал к себе еще с вечера и не отпускал его, раввина Немзера разбудили среди ночи и привезли на место казни.

Осужденный вел себя, как истый герой. Когда раввин стал ему доказывать, что он должен теперь молиться и исповедаться в своих грехах, напомнив ему, что он преступил заповедь «не убий», Лекерт ответил ему, что в молитвах он не нуждается, что же касается божьей заповеди «не убий», то правительство нарушает эту заповедь по отношению к нему. Больше он не хотел слушать ханжеских речей божьего «посланца» и взошел на эшафот и сам же накинул на себя петлю. Палач вышиб из-под него скамейку и одернул его... и через несколько минут он был уже мертв. Тело его похоронили на том же месте. Могилу

засыпали землей и пропустили через нее все войска, находившиеся на площади. Солдаты своими ногами утоптали свежую могилу, сравняли ее с землей, чтобы нельзя было найти этого места, где покоится тело нашего товарища. Царское правительство боится врагов при их жизни, но не перестает их бояться и после их смерти. И оно право: «из костей павших товарищей вырастет суровый мститель.

Слава павшим жертвам русского царизма! Слава новой жертве, которую принес еврейский пролетариат в борьбе с самодержавием!

Слава нашему товарищу Гиршу Лекерту!»

Установилось неправильное представление (повторяемое и тов. Арским), будто покушение на фон-Валя было делом чисто индивидуальным. С другой стороны, литература эс-эров (см. стр. 97) иногда пытается отнести этот акт за свой счет. И то и другое неверно. Покушение организовано группой еврейских и польских рабочих, опиравшихся на широкое сочувствие и материальную поддержку низов организации. Я это утверждаю со всей категоричностью, могу даже выступить, как живой свидетель, так как имел к этому делу и непосредственное отношение, — частично был его участником [1]).

Организовалась группа, в которой принимали участие мужчины и женщины, всего человек шесть. На женщин была возложена обязанность следить за тем, куда ходит фон-Валь. Мужчины были вооружены револьверами, будучи готовы в любой момент стрелять.

Группа обращалась за денежной помощью и вообще за содействием к объединенному соц.-дем. комитету. Но последний отказал, мотивируя свой отказ, помимо общих соображений, еще и практическим мотивом: комитет считал, что группа по своему составу не подходяща для организации такого покушения. И действительно, входившие в группу лица были далеки от партийного центра. Они также мало импонировали уровнем своего общего и политического развития. Они были простыми еврейскими рабочими «массовиками», точными выразителями настроения масс. Деньги группа получала от некоторых рабочих экономических касс и отчасти через интеллигенцию.

Почти три недели, от 19 апреля до 5 марта по ст. стилю, выслеживали фон-Валя. Мне были известны подробности этой слежки. На первых порах дело не клеилось. Фон-Валь был на-стороже. Охранка имела основания ожидать покушения. По всему городу говорили, что экзекуция не пройдет ему даром.

Каждый день члены группы рассеивались по городу, занимая те посты, где надеялись встретить фон-Валя. Особенно тщательно подстерегали его возле его «дворца» — губернаторского дома на Виленской улице и у «офицерского собрания». Однажды на Виленской ул. была задержана женщина, член группы, слишком долго разгуливавшая

---

[1]) Группе содействовал близкий мой товарищ Суботник, умерший в Харбине в 1920 году, который был среди других арестован на первомайской демонстрации в театре. Его, однако, освободили, хотя в действительности он был одним из главных организаторов демонстрации в театре, он же бросил с «галерки» в партер революционные воззвания. Но он остался незамеченным, а обвинили и сослали в Сибирь других. Революционная мораль не допускала и не требовала явки с повинной, так как это никому не принесло бы пользы.

Суботник, между прочим, раздобыл для них немного денег, что было очень важно для группы.

в районе дворца. Но ее сейчас же освободили. В другой раз был арестован рабочий с кинжалом.

Была установлена слежка и за домом, где будто бы жила возлюбленная губернатора. Откуда группа получила такие сведения, мне неизвестно. Я полагаю, что она основывалась на одних слухах.

Последние дни перед покушением настроение группы было нервным. Дело затягивалось. Возникло опасение, что покушение может не удасться. Члены группы не были особенно опытными стрелками, а потому решено было отравить пули. Стали искать яда, который раздобыли через вышеупомянутого Суботника, бывшего фармацевтом. Пули надрезали и вложили яд. Все это было проделано по-детски, но участники группы не имели ни опыта, ни знающих специалистов, которые могли бы дать надлежащий совет.

4 мая было решено в ближайшие дни закончить дело. Было известно, что вечером 5 мая фон-Валь будет на большом представлении в цирке, а на следующий день, 6 мая, на военном параде по случаю дня рождения царя Николая. К 6 мая группа усиленно готовилась. Предполагалось нарядить одного из членов группы в гимназический костюм. Таким путем он получит возможность легко проникнуть на паперть собора вблизи фон-Валя. Покушению был обеспечен успех. Такой был выработан план. Мне было предложено взять на себя миссию покупки гимназического костюма. Я согласился. Ко мне в 5 час. пополудни 5 мая явился молодой человек небольшого роста, чуть постарше меня, лет двадцати, худой с бледным, вытянутым лицом, с тонкими чертами лица, с красивой фигурой, брюнет, с коротко остриженными волосами. Мы с ним отправились в один из магазинов готового платья (Миникеса на Еврейской улице), где и купили форменное пальто. Но покушение на фон-Валя было выполнено Лекертом в ночь на 6/19 мая.

Имеются и официальные следы существования террористической группы. В общем «деле» московского охранного отделения «О еврейских тайных организациях Западной России» (дело № 355 за 1902 г.) мы нашли ряд интересных материалов:

27 апреля 1902 года Зубатов сообщает Ратаеву:

«В Вильне организовалась террористическая группа из евреев и поляков, 8 или 10 человек, вооружена револьверами и кинжалами, сильно следит за генералом Валем». Ротмистру Терентьеву сообщено: «В Вильно командируется самый опытный охранник Меньщиков» [1]), который приехал туда с опозданием (был занят «серьезными делами» в Киеве) уже после покушения Лекерта, а потом получил уже задания, носившие характер расследования. Ему было поручено выяснить: 1) были ли приняты достаточные меры для охраны фон-Валя со стороны местных властей, получивших заблаговременно предупреждение от департамента полиции, 2) обстоятельства, при которых произошло покушение и 3) состояние террористического кружка и его конспиративной квартиры, которая, по сведениям виленского жандармского управления, находилась где-то в Новгороде (предместье Вильны).

Среди «бумаг», заключающихся в «деле» московского охранного отделения, имеются «дневники наблюдения» над членами кружка, список фамилий, повидимому, членов кружка, и три донесения Меньщикова (от 18—23 мая и 1 июня 1902 г.). Вышеупомянутый список, который мы здесь приводим, содержит в себе следующие имена участников «Виленского террористического кружка»:

[1]) Впоследствии он изменил охранке, выдав Бурцеву Азефа, а «Бунду» — Каплинского.

Лекерт (Лекух) Гирш Давидов — мещанин местечка Онишек, Алекс. уезда Ковенской губернии.

Орловский Шолем (несовершеннолетний) — задержан 26 апреля с террористическими прокламациями.

Ассвариц Залмен — столяр.
Офингард Юдель — столяр.
Владовер Гирш Янкелев — скорняк, находится под арестом.

Кружок Лекерта.

Эльперн Хая, квартирная хозяйка в доме Розенсона на Новогородской улице, где происходили совещания группы Лекерта.

Каплан Исер Нохимов — минский мещанин.
Сендерацкий Бол. Осипов — слесарь.
Лейкух Хаим Лейбов — сапожник.

Были заняты выслеживанием фон-Валя.

Ходос Евель — сапожник, содержал вторую конспиративную квартиру в том же доме Розенсона.

Милековский Яков Иоселев — столяр (кличка «Красный»).

Курчер Рейзя Бася Орелева — чулочница, невеста Милековского.

Бобровский Давид Пинхесов — сапожник.

Фарбер Янкель Лейбов — сапожник.

Штемпельман Шейна Беркова — портниха (невеста Лейзарса, сидящего в моск. губ. тюрьме), родственница Лекуха.

Валк Цирил («Крикунья»).

«Косолапый», дом Спокойного на Ж..... улице.

«Воротник» — Левин, дом Розенсона на Новогородской улице.

В донесении от 18 мая Меньщиков сообщает на поставленный ему вопрос о состоянии группы следующее:

«Собственно говоря, средой, в которой созрела мысль о покушении, надо считать всю революционную часть еврейства как в Вильне, так и в соседних городах, которая единодушно возгоредась ненавистью к личности фон-Валя за некоторые его крупные предприятия. Еще задолго до покушения о нем говорили в Двинске, Минске и в Ковне. В последнем из вышеупомянутых городов 26 апреля был задержан подросток Шолем Орловский с рукописным воззванием (?), в котором было сказано: «как молния, поразило известие, что великий тиран, второй Муравьев, барон фон-Валь убит» [1])...

«На этой основе, как частное уже явление, возник кружок Лекуха, взявший на себя задачу практического осуществления решения большинства организованных рабочих

[1]) Это, несомненно, плод поэтического вдохновения Орловского или самого Меньщикова, так как до 26 апреля на фон-Валя не было произведено никакого покушения.

«Бунда». Последний, будучи в теории против террора, вынужден был пойти на уступки всеобщему воинственному настроению и своими воззваниями санкционировал политические убийства [1]). Насколько позволяют сделать такие выводы имеющиеся довольно противоречивые агентурные донесения, Гирш Лекух принадлежит к ремесленному кружку, состоявшему персонально из *(идет приведенный выше список)*»...

«23 мая в сквере у губернаторского дома был задержан неизвестный без всяких документов, назвавший себя ковенским мещанином, Бенцион Шулемов Фридлянд (Фридляндер). В правом сапоге за чулком у него нашли совершенно новый кинжал, очень острый, с ручкою формы козьей ножки, в самодельном картонном чехле, с остреем в 4 вершка длиною, густо намазанный в конце и по краям буро-красно-желтой жидкостью». «Вероятно, отравленный ядом по новому способу, изобретенному самим кружком и состоящему в том, что они несколько дней держали оружие в гнилом мясе», — так пишет Меньщиков в своем донесении от 23 мая.

Несколько дней спустя Зубатов сам телеграфирует Ратаеву: «Террористы непрестанно следят за фон-Валем».

Все донесение от 23 мая проникнуто пессимизмом. Все лица, перечисленные в списке, скрылись от охранки. Меньщиков решил расширить группу. Расследование виленского жандармского управления говорит уже о «виленском террористическом кружке и о группе лиц, состоящей с ним в связи и раскрытой благодаря хранению нелегальной литературы». В донесении Зубатову от 23 мая Меньщиков уже требует немедленной ликвидации всей этой расширенной группы, ибо нельзя гарантировать, что кто-нибудь из них вскоре не произведет нового покушения; более того, так как имеются сведения (!!), что в случае казни Лекуха их месть распространится на судебных деятелей и участников экзекуции».

Среди лиц, состоявших в связи с «террористическим кружком», упоминается несколько десятков активных работников виленского комитета «Бунда».

В ночь на 29 мая, когда был приведен в исполнение приговор над Лекертом, в Вильне жандармы «ликвидировали» всю эту группу. Однако в имеющихся в нашем распоряжении «бумагах» никаких материалов об этом не оказалось. Повидимому, «деятельность» жандармов закончилась на том, чтобы обнаружить соучастников покушения на фон-Валя.

Спустя два месяца Ратаев пытается поднять новый шум и посылает Зубатову шифрованную телеграмму за № 5836 от 3 августа 1902 года... «Получено анонимное сообщение, что в Вильне существует несколько независимых друг от друга террористических кружков, готовящих покушение на генерала Валя; самый серьезный кружок организован доктором Гершуни; о существовании кружков будто бы знает пристав Чехович. Согласно распоряжению товарища министра будьте добры командировать в Вильну филеров, уже работавших там. *Ратаев*».

На эту телеграмму Зубатов отвечает успокоительным письмом за № 8818 от 11 августа, в котором сообщает, что филеры еще находятся в Вильне и что по донесению старшего филера Грульки ни один из кружка Лекерта не находится в Вильне. На всякий

---

[1]) Говоря, что «Бунд» санкционировал террористический акт, Меньщиков имеет в виду прокламацию ЦК «Бунда», которая безоговорочно одобрила акт Лекерта и высказалась также за «организованную месть». Прокламация ЦК в оригинале вшита в «бумагах».

случай он просит Ратаева сообщить ему, когда фон-Валь возвращается из Петербурга в Вильно.

Из вышеупомянутого же донесения Меньщикова от 18 мая мы узнаем, как серьезно была обставлена охрана фон-Валя 5 мая 1902 года, когда он, не взирая на просьбы своих приближенных, отправился в цирк. Виленские власти, желая себя оправдать, представили Меньщикову список всех должностных лиц, окружавших фон-Валя в момент покушения. К своему донесению Меньщиков приложил даже план того места, где произошло покушение.

Мы считаем, что все приведенные данные достаточны для того, чтобы считать доказанным существование специально организовавшейся для мести Валю террористической группы.

Лекерт действовал как член этой группы.

М. Рафес.

Казнь Гирша Лекерта.

Подробности покушения Г. Лекерта на виленского губернатора фон-Валя, подвергнувшего демонстрантов в день 1 мая телесному наказанию, мы находим в деле б. департамента полиции по 4 отделению, № 507, за 1902 г.

Покушение произошло 5 мая 1902 года в 12 часов ночи. Официальное дознание сообщает следующие подробности о Лекерте [1]). Он родился в 1880 году в небольшом городке Нозоалександровского уезда Ковенской губ. В 1900 г. он привлекался к дознанию при виленском губернском жандармском управлении и содержался сначала там, а потом в Петербурге 15 мес.; после этого он был выслан под гласный надзор в Екатеринославскую губ. Вот те скудные сведения, которые сообщают официальные документы о его предшествующей жизни.

Первая срочная телеграмма губернатора Валя говорит:

«Сегодня, 5 мая, при выходе из цирка, когда я садился в коляску, ко мне близко подошел человек и выстрелил в упор, попав в левую руку. Когда я повернулся к нему, чтобы схватить его, он произвел второй выстрел в правую ногу, после чего я пошатнулся. Полиция и публика повалили стрелявшего на землю. Он произвел третий выстрел в воздух, после чего был обезоружен и арестован».

На следующий день виленский вице-губернатор Балясный сообщает некоторые подробности: «Покушение на жизнь губернатора Валя совершил мещанин — еврей Гирш Давидович Лекерт, прибывший из Екатеринослава четыре недели тому назад, куда он был выслан под гласный надзор полиции. Отбывал заключение в Петербурге в Крестах за политическое преступление. Раны губернатора Валя легкие. Следствие производят следственные власти».

Этим делом чрезвычайно заинтересовались петербургские власти. Николай II требовал ежедневных докладов ему по этому делу. 6 и 7 мая Плеве делал ему доклады о покушении. Вот что он писал во втором из этих докладов:

«Арестованный злоумышленник Гирш Давидович Лекерт — мещанин Ковенской губернии, в 1900 г. привлечен был в Вильне к дознанию вместе с некоторыми другими лицами, оказавшими сопротивление полиции и при аресте трех лиц, изобличенных

[1]) Его вторая фамилия Лекух. Две фамилии, почти однозвучные, не редкость среди евреев Литвы и Польши.

в распространении воззваний на улице в предместии гор. Вильно [1]), при чем Лекерт принимал наиболее деятельное в этом участие и дознанием изобличен в принадлежности к местному революционному кружку. По высочайшему повелению 21 февраля 1901 года, последовавшему в разрешение этого дознания, Лекерт подвергнут тюремному заключению на 6 мес. с подчинением затем надзору полиции сроком на три года в избранном месте жительства вне столиц, столичных губерний и Северо-Западного края.

По отбытии 21 августа в С.-Петербургской одиночной тюрьме срока заключения Лекерт выбыл под надзор полиции в Екатеринославскую губернию, где и проживал до последнего времени. В Вильне у Лекерта проживает жена, к которой он, вероятно, и приехал в начале апреля, не испросив, однако, разрешения на отлучку.

По имеющимся сведениям, решение местных виленских неблагонадежных элементов совершить во что бы то ни стало покушение на жизнь губернатора возникло в конце минувшего апреля в виде мести за то, что губернатор подверг телесному наказанию некоторых, преимущественно молодых, евреев, участников уличной демонстрации, происшедшей в Вильне 18 минувшего апреля [2]). Указания на замышляемое преступление были своевременно доложены губернатору начальником виленского губернского жандармского управления».

С этим делом спешили больше, чем когда бы то ни было. Гнали его прямо на курьерских для того, чтобы скорее разделаться с народным мстителем и терроризовать местную молодежь. Уже 7 мая департамент полиции сообщил министру юстиции о передаче дела Лекерта военному суду. На другой день военный министр Куропаткин сделал сообщение по инстанциям. Таким образом судьба Лекерта была предрешена, так как ясно было, что с ним постараются разделаться как можно строже и скорее, раз передают его дело в военный суд.

Дальнейшее донесение вице-губернатора Балясного (от 8 мая за № 2000) рисует более полную картину покушения и его мотивов. В этом донесении Балясный признает, что главной причиной покушения на Валя является та порка, которая была применена 18 апреля, после чего ему было послано по почте много анонимных писем с угрозами. Перед 1 мая старого стиля фон-Валь повторил свою угрозу. Демонстрация не имела места. В дальнейшем он говорит:

«Пример репрессий 18 апреля, а также издание перед 1 мая оповещения возымели свое действие. Партия, ведущая противоправительственную пропаганду, никак не ожидала такой решительной меры со стороны администрации, создавшей для нее громадные препятствия в вербовке пролетариата для выражения своих идей. Было очевидно, что администрация не остановится и в будущем, в случае крайности, прибегнет к той же мере; это отрезвляюще повлияло на толпу: желающих не оказалось, и беспорядки не возобновились. Таким образом партии нанесен был решительный удар. Боясь за успех своего гнусного дела и убедившись на деле, что телесное наказание становится действительным средством, парализующим ее планы и виды, партия решила посягнуть на жизнь генерала фон-Валя».

В том же докладе сообщается об угрозах, которые получили непосредственные выполнители гнусного телесного наказания демонстрантов, а именно: полицеймейстер Назимов, пристава Снитко и Кончевский, околоточный надзиратель Мартынов, городовые Цыбульский и Милош и врач Михайлов, которые производили эту позорную экзекуцию.

---

[1]) Об этом см. ниже, стр. 101.

[2]) 1 мая по новому стилю, когда Польша, Литва и Белоруссия признавали пролетарский праздник.

Несмотря на то, что все население не только Вильны, но и всей вообще России было возмущено телесным наказанием демонстрантов, покушение Лекерта носило чисто индивидуальный [1]) характер. В нем не принимала участия партия. Во всех его показаниях проводится мысль о том, что это сделал только он один. Вот что он говорит в своем показании:

«Я сам, один, по собственному побуждению, без всякого стороннего влияния, решил убить губернатора. Так как у меня не было денег на приобретение револьвера, а я хотел застрелить губернатора, то я тайком взял из корзины тестя принадлежащие ему 9 рублей. Я хорошо помню, что револьвер я купил днем в четверг 2 мая в магазине на Театральной площади. За револьвер я уплатил 9 рублей. Лицо, продававшее мне револьвер, не требовало от меня никаких свидетельств и по моей просьбе научило меня заряжать револьвер. Вместе с револьвером, без всякой дополнительной платы, мне, по моей просьбе, дали пять боевых патронов. Так как я губернатора в лицо не знал, то я 20, 21 и 22 апреля приходил по нескольку раз в день на площадь перед губернаторским домом и сидел на скамейке сквера, наблюдая за выездом губернатора. Я его видел выезжающим каждый день и хорошо запомнил его наружность. После покупки револьвера я до 5 мая не искал случая убить губернатора. В воскресенье 5 мая я вышел из дому в 11 час. утра и до самого вечера ходил по ярмарке. Вечером я услышал в толпе разговоры, что губернатор приехал в цирк. Я подошел к цирку и стал ходить взад и вперед около входа в губернаторскую ложу, ожидая выхода губернатора. Как только губернатор вышел на улицу, я беспрепятственно подошел к нему и почти в упор произвел в него два выстрела».

Вот и все подробности этого покушения. Здесь нет совершенно тех элементов, которые характеризовали эс-эровские и ППС'овские покушения. Никакой сложной слежки и всяких других фактов, сопровождавших тогдашние покушения, не было. Трогательной подробностью является то, что Лекерт должен был украсть деньги для того, чтобы купить револьвер, при помощи которого намеревался привести в исполнение убийство губернатора [2]).

Между тем палачи готовили ему петлю. Суд был только комедией. Все было предрешено. Заседание суда произошло 15 мая. Суд осудил Лекерта на смерть, а накануне, 14 мая, палач Филипьев подал следующее характерное прошение, из которого можно усмотреть, что он догадывался о предстоящей ему роли. Это прошение мы перепечатываем без всяких исправлений, в том виде, как оно было подано:

Его превосходительству господину
начальнику охр. отделения
содержащегося в санк-петерб. пересыльной тюрьме Александра Филипьева.

Прошение.

Имею честь донести вашему превосходительству, что я прибыл в Петербург в последних числах апреля месяца, для приведения в исполнения военного окружного приговора суда, что я и привел в исполнения. В настоящее время вот май, 15 число, а я томлюсь в одиночном заключении, мне кажется, что я не заслуживаю таково наказания, а одиночное заключение влияет на каждого человека и его органцим [3]). По какой

[1]) Здесь автор неправ. См. ниже др. материалы. *(М. Рафес.)*

[2]) Автор напрасно основывает свои выводы на этих показаниях Лекерта: он брал все на себя, чтобы выгородить других лиц. На самом деле действовала группа (см. дальше). *(М. Рафес.)*

[3]) Вместо «организм».

причине меня оставили, мне положительно непонятно, быть может, и нашлась другая причина, а потому осмеливаюсь покорнейше просить ваше превосходительство сообщить мне через жандармского офицера, сколько я должен буду содержатца в одиночном заключении и на каких данных. Прошу сообщить не в продолжительное время и успокоить меня, мое положение в настоящее время очень незавидное.

А. Л. Филипьев.

Если палач Филипьев еще не знал, для какой надобности он нужен, то это великолепно знали Плеве и Балясный. 18 числа Филипьев отправлен в Вильно в распоряжение Балясного. Это было сделано несомненно для того, чтобы по возможности скорее удушить Лекерта, не ожидая даже окончательного утверждения приговора и результатов тех прошений, которые подала жена Лекерта, а затем и он сам, дрогнувши на минуту перед лицом смерти.

17 числа его жена послала на имя царицы Александры Федоровны телеграмму с просьбой о помиловании. В ней она писала:

«Готовясь произвести на свет дитя, припадаю к стопам вашего императорского величества с материнской мольбой сохранить моему рождающемуся ребенку отца его, предстательствуя в неиссякаемом милосердии вашего величества перед всемилостивейшим монархом о помиловании или смягчении участи 19-летнего [1]) мужа моего Гирша Лекерта, вовлеченного по молодости его и неопытности злонамеренными людьми в преступление и присужденного к смертной казни виленским военным окружным судом. К его императорскому величеству я верноподданнейше припадаю с всеподданнейшим прошением, но так как всеподданнейшая просьба о помиловании, написанная на высочайшее его императорского величества имя мужем моим Гиршем Лекертом и поданная его защитником на суде капитаном Петровым, оказалась непринятой телеграфной конторой и муж мой ежечасно может быть казнен, то во мне живет опасение, не будет ли доложено его императорскому величеству всеподданнейшее мое прошение слишком поздно, почему я и припадаю к стопам вашего императорского величества с мольбой о предстательстве перед всемилостивейшим монархом. *Малка Лекерт*».

Из этих слов телеграммы проглядывает отчаяние женщины, которая чувствует, что на шее ее мужа задергивается уже петля. Этим и объясняется тот тон и те выражения, которыми несчастная женщина хотела разжалобить твердое сердце «всемилостивейшей» императрицы и императора.

Сам Лекерт подал прошение о помиловании на имя командующего войсками виленского военного округа.

Его прошение составлено в гораздо более твердом и определенном тоне [2]):

«Сегодня состоялся обо мне приговор виленского военного окружного суда, которым я приговорен к смертной казни.

Приводить оправдания, ссылаться на смягчающие вину обстоятельства мне теперь уже поздно. Мне остается только молить о милосердии во имя человеческого чувства.

Ваше высокопревосходительство, какой бы я злодей ни был, не лишайте меня жизни, ведь я человек, который может еще исправиться. Если мое преступление

---

[1]) Возраст здесь указан неправильно в надежде смягчить сердце императрицы. Возможно, что возраст Г. Лекерта указан вообще неправильно, так как метрические записи у евреев были весьма неточны.

[2]) Лекерт не устоял перед мольбой жены и давлением адвоката Эльяшева, составившего самый текст прошения. *(М. Рафес.)*

настолько тяжело, что я потерял права на звание человека, то пожалейте мою жизнь хотя ради моей матери и моей беременной жены.

По просьбе неграмотного мещанина Лекуха (Лекерта) расписался *Федор Иванов Плюсов*».

В тот же день защитником Лекерта была подана кассационная жалоба.

Палачей главным образом интересовал вопрос о том, как вел себя Лекерт на суде и не дал ли показаний. Об этом запрашивал телеграммой 19 мая Плеве. Однако в тот же день генерал Черкасов (начальник виленск. губ. жанд. управления) ответил: «Лекерт на следствии и суде сознал свою вину, просил помилования; несмотря на ряд увещаний, не дал никаких указаний на сообщников» [1]). В известном смысле это предрешило его судьбу. В главном военном суде жалоба была оставлена без последствий, приговор был утвержден, при чем Плеве предписал повесить Лекерта не позднее 24 мая. Прошения на высочайшее имя оказались безрезультатными, и 28 мая вице-губернатор Балясный телеграфировал: «Сегодня в $2^1/_2$ часа утра совершена казнь Лекерта. Прошу указания, напечатать ли кратко в местных газетах». В ответ Балясному указали, что казнь совершена не по ритуалу, и следовало казнить поближе к утру.

Возмутительными являются те подробности, какие сообщает виленский вице-губернатор о казни и о той обстановке, в которой она была произведена.

Вот что он пишет в донесении на имя министра внутренних дел 31 мая 1902 года за № 2217:

«Имею честь довести до сведения вашего высокопревосходительства, что для приведения в исполнение приговора виленского военного окружного суда над осужденным Лекертом (он же Лекух) исполнено следующее:

В ночь с 27 на 28 мая в 12 часов был отправлен на место приведения приговора в исполнение изготовленный в исправительном арестантском отделении эшафот с принадлежностями. Место казни было избрано близ военного поля в местности, достаточно удаленной от предместий города. Для сопровождения эшафота наряжено было 4 полицейских чина не в полицейской форме, которые, взяв подводу со двора пожарной команды, явились с нею во двор арестантского отделения и оттуда с шестью служителями этого отделения также в штатском платье к часу ночи доставили таковую на место казни, где при помощи наряженной для этого команды нижних чинов войск и соорудили эшафот, под руководством вольнонаемного мастера, и приготовили могилу. Сопровождали повозку два конных стражника, ехавшие позади на расстоянии, сообразуясь с местностью.

По соглашению с военным начальством два полка пехоты, назначенные присутствовать при казни, явились на указанное накануне место тоже к часу ночи, так что все работы производились в присутствии войск.

В час ночи из губернской тюрьмы отправлен на место казни палач Александр Филипьев, в закрытой карете, под конвоем трех нижних чинов конвойной команды и околоточного надзирателя, которые прибыли туда вслед за подводой с эшафотом, а Филипьев принимал участие в приготовлениях.

К 2 часам ночи прибыли товарищ прокурора виленского окружного суда Вендлянд с секретарем суда, городской врач Янковский и командированный мною чиновник особых поручений при губернаторе Долгово-Сабуров.

В 1 ч. 30 м. ночи в номер 14-й бывшей виленской цитадели, где содержался Лекерт (он же Лекух), прибыл виленский казенный раввин Немзер с помощником полицеймей-

[1]) Отчасти этот обмен телеграмм подтверждает слухи, проникшие в революционную печать, что Лекерта все время вплоть до смерти мучили допросами о сообщниках.

стера. В 2 ч. 15 м. Лекерт был вывезен в закрытой карете с тремя нижними чинами конвойной команды и раввином; впереди следовал помощник полицеймейстера, а за каретой 30 казаков при одном офицере. К месту казни Лекерт был привезен в то время, когда все приготовления были окончены и лица, обязанные находиться при приведении приговора в исполнение, были в сборе. Лекерт тотчас же был введен в карре войск и предъявлен товарищу прокурора.

Провоз Лекерта состоялся по Антокольской улице, набережной реки Вилии, Зеленому мосту, Кальварийской и Лагерной улице. По пути этому с 11 ч. 45 м. вечера выставлен был наряд полиции из трех приставов, 3 помощников их, 4 околоточных надзирателей и 4 старших городовых. Наряд оставался до возвращения тем же путем Филипьева в тюрьму. Из числа же сопровождавших карету с Лекертом при въезде на военное поле отделен был патруль в 10 человек для разъездов по Кальварийской улице и местности «Лосева дача», прилегающей к реке Вилии; по остановке же кареты у места казни другой десяток отправился для разъездов по городским улицам; остальные же 10 казаков при офицере были оставлены у места казни, а затем сопровождали карету с Филипьевым. Секретарем суда был прочитан приговор при свете восходящего солнца. Было совершенно светло, и виден горизонт и все близлежащие и отдаленные предметы [1]). После прочтения приговора раввин обратился к приговоренному с увещанием раскаяться. Приговоренный держал себя несколько цинично, на увещания раввина упорно молчал, видом выражая нежелание слушать [2]). Затем товарищ прокурора предложил палачу привести в исполнение приговор.

В 2 часа 38 м. Лекерт был взведен на эшафот и повешен. По требованию врача труп оставался на виселице 20 минут, после чего снят, и врач констатировал смерть; казненный зарыт был в приготовленную могилу. Место могилы и эшафота сравнено и приведено в прежний вид. Части войск отпущены вслед за отъездом Филипьева и лиц, участвовавших в исполнении приговора. Виселица и эшафот порублены на части, отвезены в отдаленную часть предместья Антоколь и там сожжены.

За местом казни имеется наблюдение полиции.

К сему имею честь присовокупить, что как час совершения казни, так и весь остальной распорядок были установлены по соображению с местными условиями и по соглашению с прокурорами судебной палаты и окружного суда, а также с командиром 27 пехотной дивизии генерал-лейтенантом Скугаревским.

Все распоряжения по наблюдению за внешним порядком, а также по приведению в исполнение заранее составленного расписания действий возложены были на помощника полицеймейстера Генисаретского, задача которого в значительной степени была облегчена тем, что генерал-лейтенант Скугаревский нарядил воинскую команду для установки эшафота, так как найти для этого наемных рабочих без разглашения часа казни едва ли было возможно».

Жандармы во что бы то ни стало хотели создать крупное дело, и с этой целью, кроме Лекерта, было еще арестовано 5 человек молодежи. Самому старшему из них, Орловскому Мовше Арьевичу, было 23 года. Остальные значительно моложе. Были привлечены к ответственности: Фридлянд Вениамин Лейбович 18 лет, Орловский Шолом Арьевич 16 лет, Котлер Самуил Соломонович 16 лет и Капцовская Песя Хацкелева 19 лет. Однако при всем желании прицепить их к этому делу не удалось.

Как реагировали политические партии на это происшествие? В газетах, относящихся к тому времени, мы находим специальные статьи, посвященные делу Лекерта.

В номере 45 «Работника» (органа ППС) от 6 июня 1902 г. мы находим небольшую статью, посвященную Валю. В этой статье, под заглавием «Чудовище», говорится о тех

---

[1]) Возмутительная подробность в этом кошмарном убийстве.

[2]) Даже жандармское донесение должно признать героизм Лекерта перед лицом смерти.

репрессиях, которые были применены по отношению к арестованным демонстрантам. Оценивая деятельность Валя, статья говорит:

«Это чудовище Валь не представляет исключения. Он является лишь одним из столбов чудовищной тюрьмы, именуемой самодержавием. Под гнетом этого самодержавия мы—рабы, а распоряжаются грабители, убийцы и помешанные. Кто знает, может быть, и другие живодеры пожелают последовать примеру Валя, быть может, и они пожелают применить розги к рабочим. В своем сообщении о беспорядках на Украине правительство нагло признается, что секло крестьян, при чем, набравшись дерзости, может быть, пожелает укротить рабочих тем же гнусным оружием, которое оно уже издавна употребляет против крестьян.

Пусть подлые живодеры знают, что сознательный пролетариат никогда этого не допустит. Их диким порывам мы противопоставим коллективное солидарное и непреклонное сопротивление, а если какой-нибудь негодяй пойдет по следам Валя, то найдется мститель, который раздавит гадину».

В следующем номере «Работника» от 5 августа 1902 г. мы находим статью под заглавием «Преступление», посвященную делу Лекерта:

«Царское правительство записало новую кровавую страницу в истории своего хозяйничания в Литве. В ночь с десятого на 11 июня [1]) погиб на виселице тов. Лекерт.

Гирш Лекерт, сапожник, погиб на 26 году [2]) жизни. За освобождение из рук полиции товарищей, которых захватили при расклеивании прокламаций в 1899 г. в Вильне, его приговорили к восьми [3]) месяцам тюрьмы и двум годам ссылки в Екатеринослав. После того, как он отбыл наказание, Лекерт бежал в Вильно, где жил без прописки. За несколько недель до мая полиция нашла его и снова выслала в Екатеринослав, откуда он снова убежал. В Вильно он жил в крайней нищете. Вследствие кризиса и замены рабочих арестантами в механической сапожной мастерской Лекерт не мог найти работы. Когда Валь совершил свое гнусное преступление, Лекерт решил уничтожить этого преступника. Подробности покушения известны.

Военный суд происходил 28 мая [4]). Комедия тянулась несколько часов. Свидетелей не было совершенно. На суде Лекерт молчал. Его приговорили к смертной казни. В шикарной карете (правительство опасалось, что его отобьют) отвезли Лекерта в тюрьму; ему разрешили после приговора видеться только с матерью и с адвокатом Ельяшевым. Мольбы матери и убеждения адвоката по слухам склонили Лекерта подать прошение о помиловании царице. Это не тронуло ее подлого сердца. Ответа не последовало. В то же время Лекерта до самой смерти допрашивали, были ли у него сообщники и кто уговорил его на акт. Лекерт молчал. Ночью приехал в тюрьму околоточный Снитко; Лекерта поместили в карету, в которой уселось, кроме околоточного, еще три конвоира. Карету окружили казаки. Околоточный сказал Лекерту, что его увозят на каторгу. Когда въехали на Зеленый мост, Лекерт угадал, что его везут на смерть, и сказал Снитке: «Вы меня обманули». Снитко начал его успокаивать. Приехали на военное поле. Жертву ожидал палач, несколько батальонов войска, несколько сот казаков, полицеймейстер, товарищ прокурора, секретарь суда и доктор Янковский. Присутствовал также раввин, но Лекерт отказался от него. Казнь произошла в 3 ч. Когда Лекерту набросили на шею петлю, он засмеялся. По истечении 20 минут доктор осмотрел казненного; тело его бросили в яму, вырытую около могилы, затем ее засыпали. По этому месту проехала сотня казаков, чтобы не осталось следов его могилы».

---

[1]) По новому стилю.

[2]) Это неверно — Лекерту было 22 года.

[3]) Эти подробности тоже не совсем верны. Вместе с предварительным заключением Лекерт просидел 15 месяцев.

[4]) Опять дата по новому стилю. По старому 15 мая.

В это время польская социалистическая партия преклонялась перед Лекертом, как героем, за тот акт, который он совершил. Теперь, когда такой же акт совершает коммунист Ботвин, устраняя провокатора, те же пшс'овцы, может быть, даже авторы этой статьи, обливают грязью память молодого героя.

Как известно, выступление Лекерта вызвало широчайший отклик среди революционной молодежи и рабочих во всей России. Лекерта считали совершенно правильно героем, который защищал честь рабочих, которых осмелились истязать в виленском застенке Валь и его помощники.

Центральный орган литовской социал-демократической партии «Эхо» в № 3 от сентября 1902 г. писал (на польском языке) по поводу дела Лекерта:

«В мае разыгрался акт неслыханного дикого истязания царским правительством политических демонстрантов. В своем презрении к участникам демонстрации, которые не оказали сильного сопротивления, наши палачи произвели дикое циничное истязание беззащитных врагов. К людям взрослым, сознательным, спокойно демонстрирующим на улице, правительство применило страшное унизительное наказание — порку. В данном случае Валь ошибся. Это неслыханное оскорбление, при воспоминании о котором приостанавливается кровь, вызвало неожиданный для этого чудовища результат. Сознательный пролетариат не разрешит никогда унижать себя безнаказанно. Появился мститель в лице товарища Лекерта, хотя судьба лишила его удовольствия выгнать грязную душу из губернаторского тела. Свою жизнь принес в жертву Лекерт. Он повис на висилице, как последний бандит, при чем столкнул его со смертельной скамьи каторжник-палач — Орлов [1]). Не согнулся Лекерт перед лицом врагов. Не запятнал себя ложью, никого не выдал. Умер спокойно, с презрением. Не испугался «божьего суда», во имя которого раввин уговаривал его покаяться, напоминая ему слова «не убей», в нескольких шагах от действительного убийцы-палача. По его могиле прошла масса войск, окружающих место казни, для уничтожения следов.

Если бы не выстрел 5 мая, то можно было бы подумать, что мы скатились на самое дно унижения, какое может создать только рабство, и не поднялись с него. Под солнцем свободы развивается достоинство человека. Тень, которую бросает царское самодержавие, уничтожает это растение. Мы лишены прав, у нас только обязанности, мы — рабы, лишенные всего; нам кажется, что мы живем для себя и для тех, которых любим. Мы прежде всего живем для царя. Прежде всего мы его подданные, а только затем — люди. Скорее, мы даже никогда не бываем людьми. Нам не разрешают развиваться, а дают возможность только молиться за царя или царю. Разве мы так ценим наше спокойствие, наши удовольствия, которые оставил нам враг, подобно детским игрушкам, что мы предпочитаем эту собачью жизнь поискам мести за оскорбление, обиды и унижения человеческого достоинства? На кровавую борьбу призывает нас жизнь, и только она одна может дать нам человеческое существование».

В этом же номере газеты мы находим и вторую статью под заглавием: «Товарищ Гирш Лекерт»:

«Имя Лекерта не впервые встречается в истории революционного движения. За рабочее дело он сидел в тюрьме в Вильне и в Петербурге; после окончания дела его сослали в Екатеринослав, откуда он приехал в Вильно накануне 18 апреля. 5 мая он стрелял в Валя, но только тяжело его ранил. Бешенство правительства по поводу того, что Лекерт был рабочим и к тому же евреем, не имело границ. Его дело передали в военный суд. Судебная комедия произошла при закрытых дверях 15 мая. Лекерт признал, что хотел убить Валя, и приговорен был к смертной казни.

---

[1]) Это неверно: фамилия палача Филипьев.

Даже после приговора палачи не оставили его в покое. Жандарм Терентьев допрашивал его по поручению высшей власти о соучастниках. Однако Лекерт не поколебался ни на минуту. Казнен был на военном поле 28 мая, под покровом ночи и охраной массы казаков и войск.

С ледяным спокойствием Лекерт выслушал приговор и вошел невозмутимо на эшафот, ожидая конца. Именем царя приговор приведен в исполнение каторжником-палачом Орловым [1]). Лекерт погиб. Но имя его живо в нашей памяти. При его казни присутствовали секретарь суда Люкас, товарищ прокурора Вендлянд, врач Янковский, раввин Немзер и масса полиции».

Таким образом произведена была казнь этого смелого революционера-мстителя, который вышел на единоборство с царским правительством.

Лекерту в 1922 году в гор. Минске воздвигнут памятник.

Р. Арский.

---

[1]) Это неверно: газета повторяет неправильно фамилию палача.

Из архива Щегловитова.

В делах чрезвычайной следственной комиссии Врем. Правительства о Щегловитове № 2 и 4 были обнаружены, среди другой, не имеющей общественного интереса переписки, приводимые ниже 10 документов. Среди них — письма: два — Столыпина, Витте (с приложением письма Бурцева), нижегородского губернатора (позднее мин. внутр. дел) А. Н. Хвостова, Илиодора, Н. Маклакова и Алексея Бобринского, — адресованы и непосредственно относятся к Щегловитову.

Остальные документы: донесение Щегловитова Николаю II по делу Лопухина с резолюцией б. царя и два письма Штюрмера Николаю II.

Письма Штюрмера оказались в архиве Щегловитова, видимо, потому, что шли в доклад б. царю через Щегловитова, как председателя Государственного Совета.

Некоторые из этих документов например, письмо Столыпина, от 23 августа 1908 г., имеют не только исторический интерес, но даже актуальны.

Это письмо — образец «классовой мудрости». В нем — пример той политики «отпускания вожжей», которая практиковалась русским правительством после революции 1905 г., когда «они» почувствовали устойчивость политики «нормальной репрессии», которой не знает неустойчивая стабилизация нынешней фазы европейского капитализма.

...«После роспуска второй Думы, — пишет Столыпин,— мы взяли в тиски печать мерами административными и призвали к порядку эту «мать революции». В настоящее время мы должны учитывать два обстоятельства: 1) необходимость возвращения во многих местностях к нормальным способам управления и 2) злоупотребление [1]) в некоторых местностях со стороны ген.-губернаторов и губернаторов обязательными постановлениями, при чем odium от этих злоупотреблений падает на центральную власть, бессильную их предупредить. Таким образом создается волшебный круг: необходимость снятия военных и других положений и невозможность такового снятия, в виду отсутствия достаточной, нормальной репрессии по проступкам печати»...

Интересны особенно: — письмо Хвостова о том, как делать выборы в Государственную Думу, и письмо Маклакова, экс-министра, проживающего в еще «недостроенном» имении своем, в сельце Ярцево.

Экс-министрам свойственно никого не щадить. И в этом отношении Маклаков не только не отступает от общей нормы, но с ним вполне можно согласиться в оценке тогдашнего русского правительства, которое он именует не иначе, как «преступниками».

---

[1]) Разрядка принадлежит нам. *(И. Т.)*

Занимаясь на досуге не только хозяйством, созерцанием природы и «славословием» бога, но и Шопенгауером, Маклаков для оценки русского правительства использует, в перефразировке, один из афоризмов этого «философа», и у него получается: «Чем больше я узнаю русское правительство, тем более мне интересен мой скотный двор»...

И остальные документы и письма прочтутся, надо думать, с большим интересом. Мы их располагаем в хронологическом порядке. Все документы и письма [1]) представляют собой подлинники, за исключением письма Витте и приложенного к нему письма Бурцева, которые печатаются по копиям.

Ив. Тоболин.

1.

23 августа 1908 года.

Многоуважаемый

Иван Григорьевич.

Сегодня я подписал официальное письмо на ваше имя, с препровождением черновых моих предположений относительно законопроекта о печати. Я вынужден придать этому делу особенно важное значение, при чем считаю его настоятельно срочным. После роспуска второй Думы мы взяли в тиски печать мерами административными и призвали к порядку эту «мать революции».

В настоящее время мы должны учитывать два обстоятельства: 1) необходимость возвращения во многих местностях к нормальным способам управления и 2) злоупотребление в некоторых местностях со стороны ген.-губернаторов и губернаторов обязательными постановлениями, при чем odium от этих злоупотреблений падает на центральную власть, бессильную их предупредить.

Таким образом создается волшебный круг: необходимость снятия военных и других положений и невозможность такового снятия, в виду отсутствия достаточной, н о р м а л ь н о й р е п р е с с и и по проступкам печати.

В виду этого я полагаю необходимым установить постепенную ответственность (редактор, издатель, владелец типографии), заменить принцип неосмотрительности принципом объективной ответственности и увеличить скалу репрессий (денежной).

Все это в моей записке сделано кустарным способом, грубыми штрихами, и я прошу вас учредить у вас в министерстве совещание, чтобы, ранее внесения в совет министров, обсудить предлагаемые мною принципы и условиться относительно редакции законопроекта.

Я вас тревожу во время вашего отдыха, так как нахожу необходимым приготовить закон до начатия сессии Государственной Думы. Желаю вам пока отдыхать и набираться сил.

Искр. вам преданный *П. Столыпин.*

---

[1]) Хранятся в Архиве Революции и Внешней Политики.

2.

6 апреля 1909.

Многоуважаемый

Иван Григорьевич.

При сем считаю нужным препроводить вам при сем прилагаемое письмо Бурцева, мною сегодня полученное. Само собою разумеется, что никакого ответа с моей стороны не последует.

Не сочтете ли вы, тем не менее, нужным прилагаемое письмо приказать приложить к судебному следствию по делу о покушении на меня.

Совершенно вам преданный *Витте.*

Редакция журнала «Былое»
«Le Passé» 11, rue du Lunain 11
Paris (XIV arrt).

1-е . . . . 1909 [1]).

Милостивый государь

Сергей Юльевич.

Я получил известие, что состоялось постановление судебного следователя об аресте и привлечении к делу Вас. Федорова, принимавшего участие в покушении взорвать дом, где вы жили в 1906 г. Я не знаю, — обратилось ли русское правительство к французскому правительству с требованием выдачи Федорова.

Федорова я знаю хорошо. Он готов явиться на суд и дать подробные сведения о своем участии в делах убийств Иоллоса, Казаринова [2]) и в покушении взорвать ваш дом.

Мы начинаем большую кампанию в прессе по поводу выдачи Федорова.

Если вы имеете какие-либо документы для того, чтобы доказать участие в этих делах наших черносотенцев, то прошу вас сообщить их мне по почте или прислать доверенное лицо.

Готовый к вашим услугам *Влад. Бурцев.*

P. S. Буду очень благодарен вам, если вы сочтете возможным поделиться с редакцией «Былое» имеющимися у вас богатыми историческими материалами.

3

Апреля 30 дня 1909 года.

Приемлю долг всеподданнейше донести вашему императорскому величеству, что по делу отставного действительного статского совет-

[1]) Наверху надпись рукой Витте: «Получено 6 апреля, понедельник, 1909 г. Граф Витте».

[2]) Так значится в копии.

ника Л о п у х и н а, обвиняемого по ст. 102 угол. улож., особым присутствием правительствующего сената для суждения дел о государственных преступлениях объявлена сего числа следующая резолюция: отставного действительного статского советника Алексея Александровича Лопухина, 45 лет, на основании ст. 102 (п.п. 1 и 3), 25 и 16 угол. улож., подвергнуть каторге сроком на пять лет [1]) с последствиями по ст. 25 угол. улож. [2])

Министр юстиции *Щегловитов.*

4

25 декабря 1910 г.

С р о ч н о.

Многоуважаемый

Иван Григорьевич.

Посылаю вам на просмотр новое письмо гр. Витте и подобранный по существу новых его нареканий департаментом полиции материал, в виде проекта нового ему ответа и сводки его обвинений и заключений департамента.

В новую с ним переписку я вступать не хочу и отвечать ему не буду. Но пора положить конец этой комедии! Поэтому я полагаю составить по этому делу журнал совета министров, изложить в нем просьбу графа о сенаторской ревизии, заслушать журнал 4 января, и пускай резолюция его величества поставит, наконец, на этом деле точку.

Вас, многоуважаемый Иван Григорьевич, я прошу приказать верному человеку еще раз перетрясти все дело и дать с своей стороны дополнительные данные и соображения, если придут вам в голову.

Преданный вам *П. Столыпин.*

5

5 сентября 1912 года.

С о в е р ш е н н о с е к р е т н о.

Лично.

По выборам в Государственную Думу.

Милостивый государь

Иван Григорьевич.

При личном докладе моем ваше высокопревосходительство изволили согласиться с ходатайством моим о назначении ревизии ниже-

[1]) Рукой Николая Романова написано: «Здорово».

[2]) Статья 102 угол. улож. в пп. 1 и 3 предусматривает участие в сообществе, поставившем своею целью совершение наиболее тяжких государственных преступлений.

городского городского съезда мировых судей и участковых мировых судей г. Нижнего-Новгорода между 20 и 27 сего сентября, чтобы хотя немного отнять у названных лиц времени от предвыборной агитации в пользу конституционно-демократической партии. Вызов названных мировых судей на 25 сентября к ревизующему члену судебной палаты ослабил бы еще в большей степени влияние их на съезде землевладельцев балахнинского уезда.

Докладывая вышеизложенное, в тех же интересах правых избирателей Нижегородской губернии, имею честь ходатайствовать о поручении председателю нижегородского окружного суда вызвать и. д. судебного следователя 2 участка балахнинского уезда надворного советника Семенова и городского судью гор. Арзамаса Ульянина на 25 сентября сего года, чтобы устранить названных лиц, таким образом, от участия в съезде землевладельцев, на котором, по имеющимся у меня сведениям, они могут подать голоса за прогрессистов, т.-е. замаскированных кадет, будучи сами по себе лицами безразличными в политическом отношении.

К изложенному имею честь присовокупить ходатайство мое о разрешении товарищу прокурора вологодского окружного суда Александрову прибыть к 25 сентября в нижегородскую губернию для участия на съезде землевладельцев по балахнинскому уезду. Участие названного лица, как определенно правого, в высшей степени желательно и может повлечь за собою успех выборов.

Настоящее письмо напечатано мною лично и не проведено по регистрации моей канцелярии в целях сохранения полной тайны.

Прошу ваше высокопревосходительство принять уверение в моем уважении и искренней преданности.

Готовый к услугам *А. Хвостов.*

6

1912 X, 27. Флорищева пустынь.

Ваше высокопревосходительство,
высокоуважаемый Иван Григорьевич.

Я послал вам два письма с просьбой ознакомиться с моим, хуже чем каторжным, положением.

На первое письмо я получил ответ, что, по вашему милостивому приказанию, первый департамент министерства юстиции препроводил мое письмо на распоряжение обер-прокурора святейшего правительствующего синода.

Признаюсь: такой ответ меня не мало озадачил и даже огорчил.

Ведь я жаловался вам на уголовные издевательства надо мною и моими дорогими духовными детьми со стороны ведомства православного исповедания, во главе которого стоит мой заклятый враг,

беспримерный злодей, г. Саблер. А вы изволили мою жалобу на него отдать на его же распоряжение.

Я суду надо мною ведомства православного исповедания сейчас не придаю никакого значения, ибо этот суд не может быть, именно для меня, беспристрастным. Причина этого указана выше.

Такой свой взгляд на духовный суд в отношении меня я уже доказал самым делом. Так. Монастырское начальство в своих донесениях от 22 июля по 18 августа сего года, по обыкновению, оклеветало меня. Епархиальное начальство, во главе с епископом Николаем, тоже, по обыкновению, меня, оклеветанного, поспешило избить репрессиями. Этой же участи, тоже по обыкновению, подверглись и мои духовные дети, имевшие несчастие в указанный период времени заявиться в пустынь проведать своего батюшку и духовного отца.

Потом, когда я заявил монастырскому начальству о своем намерении жаловаться г. министру юстиции, епархиальное начальство, узнавши об этом, не замедлило 18 сентября, то-есть почти одновременно с посылкою мною вам первого письма, прислать в пустынь комиссию из двух почтенных протоиереев и игумена проверить правдивость донесений монастырского начальства в отношении меня о том, чему оно (епархиальное начальство) уже раньше поверило и за что, полагаю, даже с некоторым смакованием злобной мстительности уже избило меня и моих детей репрессиями.

Такое поведение епархиального начальства я посчитал новым издевательством над собою; посему комиссию, конечно, я не принял, а начальству ответил, что мною подана на него жалоба г. министру юстиции. Поступил же я так именно еще и потому, что раньше узнал цену подобных расследований. Так, например, кажется в начале мая, епископ Николай прислал некоего протоиерея Беляева узнать, верно ли доносило ему монастырское начальство, а он, — епископ Николай, — синоду, что будто бы я во время прихода в пустынь 23 апреля восьмидесяти паломников из Царицына говорил этим последним бесчинные речи.

Протоиерей Беляев, несмотря на то, что ему в пустыни ясно было доказано, что я никаких бесчинных речей паломникам не говорил, — чтобы угодить своему епископу и обелить его пред синодом,— доложил ему, епископу, ложь на меня. А епископ в ближайшем указе не замедлил назвать меня лжецом за то, что я в свое время представил синоду опровержение его ложного доноса о моих бесчинных речах.

В силу подобных обстоятельств дела я и теперь, — если только, по распоряжению г. Саблера, епископ Николай, клеветавший и лгавший на меня и моих духовных деток, дерзнет снарядить новую комиссию разбирать свои же уголовные издевательства надо мною и моими детками, — с негодованием отвергну эту комиссию и не позволю лишний раз издеваться над собою и дорогими мне людьми!

Убежден, что не наказание для козла будет, если его пустить в огород с капустой.

Ваше высокопревосходительство! Неужели же только для меня одного нет покровительства законов российской империи? Я этому никак не могу поверить. А посему как русский гражданин и верноподданный государя императора я требую суда Кесарева (Деян. XXV, 11).

Прошу и молю ваше генерал-прокурорское беспристрастие прислать сюда, в пустынь, своих подчиненных слуг: приказать им тщательно проверить отношение ко мне ведомства православного исповедания и министерства внутренних дел за период от 27 января 1912 года и до сего дня.

Решительно утверждаю, что отношение это пестрит деяниями чисто уголовного характера. Поэтому вы, полагаю, имеете вполне законное право вмешаться в мою заточническую, скорбную жизнь. Оградите мою честь, мое человеческое достоинство, мои гражданские права от в. п. и. и м. в. д. [1]).

Ведомство православного исповедания, в лице г. Саблера, синода, епископа Николая, покорыстовалось на мою скромную монашескую рясу. Что же? Я ему отдаю ее, но желаю отдать ее чистою, незапятнанною. Помогите мне это сделать!

Министерство внутренних дел с давних пор стремится (сделать меня) представить меня каким-то бунтовщиком, опасным государственным преступником. Все его отношение ко мне за 1912 год для меня не неожиданность. Еще вскоре после того, как меня из Новосиля возвратили в Царицын, супруга одного лица, стоящего в передовых рядах чиновников м. в. д. по саратовской губернии, явилась ко мне в келью, упала на колена и сказала: «батюшка, батюшка! Как мне вас жалко! Власти решили вас рано или поздно арестовать и куда-либо подальше запрятать». Эти слова божьего дитяти — верующей и благочестивой дамы — исполнились почти через год. 27 января сего года враги мои, воспользовавшись моим обличением известного духовного разбойника, окаянного хлыста — Гришки Распутина, и предварительно оклеветавши меня пред помазанником божиим, арестовали меня и держат до сего времени в заточении, как какого колодника или каторжника.

Но этого м. в. д., видимо, мало. Оно желает большего. Министерские чиновники сами выдумывают и не стесняются от других добывать разные клеветнические, лживые сведения, лишь бы только меня доканать. Они с особенным интересом ухватились за чепуху некоего душевно-больного бродяги Евдокимова, разговаривающего всегда, по его собственным словам, по телефону с духом святым и каждый шаг свой делающего по особенному велению божественного промысла. Бродяга этот оклеветал меня в том, что будто бы я собирался сжечь царицынский монастырь, а теперь пишет мне, что власти, как только я сниму с себя сан, возьмут меня и будут судить меня строже, чем

[1]) Т.-е. ведомство православного исповедания и мин. внутр. дел. (*Прим. ред.*)

по 129 статье. Этому я нисколько не дивлюсь. Они, власти, несколько раз собирались судить меня по этой статье еще тогда, когда я был в Царицыне. Но господь руками милосердных людей связывал их и заграждал их нечестивые уста.

Принимая во внимание такое отношение ко мне м. в. д., я неоднократно подумывал, что г.г.: дворцовый министр — немец Фредерикс, комендант — Дедюлин, командир сводного полка Комаров, Коковцев, Макаров, Стремоухов, Боярский, Семигановский и прочие мои многие «приятели», по всей вероятности, уже облюбовали для меня и виселицу... Ну, что же? Готов итти и к виселице! Не дрогну. Но желаю пострадать за правду, за подвиг, а не за дерзкие и лживые выдумки членов в. п. и., чиновников м. в. д. и разных больных бродяг, вроде г. Евдокимова!

Ваше высокопревосходительство! Узнайте же, узнайте, ради бога, как надо мною и моими духовными детьми издевались чиновники м. в. д. и ведомство православного вероисповедания; как они обижали нас в течение почти целого года, как оскорбляли, клеветали, выдумывали разные небылицы, собирали сведения от бродяг, употребляли над нами насилие... Узнайте не для того, чтобы после виновных наказать. Нет, нет, не для этого. А для того, чтобы засвидетельствовать, сколько принято нами мук во время моего заточения от тех, в руки которых я отдан на истязание. Только засвидетельствуйте. Сейчас мне больше ничего не нужно.

Ваше высокопревосходительство! Еще одна просьба. Не обинуяся, прямо скажу вам: я с т р а д а ю з а ч е с т ь ц а р я-б а т ю ш к и и з а ч и с т о т у н е в е с т ы х р и с т о в о й — ц е р к в и б о ж ь е й. Мои враги — клеветники, стремящиеся обесценить мой подвиг. Они (синод, Саблер, министр Макаров и его чиновники) кричат, всюду заявляют, что я — душевно-больной человек.

Неправда! Я совершенно здоров душою. Слаб только телом, ибо уже четыре месяца стесняюсь чрез стражников выходить на свежий воздух и почти год мне не дают возможности сходить в баню: баня находится за стеною монастыря, а мне запрещено выходить за обитель. Начальство выдумало мои попытки покинуть пустынь и поставило вокруг меня полк стражников. Конечно, это для обительской жизни хорошо. Раньше, когда не было стражников, здесь озорные послушники устраивали кулачные бои, форменное мордобитие. Теперь же это безобразие не учиняется, ибо много усмирителей. Но мне-то, мне-то от этого приходится сидеть в душной комнате день и ночь.

Заранее убежден, что мое заявление о душевном здоровье будет иметь мало веры среди посторонних, меня не видящих и не знающих. Посему я прошу вас, если можно, прислать сюда из Петербурга казенных докторов-экспертов и освидетельствовать меня.

Я никак не могу помириться с тем, чтобы после, когда обнаружится перед всеми п р а в д а, з а к о т о р у ю м е н я з а т о ч и л и и г о т о в ы у б и т ь, сказали, что в борьбе за правду,

за честь царя, за достоинство православной христовой церкви я действовал в состоянии душевного расстройства...

Нет! Я знаю, что делаю. В каждом своем шаге я отдаю отчет себе и господу богу. Буду ждать докторов. Пусть они меня осмотрят, а потом — заранее говорю — я попрошу их, чтобы они непременно освидетельствовали г. Саблера и прочих, на кого я им укажу.

Буду также со дня-на-день ожидать ваших чиновников. Верю и надеюсь, что я не ошибусь в своих законных, святых упованиях на ваше охранение прав человеческих, прав русских граждан.

Да благословится имя ваше ныне!

А в будущем да не станет оно среди тех имен Иродов-убийц Иоаннов, которые (имена) недальние грядущие поколения русских людей будут проклинать и с омерзением вспоминать. Остаюся искренно в вас верящий, ваш покорный слуга и богомолец — заточенный грешный инок *Илиодор*.

7

10 июля [1]).

С-цо Ярцево. Почт. Отд. Каменка Московской губ.

Дорогой Иван Григорьевич.

С большой радостью получил я ваше письмо и ознакомился с его содержанием еще с большею. Я был — не скрою — огорчен, что перелом в моей служебной судьбе, открывший собою серию дальнейших подобных же перемен в составе правительства, остался без отзвука с вашей стороны. Дружелюбное чувство ваше ко мне, которое я часто испытывал, и одинаковая расценка текущих, исключительно серьезных, политических событий — думалось мне — побудят вас сказать мне хотя бы два слова. Помните казнь Остапа в «Бульбе»? «Слышишь-ли батько?» — «Слышу!». Этого, однако, не случилось. Все это теперь сзади, а я в те дни много думал, и именно о вас.

Конечно, теперь я лично отдыхаю, наслаждаюсь тишиной, безлюдием, восходом и заходом солнца, лесами, птицами, небом и бога славословлю, ибо везде его вижу и чувствую, но это блаженное состояние нарушается, с одной стороны, хаосом ремонта и устройства все еще незаконченной усадьбы, малярами, плотниками, столярами и т. д., а с другой стороны — необходимостью даже и это — первое мое свободное лето обрывать деревенскую жизнь и ехать в столицу. И сессия [2]) — я буду 17-го в Петрограде — сама по себе — безумие, предположена еще для успокоения (??) страны (??!!!) «длительной». Увы! длительность безумия и позор растерянности, благодаря душевным свойствам руководящей теперь в Совете группы, — стали сутью современной правящей России. Наше историческое солнце правды, наша краса

[1]) В подлиннике год не указан. Письмо должно быть отнесено к 1915 году, когда Маклаков ушел в отставку.

[2]) Государственного Совета.

и гордость русская — самодержавие—придавлено, обворовано проходимцами в роде жидовского кантониста Кривошеина и старого циника-плута в роде Г р ы м з ы. Вместо самодержавия воцаряется — олигархия. И то ужасно, что не только народоправство, интеллигентная толпа получает известные права, но ужасно то, что она стремится превратить русское правительство — само идущее этим наглым требованиям навстречу — не в сотрудника, а в приказчика того доброго старого времени, когда с ними не считались и даже не видели в них человека. И все направлено, говорят, на одну цель «победить врага». Что за подлость! Что за бессмыслица! Как..... [1]) министр юстиции, обер-прокурор может этому помочь. Цель иная, и только дураки ее не видят, и только в России ее не понимают. Цель убедить государя, что его враги — его правительство, а друзья — социалисты, кадеты и махровые болваны, в роде Родзянки, которым руководят за спиной его ловкие, честолюбивые господа. Единение царя с народом вылилось во что? В разгром той части правительства, которая не искала популярности для себя, а за волосок царского самодержавия охотно отдала бы десять жизней. А за разгромом этой части все остальное — ясно. Кто сказал *А*, тот скажет и *Б* и *В*. В стране и печати впечатление, что верховная власть сама отказывается от своих прав, ставя выше их права «народного представительства», и что пожелания распущенной Думы в области смены министров — беспрекословно одобряются и исполняются. Ставка, не сумевшая себя в области военной, при наличности громадных и, правда, геройских военных сил, зарекомендовать и послужить России, сует свой нос всюду, во внутренней жизни и делах бестактности, глупости, и производит жалкий вид потерявшего голову человека, слишком безапелляционно и высоко, без всяких данных, себя переоценившего. Что дало России командование ставкой? На этом фоне и предъявляются теперь требования, уснащенные угрозами, а так как правительство, т.-е. оставшиеся в нем прежние члены, всем теперь верховодящие, — просто презренны, то они совершенно сбивают с толку государя. Я за царя и сейчас — как всегда и впереди — смерть приму, не колеблясь и радостно, но его правительство не именую иначе как преступниками. Оттого и Дума у нас такая, что она и не считается и имеет право не считаться и не уважать наше управление.

Я отлично знаю, что мои письма могут перлюстрироваться, но все, что я пишу здесь, я охотно повторю всюду и не задумаюсь верноподданически доложить, если придется.

Вспоминаю афоризм Шопенгауера часто: «чем больше я узнаю людей, тем более люблю собак». Перефразирую: «чем больше я узнаю русское правительство, тем более мне интересен мой скотный двор».

Мне прямо жаль до слез государя, жаль наследника, жаль то историческое сокровище, которое мы без нужды расточаем. Придет

[1]) Одно слово пропущено — не разобрано.

время — это поймут, но будет поздно, да и охотников исповедывать то, что обречено на погибель, мало. Они есть, и будут, но так, как зубры в Белов. пустоши.

До скорого свидания.

Уверен, что мы будем с вами в одной группе? [1])

Ваш *Н. М.* [2])

8

Воскресенье, 22 ноября, ночью [3]).

Глубокоуважаемый Иван Григорьевич.

Считаю долгом представить вам несколько сомнений, которые меня тревожат, после оглашения резолюций на съезде (днем), по вопросу о прогрессивном блоке.

Выступать публично я не намереваюсь [4]). Не желаю вносить нотку разлада в дружную работу съезда. Однако, если дело дойдет

---

[1]) Повид., в Государственном Совете.

[2]) Помещаем здесь, в качестве дополнения, характеризующего «поэтическую натуру» Н. Маклакова, письмо его на имя Николая II, написанное, повидимому, весною 1916 года. Оно извлечено из пакета в б. личном архиве царя с надписью «от разных лиц», хранящемся в Особом Отделе Моск. Центр. Архива Октябрьской Революции.

«Великая пятница.

С-цо Ярцево Московской губернии.

Ваше императорское величество.

В своем старом гнезде, в деревне, где предполагаю остаться до начала занятий Государственного Совета, я провожу страстную и готовлюсь встретить пасху. Снег быстро исчезает, в воздухе весенняя прохлада и синий простор, в лесу несмолкаемые песни черных дроздов, первые намеки травы показываются в поле, и по оврагам бурно гудят и пенятся вешние воды. И все так тихо и покойно кругом, так чувствуется везде присутствие бога, и в душе растет радостная надежда на близкое тепло, солнце, возрождение и расцвет просыпающейся природы. Растет и другая надежда, переходящая в уверенность в том, что и в жизни России скоро настанут тоже ясные, покойные дни победы, славы и восстановления ее неисчислимых сил, переживших столько небывалых испытаний.

И, думая об этом, верною мыслью моею переносясь, как всегда, к вам, ваше величество, к государыне императрице и ко всему августейшему семейству вашему, я молю господа послать вам радость и счастье, покорить под ноги ваши всякого врага и супостата внешнего и внутреннего и благословить родину нашу в эти дни возрождения — возрождением ее былого счастья и удачи, ее могучего величия и спокойной простоты.

Христос воскресе.

Вашего императорского величества верный и благодарный слуга

Маклаков».

[3]) Совещание монархистов, на котором Щегловитов председательствовал, происходило в Петрограде 21—23 ноября 1915 г. Письмо, следовательно, написано 22 ноября 1915 г.

[4]) Бобринский значится выступавшим по этому вопросу 22 ноября, днем; см. «Совещ. монархистов 21—23 ноября 1915 г. в Петрограде. Постановления и краткий отчет». Москва. 1915 г.

до подписания сегодняшних резолюций, то мне придется или воздержаться от подписи, или оговорить свое несогласие с некоторыми выражениями. Все это я, конечно, сумею сделать без всякой публичности и таким образом, что мое заявление останется лишь при деле, в оправдание себя перед своею совестью.

Возражения мои зиждятся на том соображении, что съезд монархистов представляет из себя, как-никак, — улицу; правую улицу — но все же толпу. Члены законодательных учреждений на съезде — исключение. При таком составе съезда нам следует соблюдать сугубую осторожность во всем, что касается верховной власти. Мне сдается, что наши сегодняшние резолюции грешат в отношении этой желанной осторожности, тем более если, как я предвижу, резолюции эти должны стать достоянием печати.

Так: указание на желательность удаления нелюбых нам министров, выражение сожаления о вынужденном уходе министров, наших единомышленников; ссылка на знаменитое, строго конфиденциальное письмо 8 министров государю [1]), — все это предметы, о которых вполне приличествует рассуждать и даже заявлять членам Государственного Совета. Их заявления никогда публичными не станут. Но улица, хотя бы и совсем правая, не должна бы, по моему мнению, позволять себе давать указания государю или критиковать его действия. Конечно, ежели все это не предназначено для печати и в газеты не попадет, то еще с полбеды. Но едва ли.

А еще скажу, что достаточно двух-трех настойчивых требований об удалении данного министра — скажем, напр., м-ра народного просвещения, нелюбого съезду, чтобы добиться абсолютно обратного результата. Вы хорошо знаете, что государь не любит давлений со стороны и что лицо, которое сегодня может быть накануне падения, может, под влиянием несвоевременного постороннего гонения, сделаться предметом особой защиты его величества.

Простите, что досаждаю вам этими строками, но дело съезда — дело щекотливое и раз во главе этого дела — вы, я не считаю себя в праве скрывать от вас своих сомнений.

С искренней преданностью и глубоким уважением

Алексей Бобринский.

9

6 января 1917 года.

Ваше императорское величество [2]).

В последние минуты, мною проведенные в царской ставке, в минувшем ноябре, я имел счастие услышать, что ваше ко мне доверие

[1]) Знаменитое письмо о нежелательности вступления б. царя в командование армиями.

[2]) Написано рукой Николая Романова: «Я его приму на-днях; постарайтесь его поуспокоить Н.». Здесь же рукой Щегловитова написано: «В Царском Селе, 9 января 1917 г. Ст.-секретарь Щегловитов».

сохранится и после оставления мною должности председателя совета министров.

Слова ваши, государь, поддержали меня в тяжелые дни, для меня наступившие. Независимо от брошенной в Думе клеветы, на меня направились, и в печати, и собраниях, обвинения в освобождении Сухомлинова, в прекращении дела Мануйлова и проч. — Нарекания я переносил безмолвно, зная, что им не может быть веры перед вашим величеством. Спокойно я отношусь и к угрозам насильственной смертию, полагаясь на бдительность охраны, мне предоставленной.

Теперь на меня обрушился новый удар, и такой, который меня сразил. Я исключен, на 1917 год, из списка присутствующих членов Государственного Совета.

Воля вашего величества для меня священна, и если я дерзаю коснуться принятого решения, то только потому, что мое отсутствие из Петрограда лишило меня возможности защищаться и выяснять последствия такого мероприятия для меня.

Ваше величество, оно истолковывается, как свидетельство вашей ко мне немилости и как подтверждение справедливости возводимых на меня обвинений.

На нем основывается группа ярославских дворян, намеревающаяся возбудить вопрос об исключении меня из списка ярославского дворянства, и того же возможно ожидать в Твери. На мое доброе имя будет наложена тень, которую не в состоянии будет снять и судебное решение о думской клевете.

Перед вашим величеством на моей совести нет упреков, душа моя всегда была открыта перед вами. Если я в чем повинен, простите меня и не карайте меня так жестоко. Дайте мне возможность убедиться, что ваше доверие ко мне непоколеблено; позвольте мне продолжать действительную, по Государственному Совету, службу. С кончиной Ермолова и отставкой Голубева вакансии для назначения новых присутствующих членов налицо.

Дерзаю усердно просить ваше величество о разрешении предстать перед вами и услышать от вас слова утешения. В тяжелую минуту жизни поддержите меня, протяните руку помощи

вашему величеству беззаветно преданному верноподданному

Борису Штюрмеру.

10.

Петроград, 29 января 1917 года.

Ваше императорское величество.

9-го сего января вашему величеству благоугодно было указать, что мое возвращение в состав присутствующих членов Государственного Совета может состояться после назначения Сазонова послом в Великобританию. Назначение это состоялось, но вакансия его в Совете может быть замещена только после его ходатайства об осво-

бождении от присутствования в Совете, которое на него было возложено указом 1 января сего года.

Такого заявления Сазоновым не сделано, и, в виду его участия в трудах по польскому вопросу, новое назначение на его место в Совете остается открытым на неопределенное время.

Вчера скончался член Государственного Совета по назначению барон Корф.

Ваше императорское величество.

Если ваше благоволение к моей службе осталось неизменным, — примите благосклонно мое всеподданнейшее ходатайство о назначении меня на место барона Корфа.

Простите меня за то, что приемлю смелость, попрежнему, обращаться к вашему величеству непосредственно.

Вашему императорскому величеству

беззаветно преданный

верноподданный *Борис Штюрмер*.

К истории „хождения в народ".

Публикуемая рукопись народника А. О. Лукашевича — в высокой степени интересный документ не потому, что он сообщает какие-либо новые поразительные факты из жизни народников-революционеров, не потому, что он блещет какими-либо художественными достоинствами, и не потому, наконец, что он дает цельную картину какого-либо периода хождения в народ (документ этот, к сожалению, только отрывок большой рукописи, наиболее интересная часть которой потеряна), а потому, что это человеческий документ — бесхитростно описанные впечатления почти в самый разгар борьбы, размышления пропагандиста, желающего поделиться опытом со своими товарищами. Это не опыт «ума холодных размышлений и сердца горестных замет», а согретое необыкновенной теплотой «поучение» для молодых и хотя горячих, но неопытных товарищей. Через тридцать лет, на краю могилы, автор этого документа будет делать и более осторожные и, вместе с тем, более горькие замечания по поводу одних и тех же явлений.

Тем и ценен этот документ, что, родившись, можно сказать, почти на поле битвы, он дышит самой неподкрашенной правдой, несмотря на то, что народник Лукашевич, как истый правоверный народник, невольно старается подкрасить действительную жизнь в свои народнические тона.

Уже начало рукописи замечательно. Чего бы больше, чего бы лучше желать, как не общения с народом, носителем коммунистических начал! Стоит только притти к нему и начать огненное слово пропаганды о коммунизме, и сердца носителей коммунизма откроются для правды и истины. Увы! Жестокая действительность сразу же разочаровала утописта-народника.

Оказывается, прежде чем начать это огненное слово коммунизма, нужно было пустить в ход целый арсенал предосторожностей. Оказывается, что для того, чтобы это слово могло быть услышано, пропагандисту нужно было и не быть особенно молодым (иначе носители коммунизма и слушать его бы не стали), и не брать с собой особенно много имущества (в особенности книг), и одеться под народ, и вообще предусматривать десятки случайностей и мелочей, которые бы не показали носителю коммунизма, что пропагандист — чужой народу человек. Нужно было итти даже на такие героические средства, противные душе народника, как вранье, иначе пропагандист рисковал очутиться в царской каталажке не по воле царских шпионов, а по усердию носителя коммунизма. Лукашевич картинно описывает случай, как ему пришлось поспешно бежать из трактира именно потому, что ни Лукашевич, ни его спутник, такой же народник, как он, не могли врать, как следует.

Эта правда жизни вообще глядит на читателя повсюду в рукописи Лукашевича. Рассказывая, например, о своих неудачах пропаганды в народе, Лукашевич так резюмирует свои мысли: «Нечего греха таить — разделяющая стена между нашим братом и народом, а главное, невозможность высказать с полной искренностью свои нецензурные мысли пред окружающими людьми, не успевшими еще сделаться «нашими», нередко давала себя чувствовать, и это было особенно заметно по силе той радости, с какою я всегда встречал «своего человека»... Такой человек мог быть не непременно человеком из интеллигенции, он мог быть из рабочих, и даже незнакомый или мало знакомый, только бы он был «нашей веры». И кто знает, не было ли такое нравственное одиночество — минуты которого испытывал и я — человека, оторвавшегося от привычной среды, в которой более, чем где-либо, преобладает общественность в деле мысли, и не достигшего еще той степени сближения с народом, на которой взаимное понимание делается легким и непринужденным, — не было ли одною из причин некоторых известных и неизвестных мне случаев окончательного обращения человека вспять, если не к «благонамеренной жизни», то, по крайней мере, к деятельности не в народе».

В другом месте Лукашевич еще более точно определяет причины взаимного непонимания, возникавшего между ним и народом.... Наглядно, непосредственно говорит он о членах артели плотников, где он работал учеником: «их затрагивали весьма немногие стороны общественно-политических безобразий; до связи же других сторон государственно-экономического строя с их собственным жалким положением они еще не додумались, и мне казалось, что не скоро и додумаются, потому что и более философский ум между ними видел причину зла (притеснения и обирания плотников подрядчиками)... в собственном пьянстве».

Заключительное замечание Лукашевича в этой фразе очень характерно, в особенности, если сопоставить его с фактами, о которых он рассказывает.

Те же самые плотники, которые, по мнению Лукашевича, видели причину притеснения в собственном пьянстве, рассуждали так же, как их притеснитель подрядчик, когда дело касалось основы общественно-экономического строя — собственности.

Проработав и подучившись ремеслу в артели, Лукашевич по независящим обстоятельствам должен был покинуть артель. Подрядчик, которому выгодно было пребывание в артели Лукашевича (он уже подучился ремеслу, а получал мало, и на таких рабочих именно и наживался подрядчик), стал укорять молодого человека, говоря, что вот ты де подучился и уходишь. «Вот, неблагодарная твоя душа! Пришел ты к нам дурак-дураком. Мы тебя образовали, большое-то с тебя стесали, теперь тебя где хошь возьмут, а ты норовишь уйти. Значит, не можешь даже этого чувствовать».

К удивлению Лукашевича, рабочие члены артели больше понимали подрядчика, чем молодого пропагандиста: по крайней мере, рассуждая об уходе Лукашевича из артели, они сравнивали этот случай с другим, когда в артель был принят зырянин, который поступил так же, как Лукашевич.

Про этого зырянина артельщики выражались так: «Сперва тоже дурак был, по нашему говорить вовсе не умел же, а после привык — работать стал хорошо и по-русски говорить обучился». «Меня все сравнивали с этим зырянином», — добавляет Лукашевич.

Автор документа не хочет замечать, что «носитель коммунизма» — русский крестьянин совсем не желает коммунизма, а тянется к частной собственности и накоплению.

Рассказывая о своем пребывании в ночлежных домах Хитровки и других районов Москвы, куда для пропаганды в народе переселился Лукашевич (это тоже характерно для народника Лукашевича, мечтавшего о деревне и после небольшого опыта осевшего среди низших слоев городского пролетариата), он любовно описывает разных представителей пролетариата и лумпен-пролетариата (грузчики, половые и т. п.), мечтающего о деревне, как об Итаке, куда устремлены в минуты нежного настроения все благочестивые помыслы «блудного сына».

Однако невольно Лукашевич наиболее красочно рисует тех крестьян-рабочих, своих приятелей, у которых мечты были «не столь благочестивыми». Их неблагочестие заключалось в том, что они «мечтали о торговле».

«...Вот сколотить бы деньжонок рубликов десяток-другой, накупить крестов, пуговок, лент и всякой дряни да и торговать ею». Приятели приглашали в компанию и Лукашевича. «Приятели,—говорил он,—мечтали о разживе, начав с грошовой торговли»...

Так, сам того не замечая, Лукашевич своими невольными, выхваченными из жизни примерами только прекрасно иллюстрировал ту истину, что в каждом крестьянине-бедняке живут зародыши середняка, а этот последний — в потенции кулак.

Полезно сравнить печатаемый здесь документ с воспоминаниями Лукашевича о тех же самых событиях, написанными им лет тридцать спустя после этих событий [1]).

Здесь рассказ, быть может, в некоторых отношениях даже полнее, более выдержан, продуман, но зато он менее непосредственен, менее искренен, менее дышит неподдельными красками жизни, в нем более спокойствия, более исторической точности в датах и лицах, но зато в небольшом отрывке 70-х годов больше правды, больше отражается та неподкрашенная действительность, которая вернее рисует и самого пропагандиста и того носителя начал коммунизма, к которому со своей пропагандой шел народник.

В этом и состоит большая ценность печатаемого документа.

Срзвнить то, что было написано, можно сказать, в момент боя, с тем, что было сказано, когда звуки битвы умолкли и когда случайно уцелевшие бойцы вспоминают минувшее, важно не только с психологической точки зрения, но и с исторической.

Мемуары, написанные Лукашевичем в 1907 году и во многом повторяющие печатаемый документ, приобретают (равно, как и публикуемый отрывок) еще большее значение.

В. Невский.

НЕЧТО ИЗ ПОПЫТОЧНОЙ ПРАКТИКИ.

(К материалам об ошибочных и надлежащих формах, способах, приемах и пр.)

Придавая важное значение выяснению наших взглядов на различные условия практической деятельности, я нахожу весьма желательным, чтобы каждый деятель сообщал во всеобщее сведение все то из своего опыта, что может быть интересным как материал для разрешения различных практических вопросов. — Лично я имею некоторые сведения или некоторое понятие о следующих вопросах: 1) пребывание в народе с целью «рекогносцировки» и собственной подготовки; 2) про-

[1]) «В народ». «Былое» 1907 г. март.

паганда в среде московских фабричных *); 3) некоторые соображения об организации; 4) употребление и злоупотребление некоторыми вспомогательными средствами. — Обо всем известном мне по этим вопросам я и намерен здесь дать отчет товарищам, умалчивая лишь о таких частностях и подробностях, обнародование коих нахожу неуместным. Буду приводить без оговорок только те выводы, в несомненности которых сам я уверен; но предупреждаю, что опыт мой был слишком кратковремен и не полон, так что многие выводы после более основательной проверки могут оказаться и неверными. Время деятельности весь 74 год и январь, февраль и март 75 г. Места: Питер, Волга (Нижегор. губ.) и Москва.

Кроме движения 74 г., в котором я принимал участие лично, я видел еще в одной из провинций предвестника этого движения (после «Нечаевского дела»), но об этом периоде и до конца 73 г. я, может быть, буду иметь случай говорить в другом месте, а теперь ограничиваю себя вышеуказанным периодом времени, т.-е. от моего «оставления цивилизации» до ареста. Я буду говорить о том, что было со мной, что мне известно, т.-е. что я видел сам или знаю от очевидцев.

Сысой.

3 декабря 1877 г.

I. Рекогносцировка и подготовка.

«Мое прошедшее — одно мое богатство
Я никогда тебя не в силах разлюбить».

(Вербовчанин).

Порешив для себя окончательно, что действовать больше негде, как только в народе и вместе с народом, я еще не сразу решил, как именно приступить к практическому осуществлению этого положения. Возникало не мало препятствий, к[ото]рые сводились главным образом к моему (полному) незнакомству с жизнью вообще (в 73 г. мне минуло 18 л.) и с народом в особенности. Значит, необходимо было узнавать, учиться. Нас набралась в Питере целая компания таких же, как я, новичков, и мы тщательно обсуждали, каким образ[ом] привести в исполнение нашу мысль.

Все мы были согласны в одном — что следует **) жить в народе тою жизнью, какою живет сам народ, т.-е. мы должны б[ыть] не праздными наблюдателями, работать физическую работу. Но мы не знали еще наверное даже того, будем ли мы способны к такой работе, а итти и потом «оскандалиться» — не желали, и вот, чтобы испробовать сколько-нибудь свою годность для работы и вместе с тем ч[то]бы несколько отшлифоваться, стереть с себя «цивилизованное» обличие, мы и устроили кузницу [1]) и работали в ней месяца

*) В подлиннике зачеркнуто: рабочих.

**) В тексте слово «следует» зачеркнуто, повидимому, по ошибке.

два, но потом нашли, что можно итти, что работу вынесем, и потому немедленно приступили к снаряжению в путь.

Уходя, мы не рассчитывали, что придется «шататься», думали, напротив, что очень скоро удастся найти работу и осесться, — но обстоятельства показали, что работу найти не так-то легко, и «шататься» нам пришлось поневоле, отыскивая работу [2]). Но теперь я нахожу, что для первого разу это шатанье было мне весьма полезно, ибо явилось, за неимением лучшего, самым удобным способом для предварительного ознакомления с мужицкой обстановкой без риску наделать неисправимых промахов, к[ото]рые несомненно я наделал бы, если бы пришлось с первого же дня по выходе из «цивилизации» поселиться оседло и быть, таким образом, постоянно на глазах у одних и тех же людей. В дороге же я приобретал «сноровку», не рискуя, что моя «неумелость» будет открыта, так как ежедневно переходил в другое место. Таким образом «шатание» оказалось все-таки довольно пригодным средством для «самовоспитания», ученичества, но отнюдь не для пропаганды и даже не для серьезного изучения, серьезной подготовки, а только для самой первоначальной шлифовки, ориентировки в мужицкой среде, и затем, как только нажил мало-мальски подходящую образину, сейчас нужно садиться на место.

Нам почти всем приходилось таким образом войти в самую деревню, в среду мужиков, без всякого предварительного знания этой среды, так что я, напр., никогда до тех пор не бывал в великорусской избе (я родился и вырос на юге) и не имел никаких, даже отдаленных, столкновений с мужиком (если не считать тех каменщиков из Орловской губ., к[ото]рые работали у нас на родине и с к[ото]рыми я имел случай водить знакомство мес[яца] два, — но что было крайне недостаточно). Я имел раньше несколько преувеличенное представление о совершенной отдельности мира рабочих от среды интеллигентной и полагал, что нет возможности ближе знакомиться, даже по самой внешности, с мужиком иначе, как надев на себя его «мужицкий мундир», вступив в его среду. Теперь я думаю, что было бы полезно, не откладывая самого вступления в народ, предварительно несколько потолкаться хоть между городскими рабочими — в трактирах, в ночлежных домах или на базарах и в кабаках с приезжающими в город крестьянами,— все это было бы очень возможно в «цивилизованной шкуре», мимоходом в подготовительный период, это дало бы потом больше выдержки, больше уверенности в себе, сделало бы «переход через Рубикон» не таким резким. Могут быть другие комбинации для той же цели, но я и теперь стою за то, чтобы на такую приготовительную подготовку не затрачивались года, а делалось бы это мимоходом и в то время, когда другие причины мешают еще человеку совершенно покончить с цивилизацией.

Не могу не сделать тут еще одного замечания насчет «оставления цивилизации». Если только мой совет может иметь какое-нибудь

значение, то я советовал бы самым настоятельным образом не ходить в народ о ч е н ь м о л о д ы м, примерно до 18—19 лет. Этому есть много причин, и их должны понять близкие друзья такого рвущегося «в народ» юноши и стараться на время умерить его рвение. Во-первых, мужики не совсем доверчиво смотрят на очень молодого парня, странствующего в совсем чужой местности, во-вторых (и это главное), юноша этого возраста (15—17 л.), как, к сожалению, показал опыт, принимает известное решение сгоряча, не взвесивши и не прочувствовавши его как следует, и если бы удалось заставить такого че[лове]ка, вместо немедленного выступления, воспользоваться этою отсрочкою в интересе самого этого предприятия, напр., пособрать за это время сведения о различных местах, намеченных им для «рекогносцировок», указания лиц, адреса и пр., потолкаться в городе между демократией, в фаланстерах пролетариата (попросту — в ночлежных домах), то такое выжидание — можно сказать наверное — т о л ь к о у п р о ч и т решение и обеспечит успех задуманного. Между тем как, уходя зря, следуя первому порыву, весьма не мудрено такому юноше разочароваться и через какой-нибудь месяц, два обратиться вспять, в ту самую «цивилизацию» и даже в «привилегированные сословия», из к[ото]рых намеревался бежать. Такой пассаж, если даже оставить в стороне бесспорный вред для дела, может окончательно разбить и личное счастье заинтересованного лица, потому что, так сказать, насильственно, противуестественно переносит его в разряд «разочарованных», «оплакивающих увлечение молодости», когда при других условиях он был бы полезным работником.

Теперь насчет с н а р я ж е н и я. Мы снаряжались сами, без посторонней помощи какого-либо лица, более нас опытного. Вследствие этого множество мелочей не было предусмотрено, тогда как именно каждая мелочь может б[ыть] важною для успеха «рекогносцировки». Необходимо принять за правило, ч[то]бы окончательное снаряжение в путь (и напутствие) происходило не иначе как под руководством какого-либо «своего человека» из крестьян и в крайнем случае, за отсутствием такового, человека, уже бывавшего в народе. Таким образом при снаряжении нам следовало иметь в виду: 1) что не всякий «студент» годен для переряживания в мужицкую шкуру, иного «попа» в какой угодно «рогоже» видно. В этом отношении, т.-е. м о ж н о л и е м у, и л и н е л ь з я назваться мужиком и надеть мужицкий костюм, должен испытать себя каждый предварительно; 2) из тех, к о м у м о ж н о быть мужиком, одни более походили на мужиков, другие менее. Для них важность иметь п о д х о д я щ и й к о в н е ш н о с т и костюм обратно пропорциональна степени «мужичества» самого обладателя костюма, т.-е. чем менее такой обладатель сам похож на мужика, тем более ему приходится стараться скрыть свой изъян под надлежащим мужичеством и обратно. (Выбор подходящего костюма — очень важной статьи — должен решить тот опытный «руководитель», о к[ото]ром сказано выше.) 3) Заранее надо б[ыть] готовым в р а т ь

с первого же шагу в загон, ибо врать придется на каждом шагу о б о в с е м, к а с а ю щ е м с я т в о е й л и ч н о с т и, как-то: чей, т.-е. какой ты губернии, уезда и пр. (это глядя по паспорту и другим условиям — подробнее смотри ниже в главе о вспомогат[ельных] средствах), о том, как и зачем попал в данную местность, какие у тебя намерения, какою работою занимаешься в том месте, откуда идешь, и т. д., т.-е. приготовиться вообще рассказывать всякую всячину о своей (мнимой, по паспорту) родине, ибо расспросы о житье-бытье на родине — первый разговор постоянно. Понятно, что я говорю здесь только о лжи с а м о й н е о б х о д и м о й. Не будешь всегда говорить незнакомым людям свое настоящее звание и что я де «пропагандист». Поневоле о своей личности придется л г а т ь. Но о ч е н ь завираться не годится, да и самому каждому противно. 4) Относительно допускаемого к ношению с собой имущества (при мужицком образе) может б[ыть] два известных мне случая. Если идешь с благовидным предлогом и имеешь хороший паспорт *), т.-е. рассчитываешь на немедленное освобождение после с л у ч а й н о г о ареста (напр., по какому-ниб[удь] недоразумению или подозрению), то лучше не брать с собой ничего такого, что могло бы внушать подозрение — никаких «признаков цивилизации», как, напр., карт, книг, записных тетрадей и т. п., но если можно быть уверенным, что в случае ареста все равно не выпустят, то все означенные пособия могут быть очень полезны, и тогда пренебрегать ими не следует. Есть прекрасные специальные карты, с к[ото]рыми весьма удобно ходить, так как вперед знаешь названия деревень и можно легче ориентироваться (а это вообще не так-то легко, — поминутно, даже имея карту, приходится спрашивать дорогу). Карту-то во всяком случае не держать на виду, а справляться с ней наедине, — всего лучше на ходу. На случай катастрофы хорошо иметь при себе **) некоторую сумму денег, но прятать их так, ч[то]бы при обыске не нашли. На виду же надо денег держать п о м е н ь ш е и только мелочь, всего лучше одну мелочь, да и той ***) немного. (Хлеб можно покупать в деревнях в лавочках или в избе, где ночевал, но за ночлег в тех местах, где я был, плата не везде, а где есть, то не более пятака и с ужином.) Переменных рубах в котомке надо иметь немного, вообще котомку н е б о л ь ш у ю, но и не вовсе без котомки, — иначе сочтут за проходимца, подозрительного ч[елове]ка.

Вышесказанные соображения относятся до рекогносцировок под видом мужика и в ч у ж о й, н е з н а к о м о й м е с т н о с т и; если же ходить дома, в своей, то там, конечно, и другие условия, к[ото]рых я не испытал.

Как удобнее ходить на рекогносцировку, вдвоем или одному — был у нас вопрос нерешенный. Я вышел сначала вдвоем с товарищем

*) В тексте: пачпорт.
**) В тексте зачеркнуто: на всякий случай.
***) Зачеркнуто: поменьше.

и испытал от этого как некоторые выгоды, так и неудобства. Незаменимая выгода — возможность постоянного обмена наблюдений, впечатлений, мнений, к[ото]рые являются в изобилии, в особенности в первые дни; другие выгоды — взаимная нравственная поддержка в случае невзгод, действительной или мнимой опасности; совещания, как поступать в том или другом случае, и т. д. А вот и неудобства. Необходимость в р а т ь в о д н о, что было не совсем легко, так как не было возможности все предусмотреть и спеться, а на ночлеге , напр., помещают вдруг в разных избах (с нами так однажды случилось). А то вот еще был какой случай с нами (нахожу нелишним рассказать его в назидание потомству). Дело было в марте 1874 г. Мы с товарищем шли, отыскивая работы, и зашли таким образом в г. Александров Владимирской губ.; толкнувшись туда, сюда, в кузницу, — работы не нашли, пошли дальше по переславскому *) тракту, но только что вышли за город, как, посовещавшись и взвесив все обстоятельства, увидели, что теперь, перед пасхой (дело было не то на вербной, не то на страстной неделе), работы ни в каком случае уже не найти и к тому же проводить такой праздник где-нибудь в чужой деревне, н е з н а я о б ы ч а е в, неудобно и гораздо будет лучше возвратиться в Москву и переждать там пасху у «своих». Сказано — сделано. Войдя снова в город, мы д[ол]жны были итти на вокзал, ч[то]бы взять билеты и ехать в Москву; оказалось, что поезд идет не скоро — поздно ночью, а это было после обеда, часа в два. Как быть? — Решили дожидаться поезда в трактире недалеко от вокзала (в самом вокзале ожидать не позволяли). Конечно, будь мы хоть несколько поопытнее, мы не поступили бы так, а шли бы прямо на постоялый двор, — но тогда ничего лучшего придумать не могли, к[а]к зайти в трактир, потребовать чаю, да и сидеть над этим чаем битых 3—4 часа! Ну, сидим (час), сидим другой — ничего... Р а з г о в а р и в а т ь в с л у х м е ж д у с о б о й м ы н е м о г л и, пот[ому] ч[то] в с я к а я тема разговора, какая могла у нас быть, оказывалась н е ц е н з у р н о й; поэтому говорили вполголоса. Это уже обратило на нас внимание хозяина трактира и некоторых «гостей» (в трактирах гости обыкновенно разговаривают между собой, орут во все горло), а также необыкновенное долгое сиденье за чаем. С нами начали заводить разговор, сперва очень дружелюбно и вежливо; мы в своих ответах объяснили прежде всего, что ждем поезда. Это на время успокоило подозрительность хозяина и половых, но все же они продолжали наблюдать за нами, а один гость начал старательно расспрашивать нас о том, откуда и куда мы идем, где работали и т. д. Тут мы заврались — сослались на фабрику в Киржаче (о существовании к[ото]рой на самом деле только слышали, — Киржач от Александрова верст 25), а никаких подробностей ни о самой фабрике, ни о хозяевах сказать не умели, ибо никогда в Киржаче и не бывали. Под конец разговора допрашивающий «гость» обнаружил

*) Вероятно переяславльскому.

эти обстоятельства тем, что спросил, сколько церквей в Киржаче? Я сказал на удачу, кажется, — пять — и в ответ на это все присутствовавшие разразились хохотом — оказалось, что церковь там одна единственная. Тут уже с нами переменили тон и стали просить удалиться из трактира «пока што, а то не равно» и т. д. Сцена вышла для нас весьма прискорбная, и хотя товарищ и пробовал вломиться в амбицию, и я его в этом поддерживал, но тем не менее мы поторопились*) последовать не особенно учтивому предложению «уйти от греха» и вышли со скандалом из трактира. Чтоб быть точным, я д[олже]н сознаться (дело прошлое!), что лично я изрядно при этом перетрусил, так что по уходе из трактира ждал «последствий» в виде преследования со стороны начальства и на сей конец предлагал товарищу уничтожить карту, книги и все «признаки цивилизации», но от этой крайней меры товарищ меня удержал, и мы благополучно просидели на вокзале остальное время до приезда поезда и затем приехали в Москву без дальнейших приключений [3]). Нужно заметить еще, что с самого начала в трактире подозрение усиливало то обстоятельство, что мы оба были в новых полушубках, что присутствовавшие почему-то не могли связать с представлением о «слесарях», за к[ото]рых мы себя выдавали, а сочли нас за жуликов или «гусляков» (гусляки — жители местности около деревни Гуслицы, Моск. губ., Богородск. у., славящиеся фальшивыми монетчиками, разбоями, конокрадством и всякого рода «художествами»).

После пасхи, выйдя опять из Москвы, я путешествовал уже один, при этом чувствовал себя менее стесненным относительно вранья, но зато, быть может, пропадала половина результатов шатанья, так как вдвоем каждый встреченный факт подвергался обсуждению и взаимному комментированью и тем самым упрочивался в памяти и вернее понимался. Так что вопрос: какой способ выгоднее принять — парный или одиночный — так и остался нерешенным. — Случаи, подобные описанному сейчас или не менее пикантному анекдоту с «рекой Великой» и др., заставили меня только ссылаться на такие места, где я действительно был, хотя и не в том именно виде, как рассказывал, и вообще уморили во мне импровизацию и заставили сочинять «историю», являющуюся неизбежно связанной с ложным именем, и тщательно обдумывать все ее подробности. Такую, напр., мелочь — кто именно у меня дома из родни и как их зовут — и то не мешает приготовить заблаговременно, ч[то]бы не лезть за ответом в карман, а выкладывать свою историю сразу, по первому требованию и притом с наиболее выгодными подробностями. Профессии я тоже приводил впоследствии только знакомые или совершенно уже не сложные, так напр., нанимаясь в кузницу и не умея хорошо работать, я говорил, что в кузнице работать никогда не приходилось, а что жил в Петерб[урге] «в дворниках». Впрочем,

*) В тексте зачеркнуто: уйти от.

в крайнем случае находчивый ч[елове]к, ежели и проврется, унывать не станет — пошутил, дескать, или врал нарочно, или что-нибудь подобное можно придумать — главная сила — не возбуждать подозрения всем своим поведением в о о б щ е, а не одним враньем. — Замечу, однако, что «шатанье» мое происходило в то время, когда еще не начиналась травля на пропагандистов, когда начальство спало еще спокойно и не снились ему ни «пропаганда», ни «неведомые люди»; во время же травли я уже не «метался», а жил «на месте». Так что нынешним рекогносцировщикам *) начинать странствие будет несравненно труднее нашего, и наши практические приемы и соображения, конечно, окажутся не вполне применимыми в их положении, — но ведь на то же и «хитер наш брат, мастеровой», значит, господь не выдаст, свинья не съест — на каждое положение бывает приспособление.

Во время первой рекогносцировки мы вообще мало «разговаривали», хотя и нельзя сказать, ч[то]бы абсолютно воздерживались — напротив, в наши планы входило «пробовать себя» во всех отношениях, в том числе и со стороны способности вести с мужиком тенденциозный разговор. — Поэтому при случае, на ночлеге, или зайдя в избу переждать дождик, мы заводили иногда разговор о всесословной воинской повинности (тогда свежей новости) или же говорили что-нибудь в униссон и в пояснение тех жалоб на бедность **)... приходилось слышать во многих избах — но никакого поучения из этих случаев вывести не могу, кроме разве того, что они ни вреда, ни прямой пользы никому не принесли, а между тем все же практика обхождения...

Мои похождения до поступления на работу в селе (о чем речь будет ниже) были довольно курьезны, но они носят чисто субъективный характер. Тем не менее, я упомяну здесь о более выдающихся случаях в анекдотическом роде. Дойдя пешком до г. Гороховца (Влад. губ.) в постоянных, безуспешных поисках работы (я хотел найти непременно слесарную работу, так к[а]к находил, ч[то] начинать в первый же раз в качестве совершенно неумелого будет нехорошо, а слесарную работу я несколько знаю). Эти неудачные поиски держали меня в таком неестественно-напряженном состоянии, ч[то] я под конец этого пути и нек[ото]рое время потом ни о чем уже не думал, ничего не желал, кроме одного — найти поскорей работу, испытать себя наконец на заправской работе, в действительном, более постоянном общении с народом.

Я с улыбкой вспоминаю теперь, с какою платоническою любовью я глядел в этот переезд в вагоне до Нижнего на владимирских каменщиков, изображавших собой н а р о д — этого дорогого для меня

*) Если только эта форма вообще применима теперь, чего я не беру на себя решить. *(Прим. авт.)*

**) В тексте оставлен пробел. По смыслу можно предположить, что должно быть слово: на которую.

незнакомца, с к[ото]рым я так давно горел желанием познакомиться. Их ехала на этом поезде целая артель. Вот, думалось мне, кабы в такую артель затесаться — важное бы дело, да то беда, ч[то] неумелого не возьмут, притом же чужого — а из разговоров их я сейчас понял, ч[то] они все земляки. Поэтому я не делал напрасных попыток знакомиться с ними, а только со стороны любовался на их простые «артельские» ухватки и громкие, во всю глотку, разговоры про свою деревню.

В Нижнем я не знал никакого адреса, хотя мне и было известно, ч[то] здесь есть какие-то «свои люди» [4]); но так к[а]к, уходя из Москвы, я не рассчитывал вовсе, ч[то] попаду в Нижний, а думал найти работу где-нибудь в Владимирской губ., то и не взял адреса. Пришлось искать ночлега в одной из многих на «Нижнем базаре» «квартер», а по цивилизованному «ночлежных домов». С нек[ото]рым подобием этих местопребываний городской нищеты и пролетариата, а по ироническому местному названию «золотой роты», я поверхностно познакомился уже раньше во Владимире; но те «квартеры» не могли итти ни в какое сравнение по части грязи и вообще прелестей обстановки с тою, куда я попал в Нижнем (впоследствии мне пришлось узнать, ч[то] бывают еще хуже). Кроме того, прожив тут несколько дней [5]), я мог глубже вникнуть в жизнь обитателей этих прекрасных палат. Однако описывать те и другие не стану, так к[а]к это не входит в рамки «материала», имеющего специальною целью — дать только все то, ч[то] имеется у меня по части фактов и выводов из них, могущих содействовать разрешению спорных вопросов о способах нашей деятельности.

В Нижнем со мной произошел, между прочим, такой курьез. Когда я явился на завод Колчина, ч[то]бы осведомиться, не надо ли там слесаря, мастеровые встретили меня насмешливо и обозвали в разговоре между собой чем-то в роде «серого чорта» — одною из кличек, выработанных лоскутной цивилизацией и применяемых к «деревенщине» городскими рабочими, мнящими себя выше, образованней серого мужика (на мне был простой крестьянский серый кафтан, а они были одеты «чисто» — по-немецки). Таким образом, приняв меня за «деревенщину», они усумнились в моей компетентности по слесарному делу, чему отчасти давала повод и моя крайняя застенчивость, к[ото]рая в то время еще не окончательно выдохлась и только получила своеобразную форму — неуверенности в себе и ежеминутного беспокойства, к[а]к бы не сделать чего-нибудь не того. Возвращаясь из этой неудачной экспедиции к Колчину через так назыв[аемый] «Александровский сад», я пришел к утешительному выводу, ч[то] если «цивилизованным» слесарям я показался «серым», то, значит, мне и не след никуда соваться, кроме самой «серой» среды, — ч[то] к ней мне будет и легче приспособиться и гораздо полезнее для меня. Чтобы на самом деле испытать это, я тотчас же, недолго думая, подошел к работающим тут же в парке землекопам и попробовал свести с ними знакомство.

Пользуясь чуть ли не первым со времени выхода случаем, где можно было н е в с е в р а т ь, я рассказал им подробно о своих неудачных исканиях работы, не умолчал и о Колчине, и просил их, если они знают, указать мне какого-нибудь хозяина, к[ото]рый взял бы меня для какой бы то ни было работы. Землекопы с готовностью взялись помочь мне; у одного оказался дядя (или тесть) медник, к[ото]рому нужен помощник, и он непременно возьмет меня в ученики, другой обещал поговорить с несколькими рядчиками, с к[ото]рыми он, по его словам, со всеми приятель, и непременно уже, хвалились, пристроят меня где-нибудь к месту. Я слушал и радовался, но скоро оказалось, ч[то] г о т о в н о с т ь их превышала в о з м о ж н о с т ь, п[отому] ч[то] и «дядя», к к[ото]рому меня действительно сводили, оказался неподходящим, и «рядчиков» приятелей не оказалось ни в одном трактире — где мы их разыскивали в следующее воскресенье, а с собственным рядчиком — хозяином, жирным кулаком, от к[ото]рого сам зависел, мой покровитель держался самого подобострастного тона и, видно, не пользовался у него весом.

Для меня стало очевидно, ч[то] меня «водят», отчасти теша собственное тщеславие, а отчасти из желания попить со мною и на мой счет в трактире чайку. В этом я убедился не с первого раза, а повозившись с ними несколько дней. Нужно, однако, заметить, ч[то] я сошелся с этими землекопами отнюдь н е в к а ч е с т в е п р о п а г а н д и с т а и в своих разговорах с ними ни разу даже не касался «общих вопросов». Они видели во мне только «простого парня», — б[ыть] м[ожет], с л и ш к о м простого и несмелого, к[а]к, впрочем, и подобает ученику, делавшему первые шаги в жизни. Приключение это сообщило мне не бесполезный в ряду других жизненных влияний урок тем, ч[то] подрывало мое книжное фальшивое, идеальное понятие о «народе», в силу к[ото]рого я a priori представлял себе каждого «мужика», если он только не кулак, наделенным чуть ли не всеми доблестями «Дедушки Егора», — а тут вдруг пришлось столкнуться лицом к лицу с такою наивно-эгоистическою чертою в мужике, какая сплошь да рядом попадается и между нашим братом.

Продолжая свои искания работы по городу, я совершенно случайно наткнулся на двоих товарищей, шедших из Питера тоже в народ, только несколькими днями раньше меня, и к[ото]рых я ник[а]к не ожидал встретить в Нижнем [6]). Оказалось, ч[то] и им пришлось в Нижнем, к[ак] нам в Москве, переждать пасху.—Сюрприз был тем более приятен, ч[то] я уже начинал чувствовать отсутствие близкого человека, с к[ото]рым мог бы пообменяться впечатлениями и, ч[то] называется, «отвести душу». Нечего греха таить — разделяющая стена между нашим братом и народом, а главное, невозможность высказывать с полною искренностью свои «нецензурные» мысли пред окружающими людьми, не успевшими еще сделаться «нашими», нередко давала себя чувствовать, и это было особенно заметно по силе той радости, с какою я всегда встречал «своего человека»... Такой человек мог быть не непре-

менно человеком из интеллигенции, он мог быть из рабочих и даже незнакомый или мало знакомый, только бы он был «нашей веры». И, кто знает, не было ли такое нравственное одиночество, минуты к[ото]рого испытывал и я — человека оторвавшегося от привычной среды, в к[ото]рой более чем где-либо преобладает общественность в деле мысли, и не достигшего еще той степени сближения с народом, на к[ото]рой взаимное понимание делается легким и непринужденным — не было ли одною из причин нек[ото]рых известных и неизвестных мне случаев окончательного обращения человека вспять, если не к «благонамеренной жизни», то, по крайней мере, к деятельности не в народе.

Наконец, вскоре после этой освежающей встречи с товарищами мне и к работе удалось пристроиться. Она нашлась в той же Нижегородской губ., в большом селе, скорее напоминающем город [7]). Я поступил в качестве ученика в артель плотников и прожил у них около двух месяцев — май, июнь. Работа вообще была не тяжелая, но было 2—3 случая, при к[ото]рых во всей наготе сказалась моя непривычка к труду и слабосилие; вообще я не проявил в работе ни ловкости, ни проворства, ни особой успешности в усвоении необходимых в работе манипуляций. Да оно и не мудрено: помимо физического слабосилия, здесь влияла еще и трудность сосредоточить все мысли и все внимание на процессе тесания или строгания; — я, если не разговаривал во время работы со своим «парником», т.-е. товарищем плотником в такой работе, к[ото]рая делается вдвоем, — то всегда думал или мечтал о вещах, пожалуй, и более серьезных, чем какой-нибудь тес или бревно, но эти серьезные мысли мешали мне хорошенько вникнуть в работу или исполнять ее с надлежащей быстротой. Несмотря, однако, на такие мои неблагоприятные качества, отношения ко мне плотников из сочувственно-покровительственных отношений к неумелому ученику начинали вскоре превращаться в ровные отношения товарищей к товарищу, а с некоторыми я успел и сблизиться до отношений почти дружеских. При этом я заметил, ч[то] встать в совершенно ровные с большинством отношения мне мешала не столько моя неумелость, сколько просто оч[ень] молодой возраст, а также и застенчивость. У ч е н и к о м я был не только с точки зрения мастерства, но и к[ак] революционер-практик: я проходил здесь курс ученичества будущего пропагандиста.

Между прочим, я находил и нахожу необходимым, живя в народе, н е н а р у ш а т ь признаваемых в данной артели или деревне о б ы ч а е в, к[ак] религиозных, так и бытовых. Существует взгляд, [что] нам следует не подчиняться, а, напротив, вооружаться против обычаев в р е д н ы х. Сам я не могу судить, насколько это возможно для человека, успевшего уже приобрести нек[ото]рый авторитет, зарекомендовать себя поступками более важными во мнении массы, чем нехлебание в среду молока; но для у ч е н и к а было бы положительнейшим абсурдом сунуться в реформаторы обычаев, когда его собственный кредит в артели еще хромает или недалек от того, когда сам еще не

умеет и лапти обуть настоящим манером (к[ак] это было со мной). Вот почему я считал нужным и в церковь ходить, и креститься-молиться, когда это делают остальные, и вообще уклоняться *) от т а к и х обычаев, к[ото]рые положительно претили: напр., от попоек **), нередко бывавших в артели по праздничным дням, и нек[ото]рых др. увеселений. Но я и тут не совался с своими мнениями, а держался в стороне, ничем не мотивируя моего нежелания участвовать в такой затее.

Чувствуя ***) себя совершенно еще неподготовленным для активной роли в сфере народа, я бы должен был до времени строго держаться на почве наблюдения и изучения нравов и условий артельной жизни; но, признаюсь, у меня не всегда хватало настолько последовательности и самообладания, чтобы проводить это правило до конца. И если бы на помощь к теоретич[ескому] сознанию не являлось и действительное практическое н е у м е н ь е подступиться к мужику с своей тенденцией, то я, по всей вероятности, и еще чаще сворачивал бы в сторону «радикальничанья» о чем придется. Но в то время, благодаря н е у м е н ь ю подступиться (буквально), «радикальничать» случалось только изредка, да и то не иначе к[а]к к слову, т.-е. не я сам н а п р а в л я л разговор на известные предметы, требующие радикального к ним отношения, и только тогда решался вставить свое «мнение», когда беседа сама собой переходила на подобную тему. Но и тогда я высказывался со всею скромностью и отнюдь не категорически. Меня в таких случаях от чрезмерных увлечений останавливала мысль: а ну к[а]к я не ладно подошел к вопросу да вызову только смех или недоумение своей неумелой «пропагандой» — налегке? И слово, готовое уже сорваться с языка, к[а]к-то невольно застывало на нем.

Да, надо еще попривыкнуть к людям, поучиться уму-разуму, — говорил во мне «голос благоразумия». Но когда же ты, однако, начнешь? — осведомлялся другой тоже «внутренний голос», — ведь если век будешь учиться, то, пожалуй, так и сгниешь где-нибудь в каземате, не сделав д л я д е л а ни на грош пользы, не уплатив ни копейки из своего долга? Как тут быть? С одной стороны, надо бы действовать с к о р е е, чтобы уметь приложить руки к делу, а с другой, а с другой—надо приложить их у м е ю ч и, чтоб не изгадить самого дела и чтоб опять-таки неумелостью не ускорить приближение неми-

*) Повидимому, пропущено слово: «только» или «лишь».

**) Насчет употребления или неупотребления крепких напитков я вскоре заметил в артели самое разумное воззрение: непьющий между пьющими не только не производит между ними дисгармонии, к[а]к этого, казалось бы, надо ожидать,— напротив, к непьющему относятся с большим уважением; т[а]к как пьянство даже горькими пьяницами, а не только людьми умеренно пьющими, признается нехорошим делом — слабостью, терпимой только по трудности совладеть с собою. *(Примеч. автора.)*

***) Перед абзацом стоит римская цифра II. Однако дальше следует продолжение первой главы; вторая (под заглавием: «Подготовка и постепенный переход к пропаганде») начинается значительно ниже.

нуемой тюрьмы... На первых порах меня совершенно удовлетворяло уже то, ч[то] я учился работать, следовательно, набирался всяческих навыков. Но далее стал все настойчивее являться вопрос: в этом ли дело? Можно разве успокоиться на одной физической работе, двигает ли это вперед дело? Выходило, ч[то] я обязан не только заботиться о своем демократическом воспитании, а в то же время стараться подбирать хороших людей, посвящать их в наше дело — словом, соединить свою собственную подготовку с самим делом. Благоразумные люди (в нашей среде) говорят, ч[то] такой взгляд ошибочен; я сам теперь готов с ними согласиться, — согласен, ч[то] для совершенно неподготовленного парня, каким был я, рано еще заботиться о вербовке людей и было бы отнюдь не вредно, если бы я на время забыл вовсе думать о пропаганде. Но... в минуты, когда «неблагоразумная» прыть брала верх в сознании (а таких «минут», каюсь, было больше, чем «благоразумных»), я рвался всем своим существом поскорее набедокурить сколь возможно больше, я и с к а л случая свести знакомство на стороне, помимо артели, к[ото]рая была хороша для изучения нравов, но на мой тогдашний взгляд не представляла людей восприимчивых к пропаганде, так к[а]к они слишком втянулись в ежедневные мелочи, да в спасительное средство против одуряющего влияния этих мелочей— еще более одуряющую сивуху. Свое неумение говорить с ними о том, о чем бы мне хотелось, я только на половину относил насчет своей неопытности, другую же половину неудачных попыток приписывал особенности характера и положения моих артельных друзей. Да и действительно, — н а г л я д н о, н е п о с р е д с т в е н н о их затрагивали весьма немногие стороны общественно-политических безобразий; до связи же других сторон государственно-экономического строя с их собственным жалким положением они еще не додумались *), и мне казалось, ч[то] не скоро и додумаются, п[отому] ч[то] и более философский ум между ними видел причину зла (притеснения и обирания плотников подрядчиками)... в собственном пьянстве. Послушать его, оно так и выходит: человек летом пьянствовал и потому не принес домой ни гроша. Деньги дома нужны на подати, «на нужду» — он идет к подрядчику и взамен не ахти какого задатка закабаливается («рядится» — выражение «кабала», закабалился, — плотники не употребляют)

*) По этому поводу мне приходило в голову такое соображение. Вероятно, думал я, на родине этих плотников (Кологривск. уезда Костромской губ.) б а б ы представляют элемент гораздо менее консервативный, чем сами плотники, потому ч[то] жизнь их баб несравненно более самостоятельна. Они сами и землю пашут, и с сельским и др. начальством дела имеют и вообще орудуют всем домом, а мужики их, живя более года на чужой стороне, являются домой к[а]к бы в гости, м[еся]ца на 2, 3 зимой, и, судя по их рассказам, в это короткое время больше сибаритствуют, отдыхая после летней тяжелой работы и пользуясь добытым за лето хозяйским хлебом; т.-е. все домашние интересы и невзгоды касаются баб более, чем мужиков, и они поэтому лучше последних должны понимать свое социальное положение.

(Примеч. автора.)

на все будущее лето (т.-е. собственно на 8, на 9 м[еся]цев — весну, лето и осень, ч[то] все вместе у рабочих зовется летом) приблизительно за половину настоящей цены. Такое положение, конечно, не уменьшает, а еще увеличивает его пристрастие к вину — и вот, в следующую зиму он опять в долгу, к[а]к в шелку, а далее и вовсе разорен. Пробовал я возражать, указывая на то, ч[то], наоборот, самое пьянство порождается их обездоленным положением и цыганской бездомной жизнью, но в ответ получал общие фразы в роде того, ч[то] «кабы не вино, можно бы еще жить», или: «слаб *) нынче народ стал, ничего не поделаешь», или же собеседник ссылался на то, ч[то] сам он «вот уже который раз зарок давал, а все не действует; крепится до времени, а там, гляди, и опять загулял». Словом, разговор живо съезжал на другую тему, и чаще всего у меня нехватало находчивости вывести его снова на желательную для меня дорогу. — Я сказал вам, что искал сближения с другими жителями села, но и тут высказалась вся неловкость новичка. Кроме 3—4 личностей, с к[ото]рыми я познакомился независимо от своих поисков, по особому случаю [8]), мне не удалось сойтись ни с кем, вне артели я все искал у д о б н ы х п р е д л о г о в для знакомства с нужным мне народом, а предлогов, как на грех, н е о к а з ы в а л о с ь. Бывало весь праздник прослоняешься по улицам, без толку, высматривая в толпе и с досадой иронизируя сам над собой, что вот де народу, кажись, много, а не умеешь к нему подойти! Я еще так мало вращался тогда в народе, что не знал и того, как легко можно знакомиться с людьми, п р о с т о без всяких предлогов. Эти затруднения и неудовлетворенность начинают уже не [на] шутку отравлять мне жизнь, а к этому, мне кажется, можно присоединить и то, что я довольно долго не получал никаких известий от друзей, а раньше был избалован в этом отношении. — И вот, внезапно блеснувшая мысль — искать лучшей удачи на нижегородской ярмарке гвоздем засела в голове, и чрез несколько дней я окончательно решился ехать в Нижний.

Подрядчик не хотел было меня отпускать, думал задержать паспорт и т. д., — все потому, что от каждого работника он имел изрядный барыш (он получал с «хозяев» стройки деньги п о д е н н о, по числу рабочих, без отношения к количеству сделанной работы). Для меня же эти дипломатические переговоры были интересны в том отношении, что во время их подрядчик довольно ясно выразил свой взгляд на мою особу и этим дал мне непреложный критерий моих «успехов» в деле собственной подготовки. Он попрекнул меня в таких приблизительно выражениях: Вот, неблагодарная твоя душа! пришел ты к нам д у р а к д у р а к о м **). Мы тебя образовывали, большое-то

*) «Слаб», т.-е. легко поддается соблазну выпить, погулять.
(Примеч. автора.)

**) Плотники несколько раз рассказывали мне историю о некоем зырянине, к[ото]рый когда-то, подобно мне, неведомо откуда пришел и был принят в артель, на таких же правах, как и я. Про него выражались так: «Сперва тоже дурак был;

с тебя стесали *) — теперь тебя где хошь возьмут, и ты норовишь уйти! Значит, не можешь даже этого чувствовать! и т. д. Я, однако, тоже чувствовал горе **), не ущерб, наносимый подрядчику,—нет, но мне было грустно расставаться с артелью, с к[ото]рою я успел уже до некоторой степени сжиться и мог бы сжиться еще лучше. А что и ко мне не все в артели относились равнодушно, я мог видеть из того, с каким искренним участием меня провожало большинство плотников. — Удастся ли когда-нибудь свидеться хоть с одним из них? Вот чудак, что выдумал!

С переездом в Нижний жизнь моя в общем мало изменилась. Село, как я уже сказал, более походило на город, а теперь я очутился в настоящем городе. Там я не мог сблизиться с местным населением как по своей неумелости, так и вследствие отдельности положения артели относительно коренных жителей, — здесь самое «местное население» все состояло из разрозненных единиц, и сходиться с населением — значило сходиться с этими единицами ***)...

Как в селе, я и здесь был практиком. В работе на первых порах не было недостатка: как только был куплен самый необходимый «струмент» для придания себе более приличного профессии вида (с собою я привез только один топор), тотчас же вышел «на биржу» и в то же утро попал на работу — «отнимать тес», т.-е. стесывать крышки у досок для строившегося на ярмарке балагана. — Подрядчик (из мелких — сам работал еще), нанимая меня и видя перед собой очень еще молодого парня, справедливо предположил, что я не из особенно искусных плотников и потому «надавал» только 65 к. в день (высшая цена плотнику в это время стояла от 90 к. и до рубля), для меня же и такая плата, после рубля в неделю на хозяйских харчах, к[ото]рую я получал в селе, показалась неожиданно высокою. Таким образом, я был на первое время обеспечен относительно работы и заработка. — Я отыскал себе в Кунавине, т.-е. на ярмарочной стороне Нижнего Новгорода, «дворника» (содержателя постоялого двора), у которого стояли легковые извощики и каменотесы (об этом обстоятельстве я, впрочем, узнал только уже, когда стал жить у него, искал же просто дворника, к[ото]рый только бы согласился взять меня на квартиру). Здесь я за умеренную плату имел ночлег, обед и ужин, — все, что требовала моя мамона — и довольно разнообразное общество

по-нашему говорить вовсе не умел же, а после привык — работать стал хорошо и по-русски говорить обучился». Меня все сравнивали с этим зырянином.
(Примеч. автора.)

*) «Стесать большое» — плотнический термин. Так говорят о самой первой, грубой теске, после к[ото]рой нужно пройти еще раз топором и «настругом», — так что аллегория в применении ко мне может значить: «мы тебя на ноги поставили, дали тебе первоначальную и самую трудную подготовку»... что, пожалуй, и верно.
(Примеч. автора.)

**) В тексте неясно написанное слово, можно прочесть: и тоже.

***) Зачеркнуто после слова: этими — слово: населением, и после слова: единицами, — как в селе.

на придачу. Я для того поместился отдельно от плотников, отказавшись от предложения подрядчика ходить ночевать к ним, чтобы быть более самостоятельным: в городе были у меня теперь друзья в среде «полуцивилизованной», к[ото]рых я имел в виду навещать как для собственного удовольствия, так и ради «сношений» с остальным миром «подрывателей» и не желал подвергаться «неудобным» и стеснительным расспросам со стороны плотников об этих отлучках. Кроме того, я рассчитывал, что, поселившись отдельно, я заведу новые связи и в той «квартире», где стану жить, с плотниками же связь будет поддерживаться уже одною совместною работой. Этот расчет действительно оправдался. Хотя связи эти и не дали прямых результатов с точки зрения «вербовки», но они оказались для меня н е б е с п о л е з н ы м и в смысле воспитательном: я видел людей, говорил с ними, жил их жизнью и научался входить в их интересы.

Если бы я обладал даром романиста-художника, я мог бы и при неполном знании ее *) изобразить много любопытных бытовых сцен из жизни той среды, в к[ото]рой мне пришлось вращаться в описываемое время. Я передал бы вам (поучительные) разговоры и с дворничихой, и с извощиками, и с положительным и нелищенным юмора «артельским» каменщиком, и с расчетливым (себе на уме) отпускным солдатом-коновалом из Симбирской губ., пришедшим на ярмарку «поработать» — зашибить деньжонок, к[ото]рого я пытался было «совращать» (на сон грядущий — мы с ним спали обыкновенно в одном сеновале)... Мог бы обрисовать выдающихся личностей из плотников, — степенного сторожа «галки» **), терпеливо, хотя и не безропотно, тянущего лямку почти нищенского существования изо дня в день, при понимании эксплоатации подрядчиков, но с глубоким вкорененным сознанием, что «ничего не поделаешь»... или другого плотника — из мещан — истинного пролетария, чрезвычайно сангвинического темперамента, то энергически ругающего «мошенников»-хозяев, то унижающегося перед ними из-за своего же заработанного гривенника, просимого, чтобы «опохмелиться» по «случаю понедельника», — впадающего часто в грустное настроение и готового потом подтрунивать сам над собой... Все это я мог изобразить, если бы умел и если бы было можно.—Мир «простых людей» дает массу самых характерных типов, множество картин, наблюдений, — мелких, пожалуй, самих по себе, но из совокупности к[ото]рых слагается то громадное целое, к[ото]рое называется ж и з н ь ю. В то время я едва только окунулся в эту жизнь и уже с первых шагов почувствовал все великое разнообразие этой, повидимому, однородной, серенькой массы. Поверхностный наблюдатель, и особенно сначала, почти не в состоянии еще различить физиономии отдельных, составных единиц этой массы — он видит движущийся

*) Зачеркнуто: любопытных.

**) «Галками» в Нижег. губ. зовут плотников Костр. губ. от названия Галицкого уезда, хотя зовут и кологривских.

(Примеч. автора.)

муравейник — суету какую-то; но поживи месяц — другой, живи год, больше — всю жизнь в этом «муравейнике», изведай на своей собственной особе положение, нужды, желания, ощущения людей, — и ты научишься п о н и м а т ь внутреннюю жизнь, к[ото]рою живут здесь личности, — научишься страдать вместе с ними, переживать их невзгоды и радости, научишься истинно любить народ и истинно ненавидеть его врагов. А сколько глубоко трагичных сторон, сколько внушительных черт может здесь открыть такой наблюдатель!.. Но, виноват, увлекся! Я не хотел бы и д е а л и з и р о в а т ь положения, в к[ото]ром стоял, да и вряд ли слова мои могут быть истолкованы в том смысле, будто с а м ы й п р о ц е с с подобного познавания доставляет самому познающему какие-либо особенно высокие наслаждения. Далеко нет! Наслаждение этого познавания в большинстве случаев парализовалось и вовсе не замечалось за множеством горьких и тяжелых ощущений, вызываемых, напр., встречавшимися темными сторонами народа или сознанием громадной трудности для него сбросить с себя вековое ярмо, — сознанием, наконец, собственных своих недостатков, своей неприспособленности к борьбе и т. д., — и если я, при всем том, с чувством глубокой благодарности вспоминаю это время, то, конечно, не вследствие воспоминания об испытанном тогда удовольствии.

Я хотел только сказать, что, прожив достаточное время в народе, нельзя, по-моему, не проникнуться до мозга костей «демократическим» духом, нельзя не стать вполне другом народа, не отдать на служение ему весь остаток своей жизни.

Проработав на ярмарке с небольшим месяц, я уже ощутительно подвинул вперед свою подготовку в деле схождения с людьми из народа. Правда, я сознавал, что все еще не вполне «готов», — я еще сильно хромал в некоторых отношениях, но я уже заметно приобретал сноровку распознавать характеры, отличать в отдельных людях те неуловимые для меня прежде черты и свойства, в силу к[ото]рых они делаются более или менее доступны хорошему или дурному влиянию... Словом, здесь, и впоследствии в Москве, в период «бродяжества», я мог наглядно изучить натуру человеческого индивидуума. И особенно мне представляется замечательным, что это изучение происходило помимо моего сознания — совершенно непроизвольно. В то время, когда я рыскал по улицам, терзаясь неотвязной думой, где бы найти подходящего «готового» или хоть «восприимчивого» человека, когда я мучился в своих хождениях «настоящей тенденции» — ибо одно голое изучение и приспособление, как я уже сказал, меня не удовлетворяло, — в это именно время, к[отор]ое я тогда считал потраченным бесплодно, — я и набирался той «умелости», той «сноровки» и компетентности, которых мне недоставало для того, чтобы получалась искомая «настоящая тенденция». Но я принужден отказаться от прежнего намерения проследить н а о т д е л ь н ы х с л у ч а я х, какие мною приобретены из них полез-

ные уроки, — оказывается, что на такой анализ нехватает моей памяти *)...

Так как уже зашла речь об отношении наблюдателя к наблюдаемому, то замечу тут, что если я не в состоянии как должно воспроизвести известные, наблюденные мною стороны жизни, то это еще не значит, что они не оставили в о м н е никакого следа. Чтобы понять предмет д л я с е б я, достаточно знать его гораздо менее, чем насколько это необходимо, чтобы уметь хорошо изложить его д л я д р у г и х. Мое знакомство с народом достигло **), можно сказать, первой степени, но не умело дойти до второй — знания более полного, близкого и всестороннего, при к[ото]ром только и мыслимо было бы не только художественное воспроизведение явлений, но и самое дальнейшее изучение более тонких и сокровенных черт народной жизни...

Я оставил ярмарку и Нижний потому, что не стало работы. Плотникам бывает дела вдоволь, пока ярмарка еще строится; но когда она уже отстроена и расторговывается, настает тугое время, и плотники понемногу уходят из Нижнего, кто куда: временно промышлявшие (именно в виду хороших заработков на ярмарке) плотничной работой ближайшие нижегородские мужики — домой, «галки» или домой же, или в другие места по Волге. Но постройки оканчиваются не все вдруг, и последние дни я то имел, то не имел работы. При этом приходилось бродить и толкаться преимущественно между поденщиками — так называемой в Нижнем «золотой ротой» — и наблюдать тут самые яркие картины грязи, бедности, отчаянного пьянства и неимения где преклонить голову. И еще «публицисты» уверяют, будто в России нет пролетариата!—Но неужели не пролетарии эти бездомные отставные и «билетные» солдаты-«крючники» или голодные бурлаки и т. д.? А они есть не в одном только Нижнем. Этот оборванный и угрюмый люд, так живописно расположившийся в ожидании работы и куска хлеба, бросается в глаза когда ни приди на любой из «рынков» (летом их несколько в Нижнем). Многие тут же на рынке и днюют и ночуют, не имея пятачка на ночлег, и недоумеваешь только, чем они питаются? Пробовал я беседовать с некоторыми, но больше наблюдал молча, толкаясь тут же, в виде такого же поденщика,

---

*) Одно еще боязно: не убила ли тюрьма в эти почти три года все те мелкие практические навыки, к[ото]рые уже начинали слагаться в мозгу: — так как окончательно они еще не успели упрочиться путем частого применения на практике — и не пришлось бы, выйдя на волю, если это когда-ниб[удь] случится, сызнова переучиваться и тому, что уже однажды усвоено в этой трудной науке «обхождения». Но нет, не д[олж]но быть: ч[еловече]ский мозг — это ведь такая чувствительная фотографическая пластинка, на к[ото]рой без ведома хозяина чрезвычайно прочно отпечатывается всякая едва заметная черточка, и нет-нет, да и проявится потом в такое время, когда всего менее ожидал этого.

(Примеч. автора.)

**) Слово: «достигло» надписано над зачеркнутым словом: «достаточно».

чающего пришествия нанимателя... Сказать по правде, вся обстановка, окружающая это существование, до того меня поражала и наполняла массой таких н е о б ы ч н ы х ощущений и размышлений, что я начинал смотреть на отдельных представителей «золотой роты», как на каких-то о с о б е н н ы х людей. Затрудняюсь теперь определить это чувство, но в нем и радость подступиться к людям с о в е р ш е н н о неизвестного мне миросозерцания и склада мысли и какое-то благоговение перед м у ч е н и к а м и государственно-капиталистического строя... Во всех отрывочных беседах после первых же слов слышишь здесь жалобы на отсутствие предложения труда *) и нищету вследствие этого. «Машины нынче все пошли (т.-е. пароходы) — отбили работу»... говорили мне бурлаки... То же подтверждали и крючники, занимавшиеся перегрузкой судов, — а все при малейшем напоминании с увлечением расписывали, как много лучше и легче было жить прежде, не очень даже давно... Вражда к «машинам» у всех чрезвычайно сильна, некоторые выказывали также озлобление против «купцов», «хозяев»...

Но я собственно потолкался в «золотой роте» всего несколько дней и, конечно, никого тут не «наметил» и не «завербовал» в такое короткое время.—Имея в виду оглядеться и решить, куда направить свои стопы, я перешел на квартиру к тем «полу-цивилизованным» друзьям, о к[ото]рых я упомянул выше.—После томительного ожидания в течение двух недель или меньше, перебрав несколько выходов из неопределенного положения, было, наконец, решено направиться в Москву [9]).—Здесь месяц перерыва — «экскурсия в цивилизацию», оказавшаяся необходимой для узнания положения дел и возобновления порвавшихся связей. Месяц этот заслуживает более подробного рассмотрения, ради некоторых «ошибок», и я возвращусь к этому в одной из следующих глав своих заметок, когда дойду до этой материи по принятому мною плану.

II. Подготовка и постепенный переход к пропаганде.

Первый «привет», к[ото]рый я встретил у друзей, — было известие об арестах. Аресты, аресты и аресты — аресты тотчас после моего ухода, аресты накануне моего появления, аресты при мне в разных концах России... Быть на несколько месяцев отрезанным от «своих», и услышать при встрече такую массу п о д о б н ы х новостей! Это производило впечатление почти одуряющее. Что это? поражение или временные неудачи? Как решить? и что делать? Продолжать свое или, быть может, переждать? Каюсь, эти вопросы являлись у меня в то время, когда я «гостил» в Питере в конце августа и начале сентября 1874 г. [10]).—Было бы пустою бравадой сказать, что аресты не производили колебания в настроении — даже более, они произво-

*) Несомненно, описка автора,—он имел в виду спрос труда, а не предложение.

дили на меня подавляющее действие, но, как бы то ни было, на поступки они тогда не повлияли: покончив наскоро дела в «цивилизации», я стал «продолжать свое».—Впрочем, ошибаюсь — беспрестанные аресты влияли и на мои поступки: они внесли тот элемент постоянного беспокойства, неуверенности, удастся ли благополучно довести до конца хоть то ближайшее дело, к[ото]рое предстоит сделать завтра, они заставляли меня ждать собственного ареста е ж е д н е в н о в течение многих месяцев до того дня, когда это ожидание действительно исполнилось. Вследствие этого все, что ни делалось, делалось как-то второпях, как строится батарея под выстрелами неприятеля: удастся достроить — ладно, а не удастся, заденет шальная пуля — так, видно, тому и быть надо... Здесь можно быть смелым, стойким, можно проявить замечательное хладнокровие при виде падающих кругом товарищей, но не ищи здесь зрело составленного плана, не ищи и стройной обдуманности каждого действия. Обдумали и обсудили общий план действий при начале похода, при выполнении же под неприятельским огнем д у м а т ь у ж е н е к о г д а...

Но я это забегаю вперед. Собственно в сентябре положение мое было ясно: следовало продолжать свое ученичество, пока не представится возможность перейти к самостоятельной деятельности, иными словами, продолжать прежние «попытки». Так я и сделал. До сих пор мне не приходилось жить в настоящей деревне, а она-то привлекала меня более всего — мне ужасно хотелось найти место именно в деревне. Вот почему я обеими руками ухватился ехать к знакомому кузнецу в д е р е в н ю [11]), в качестве работника. Положение деревенского кузнеца очень мне улыбалось... Я поехал. Приходило ли в голову сравнение такого же путешествия по той же Николаевской дороге полгода назад? Да, конечно. И какая разница. Тогда мы с товарищем делали, так сказать, «первые шаги»; мы оба сияли блаженством, и каждый пустяк тогда способен был привести нас в телячий восторг... С тех пор прошло полгода, — и сколько воды утекло! Товарищ тот едва вступил на «путь» — и уже арестован; целый ряд других товарищей и друзей в других местах арестованы; за неделю только я прислушивался к голосу, который говорил: Sauve qui peut. Ставка моя проиграна! и... готов был согласиться с этим. Правда, я теперь поборол минутное уныние и вот снова отправляюсь на свой пост, — но нет уже тех радужных надежд, нет того п р а з д н и ч н о г о настроения, тех грандиозных замыслов и смелых, до невыполнимости, «планов», какие были т о г д а. Время старит нашего брата поразительно скоро: в полгода я сделался п р о с т о р а б о т н и к о м народного дела из восторженного «мечтателя», каким был, когда делал «первые шаги».

Такие или не совсем такие были размышления мои в вагоне, — дело не в том — я указываю лишь факт перемены.

Деревня, куда я должен был явиться, лежит несколько в стороне от железной дороги. Нужно было переночевать в деревне возле

станции и утром пройти несколько верст до места. Помню, как сейчас, чувство своего рода удовольствия от сознания, что вот я снова, после экскурсии в «цивилизацию», предоставлен самому себе — собственной «борьбе за существование». С этим именно чувством шел я, отыскивая нужную мне деревню. Был какой-то праздник (или воскресенье — хорошенько не помню), и навстречу попадалось много мужиков и баб, пешком и на лошадях — они шли в церковь и учтиво здоровались с «прохожим». У иных я расспрашивал о дороге, другие сами любопытствовали узнать у меня, куда я иду и зачем... Уголок этот оказывался довольно густо населенным, и я уже предвкушал все выгоды от очевидной общительности крестьян... И вдруг всем моим надеждам суждено разлететься прахом! Прихожу на место, спрашиваю у встречного мужика, как пройти к избе такого-то кузнеца, — и вижу, мужик вместо ответа замялся и наконец выговорил... что на-днях наехали в деревню жандармы, забрали моего кузнеца и увезли с собою... В рассказе мужика слышалось сочувствие и сожаление вместе с недоумением по поводу этого ареста. За что взяли кузнеца, он сказать не мог. «Жонка-то сама, ежели надо»,— прибавил он и указал избу в конце деревни. Я сперва пошел было туда, но как только мужик скрылся из виду, я, в свою очередь, свернул в проулок, перешел через мост на другую сторону речки и стал раскидывать умом, что теперь предпринять (нечего и говорить, что тотчас же было вынуто из сокровенного места и уничтожено рекомендательное письмо моего питерского приятеля к кузнецу). Я не видел другого исхода, как возвращаться тою же дорогой, по к[ото]рой пришел, и норовил только как можно скорее добраться до станции. (Я полагал, что рискую подвергнуться погоне.) История, однако, кончилась благополучно, т.-е. никому не пришло и в голову заподозрить меня, хотя многие мужики, встречая меня вторично на станции и на пути к ней, удивились, почему я так скоро возвращаюсь назад. Я же объяснил, что на заводе (близ деревни есть завод, и я, из предосторожности, спрашивая дорогу, упоминал именно его, а не деревню, к[ото]рая мне собственно была нужна) моего «земляка», к к[ото]рому я д[олже]н был зайти, не оказалось.

И вот снова я очутился на станции О-во [12]), — на распутьи дорог: ехать налево, приедешь в Питер, т.-е. опять в ту же «цивилизацию», в бесконечную и бесплодную толкотню, успевшую мне сильно надоесть; направо — в Москву, — без риску закиснуть в «цивилизации» (все знакомые, как мне было известно тогда, разбрелись из Москвы), но и без каких бы то ни было «связей», с полною самостоятельностью вывертываться из затруднения, как знаешь, собственными средствами.

«Налево поедешь — сам пропадешь, и конь пропадет», гласила мысленная надпись на воображаемом столбе у «распутья двух дорог» на станции О-во, — «направо поедешь», что будет, неизвестно»... Я поехал направо и приехал в Москву. — Выбор оказался роковым

прежде всего для «коня», т.-е. я здесь принужден был окончательно пожертвовать долго лелеянною мечтой основаться в деревне, и как потом я ни старался сесть снова на этого коня, мне это не удавалось: так и застрял в Москве до самого ареста...

Но если не сбылись планы относительно деревни, то нельзя сказать, чтобы и жизнь, к[ото]рую я с тех пор повел в Москве, пропала даром для моего развития. Нет, я этого не думаю. Напротив, жизнь эта послужила хорошим дополнением к тем картинам, быта, характеров и отношений в беднейших городских классах *), которые я уже имел случай изучать в предыдущие месяцы этого богатого приключениями года.

В Москве «прогресс современной цивилизации» всего заметнее в проявлениях ернической, надувательно-эксплоататорской стороны, потому ли, что эта сторона «прогресса» нашла себе в ее исторически-приобретенной закваске хищнического грабительства и опричнины наиболее благодатную почву, или же, обратно, — эта грабительская закваска встретила в «прогрессе» лучшего своего пособника — предоставляю решить философам. Несомненно одно, что факт бросился мне в глаза при первом же освоении с Москвою и ее обитателями. О нем свидетельствуют уже такие поговорки, воплощающие всю ходячую мораль москвичей, как, напр.: «Москва дураков любит», или: «Э-эх, милый человек,—здесь Москва-а!», что говорится объегоренному «дураку» в виде пояснения — утешения — насмешки, после особенно бесцеремонного и ловкого надувательства, над ним учиненного **). Но об этом будет, ибо «погромче нас были витии» — хоть бы то в фельетонах, — исчерпавшие предмет этот достаточно. Я хотел лишь отметить, в какой именно «водоворот жизни» я попал теперь, чтобы читатель знал, под влиянием каких явлений и каких условий формировались те представления и впечатления, к[ото]рых придется мне коснуться в дальнейших повествованиях о своем бродяжестве.

Человек уже, видно, так устроен, что для него становятся особенно дорогими, как бы родными те места, с к[ото]рыми связаны какие-нибудь особенные события в жизни. Вот почему Москва, несмотря на всю «прозу» (я именно только прозу ее успел узнать), для меня не пустой «звук»; вот почему из моей памяти не изгладились многие даже мелкие подробности приезда в Москву и самого путешествия, делиться которыми с читателем, разумеется, не стоит. Но я на минуту задержу его и скажу два слова о своих тогдашних ощущениях и настроении, чтобы более уже не возвращаться к этой поездке.

Только что минувшее приключение в деревне, в связи со всем испытанным и передуманным за последний месяц, — наводящие

*) В тексте: классов.

**) Надобно признаться, что за все 7 м[еся]цев своей жизни в Москве я сам так и не успел «намосквичиться», т.-е. достигнуть той степени приспособления к Москве и москвичам, при к[ото]рой бы не подвергался более или менее ловким объегориваниям. *(Примеч. автора.)*

грусть и всегда типичные разговоры вагонных пассажиров про свою местную «злобу дня» самого неотрадного свойства — верное отражение невеселой жизни той земли, по к[ото]рой прошла чугунка, — неизвестность в будущем, — все, словом, настраивало меня серьезно и сосредоточенно. Поезд наш пришел после полуночи. Ступив на землю Москвы и войдя тотчас же в непринужденное житейское общение с людьми, случайно подвернувшимися на ночлеге (два калужские мужика), я к[а]к-то почувствовал себя н е г о с т е м здесь, почувствовал, ч[то] не проездом остановился я тут, а придется здесь же и «приспособляться», — то самое ощущение бодрого ожидания всего хорошего, уже испытанное раньше, в памятный первый день поступления в павловскую артель плотников [13]). Предчувствия, что здесь же придется впоследствии и «голову сложить», совершенно не было, быть может, потому, что я уже давно готовился «сломить» ее в к а ж д о м любом пункте своего поприща.

На утро я оставил первый ночлег и пошел разыскивать «квартиру» у —ской заставы, указанную мне еще покойным К. [14]) в предыдущий мой приезд, к[а]к более «чистый и порядочный» ночлежный дом. Я скоро нашел его и, сдав хозяйке «сумку» (это практикуется в предупреждение воровства, т.-е. чтобы сожители не растащили из сумки драгоценного имущества — рваных портов и т. п.), стал осваиваться с несколько новою обстановкой. Говорю «несколько», п[отому], ч[т]о эта «квартира» отчасти и напоминала мне все прежде виденные и во многом отличалась от них. Я оставался тут на этот раз около недели, после чего нашлось место в кузнице (об этом ниже), а проработав там почти месяц (с сент. по 18 окт.), я снова остался «без делов» и опять должен был поселиться в этом временном пристанище.

Осмотревшись в первый день, я действительно нашел здесь и меньше грязи и более «порядочный» народ: очевидно, хозяйка пускала сюда более разборчиво, так что самых «рваных» подонков здесь не было. Уже потом я узнал, что для последних у хозяйки имелось внизу другое помещение — к[а]к бы совершенно отдельная «квартира» (где впоследствии случалось и мне ночевать несколько ночей). Теперь же я за свой пятачек попал некоторым образом в аристократическое отделение этого благодетельного учреждения.

Пребывание мое здесь и потом на пресловутой в Москве «Хитровке» *) было хотя и недолго, но во всяком случае настолько уже продолжительно, что оставляло в сознании и в воспоминании весьма

*) Хитров рынок — официальное название площади в Москве, недалеко от Варварских ворот, на к[ото]рой постоянно толпятся разного рода рабочие без работы. — Итти на «Хитровку» у всех рабочих считается зазорным, и только крайняя нужда — полная невозможность найти работу в другом месте — побуждает «порядочного» рабочего выйти на Хитров рынок; точно так же и у хозяев рабочие, взятые отсюда, не пользуются хорошей славой. Из хозяев на «Хитровку» идут только рассчитывающие поспекулировать на о с о б е н н у ю дешевизну «рук». Дело в том, что все окружающие площадь дома помещают в себе, кроме трактиров (до невозможности всегда переполненных публичными женщинами),

определенные представления и образы. Но еще больше я придаю цены тому, что к этому времени я уже настолько освоился с действительною жизнью, что эта непрерывная драма нищеты, «преступления» и страстей, материальных и нравственных страданий человеческих существ, хотя и низко стоящих в общественной «пирамиде», но имеющих не меньшее, если не большее право на название людей, чем очень и очень многие представители верхних слоев, — не поражала уже меня своим резким эффектом только, к[а]к это было в первые ночлеги в Нижнем, а хватала глубже, заставляла сердце болезненно сжиматься, с каждым днем все более, по мере проникновения в сущность и подробности этой жизни. К сожалению, я чувствую опять, что детальный анализ всего пережитого здесь превышал бы мои средства в настоящее время, и я принужден представить лишь несколько эпизодов, две-три бледно набросанные картины в связи с тою ролью, какую сам я играл между этими случайными сожителями. Но при этом я не буду уже разделять свои наблюдения по времени — до и после работы в кузнице, и попрошу читателя следовать за мной от —ской заставы на «Хитровку», оттуда опять назад, в «квартиру» —ской заставы и т. д., смотря по связи наблюденных мною там и здесь явлений.

Начну с аристократического отделения. Если я раньше обыкновенного являлся на ночлег, усталый после бесплодного шлянья в поисках за «должностью» по сырым от осенней слякоти московским улицам, «похлебавши» на пятачек с хлебом где-нибудь в грязненьком заведении с заманчивою вывеской: «Продажа вареной ветчины и рыбы», — то заставал квартиру еще пустою. В силу одной из статей нашей квартирной конституции все жильцы той части «квартиры», к[ото]рую я называю «аристократическим отделением», служившей в то же время апартаментом самих хозяев, обязывались днем очищать таковые от своего присутствия: каждое утро они должны были уходить куда знают и не возвращаться до вечера. Для меня, к[а]к «смирного парня» и весьма невзыскательного, исправно платящего деньги постояльца, делалось исключение в том смысле, что если мне иногда случалось приходить и днем, хозяйка оставляла меня в покое — и не ворчала и не выставляла на вид свою конституцию. Нехитрая «постель» (состоящая из расстилаемой по всему полу дерюги, да соломенника под головы) — в других «квартирах» и этого нет — тотчас же убиралась в чулан, и обе комнаты принимали тогда вид обыкновенных мещанских «горниц», довольно опрятно содержимых *), так как никакой мебели не полагалось, по той причине, что ночью все про-

---

«квартиры», в к[ото]рых за 3 коп. находят себе ночлег не только вышеупомянутый, ищущий работы люд, но также нищие по профессии, проститутки и жулики — люди, не менее первых обойденные современным социальным строем. — Присутствие этого-то элемента на «Хитровке» и создало ее дурную славу.

(Примеч. автора.)

*) Пропущено: «только, пожалуй, несколько пустынных»...

(Примеч. переписчика. — Ред.)

странство на полу, даже до последнего вершка, занималось спящими ночлежниками. Нужно отдать справедливость хозяйке: она, сумев сделать такое в высшей степени расчетливое применение своей квартиры (вдобавок еще в собственном же доме), заботилась уже о чистоте в ней (даже дерюги при мне два раза вымывались начисто, и форточка открывалась каждое утро для вентиляции п о с л е такого скопления спавших), и насекомых всех родов здесь было сравнительно немного.

В ожидании народа сижу я тут, бывало, на широком подоконнике (за неимением лавок) и думаю свои невеселые думы или же прислушиваюсь к болтовне хозяйкиных кумушек в «каморке», рядом... Но вот один за одним начинают сходиться наши завсидатели **). Я оживляюсь. Сперва являются неудачники из почтенного сословия половых, подобно мне, бродившие целый день по Москве. Бродит такой неудачник из заведения в заведение, от одного хозяина или буфетчика к другому с предложением своих, ненужных в данное время, услуг. Там велели ему толконуться завтра, там вовсе отказали, там посоветовали наведаться в другой трактир, — не возьмут ли там и т. д. Все эти дневные похождения рассказываются или мне, или при мне какому-либо другому приятелю... Все они молодые ребята, и мне показались довольно простодушными и добродушными. Долго иной раз не спится, и ворочается такой сосед, лежа рядом на той же дерюжине, и рассказывает эпизоды из своей одиссеи.

Родная деревня в этих рассказах является тою И т а к о й, куда устремлены в минуты нежного настроения все благочестивые помыслы «блудного сына», лишившегося должности вследствие своего пьянства, про к[ото]рого и песня такая сложилась:

Я с хозяином рассчелся —
Ни... мне не пришлось;
Из конторы вон пошел —
Кулаком слезы утер...

Далее воспевается возвращение «служащего» (так называют себя сами половые) на родину без копейки денег и эпитимия, наложенная на него родителями: посконная рубаха (пришел оборванным), лапти, серые щи и землю паши... Все это так, и все это довольно наивно и, однако, печально: промысел половых один из самых непостоянных и подверженных разным превратностям, к тому же и развращающим образом влияет на мальчиков, идущих в него совсем еще детьми...

Некоторые из бывших половых, потеряв постепенно все связи в трактирах (а всюду требуется рекомендация), прожив все деньги и отчаявшись уже найти «должность», пошли в поденщину в «дровоклады» на ближнем вокзале. И они также составляли всегдашних ночлежников в нашей квартире. Работать с ними мне не приходилось.

*) Очевидно, завсегдатаи.

а только ночевать, — поэтому я не знаю в точности обстановки их работы; мне известно только, что они выбрасывают из вагонов и складывают около полотна дороги дрова, следовательно работают постоянно на открытом воздухе, при всякой погоде. Заработки, кажется, сравнительно достаточные, но не равные: иной раз больше и выгоднее, иногда хуже. Повидимому, и здесь конкуренция сильная, обходимая только при помощи разного рода задабриваний людей, от к[ото]рых зависит дать работу той или другой естественно составляющейся артели. Они приходили на ночлег позднее других, а уходили до света,— шумно сберутся, идут в трактир, напьются наскоро чаю, да и на работу. Глядя на них, я иногда упрекал себя за безделье: почему я не иду на поденщину, а ищу непременно постоянной работы?—и, может быть, если бы не подвернулась кузница, я бы кончил тем, что присоединился бы к дровосекам. Меня приняли бы в свою артель беспрепятственно, п[отому] [что] с несколькими я успел, при помощи разговоров на сон грядущий, сойтись сравнительно близко. Это народ все серьезный, даже несколько угрюмый: видно, что достаточно вкусили от горьких плодов жизни и чувствуют это. Шутки их не игривы, а скорее мрачны; разговоры, правда, «не умные» (мне казалось, что я замечал на них отупляющее действие тяжелого труда), но не праздные — практически житейские. Те из поденщиков, к[ото]рые прежде были и половыми (а н е в с е были из них), встречаясь с прежними собратьями, не разрывали с ними связи, вспоминали подчас старину и еще больше тех мечтали о возвращении *) в деревню...

Но не всегда мечты моих приятелей-половых бывали столь благочестивыми. Так, некоторые мечтали о торговле... Вот сколотить бы деньжонок рубликов десяток — другой, накупить крестов, пуговок, лент и всякой дряни да и торговать ею. Один не шутя приглашал меня в товарищи: снимем, говорит, себе каморку за $1^1/_2$ руб. в месяц для ночевки, а весь день станем яблоками торговать — славно. Собственно торговля в виде разнощика останавливала и мое «преступное» внимание. «Приятели» мечтали о разживе, начав с грошовой торговли, — я мечтал о том, как было бы удобно в виде разнощика изучать Москву, заводить знакомства и связи во всех концах ее, справлять всякие надобности из сферы «контр-полиции» и пр. и пр... Осуществить свои мечты моим приятелям мешало неимение тех рублей, с коими можно бы начать торговлю; мне мешало... что такое, в самом деле, мне мешало? Паспорта хорошего не было, — но, кажись, не одно только это. Не вспомню — что-то.

Но в нашем отеле были не только мечтавшие о торговле, изредка появлялись в нем и настоящие торговцы. Я помню две такие фигуры. Один — здоровый, плотный мужчина средних лет, человек, повидимому, «с деньгами». Держал он себя гордо, а ночевал не более 2—3 раз; про него говорили, что он торгует яблоками и чем-то еще... Другая

*) Зачеркнуто: на родину.

фигура — совершенная противоположность первой. Это был маленький, худенький, седенький старичок, — древний старичок, потому что еще французов помнит. Он был старый знакомый и хозяйки и многих завсегдателей *) и торговал «на площади» старым платьем. Личность эта, если бы изучил ее покойный Чарльз Диккенс, смело могла бы занять место в каком-нибудь его романе... Не будучи Диккенсом и к тому же имев случай быть с упомянутым субъектом всего несколько ночей, я могу сделать только поверхностный очерк этого странного «характера». Я застал его, возвратившись в «аристократическое отделение» после нескольких дней отсутствия, проведенных в другом месте. Мне его указали со словами: «а вот дедушка из каторги»... Я было думал, что он и в самом деле возвращенный из каторги, — но ошибся. Оказалось, что он... «дал обещание никогда не говорить матерного слова» (следует сбивчивая цитата из Иоанна Златоуста), а так как русский человек без «пряных» слов существовать не может, то, чтобы гарантировать себя от нарушения «обещания», наш дедушка придумал заменить в своем обиходе «слово» другою, п о з в о л и т е л ь н о ю бранью. Почему именно выбор его остановился на выражении «из каторги» — не знаю, но только слова эти («из каторги») он употреблял в разговоре весьма часто, т.-е. во всех тех случаях, где по обычаю русского человека полагается нецензурное «слово»... Много было смеху, когда я, наконец, добился этого сложного объяснения (из уст самого «дедушки из каторги», когда он сделался уже моим приятелем), да и теперь, чрез три года, я не могу удержать улыбки... Кряхтит, бывало, дедушка, постилая разную рвань под свое «грешное тело», и бормочет свое «из каторги». Или вот: лежим мы с ним рядом, и он полушутя, полусерьезно поучает меня разной житейской мудрости из своего опыта, пересыпая собственные суждения, кроме всегдашнего своего присловия, произвольно составленными или неизвестно откуда взятыми «текстами». Дедушка был очень религиозен и по убеждениям в некоторых пунктах даже аскет: несмотря на свою торговую профессию, он исповедывал принцип нестяжания и, действительно, жил почти нищим. Затем, дальнейшие подробности его истории остались для меня тайной, как и вся вообще его личность неразгаданной... При воспоминании об этом старике мне всегда приходит на память и сцена ночного нашествия на наше мирное убежище... Однажды я готовился уже заснуть, как вдруг шепотом пронеслось между нами магическое слово: «обход!» — и вскоре, действительно, появились официальные фигуры околоточного и другого «поручика» с городовыми. Грубо расталкивали незванные гости спящих и спрашивали паспорт. Помню я испуг «дедушки», поднявшегося со сна... Но гроза на этот раз прошла мимо, и хотя паспорта у него при себе не было, начальство удовлетворилось его указанием адреса сына, у к[ото]рого был паспорт, и ручательством хозяйки... При мне

*) Очевидно: завсегдатаев.

был довольно плохо сделанный крестьянский трехмесячный билет, и я имел основание ожидать, что он возбудит подозрение, однако ничего — сошло, и я с удовольствием тогда отметил еще один свой «успех» в деле приспособления к нелегкой службе революционера. Этот случай показал мне, что мои «нервы» (вероятно, в силу привычки) теперь уже настолько окрепли, что я уже не терял самообладания и не трусил при встрече с опасностью, к[а]к было во время оно, в самом начале «рекогносцировки» (см. случай в Александрове). Говоря о более выдающихся ночлежниках, нельзя не упомянуть двух поляков, возвращенных из ссылки и чуть ли не «из каторги» — по крайней мере один из них, старший, был в каторге, а про другого не знаю. Оба они сосланы в Сибирь «за мятеж» и возвращены, кажется, по какому-то манифесту; оба были из дворян, один даже офицер (русской службы). Последний, когда бывал навеселе (а это случалось с обоими нередко), развивал какие-то курьезные политические «взгляды», не имеющие себе имени (к[ото]рые я теперь, впрочем, совершенно забыл), вообще же они держались в стороне от других, и я с ними не успел сойтись, хотя и желал. Помню, были еще субъекты «из привилегированного сословия» (двух так и звали «барин»), но как личности они не представляли ничего замечательного, просто промотавшиеся «господа», каких ныне много, а один, кажись, «червонный валет». Так что о них много распространяться не стоит.

Кроме этих, так сказать, туземных жильцов, бывали в нашей резиденции и случайные ночлежники, именно благодаря тому, что «квартира» находилась у одного из вокзалов *).

Каждый ночной или вечерний поезд привозил нам несколько новых лиц, а иногда останавливались и такие, к[ото]рым нужно, напротив, ехать из Москвы, но к[ото]рые не попали на поезд, но ждали следующего. Так, напр., я застал однажды целую артель смоленских землекопов, собравшихся ехать куда-то на работу и в ожидании поезда «считавшихся» тут со своим артельным старостой. Меня, само собой разумеется, интересовали особенно такие проезжие — крестьяне. Обыкновенно я не знакомился с ними непосредственно, а молча помещался в сторонке и просто прислушивался к их разговорам между собой или с кем-нибудь из жильцов (всегда во всеуслышание), и разговоры всегда были для меня очень поучительны. Но вследствие крайней отрывочности самых разговоров ни запомнить, ни передать их «поучительностей» я не в состоянии.

Я передал в главных чертах все, что хотел, об этой собственно «квартире» и попрошу теперь благосклонного читателя не побрезговать спуститься вместе со мной несколькими ступенями ниже... в притон «Хитровки», у Николаевского вокзала, и в другие гораздо менее

*) Не Николаевского; в ночлежных у Николаевского вокзала (в к[ото]рых я потом тоже не раз ночевал) совсем другие «люди и нравы».

(Примеч. автора.)

аристократические «квартиры», чем описанная сейчас. В самую глубь этой грязной клоаки я, однако, не поведу читателя, не ради опасения оскорбить его изящный вкус, а просто по недостатку компетентности: я сам всего не видал — не видал наиболее грязных и отчаянных притонов...

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Н. В. Чайковский познакомил А. Лукашевича со студентом Медико-хирургической академии В. А. Богомоловым, вскоре после этого арестованным и покончившим в тюрьме 3 октября 1875 г. самоубийством. Они оба, вместе с группой бывших юнкеров Михайловского артиллерийского училища, Д. А. Аитовым, Н. Н. Тепловым, В. А. Усачевым и др., осенью 1873 г. устроили слесарную мастерскую в квартире Богомолова, а затем оставили слесарное мастерство и сняли кузницу, в которой работали, готовясь итти в народ, в течение января и февраля 1874 года.

Особое присутствие сената, т. 21 предварительного следствия по делу «О развитии в империи революционной пропаганды», л. л. 189—190, показания Лукашевича.

2. Лукашевич отправился «в народ» вместе с Давидом Александровичем Аитовым 7 марта 1874 г.

То же дело; «Былое» 1907 г., кн. 3, воспоминания А. О. Лукашевича «В народ», стр. 12.

3. «Москва сделалась именно около пасхи местом встречи уже весьма многочисленных наличных революционных сил, мобилизованных прямо для пропаганды»,— писал Лукашевич в своих позднейших воспоминаниях («Былое», кн. 3, стр. 15). Он встретился там с С. Кравчинским, Д. Клеменцем, Л. Шишко, Н. Морозовым и др. и через Н. Армфельд познакомился с Порфирием Войнаральским. В устроенной последним сапожной «учебной» мастерской Лукашевич проработал некоторое время вместе с Аитовым. Из Москвы Лукашевич ушел один, потому что Аитов увлекся учением Маликова, проповедывавшего в Орле новую религию — «богочеловечество», и взгляды их разошлись.

То же дело, показания Н. Н. Теплова и Лукашевича.

4. В своих позднейших воспоминаниях в «Былом» Лукашевич об этом рассказывает иначе: «Моей первой заботой по приезде в Нижний было разыскать в одном из ярмарочных рядов чайный магазин одной крупной фирмы, которым заведывал приказчик, сочувствовавший нашим целям». Далее он подробно описывает, как приказчик послал мальчика проводить его к братьям Серебровским, квартира которых была сборным пунктом народников, проходивших через Нижний Новгород (стр. 24).

В показаниях Лукашевич также не упоминает о приказчике, но говорит о том, что с Серебровским его свели случайно встретившиеся товарищи В. А. Усачев и Ф. В. Фомин.

5. В позднейших воспоминаниях Лукашевич указывает, что провел в Н.-Новгороде $1^1/_2$—2 недели.

6. В. А. Усачев и Ф. В. Фомин, отправившиеся дня за два до Лукашевича в Костромскую губ. Вторая пара, последовавшая за ними, были Н. Н. Теплов и М. Нефедов. Все они были арестованы во время разгрома 1874 г., судились по процессу «193-х» и были оправданы.

7. Село Павлово Горбатовского уезда, где еще раньше велась пропаганда.

8. Через братьев Серебровских Лукашевич познакомился с распропагандированными ранее кустарями-хозяевами, работавшими в «складочной артели», Н. А. Личадеевым, которого он описывает в «Былом» под инициалами Л-в, Перчанкиным, а также с секретарем артели А. Александровским. У Личадеева Лукашевич жил по приезде в Павлово и работал в его семье по изготовлению замков. Личадеев и Александровский также судились по процессу «193-х» и были оправданы.

То же дело, показания Лукашевича.

9. На квартире Серебровских в Нижнем Новгороде, где Лукашевич прожил несколько дней, он встретил К. Милоглазкина, к ним присоединился и А. Александровский, и, приготовив фальшивые паспорта на имя семинаристов, они втроем, в половине августа, уехали в Москву; там оба, Милоглазкин и Александровский, были арестованы и привлечены к дознанию по делу о распространении пропаганды («193-х»).

То же дело, показания Лукашевича.

10. Как Лукашевич пишет в позднейших воспоминаниях («Былое», кн. 3, стр. 32), в Петербург он поехал для того, чтобы устроить сильно скомпрометированному Александровскому отъезд за границу. Но в это время Александровский был арестован из-за провала квартиры Серебровских в Нижнем, куда явился Гр. Фед. Крылов с письмом от Лукашевича и попал в засаду. Лукашевич уцелел только потому, что был в это время в Петербурге, жил нелегально и скитался по разным квартирам.

11. В Тверской губернии.

12. Станция Обухово, Николаевской жел. дор.

13. Тридцать лет спустя Лукашевич иначе вспоминал свое настроение в ту пору, по приезде в Москву: «... я чувствовал себя в достаточной степени одиноким, нравственно беспомощным, почти уже деморализованным». («Былое», кн. 3, стр. 33.)

14. По всей вероятности, Гр. Фед. Крылов, с которым Лукашевич познакомился в августе 1874 г., т.-е. «в предыдущий приезд».

Сообщила *Э. Корольчук*.

Новое о С. Г. Нечаеве.

II.

Удавшаяся провокация.

В прошлый раз (т. XIV «Красного Архива») нам уже пришлось говорить о том большом количестве писем и прокламаций, которые Нечаев, после того как в марте 1869 г. скрылся за границу, отправлял в Россию по разным адресам. Во всеподданнейшем докладе, представленном Александру II 9 августа 1869 г., III отделение, между прочим, писало:

«Воззвания, присылаемые в империю из-за границы, размножаются и содержанием своим дошли не только до крайних пределов возмутительного, но просто до грязного... За последнее время участились случаи дохождения пакетов до назначения. Прежде пакеты были в 8-ю долю листа, и их не трудно было узнать на почте, тем более, что адреса на всех пакетах были писаны рукою Нечаева, хорошо известной почтовым чиновникам. Затем воззвания стали печататься на бумаге, близкой к почтовой, посылаться в обычных конвертах, адреса на коих писались различными почерками.

«В видах извлечь для правительства пользу даже из столь негодного дела, как рассылка нашими беглыми агитаторами своих гадких воззваний, было принято за правило требовать от губернских жандармских управлений сведений об образе мыслей и степени благонадежности лиц, на имена которых получались подобные посылки. Утешительно сказать, что, за немногими исключениями, полученные до сих пор отзывы благоприятны [1]). Для ярых революционных учений почвы в России положительно нет».

Однако все же, по мнению III отделения, воззвания Нечаева представляют несомненную опасность в виду «малодушно-легкомысленной наклонности к фрондерству», которая проявляется в среде «молодого русского общества» [2]).

Как видно из этой докладной записки, III отделение сумело извлечь для себя пользу из присылаемых Нечаевым пакетов, установив наблюдение за их адресатами, что дало III отделению возможность успокоить монарха относительно того, что революционные учения не имеют для себя в России подходящей почвы. Не довольствуясь этим, III отделение делало попытку использовать письма и воззвания Нечаева и для того, чтобы уста-

[1]) На полях против этого места доклада рукою Александра II написано: «Слава богу».

[2]) Дело III отд. 3 эксп. 1869 г., № 110, ч. II (о воззваниях, получаемых из-за границы на имя разных лиц, и о собирании по ним сведений), лл. 202—206. На этом докладе имеется следующая резолюция Александра II: «Весьма грустно. Необходимо условиться с министром внутренних дел о принятии возможных мер для остановки на почте этих возмутительных воззваний».

новить связь с ним самим и тем или иным способом обезвредить этого опасного врага царского престола. В прошлый раз мы познакомились с одной из таких попыток, заключавшейся в проекте подослать к Нечаеву провокатора в лице его бывшего знакомого, учителя Капацинского, находившегося в то время в заключении и проявившего острую ненависть к Нечаеву, как к виновнику постигших его бедствий. Мы видели, что эта попытка не увенчалась успехом не по вине III отделения. Все было подготовлено, Капацинский дал свое согласие на предназначенную ему миссию, но в самый последний момент дело сорвалось из-за категорического отказа Капацинского от сделанного ему III отделением предложения.

Дело Капацинского было не единственной попыткой органов русского политического розыска установить через своих агентов связь с Нечаевым. В настоящее время мы хотим рассказать о другой такой попытке, предпринятой по инициативе не III отделения, а киевского генерал-губернатора кн. А. М. Дондукова-Корсакова и начальника киевского губернского жандармского управления полковника Павлова. В отличие от случая с Капацинским эта попытка оказалась более удачной: отправленному в Швейцарию удалось проникнуть к Нечаеву и Бакунину и втереться к ним в доверие. Дондуков-Корсаков и Павлов действовали за собственный страх и риск, без ведома III отделения, что вызвало сильное недовольство со стороны последнего.

Для III отделения было полной неожиданностью, когда оно получило краткое сообщение полковника Павлова от 18 июня 1869 г. № 121, из коего узнало о следующем:

«Вчерашнего числа возвратилась в Киев доверенная особа, которая умышленно была посылаема в Женеву для собирания сведений о замыслах находящегося там русского революционного кружка и его главного руководителя эмигранта Бакунина. Исполнив весьма удачно означенное поручение, этот агент доставил 14 посланий, адресованных на имя разных лиц, проживающих в России, а также значительное число революционных прокламаций, предназначенных для учащейся молодежи, крестьян и других людей простого звания» [1]).

Получив это сообщение, III отделение находилось в полном недоумении относительно того, как, когда и почему была послана в Женеву «доверенная особа». Только из следующего отношения полк. Павлова оно узнало подробности. Оказалось, что в киевском почтамте было задержано письмо Нечаева на имя воспитанника местной духовной академии Василия Маврицкого, с которым когда-то Нечаев встречался в с. Егорьевске Ковровского уезда. В письме этом Нечаев, сообщая свой условный адрес, приглашал Маврицкого приехать в Женеву, чтобы принять участие в революционном деле [2]).

Чтобы проверить политическую благонадежность Маврицкого, киевский генерал-губернатор кн. Дондуков-Корсаков сделал распоряжение доставить письмо Нечаева по адресу. Маврицкий, получив его, немедленно представил его ректору духовной академии и тем реабилитировал себя от подозрений в сочувствии Нечаеву. Тогда Дондукову-Корсакову пришла в голову блестящая мысль. По его поручению, полк. Павлов написал от имени Маврицкого письмо Нечаеву и отправил по указанному Нечаевым адресу. Текст этого письма нам неизвестен, но очевидно, что Павлов от имени Маврицкого предупреждал в нем Нечаева о том, что к нему явится некое лицо по поручению Маврицкого. Вслед за этим из Киева был послан в Женеву агент с целью собрать возможно точ-

[1]) Указанное выше дело, ч. 2-я, л. 90.

[2]) К сожалению, ни этого письма, ни копии его в делах III отделения не имеется.

ные сведения о замыслах женевских агитаторов. Агент этот выполнил свою задачу и возвратился в Киев, о чем полк. Павлов и сообщал III отделению в приведенном выше его отношении. Вся эта картина стала ясна для III отделения лишь после того, как там было получено второе отношение полк. Павлова от 3 августа 1869 г. за № 122 [1]). Приведем это отношение целиком в виду того, что оно характерно во многих отношениях и в частности дает кое-какие не лишенные интереса сведения о нашей женевской эмиграции:

«В дополнение отношения моего за № 121 о письмах эмигранта Бакунина имею честь пояснить:

«С некоторого времени стали доставлять главному начальнику здешнего края письма из Швейцарии, адресованные на имя разных лиц, проживающих в Киеве, в том числе и на имя воспитанника здешней духовной академии Василия Маврицкого.

«Удостоверившись, что означенные письма рассылаются существующим в Женеве русским революционным комитетом для возбуждения между населением края замешательства, и желая узнать, в какой степени солидарны с этим комитетом лица, коим адресуются эти письма, кн. Дондуков-Корсаков приказал передать одно из них Маврицкому, но сей последний тотчас же представил таковое ректору академии с пояснением, что он вовсе не понимает, кто и на каком основании прислал ему это письмо, так как у него за границей нет никого из знакомых. К этому Маврицкий присовокупил, что, бывши еще на родине в с. Егорьеве, Ковровского уезда, он встречал какого-то Нечаева; припоминая себе его загадочное поведение и странные речи, полагает, что письмо это едва ли не составляет его выходку. Этим Маврицкий и отклонил от себя всякое подозрение в политической неблагонадежности, тем более, что, по свидетельству ректора, он всегда отличался кротким нравом и вполне консервативным образом мыслей.

«Вслед за тем кн. Александр Михайлович, признавая необходимым добыть возможно точные сведения о действиях и замыслах женевских агитаторов, по предварительном совещании со мною, поручил мне командировать в означенный город надежного человека с тем, чтобы он вошел в непосредственные сношения с Бакуниным и его приверженцами. Это поручение тем удобнее можно было исполнить, что сам Нечаев домогался присылки в Женеву доверенного человека и даже указывал способ, каким образом ему следовало действовать по прибытии в этот город, чтобы иметь с ним свидание; равным образом, что, вслед по получении Маврицким послания, я лично вступил в его роль, отвечал письменно Нечаеву в смысле, какой требовался для того, чтобы сосредоточить в своих руках всю переписку и проникнуть в тайны ведомой Бакуниным революционной пропаганды.

«Поручение князя мне удалось выполнить довольно удачно. Командированный мною агент на-днях возвратился в Киев и доставил мне следующие сведения:

«Положение русского революционного кружка крайне стеснительное, ибо местные власти следят весьма строго и бдительно за его действиями. Число приверженцев Бакунина довольно значительное, примерно около 50 человек; они распознаются по искусственным цветкам, в роде гвоздики, которые носят в петлице. Бакунин называется у них генерал-губернатором, а Нечаев — губернатором. Материальные средства их до такой степени ограничены, что агенту моему было отказано в самом ничтожном пособии по неимению денег. Бедность наших второстепенных революционеров проявляется не только в их более чем скромном образе жизни, но и в одежде, которая у них вся в лохмотьях. Сам Бакунин живет в 4-м этаже и помещается в весьма грязной и маленькой комнатке, рядом с которою находится его довольно обширная типография. Поверка действий лиц, входящих с ними в сношения как непосредственно, так и письменно, производится чрез сличение почерков и фотографических карточек, а потому всякому посланному из России предстоит строгое испытание по этой части.

[1]) То же дело, л.л. 147—150.

Здоровье Бакунина совершенно расстроено; он страдает удушьем в такой степени, что задыхается, пройдя несколько скоро по комнате. С Герценом у него полная размолвка, и о нем он отзывается с полным презрением, как о человеке, неспособном действовать решительными и крутыми мерами, без коих, по мнению Бакунина, революционное дело не может увенчаться успехом. В настоящее время его главный подручный человек — Нечаев; он ведет всю корреспонденцию. Адрес его следующий: Швейцария, Genève, rue Mont-Blanc, café-restaurant «Suisse», M-r Aubert, pour remettre Bourballier, но как в Швейцарии крепко стали за ним следить и, сколько можно заключить из слов Нечаева, даже подвергали его корреспонденцию перлюстрации, поэтому желающим писать к Нечаеву (Bourballier) приказано адресовать так: Германия, à l'Allemagne, Leipzig, Herrn Doctor Barrutau с тем, чтобы письмо с первым адресом, вложенное в письмо Баррютау, было наглухо заклеенное. Свои же письма в Россию, в видах той же предосторожности, Нечаев стал отправлять теперь не из Швейцарии, а из Германии, поручая путешественникам или благоприятствующим опускать таковые в ящики на станциях железных дорог. Так было приказано и моему агенту [1]) поступать с теми письмами, которые препровождены мною при донесении за № 121.

«Хотя я поручил моему агенту разведать, имеет ли Бакунин своих эмиссаров в здешнем крае и вообще с кем он ведет переписку, по сему предмету он не мог узнать ничего положительного. При всем том, судя по вопросам Нечаева и просьбе его сообщить ему возможно большее число адресов людей надежных и преданных революционному делу, надо полагать, что они высылают свои прокламации наобум [2]) и в надежде, что если не все, то по крайней мере некоторые из них попадут в хорошие руки и сделают свое дело.

«В день выезда из Женевы моего агента его снабдили целою кипою прокламаций и сочинений возмутительного содержания для передачи Маврицкому, которого они уже считают своим человеком и с которым, как-то оказалось, они вовсе незнакомы и не знают, в какой степени он сочувствует их видам. Эти воззвания и сочинения при особой описи вместе с сим препровождаются к вашему превосходительству.

«К сему имею честь пояснить, что мой агент, по требованию Бакунина и Нечаева, оставил им несколько адресов киевских жителей, сочувствующих, будто бы, революционному делу и на имя которых они могли бы высылать свои прокламации без всякого опасения дурных последствий.

«Адреса эти следующие:

. . . . . [3]).

«Большая часть этих лиц выбыла давно из Киева, а другие вовсе не существуют, и адресованные им письма будут препровождаться генерал-губернатору, о чем сделано уже надлежащее распоряжение».

Как видно из приведенных в примечаниях отметок, сделанных на полях этого отношения управляющим III отделением ген. Мезенцевым, III отделению не пришлась по вкусу инициатива, проявленная в Киеве. Это ясно сказалось в ответе, отправленном Мезенцевым Павлову 11 августа за № 1040.

«Донесение ваше от 5 сего августа № 122 и пачка воззваний получены. Помянутое донесение не содержит об образе жизни, замыслах и начинаниях русских агитаторов Женевы сведений, которые были бы новы для III отделения с. е. и. в. канцелярии. Имея обязанность и постоянные средства к тому, чтобы следить за действиями означенных лиц, III отделению известны в этом отношении подробности, в виду которых отправление агента в Женеву из Киева оказывается совершенно излишним.

---

[1]) Против этого места на полях карандашом отметка: «его агенту!!»

[2]) Против этого места на полях карандашом отметка: «это мы давно знаем».

[3]) Опускаем эти адреса в виду того, что все они имели фиктивный характер.

«Прошу вас на будущее время, если б подобный случай повторился, не принимать участие в делах этого рода, не войдя предварительно с представлением в III отделение как в центральное учреждение, которому предоставлено высшее руководство мерами, нужными для наблюдения по политическим делам. Это тем более необходимо, что в таких делах нужно единство действий и что распоряжения, исходящие с разных сторон, часто могут принести больше вреда, чем пользы» [1]).

Так полк. Павлов за проявленное им рвение, вместо ожидаемой им благодарности со стороны начальства, получил нагоняй.

Что касается кн. Дондукова-Корсакова, то шеф жандармов, гр. Шувалов, посетив вскоре Киев, имел с ним специальную беседу по этому поводу, дав ему понять, что III отделению нежелательна чья бы то ни была конкуренция в деле политического розыска.

Между тем Бакунин и Нечаев решили использовать полученные ими от агента полк. Павлова киевские адреса и начали посылать по ним свои прокламации. Об этом мы узнаем из следующего отношения полк. Павлова управляющему III отделением [2]):

«В донесении моем от 5 августа сего года за № 122 я имел честь пояснить, что, по требованию Бакунина указать ему, кто из киевских жителей, сочувствующих его стремлениям, будет в состоянии принять на себя обязанность распространять издаваемые им возмутительные сочинения, наш агент в бытность свою в Женеве в июне сего года сообщил ему некоторые адреса, в том числе адрес отставного майора Криницкого, — личность, которая в Киеве вовсе не существует.

«С этого времени сотрудник Бакунина Нечаев неоднократно присылал на имя Криницкого разного рода прокламации, но они по распоряжению г. генерал-губернатора представлялись прямо к нему.

«Ныне вновь получено письмо из Женевы к Криницкому, судя по почерку, от Нечаева. В этом письме между прочим помещен какой-то загадочный счет, значение которого вовсе непонятно.

«Хотя князь Дондуков-Корсаков полагает, что как означенное письмо, так и приложенный к оному счет составляют не что иное, как мистификацию, придуманную Нечаевым для того, чтобы смутить местную администрацию в случае, если бы означенный документ попался в ее руки, тем не менее он поручил мне препроводить это письмо в подлиннике к вашему превосходительству на тот предмет, не представится ли возможность разъяснить значение этих цифр и самого письма, которое, быть может только по ошибке, адресовано на имя Криницкого. Последнее предположение тем более правдоподобно, что до сих пор Нечаев писал к Криницкому по-русски и не имел никаких оснований представлять ему свои расчеты.

«Исполняя поручение князя Александра Михайловича, имею честь покорнейше просить поставить меня в известность о последующем».

К сожалению, в деле III отделения не имеется тех документов, которые были препровождены полк. Павловым при только что приведенном его отношении; однако из резолюции Мезенцева на этом отношении видно, что документ, принятый наивными провинциалами за счет, оказался шифрованным письмом, которое в III отделении без труда было разобрано.

Упомянутая нами выше беседа, которую вел с кн. Дондуковым-Корсаковым гр. Шувалов, отнюдь не охладила розыскного пыла киевского генерал-губернатора. Узнав впоследствии, что вернувшийся в Россию Нечаев, после убийства Иванова, вновь скрылся за границу, кн. Дондуков-Корсаков решил вторично установить связь с ним,

---

[1]) То же дело, л. 151.

[2]) Отношение от 4 ноября 1869 г., № 125. То же дело, ч. 3-я, лл. 148—149.

использовав для этого адрес, который когда-то Нечаев сообщил в письме к Маврицкому. С этой целью Дондуков-Корсаков в апреле 1870 года приказал Павлову написать от имени Маврицкого второе подложное письмо, отправив его в Женеву на имя Бурбалье (условный адрес Нечаева). Однако это письмо вместо Нечаева попало... к Мезенцеву. Дело в том, что условный адрес Нечаева был известен и III отделению, и по почтовому ведомству давно уже был дан приказ задерживать все письма, адресованные на имя Бурбалье, и копии их доставлять в III отделение. Получив таким образом копию подложного письма, написанного полк. Павловым, III отделение встревожилось [1]). Очевидно, его чиновники успели уже забыть, что «Маврицкий» — не что иное как «псевдоним» начальника киевского жандармского управления. Шеф жандармов граф Шувалов сделал распоряжение арестовать Маврицкого. Однако Мезенцев нашел необходимым предварительно запросить телеграммой киевского генерал-губернатора о том, кто им подозревается в написании этого письма, и, к удивлению своему, получил следующую ответную телеграмму:

«Письмо от 19 апреля к Бурбалье в Женеву писано полковником Павловым с моего ведома. Князь Дондуков» [2]).

Не в меру ретивому начальнику киевского жандармского управления пришлось получить вторичный нагоняй от начальства. 6 мая 1870 г., за № 910, Мезенцев писал ему [3]):

«Получив копию с письма на имя Bourballier в Женеву, поданного на почту в Киеве 19 апреля и подписанного буквами В. М., я по телеграфу спросил г. киевского генерал-губернатора, кто им подозревается в написании этого письма, и получил ныне от князя Дондукова-Корсакова ответ, что письмо писано вами с ведома его сиятельства.

«Предлагаю вашему высокоблагородию принять к непреклонному руководству мое предписание от 11 августа прошлого года № 1040 и считаю нужным, в виду различных неудобств, могущих возникнуть, если чины корпуса жандармов будут самовольно уклоняться за пределы их прямой деятельности, вновь подтвердить, чтобы вы впредь воздерживались от всяких распоряжений, не входящих в круг возложенного на вас наблюдения за киевской губернией, без особого каждый раз разрешения III отделения с. е. и. в. канцелярии».

Полковник Павлов сделал попытку оправдаться. 16 мая за № 67 он писал Мезенцеву [4]):

«В последствие предписания от 6 мая сего года за № 910 имею честь доложить вашему превосходительству, что после замечания, сделанного мне в прошлом году, по поводу содействия моего г-ну главному начальнику здешнего края к установлению прямых сношений с проживающими в Женеве русскими эмигрантами, я постоянно и всеми средствами уклонялся от дальнейшего участия в этом совершенно постороннем для меня деле, хотя оно и до сих пор еще весьма интересует г. генерал-губернатора; но когда в апреле сего года князь Дондуков-Корсаков продиктовал мне у себя в кабинете письмо к Бурбалье, то я вынужден был писать под его диктовку, не считая себя в праве объявить ему причины, по которым мне бы следовало отказать в исполнении его предложения.

«Так как подобного рода требование со стороны кн. Дондукова-Корсакова может опять возобновиться, ибо мой почерк в Женеве признают за почерк Маврицкого,

---

[1]) Копии этого письма в деле III отделения не имеется.
[2]) То же дело, л. 208.
[3]) То же дело, л. 209.
[4]) То же дело, л. 225.

поэтому имею честь покорнейше просить ваше превосходительство поставить меня в известность, могу ли я в крайнем случае предъявить кн. Александру Михайловичу полученную мною по сему предмету инструкцию, изложенную в предписании вашем от 11 августа 1869 г. за 1040.

«При сем долгом считаю присовокупить, что в бытность г. шефа жандармов в прошлом году в Киеве кн. Дондуков-Корсаков имел продолжительное объяснение с гр. Петром Андреевичем по поводу командировки в Женеву тайного агента и моего посредничества в этом деле и что, сколько мне кажется, между ними последовало какое-то соглашение по сему предмету».

Однако это объяснение не показалось Мезенцеву убедительным. В своем ответе на него от 23 мая за № 1011 он писал Павлову [1]):

«В разъяснение данных вашему высокоблагородию предписаний от 11 августа 1869 г., № 1040, и 6 мая, сего года, № 910, считаю нужным дополнить их в том смысле, что известные мне отношения ваши к кн. Александру Михайловичу в деле, вызвавшем эти предписания, не освобождают вас от обязанности немедленно доносить III отделению с. е. и. в. канцелярии о каждом случае, когда вам придется принять участие в означенном деле. Неисполнением этого III отделение может быть введено в заблуждение, пример чему представляет письмо от 19 апреля, вызвавшее было со стороны г. шефа жандармов предписание арестовать Вас. Маврицкого и сделать строжайшие обыски у остальных лиц, поименованных в письме».

III.

«Старый приятель» Нечаева.

Рассылая весной 1869 года из Женевы свои воззвания и прокламации, Нечаев вспомнил одного студента Петербургского университета, с которым он был знаком в Петербурге, Феофила Феофиловича Пуцыковича [2]). 23 апреля на петербургском почтамте были задержаны прокламации, присланные из Женевы на имя Пуцыковича, а вслед за этим письмо без надписи из Женевы же от 23 мая, гласившее:

«Старый приятель!

Напиши, что у вас поделалось и что делается по следующему адресу: Швейцария (Suisse), Genève, rue Mont-Blanc, café-restaurant «Suisse». M. A. Gubert pour remettre à monsieur Bourballier.

Получили ли посланное вам? Напиши поскорее» [3]).

Одновременно такое же письмо пришло на имя учителя Андреевского училища Яковлева. Ознакомившись с этими письмами, шеф жандармов гр. Шувалов положил следующую резолюцию: «Распорядиться, чтобы письма были отданы по адресу, и если через несколько дней они не будут представлены получившими их ни полиции, ни начальству учебного округа, то на всякий случай сделать строгие обыски».

Феофил Пуцыкович оказался хитрее, чем думал Шувалов. Полученного им письма он никому не представил, а написал ответное. Учитывая, что его письмо наверняка будет

[1]) То же дело, л. 226.

[2]) Очевидно, это — брат Виктора Феофиловича Пуцыковича (1843—1899), журналиста, бывшего секретарем редакции «Гражданина», а с 1874 г. его редактором; впоследствии же, в 1879 1881 г., редактором-издателем «Русского Гражданина», выходившего в Берлине. Ф. Ф. Пуцыкович был преподавателем Спасского училища в Петербурге; здесь с ним, повидимому, и познакомился Нечаев.

[3]) То же дело III отд., ч. 1-я, л. 122.

перлюстрировано и попадет в III отделение, Пуцыкович в своем ответе Нечаеву не пожалел красок, чтобы изобразить в полной мере свою благонамеренность и преданность престолу. Его расчет оказался правильным. В деле III отделения мы находим копию его письма от 1 мая 1869 г. в Женеву на имя Бурбалье [1]; оно гласит следующее:

«Сергей Геннадиевич!

«Наконец-то вы показали, что́ вы за человек. Все случившееся с вами я считал невероятным, и теперь только я убедился, что это, увы, на самом деле совершилось. Я никогда не предполагал, что вы можете бросить отечество, изменить ему, изменить престолу и бежать, чтобы скитаться вдали от всего родного и никогда его не видеть! Что вас к тому побудило, что за вина с вашей стороны была, которая заставила вас прибегнуть к этой крайности, — я решительно не могу и до сих пор взять в толк! Неужели же это то, что вы хотели, вместе с другими, просить о дозволении учредить кухмистерскую и пр.? Нет, тут, должно быть, было другое дело. Впрочем, я вам не судья, вы вольны распоряжаться собой, как хотите. Но скверно и гадко то, что вы, по неопытности ли вашей, по желанию ли вредить другим — не знаю, путаете лиц, совершенно чуждых вашим затеям. — Вы спрашиваете, получил ли я «посланное». Под этим словом вы, догадываюсь, разумеете какие-то прокламации, слухи о которых доходили уже до меня, но им я не верил, не видя для этого никакого основания ни в прошедших наших отношениях, ни в настоящем, ни в будущем. Скажите, пожалуйста, на чем вы основывались, делая мне подобный сюрприз? Чем вы оправдывали перед собою этот ваш поступок? Когда и в чем вы усмотрели во мне задатки агитаторства и сочувствие разным утопиям и бредням? Неужели же вы основывались на том, что я так же молод, как и вы, а следовательно, должен быть так же гибок и податлив к разным внушениям? Или вы просто ни на чем не основывались и действовали в этом случае наобум: удастся — хорошо, а нет — вам и шапка с головы не слетит? Повторяю, ваш поступок относительно прокламаций — для меня загадка и загадка неразрешимая. Не знаю (думаю, что нет), были ли бы вы сами в состоянии разрешить ее; но этого я уже и не требую от вас: прошлого не воротишь. Моя репутация уже пострадала по милости вашей и никакими вашими объяснениями не поправишь! После всего этого мне остается просить вас только об одном — забыть о моем существовании, подобно как я постараюсь забыть о вашем; нас разделяет пропасть и в пространстве, и в образе мыслей, и в целях, и во всех других отношениях. Здесь мне следовало бы замолчать для вас навсегда, но не могу удержаться, чтобы не предложить вам последний и, по-моему, очень полезный совет. Оставьте вы все бредни, ни к чему не ведущие и никому ненужные, ободритесь свежим примером Кельсиева и воротитесь назад, пока еще не заглохла дорожка, по которой вы ушли, и не наросло на вас ничего такого, что делает поворот назад невозможным, крайне опасным и трудным. Это мнение не только мое личное, но мнение и тех, от которых много зависит в настоящем деле. Поверьте, что тот, в число врагов которого вы себя поставили, посмотрит на вас, по свойственной ему доброте, скорее милостиво, чем грозно, скорее порадуется вашему раскаянию, как заблудшей овце, нежели будет вас наказывать. Поверьте и тому, что Россия не поколеблется от всех затей, хотя бы и тысячи человек, а не то что нескольких индивидуумов. А в чем она действительно нуждается, то она возьмет и, вероятно, от того самого, против кого вы восстаете. Теперь прощайте».

Копия этого письма была доложена Александру II, который положил на ней следующие резолюции: «Если письмо это не написано для того, чтобы отвлечь от себя всякое подозрение от сношений с Нечаевым, то оно делает ему честь» и «Буду ждать последующего» [2].

---

[1]) То же дело, л.л. 126—127.

[2]) К последнему другою рукою сделано пояснение: «О личности писавшего. 4 июня».

Во исполнение этой резолюции царя Пуцыкович 7 июля был вызван в III отделение, где с ним имел беседу главный руководитель секретной агентуры того времени Филиппеус [1]), так формулировавший свои впечатления от собеседника: «Пуцыкович сделал на меня впечатление спокойного, разумного и трудолюбивого человека»[2]). Результатом встречи и беседы Пуцыковича с Филиппеусом была написанная первым из них для III отделения записка о Нечаеве. Приводим ее полностью в виду того, что она представляет несомненный интерес для характеристики Нечаева [3]).

«С. Г. Нечаев.

Все, один или несколько раз видевшие его, видели в нем прежде всего человека работящего, вечно занятого, вечно о чем-то хлопочущего. Встретить его можно было не иначе как с книгой: ту он относил, ту приносил, ту читал. Суетня эта с книгами происходила от того, что он любил постоянно читать и читал по нескольку книг в одно время, перебегая от одной к другой. На столе у него всегда лежало по нескольку раскрытых и заложенных книг. Все вышедшее и выходящее на русском и отчасти на французском языке было им тотчас прочитываемо, и, если оно казалось ему замечательным, он употреблял все усилия, чтобы приобрести это в собственность. Последнее особенно можно сказать относительно книг по предмету его специальности. А специальностью его были прежде: история и география, а потом естественные науки. Писать же, кажется, он ничего не писал. Впрочем, занятия его не ограничивались книгами; много времени он жертвовал изучению разных ремесл: портняжного, сапожного, переплетного и столярного. На вопрос, зачем он это изучает, отвечал: «пригодится в жизни». И только один раз высказал, что он не намерен быть чиновником, а, изучив эти ремесла, постарается уехать в Англию для окончательного в них усовершенствования и для изучения машинного производства и что это все вместе будет служить ему средством для существования. Как товарищ он был, с одной стороны, хороший товарищ: честный, правдивый, охотно делящийся всем материальным с другими, но, с другой стороны, был несносный, много спрашивающий и ничего о себе не говорящий, все толкующий в дурную сторону, чересчур жесткий в обращении с другими, пренебрегающий приличиями, способный иногда на цинические выходки. Но что всего более было в нем отталкивающего, это его крайний деспотизм относительно образа мыслей. Он не мог мириться с тем, что его знакомые имеют понятия, убеждения не такие, как он, смотрят на вещи и действуют не так, как он смотрит и действует. Но он не пренебрегал этими людьми, нет, он, напротив, с непонятною настойчивостью преследовал их, навязывая им свое. Нередко при этом приходилось страдать его личности, но он, кажется, обращал мало на это внимания. И вообще личностью своею он, повидимому, нисколько не дорожил, с нуждою очень легко мирился, никогда не заявлял неудовольствия на свое положение и часто даже говорил: «Мы и так заедаем чужой хлеб». А когда ему возражали против этого, он обыкновенно ставил вопрос такой: «без нашего ученья те, которых мы учим, будут жить так же, как и теперь живут, а мы без них как станем жить?». Вообще отправною и исходною точкой его убеждений было неравномерное распределение труда. Его воображению представлялось, с одной стороны, лень, и лень, а с другой—труд и труд. И, кроме того, как то, так и другое было им чрезвычайно преувеличено. А в спорах из-за этого он засыпал противника фактами, впрочем, часто даже и неправдоподобными. Да и вообще спорить с ним было трудно: он был хороший диалектик. Эта-то черта и помогала ему много

---

[1]) О личности и биографии этого выдающегося руководителя политического розыска конца 60-х и начала 70-х годов см. в книге Р. М. Кантора «В погоне за Нечаевым», 2-е издание, Лен. — М., 1925 г., стр. 24—29.

[2]) Справка, написанная рукою Филиппеуса, в том же деле III отд., 3-я часть, л. 182.

[3]) Дело III отд. 3 эксп., 1869 г., № 112, ч. 2-я, л.л. 64—65.

говорить, но ни в чем не высказываться, ставить положения, но не делать выводов, водить других вокруг пропасти, но не показывать им ее. Такому своему искусству он и обязан был тем, что от него не все сторонились. Скрытность эта его простиралась до того, что едва ли кто из самых близких его знакомых может сказать, откуда он родом, где учился, где был прежде и как попал на то место, которое занимал. Но, наоборот, вся жизнь, вся родословная его знакомых были ему известны, — этим, отчасти он тоже держал некоторых около себя.

«Вот все, что можно было подметить как более или менее выдающееся в этой личности.

Пуцыкович.

IV.

Из студенческих лет С. Г. Нечаева.

В мае 1869 г. на почте было задержано присланное из-за границы письмо на имя студента Московского университета Петра Ивановича Махина. Письмо это, написанное рукою Нечаева, было следующего содержания:

«Махин, если имеешь лишние деньги, пришли в Женеву на следующий адрес: Швейцария. Monsier Monchal. Place du Temple № 41. Genève, Suisse.

«Этот адрес никому другому ты не сообщай. Соберись и приезжай сам. Началось дело, требующее участия всех честных людей. Для отыскания меня отправься к Огареву, живущему Petites Philosophes, Maison Fruchet. Он скажет тебе мой адрес. Перед отъездом условься в адресах с московскими товарищами.

Твой старый московский приятель N» [1]).

2 июня 1869 г. Махин по поводу этого письмо был допрошен полковником Пашенаго. Заявив, что он знает, от кого это письма, Махин высказал предположение, что автором его может быть Нечаев, и рассказал о своем знакомстве с ним. В виду того, что рассказ Махина относится к наименее освещенному до сих пор периоду жизни Нечаева — его студенческим годам в Москве — показания Махина, несмотря на их краткость, представляют несомненный интерес. Махин показывал [2]):

«С Нечаевым встретился назад тому 2 года, или несколько более, в Москве следующим образом. Я в то время был в университете и часто на лекциях встречался с вольнослушателем Нефедовым [3]), а вскоре по дешевизне номеров, где квартировал (дом Ностиц на Дмитровке, в номерах Романникова), занял один из номеров рядом с его. У него-то в это время встретил некоего Нечаева, готовящегося держать экзамен на домашнего учителя и уроженца с. Иванова, откуда сам был родом и Нефедов. Нефедов мне говорил, что Нечаев очень беден, и общая квартира была бы для него удобною. Ради соблюдения собственного интереса и экономии я согласился занять общий номер с Нечаевым и прожил вместе месяцев 5 или 6. В это время Нечаева посещал только Дементьев, его бывший учитель в с. Иванове и бывший в то время секретарем М. М. Погодина [4])... К концу нашей 5-месячной жизни Нечаев перешел жить

---

[1]) Дело III отд., 3 эксп., 1869, № 110, ч. 1-я, л. 216.

[2]) То же дело, л. 218.

[3]) Нефедов, Филипп Диомидович (1838—1902), известный беллетрист, уроженец с. Иванова, друг С. Г. Нечаева. В № 1 журнала «Каторга и Ссылка» за 1925 г. П. Ф. Бельчиков опубликовал интересные письма Нечаева к Нефедову.

[4]) Дементьев, Василий Арсеньевич (ум. 1871 г.), беллетрист, родом из с. Иванова, учитель Нечаева. На запрос III отделения о личности Дементьева начальник московского жандармского отделения ген.-майор Слезкин 11 июня 1869 г. за № 361 дал следующую справку: «Дементьев, Василий Арсеньевич, студент духовной академии, кончивший курс богословия, находится более 20 лет в качестве главного

на месяц к М. М. Погодину в качестве секретаря. Возвратясь оттуда, мы с ним серьезно поссорились по той причине, что он вышедшего из корпуса моего брата хотел подчинить своему влиянию не в смысле политическом, а в домашних отношениях; просто обижал его. Вследствие ссоры и получа из дому деньги, — кажется, 25 руб., — он уехал в Петербург, не сказав мне даже, с какой целью, и даже не рассчитавшись со мной, ибо остался должен мне 6 рублей за квартиру, которые и доселе не отдал. Во время нашей общей жизни он хлопотал более всего о получении диплома на звание учителя, так как он был в крайности и никакими политическими затеями не занимался, а потому и со мною о них разговоров не имел. Уехал он, на меня рассердившись очень сильно, и переписки не вел, что́ делал в Петербурге, не знаю, а почему пишет письмо, если это только он пишет, не могу понять. Разве только с целью насолить мне и скомпрометировать меня перед правительством».

V.

С. Г. Нечаев и сторож Сергиевского училища.

В феврале 1869 г. попечитель петербургского учебного округа кн. Ливен препроводил в III отделение переписку по жалобе, поданной 14 января того же года директору училищ Петербургской губернии Смольяну сторожем Сергиевского приходского училища Ив. Сливковым на С. Г. Нечаева, бывшего, как известно, учителем в этом училище.

Сливков, поступивший на службу в училище 7 октября 1868 г., жаловался на то, что Нечаев заставлял его быть не только сторожем, но и своим лакеем. В своей жалобе Сливков, между прочим, писал про Нечаева:

«Во время класса он постоянно уходит давать уроки на дом, за что получает вознаграждение, а с приходящими в училище мальчиками, вместо преподавания им уроков, занимается с ними его жилец, фельдшерский воспитанник, разными глупостями, чему дети и рады.

«Чрез это родители сих детей стали брать своих детей с вышеозначенного училища и определять в другие училища. С 8 января и по 10-е сего года не то чтобы во время класса, но даже 2 дней вовсе не являлся и домой. 9 января с. г. смотритель застал сидящего с мальчиками вышеозначенного воспитанника, а когда бывает Нечаев дома, то постоянно бывает сборище человек 15 мужчин и также девиц, делают разные огни и выстрелы; в то же самое время он приказывает уходить в кухню; даже, когда подаю самовар, принимают от меня в передней, чтобы я не видал и не слыхал бы их разговоров. 10 числа, бывши он в пьяном виде, приказывал топить печку в 12 часов ночи. Я сказал ему, что не в показанное время топить печку нельзя, чрез что может быть пожарная команда, а он, ни слова не говоря, взял толкнул меня в дверь, а 11 числа приказал искать место. Я спрашивал, за какую причину он отказывает, но он в ответ говорит: тебе дела нет, а ищи себе квартиру и уезжай» [1]).

На жалобу Сливкова Нечаев представил следующее объяснение [2]):

«Его высокородию г. штатному смотрителю с.-петербургских училищ Александру Карловичу Богданову.

От учителя с.-петербургского Сергиевского приходского училища.

сотрудника у проф. Погодина во всех литературных его занятиях, направления либерального и в благонадежности в политическом отношении сомнителен. Дементьев пьет запоем по нескольку недель и иногда пропивает с себя всю одежду и потом уже является к г. Погодину». (То же дело, л.л. 229—232.)

[1]) Дело III отд. 3 эксп., 1869 г., № 112, ч. 1-я, л.л. 8—9.

[2]) То же дело, л.л. 11—12.

Имею честь донести вашему высокоблагородию, что возведенные на меня обвинения служителем Сливковым несправедливы. Училище находится в совершенном порядке, и количество учеников не уменьшилось, что вам, при частых посещениях училища, хорошо известно. После предписания от директора о занятиях во время уроков законоучителей, в случае их отсутствия, я постоянно исправлял обязанности законоучителя, в чем вы могли убедиться, много раз заставая меня в уроки закона божьего занимающимся. 9 января получил телеграмму во время уроков закона божьего и должен был отвечать на нее; не желая оставить учеников без надзора, я поручил наблюдать за ними до моего возвращения живущему у меня студенту императорской Медико-хирургической академии [1]), а не фельдшерскому ученику, упомянутому в доносе. Относительно жалобы Сливкова на то, что я считаю его за лакея, считаю долгом заметить, что я пользовался его услугами, потому что прибавлял ему ежемесячно по 3 руб. к казенному жалованию (5 р. в месяц) по условию при найме, что он и показал вам при допросе. В квартире моей во время праздника сборищ и девиц не могло быть уже потому, что сестра моя [2]) все дни праздника была больна и лежала в постели; у ней бывали только доктор, да жена горного полковника, у которой сестра жила до болезни [3]). Выстрелами и огнями Сливков, по крайнему невежеству своему, называет химические опыты, которые мне необходимо нужно было производить при моих университетских занятиях. При полнейшей неаккуратности Сливкова, я приказывал ему приготовлять дрова в печах с вечера, потому что, оставляя приготовления до утра, Сливков топил печи поздно, отчего ученики иногда угорали, что они и могут подтвердить. Вся жалоба, лишен ная основательности, написана вследствие того, что я отказал ему от должности служителя, с видимым намерением причинить мне неприятность. Пользуясь в училище казенною квартирою с отоплением и кухнею, которую я ему безвозмездно уступал для его семьи (жена, дочь и взрослый сын) и многими удобствами и не имея в то же время надежды найти себе другое место при своем нетрезвом поведении, Сливков сочинил этот донос.

Вот все объяснения, которые я могу представить вашему высокоблагородию на эту неосновательную жалобу.

Учитель *Сергей Нечаев.*

1869 г. 16 января.»

Представляя это объяснение Нечаева директору училищ, смотритель Богданов подтвердил неосновательность жалобы Сливкова. Училище, по словам Богданова, находится в порядке; Сливков же во время расследования дела, 16 января, оказался в нетрезвом виде, вследствие чего и уволен от должности [4]).

---

[1]) Речь идет о жившем в то время у Нечаева Евлампии Аметистове.

[2]) Анна Геннадиевна Нечаева.

[3]) Елизавета Христиановна Томилова, впоследствии привлекавшаяся по нечаевскому делу, но петербургской судебной палатой оправданная.

[4]) Пользуемся случаем, чтобы привести справку о прохождении Нечаевым учительской службы. Эта справка, составленная в апреле 1869 г., находится в деле департамента народного просвещения 1869 г., № 22, «О беспорядках, произведенных студентами С.-Петербургского университета», л.л. 48—49.

«Записка о бывшем учителе Сергиевского приходского училища Сергее Нечаеве.

Бывший учитель Сергиевского приходского училища Сергей Нечаев, как видно из дел канцелярии с.-петербургской дирекции училищ, родился во Владимирской губ., Шуйского уезда, в с. Иванове 20 сентября 1847 г. По происхождению значится сыном мещанина г. Шуи Геннадия Павлова Нечаева, а где воспитывался, неизвестно. В службу определен Нечаев в августе 1866 г.; будучи по прошению допущен в совет с.-петербургской дирекции училищ к испытанию на звание городского приходского учителя, он выдержал это испытание с большим успехом, и так как он просил об определении его учителем, то директор училищ предназначил Нечаева к занятию учитель-

VI.

Письмо А. Д. Градовского к М. Н. Каткову.

Летом 1869 г. во время первого пребывания своего за границей Нечаев издал листок «Народная Расправа». В нем, между прочим, говорилось:

«До начала всеобщего народного восстания нам необходимо придется истребить целую орду грабителей казны, подлых царских льстецов, народных тиранов. Нам надо очистить мысль от гнилых наростов, нам надо искоренить продажность и подлость современной науки и литературы, воплощающуюся в огромной массе публицистов, писак и псевдо-ученых, состоящих на жаловании III отделения или стремящихся заслужить это жалованье. Надо избавиться тем или другим путем от лжеучителей, доносчиков, предателей, грязнящих знамя истины, в которое они драпируются как ее служители. В этом состоит начало истинного движения с целью подготовления благоприятных условий для близкого общенародного восстания против государственности и сословности».

Вслед за этим был помещен список лиц, истребление коих должно произойти в первую очередь. В числе этих лиц были названы редактор «Московских Ведомостей» М. Н. Катков и профессор Петербургского университета юрист Александр Дмитриевич Градовский. Последний в «Народной Расправе» характеризовался так: «Молодой псевдоученый Градовский, нахально с кафедры провозглашавший о святости права кнута, как эмблемы самодержавия, за что и было приказано совету университета от III отделения пожаловать ему степень доктора русского государственного права».

В декабре 1869 г. на петербургской почте было перлюстрировано письмо, отправленное Градовским из Петербурга 16 декабря в Москву М. Н. Каткову. Выдержка из этого письма была сообщена III отделению [1]).

Письмо Градовского характерно в том отношении, что показывает нам, как реагировал на угрозу «Народной Расправы» один из намеченных ею к истреблению, узнавший каким-то образом о приезде Нечаева в Петербург. Впрочем, надо оговориться, что сведения Градовского о приезде Нечаева были несколько запоздалыми. Действительно, после убийства студ. Иванова, Нечаев уехал из Москвы в Петербург, куда он прибыл 24 ноября, но здесь он пробыл лишь несколько дней и уже 1 декабря возвратился в Москву для того, чтобы оттуда вновь скрыться за границу. Таким образом в то время, когда Градовский писал письмо Каткову, Нечаева в Петербурге уже не было.

Присланная в III отделение выдержка из письма Градовского гласила следующее:

«Я отрываю вас от занятий для очень важного дела. Я забыл бы долг службы и личного к вам уважения, не известив вас о происшествиях, которые, быть может, вам не известны.

ской должности в младшем классе Андреевского двухклассного училища, но предварительно допущения к должности он был командирован в приходящий класс Владимирского уездного училища под руководство опытного учителя. Посему, убедясь в усердии и успехах занятий Нечаева, директор представил г. попечителю с.-петербургского учебного округа о допущении его к исправлению должности учителя 1-го класса с.-петербургского Андреевского приходского училища, на что и последовало разрешение начальства округа от 6 октября 1866 г. за № 4072. Затем в 1867 г. циркуляром по управлению с.-петербургским учебным округом, № 20, в сентябре Нечаев перемещен был в Сергиевское приходское училище.»

[1]) Дело 2 секр. архива III отд. 1870 г., № 420.

Вы знаете, что в августе этого года появились прокламации из Женевы под именем «Начала революции». Здесь предписывалось всем адептам революции взяться за кинжал, яд, огонь для истребления всего, что задерживает ход революционных идей. Вместе с тем предписывалось всем э м и г р а н т а м [1]), кроме наиболее заслуженных (т.-е. Бакунина, Герцена и т. д.), немедленно прибыть в Россию для собственноручного исполнения означенных предприятий. Затем осенью появилась другая прокламация, где уже прямо обозначались лица, подлежащие истреблению. В числе этих лиц находитесь и вы [2]). До сих пор, кроме глупостей, ничего не было. Но вот где начинается серьезная история; несколько времени тому назад в Петербург прибыли главнейшие эмигранты, в том числе и Н е ч а е в. Полиция поднялась на ноги. Черкесовская история [3]), кажется, немного раскрыла глаза этой почтенной даме; но до настоящего дела она не успела захватить этих мерзавцев. Нечаев успел уехать в Москву, где он и находится в настоящее время. Вы знаете, что в Москве есть целое гнездо злоумышленников. Русские они или поляки, это все равно. Вернее всего, что русские, отуманенные польским вином. Вы знаете также, что ваша особа также предназначена к умерщвлению. Во имя бесконечного уважения моего к вам, умоляю вас быть осторожнее. Вы нужны России и всем нам. В последнее время доступ к вам очень легок. Окружите себя недоступностью — берегитесь!

Затем, мне кажется, полезно бы забарабанить об этих шашнях. Полиция делает изо всего секрет. Если бы она могла что-нибудь сделать под прикрытием секрета, оно было бы ничего. Но этот секрет, очевидно, прикрывает ее бессилие против сентябрьских убийц. Надо взбаламутить общество. Впрочем, сие предоставляется вашему усмотрению. Одна ваша непременная обязанность — беречь себя».

Б. Козьмин.

---

[1]) Подчеркнуто в подлиннике.

[2]) Моя бедная особа помещена там же. П р и м е ч а н и е Г р а д о в с к о г о.

[3]) Градовский имеет в виду обыски, произведенные в книжном магазине Черкесова в Москве, во время которых были обнаружены документы и воззвания общества «Народная Расправа».

Имущественное положение декабристов.

Через две недели после казни декабристов, 29 июля 1826 г., начальник главного штаба барон Ив. Ив. Дибич писал председателю Следственной Комиссии по делу декабристов военному министру гр. Ал. Ив. Татищеву, что государь, желая «знать в возможной подробности положение и домашние обстоятельства ближайших родных всех тех преступников, кои были преданы Верховному Уголовному Суду и по приговорам оного осуждены, повелеть соизволил» гр. Татищеву «отобрать надлежащие по сему справки от генерал-губернаторов или гражданских губернаторов тех губерний, в коих сами преступники или ближайшие родственники их жительство имели», для представления их через главный штаб государю.

6 августа воля государя гр. Татищевым была исполнена: были разосланы соответствующие запросы генерал-губернаторам и губернаторам.

Уже в том же августе месяце, когда были разосланы запросы гр. Татищева, с мест неровно и с перерывами, но пошли ответы; они были очень различны по содержанию: одни из них всего лишь давали уведомление о получении запроса и отданных по нему распоряжениях, а другие сообщали и некоторые результаты предпринятых поисков и наведенных справок.

В разосланных запросах просьба о собрании и доставлении требуемых сведений была сформулирована следующим образом: «Во исполнение... монаршей воли покорнейше прошу ваше высокопревосходительство сделать распоряжение о немедленном собрании по ... губернии сведений, не имеется ли у кого из поименованных в прилагаемом при сем списке ближайших родных, с объяснением о них всего того, что в вышеизложенном высочайшем повелении заключается, и о последующем уведомить для представления его императоскому величеству»[1]). Как видно, в запросе не дано прямого определения затребованных сведений, — дано лишь со ссылкою на волю государя их косвенное определение; однако, эта воля государя изложена в выражениях настолько общих, что нет возможности установить ее совершенно точное и обязательное для всех понимание: «государю императору благоугодно знать в возможной подробности положение и домашние обстоятельства ближайших родных... преступников». Естественно поэтому, что на местах отнеслись к исполнению начальственных требований очень различно. В то время, как одни постарались дать очень обстоятельные, полные и, повидимому, относительно хорошо выверенные сведения, другие ограничились довольно

[1]) Взято из отношения к с.-петербургскому воен. ген.-губ.; форма обращения изменяется в зависимости от лица, к которому обращен запрос.

простыми канцелярско-полицейскими справками; одни прилагали к своим ответам различные документы — и в частности акты дознания, записки и прошения родственников.

Просматривая представленный материал, трудно устанавливать пути и приемы собирания этих сведений, но можно видеть, к каким учреждениям и лицам губернская власть обратилась за ними. Конечно, очень часто сведения собирали через местную полицию; об этом прямо говорят в своих донесениях некоторые губернаторы. Вероятно, к полиции же переходило фактическое собирание сведений и тогда, когда оно значится переданным в руки местных губернских правлений и ими осуществленным, — как это было в губерниях Архангельской и Тобольской, — или местного стряпчего, — в Витебской губ. Местная губернская власть обращалась за сведениями и к дворянским предводителям: губернским и уездным. Как видно на примерах нижегородского, тамбовского и новгородского губернаторов, оба способа собирания сведений отнюдь не исключали друг друга и применялись одинаково и даже одновременно. В некоторых местах собирание сведений было, повидимому, обставлено очень большою тайною, как, напр., в Петербурге и Петербургской губернии, о чем совершенно определенно свидетельствует сам петербургский ген.-губ.

Работа по собиранию сведений, которая предстояла местной власти и ее аппарату, конечно, была очень сложным и кропотливым делом. Тайна, которою в ряде мест ее облекали, делала ее еще более трудной. В результате собирание затягивалось, а собранные сведения оказывались неудовлетворительными.

Между тем начальник главного штаба, побуждаемый самим Николаем, торопил с представлением сведений.

7 ноября 1826 г., за № 1686, начальник главного штаба просил гр. Татищева сообщить, «сколько по сему предмету сведений» «до сего времени... доставлено». Ответа в деле нет, но уже 19 ноября за № 1734 дежурный генерал главного штаба передал гр. Татищеву просьбу своего начальства «поспешить доставлением к нему сведений о родственниках государственных преступников». Гр. Татищев полагал, что сведений получено не достаточное количество — «и то не все верные и удовлетворительные», но приказал составить из них «общее сведение» и переслал его 27 ноября 1826 г., за № 1105, начальнику главного штаба, сверх чего ему были «лично доставлены» списки от с.-петербургского ген.-губ. Сводка гр. Татищева не удовлетворила бар. Дибича: согласно с мнением гр. Татищева, он нашел, что «сведения, в сих списках заключающиеся, в большей части неверны и необстоятельны», — 24 февраля, за № 282, вернул их гр. Татищеву и просил его об истребовании дополнительных к ним справок и составлении по получении их новых списков. Дополнительные сведения были запрошены, но поступали медленно, и только 29 июля 1827 г., на повторенный запрос Дибича, Татищев мог ответить ему, что в канцелярии Комитета «уже составляется общее... сведение» для доставления в главный штаб «в скором времени». А уже 3 авг., за № 97, начальник главного штаба вновь запросил гр. Татищева, «собраны ли... все сведения о положении родственников преступников». Наконец, 20 авг., за № 1316, гр. Татищев отправил начальнику главного штаба записку о положении родных преступников, и к ней он приложил сообщение о принятых мерах к собиранию означенных сведений и встреченных затруднениях, притом, между прочим, он писал: «Собрание сих сведений сопровождалось крайними затруднениями. Кроме обыкновенных возобновлений о ускорении доставлением оных о многих семействах, по усмотрении недостатков, надле-

жало требовать разных дополнений, а о некоторых из них, как то о родных Фролова, Шахирева, Вольфа, Загорецкого и других, усматривая из отзывов местных начальств, что их нигде не отыскивается, должен был прибегать к частным сведениям и к остаткам в Комиссии о злоумышленных обществах бумаг их и уже по указанию оных относиться к местным начальствам. За всем тем, до сих пор еще не получено надлежащих справок о родных Вольфа и Загорецкого от московского военного генерал-губернатора, Шахирева — от управляющего Новороссийскими губерниями и дополнительных сведений о положении матерей бывшего князя Барятинского и подпоручика Андреева и жены бывшего полковника Артамона Муравьева — от здешнего военного генерал-губернатора».

Так собирание сведений велось без определенного плана и определенных приемов работы.

Конечно, эта «Записка» не вобрала в себя весь материал довольно пестрых по содержанию ответов. И вместе с тем, отчасти следуя своим источникам, она не дает для своих сведений строго определенного формуляра. В деле она сохранилась в виде законченного отпуска, написанного рукой писаря, но с рядом погрешностей по форме и в фактических указаниях. В ней мы находим целый ряд расхождений с опубликованными уже материалами, в частности с теми данными, которые недавно были напечатаны в приложении к «Алфавиту декабристов» [1]). Ниже она воспроизведена, как сохранилась в деле, и сопровождена: 1) подстрочными примечаниями и 2) особым приложением в виде сводки опущенных при ее составлении сведений с мест. Эти дополнительные материалы сводки дают возможность существенно пополнить и уточнить материал «Записки» для ряда декабристов.

Публикуемый, таким образом, материал позволит будущему исследователю среды, давшей декабристов, поставить на очередь ряд важных и значительных вопросов. Но для проработки и разрешения этих вопросов сил одного человека совершенно недостаточно. Дело в том, что этот материал, несмотря на сводку дополнительных сведений, продолжает оставаться во многих случаях неполным и лишенным желаемой точности описания.

И все же публикуемая «Записка», в окружении справок сводки, может послужить основою для плодотворной работы по изучению давшей декабристов среды и в центре и на местах: от «Записки» и сводки легко итти в центральные и местные архивы и собирать сведения об имущественном положении декабристов и их ближайших родных, — так как она сравнительно точно распределяет их в пространстве и времени.

С. Чернов.

---

[1]) «Восстание декабристов, материалы» т. VIII, изд. Центрархива, под редакцией и с примечаниями Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса. 1925 г. Для примера приводим здесь несколько подобных мест: «Абрамов ...у них двое сыновей: *Василий и Александр*». («Записка», стр. 167) — «*Павел и Михаил*» («Восст. декабр.», стр. 268); «Беляев 2 ...мать, после смерти мужа, управлявшего имением гр. *Румянцева* («Восст. декабр.», стр. 278 — «гр. *Разумовского*)» имеет пристанище в селе его Ершове, состоящем *Пензенской губернии в Чембарском уезде;* («Восст. декабр.», — *Кирсановском уезде Тамбовской губ.*); «Кожевников ... отец его ... *Александр Кожевников*». (Восст. декабр.», — *Павел Александрович*); «Фролов ... отец его поручик *Степан Фролов*», (артиллерии капитан *Филипп*»); «Чижов, б. лейтен. *8* («Восст. декабр.» — *2*) флот. экипажа» и т. п.

Записка о состоянии о домашних обстоятельствах ближайших родных государственных преступников, по приговорам верховного уголовного суда осужденных [1]).

А в р а м о в, бывший полковник Казанского пехотного полка. Отец его коллежский советник Василий Аврамов, служащий в Академии Наук, и мать Александра, преклонных лет, состояния бедного. У них еще двое сыновей Василий и Александр, из коих первый служит майором в Вятском пехотном полку, а другой подпоручиком в учебном саперном батальоне, и трое дочерей девиц: Варвара, Катерина и Марья, которые находятся при родителях своих.

(Свед. с.-петербургского генерал-губернатора.)

А в р а м о в, бывший поручик квартирмейстерской части.

Отец его отставной поручик Борис Аврамов, преклонных лет, поведения хорошего, живет в имении своем Тульской губернии в Веневском уезде. Семейство его состоит, кроме осужденного сына, из трех сыновей: Андрея, Ильи и Николая, и трех дочерей девиц: Пелагеи, Надежды и Прасковьи. Андрей служит подпоручиком в Курском пехотном полку; Николай унтер-офицером в Рязанском пехотном полку, а Илья, служивший в Курском пехотном полку, 27 генваря 1825 года уволен в отставку с чином поручика, по прошению, поданному им без воли отца, и, находясь у него, делал разные буйства и после того неизвестно куда удалился. По сему случаю он в августе 1826 года просил государя императора о приказании сего сына его, бесполезного для семейства и вредного примером для других братьев его, но по летам, здоровью и способностям могущего продолжать службу, поместить в действующий корпус войск, находящийся в Грузии. Имение за Аврамовым состоит из 99 душ, под залог которого должен он Тульскому приказу общественного призрения 10.000 рублей.

(Свед. генерал-губернатора генерал-адьютанта Балашова.)

А к у л о в, бывший лейтенант Гвардейского экипажа.

У него два брата и две сестры. Один брат, Александр, служит полковником л.-г. в Финляндском полку; за ним состоит родового имения Ярославской губернии в Пошехонском уезде 19 душ.

Другой брат, отставной коллежский ассесор Иван, служил беспорочно, от роду 41 год, женат, имеет четырех человек малолетних детей, при нем находящихся: трех сыновей и одну дочь. Крестьян числится за ним 30 душ. По малому состояниюю и по неурожаю нуждается в средствах воспитания детей.

Сестра Елена замужем за отставным флота лейтенантом Лениным, живущим в Пошехонском уезде, у них шесть человек детей, из коих два сына, Сергей 16 и Михайло 15 лет, находятся в морском кадетском корпусе; дочери: Катерина 14 лет воспитывается в Екатерининском

---

[1]) Архив Октябрьской Революции, особый отдел, I. В. Дело № 315, л.л. 304—350.

институте; Софья 8 и Марья 3 лет и сын Дмитрий 2 лет находятся при них. Имения за ним, женою и матерью его в Пошехонском уезде 77 душ, из коих 60 по случаю расстройства от четырехлетнего неурожая заложены в опекунский совет на 24 года.

Другая сестра Елизавета, воспитанница Екатерининского института 3-го выпуска, награжденная медалью, не имеет никакого состояния и проживает у тетки своей. девицы Веры Румянцовой, имеющей посредственное состояние в Пошехонском уезде.

(Свед. ярославского гражданского губернатора.)

Сверх того, у Акулова есть два родных дядей, отставной 8-го класса Евграф и полковник Порфирий Акуловы, кои имеют Московской губернии в Богородском уезде 216 душ, а сколько в других губерниях, неизвестно.

(Свед. московского генерал-губернатора.)

Андреев, бывший подпоручик л.-г. Измайловского полка.

Мать его — вдова коллежского советника Марья Андреева. Она имеет детей: сыновей — коллежского ассесора Василия, л.-г. полков: Московского — поручика Александра, и Измайловского—поручика же Дмитрия, а другие малолетние дочери ее находятся при ней. Имения состоит за покойным мужем ее в Новгородском уезде 223 души и за нею 19 душ *) [1]).

(Свед. новгородского гражданского губернатора.)

Андреевич 2-й, бывший 8 артиллерийской бригады подпоручик.

У него три родные брата; один из них, служивший в Тверском драгунском полку, по отставке определен комитетом, высочайше учрежденным в 18 день августа 1814 года, в ведомство комиссии балтского коммисариатского депо казначеем в чине 8 класса. Получает жалованье по чину и пользуется всемилостивейше пожалованным ему пенсионом, из чего содержит свое семейство, воспитывая по мере возможности семерых малолетних детей: пяти сыновей и двух дочерей.

(Свед. от его императорского высочества цесаревича.)

Другие два брата отставные: майор Василий и поручик Клавдий, живут в Полтавской губернии Переяславского повета, в деревне Ярешках; первый из них холост, а последний женат и имеет двух дочерей: Александру 5 и Елену одного года, находящихся при нем. Оба они поведения хорошего. Ни крестьян, ни капитала нет. Последний,Клавдий живет бедно. *)

(Свед. малороссийского военного губернатора.)

Анненков, бывший поручик Кавалергардского полка.

Мать его, статская советница Анна Анненкова, живет в Москве. Домашние обстоятельства ее в хорошем положении.

(Свед. москов. воен. генер.-губернатора.)

Арбузов, бывший лейтенант Гвардейского экипажа.

---

[1]) Примечания, отмеченные знаком *, приведены в печатаемых ниже «дополнительных сведениях».

Родной брат его отставной морской артиллерии лейтенант Егор Арбузов и две сестры живут Новгородской губ. в Тихвинском уезде. Первый женат, детей не имеет. О последних видно только то (из сведения, доставленного с.-петербургским военным генерал-губернатором), что одна из них девица Ирина. В Тихвинском и Белозерском уездах состоит за всеми тремя 83 души крестьян. Лейтенант Егор Арбузов, в отзыве своем, доставленном новгородским гражданским губернатором, пишет, что на означенном имении находилось долгу в разные партикулярные руки до 30 т. р., которое, по распоряжению начальства, было описано к продаже, но, чтоб не лишиться сего родового имения, жена его заложила в московский воспитательный дом собственное свое недвижимое имение, состоящее в Тверской губернии в Зубчевском и Ржевском уезде, что долг сей произошел от тяжебного дела с незаконноприжитым сыном покойного родного дяди их премьер-майора Завьялова, титулярным советником Иваном Завьяловым, завладевшим с 1805 года родовым их имением, о возвращении которого безуспешно утруждают они присутственные места. Дело о сем находится в новгородской палате гражданского суда. Хождение по оному было на особенном попечении сего брата его, осужденного по приговору Верховного Уголовного Суда.

(Свед. новгородского гражданского губернатора.)

Сверх того, двоюродный брат его штабс-капитан Семен Белавин служит надзирателем питейного сбора в Новоладожском уезде. Он имеет недвижимое имение в Тихвинском уезде.

(Свед. с.-петербургского гражданского губернатора.)

Барятинский, бывший князь, лейб-гвардии Гусарского полка штабс-ротмистр и адъютант главнокомандующего II армиею.

Мать его, княгиня Анна Барятинская, имеет двух дочерей — княжен Варвару и Елизавету, живущих в Москве у родных теток княжен Барятинских же. Имения состоит за ними 100 душ Рязанской губернии в Данковском уезде *).

(Свед. московского военного генерал-губернатора.)

Басаргин, бывший поручик л.-г. Егерского полка, старший адъютант главного штаба II армии.

Малолетняя дочь его София, оставшаяся после смерти матери одного года, находится на воспитании у тещи сего Басаргина княгини Мещерской. По ходатайству начальника штаба II армии (как объявила она) государь император соизволил пожаловать в пользу ее внучки по 1.000 р. в год, каковые деньги до 7-летнего возраста дитяти будут отсылаемы в ломбард, для приращения процентами, а после того она, София, будет принята для воспитания в Екатерининский институт на казенное содержание. Сверх того, генерал-адъютант Киселев и жена его как восприемники сего дитяти от купели взяли оное и на свое попечение.

(Свед. от его императорского высочества цесаревича.)

---

*) Так в рукоп.

Родной брат его, поручик Александр Басаргин, служит уездным форштмейстером Владимирской губернии, холост, образ жизни ведет порядочный, имеет в Покровском уезде 8 душ крестьян.

Две двоюродные сестры его в замужестве — одна за отставным гвардии капитаном Петром Семеновым, живущим в доме отца своего, за коим состоит в Раненбаумском [1]) уезде 368 душ и, сверх того, за нею от 70 до 80 душ в Липецком уезде; другая за капитан-лейтенантом Дмитрием Буниным, помещиком 113 душ в Раненбургском уезде, а за нею до 80 душ крестьян в Липецком же уезде *).

(Свед. владимирского гражданского губернатора.)

Батенков, бывший инженер-подполковник.

Священник города Тобольска крестовоздвиженской церкви Александр Симанов и тобольский мещанин Александр Урванцов есть двоюродные его братья; они имеют семейства и домообзаводства в хорошем положении. Сверх сего, в городе Семипалатинске оказалась родственница Батенкова вдова, губернская секретарша Анна Козловская, которой и брату ее родному, семипалатинскому мещанину Сергею Урванцову, Батенков есть троюродный брат; мать Козловской — солдатская жена Аграфена Морозова — находится в Тобольске. В Саратове живет другая троюродная сестра Батенкова мещанка Анна Муратова, женщина поведения похвального. Муж ее занимает должность приказчика по коммерции купца Сапожникова. Детей у них 6 человек: 4 сына и 2 дочери от 20 до 1 года. Состояние их недостаточное *).

(Свед. тобольского гражданского губернатора.)

(Свед. саратовского гражданского губернатора.)

Бестужев (Николай), бывший капитан-лейтенант 8 флотского экипажа.

Бестужев (Александр), бывший штабс-капитан л.-г. Драгунского полка.

Бестужев (Михаил), бывший штабс-капитан л.-г. Московского полка.

Бестужев (Петр), бывший мичман 27 флотского экипажа.

Мать их вдова статская советница Прасковья Бестужева. У нее есть еще один сын Павел, служащий юнкером в сухумкальском гарнизоне, и три дочери девицы: Елена, Марья и Ольга, находящиеся при матери, которая получает пенсион по 2.000 руб. в год и имеет в Новоладогском уезде 34 души крестьян. Вообще она состояния недостаточного.

(Свед. с.-петербургского военного генерал-губернатора.)

Бестужев-Рюмин, бывший подпоручик Полтавского пехотного полка.

У него два родные брата отставные: капитан Николай и полковник Иван Бестужевы-Рюмины. По разделу после отца и матери досталось: первому Нижегородской губернии в Горбатовском уезде, где и живет он, уединенно занимаясь хозяйством, 206 душ *) и Новгородской губернии

[1]) Так в рукоп.

в Устюжском уезде 21 душ и денег 26 т. руб., а другому Нижегородской губернии в Семеновском уезде 414 душ **), а денег 26 т. руб. Он отправился за границу. ***) Сверх сего, в городе Горбатове живет их родной дядя, отставной подпоручик Дмитрий Бестужев-Рюмин, который не имеет никакого состояния, а содержит себя 400 руб. в год, кои прежде получал от брата своего, а ныне получает от племянника — означенного Николая Бестужева.

(Свед. нижегородского гражданского губернатора.)

Берстель, бывший подполковник и командир легкой роты № 2.

Отец его, статский советник Берстель, уроженец города Штетина, оставил по смерти своей жену с двумя сыновьями и тремя дочерьми и крестьян 15 душ. Осужденный Берстель во время кампании 1812 года женился в прусском городе Кульме на баронессе Имгоф, с которой прижил двух сынов и четырех дочерей, имеющих ныне от роду от 10 до 1 года. Жена его с детьми в совершенной бедности и болезненном положении находится в Киевской губернии Васильковского повета, в сельце Телешеве, принадлежащем отставному поручику Гудиме-Левковичу, не имея никаких средств к пропитанию себя с семейством. Мать Берстеля умерла, брат служит поручиком в 3 батальоне учебного карабинерного полка; сестры в замужестве: одна за надворным советником Волковым, другая за надворным же советником Брейтенбахом, а третья, оставшись по смерти мужа своего, коллежского советника Авдулина, с пятерыми детьми в совершенной бедности, умерла.

(Свед. генерал-губернатора Бахметьева и киевского гражданского губернатора.)

Бечаснов, бывший прапорщик 8 артиллерийской бригады.

Мать его, вдова 8 класса Надежда Бечаснова, лучшего поведения и благонравных качеств; имеет при себе 25-летнюю дочь, лишенную ума; другой сын ее служит портупей-прапорщиком в Нижегородском пехотном полку. Находясь в городе Кременчуге и не имея никакого состояния, она пользуется пристанищем в домах тамошних благородных особ, единственно из сострадания к ее бедности. В 1825 году, по уважению ее положения, высочайше пожаловано ей единовременного пособия 600 руб., за вычетом из оных 10 процентов в пользу инвалидов.

(Свед. малороссийского военного губернатора.)

Бобрищев-Пушкин 1-й, бывший поручик квартирмейстерской части.

Бобрищев-Пушкин 2-й, бывший поручик квартирмейстерской части.

Тульской губернии в Алексинском уезде живет отец их, отставной полковник Сергей Бобрищев-Пушкин, человек отличных свойств и благородной жизни. Он имеет еще 6 сыновей: Сергея 17 лет, служащего в корпусе путей сообщения; Дмитрия 16, Петра 14, Егора 13, Александра 12 и Михайлу 11 лет, и трех дочерей девиц: Екатерину 25, Марию 21 и Наталью 7 лет. Имения за ним состоит 170 душ, которое все в залоге в московском опекунском совете, по займу из оного денег;

кроме того, он партикулярных долгов имеет на себе немаловажную сумму. Жена его и старшая дочь находятся ныне в тягчайшей болезни.

(Свед. генерал-губернатора Балашова.)

Бодиско 1-й, бывший лейтенант Гвардейского экипажа.

Бодиско 2-й, бывший мичман того же экипажа.

У них мать вдова, коллежская советница Анна, братья: 1-й — камергер и советник посольства в Швеции Александр; 2-й, служащий в министерстве финансов, отставной майор Константин [1]); 3-й — л.-г. Драгунского полка штабс-капитан и адъютант инженер-генерала Сухтелена Андрей; 4-й — отставной полковник Яков. Сестры: 1-я — Шарлота, в замужестве за директором коммерческого банка бароном Дольстом; 2-я Анна, вдова аудитора Крюкова; 3-я Елизавета, в замужестве за отставным ротмистром Минихом. Незначительное имение их состоит в неразделенных 200 душах, состоящих в Тульской губернии.

(Свед. московского военного генерал-губернатора.)

Орловский губернатор присовокупляет, что означенный отставной полковник Яков Бодиско и сестра его Елизавета, находящаяся в замужестве за сказанным ротмистром Минихом, живут: первый в имении жены своей в Болховском, а последняя в линском [2]) уездах, и что хотя за ними по окладу не значатся имения, но местные предводители дворянства утверждают, что имеет хорошее состояние, а Минхо по хозяйственной части безнужное [3]).

(Свед. орловского гражданского губернатора.)

Борисов 2-й, бывший подпоручик 8 артиллерийской бригады.

Борисов 1-й, бывший отставной подпоручик.

Отец их, отставной 8 класса, Иван Борисов, имеющий от роду 68 лет, живет с женою своею и детьми: двумя дочерьми и одним сыном Слободско-Украинской губернии Ахтырского уезда в слободе Боромле. Имения у него нет никакого; находится в самом бедном положении и поддерживает себя одним получаемым из казны пенсионом, из 200 р. в год состоящим.

(Свед. слободско-украинского гражданского губернатора.)

Булгари (Николай), бывший граф и поручик Кирасирского ее величества полка.

В городе Харькове живет отец его — действительный статский советник граф Яков Булгари, где имеет собственный дом и, как известно, имеет также хорошее движимое и недвижимое имение.

(Свед. слободско-украинского гражданского губернатора.)

Мать его, Николая Булгари, находящаяся в С.-Петербурге, имеет состояние достаточное.

---

[1]) Из сведения, доставленного с.-петербургским военным генерал-губернатором, видно, что он членом могилевской таможни переименован коллежским ассесором; состояния достаточного. (*Прим. подл.*)

[2]) Так в рукоп.; в списке орлов. гр. губ.: Мценском. (9 февр. 1827 г., № 1971, — л. 201.)

[3]) Так в рукоп.

(Свед. с.-петербургского военного ген.-губернатора.)

Беляев 1-й, бывший мичман Гвардейского экипажа.

Беляев 2-й, бывший мичман того же экипажа.

Мать их вдова, коллежская советница Беляева, после смерти мужа ее, управлявшего имением графа Румянцова, из человеколюбия сего последнего имеет пристанище в селе его Ершове, состоящем Пензенской губернии в Чембарском уезде. У нее 5 дочерей, а состояния нет никакого, и содержит себя с сими дочерьми одним только пенсионом, получаемым за службу мужа ее по 300 руб., да от щедрот государыни императрицы Марии Феодоровны—по 330 руб. в год.

(Свед. генерал-губернатора Бахметьева.)

Вадковский, бывший прапорщик Нежинского конно-егерского полка.

Мать его действительная тайная советница Екатерина Ивановна Вадковская. У нее три сына: один камер-юнкер Павел, живет Орловской губернии в Елецком уезде, другие два служат в военной службе: Иван полковником, Александр подпоручиком. За сыновьями ее состоит в Тамбовской губернии 508 душ, а за нею, вместе с сыновьями же, в Елецком уезде 1.238 душ. Из числа сих последних находится в залоге в с.-петербургском опекунском совете в 341 т. руб. 603 души, из коих продано уже 409 душ, с переводом на покупщика сего имения по числу душ долга опекунского совета.

(Свед. генерал-губернатора Балашова.)

Вединяпин 1-й, бывший подпоручик 9 артиллерийской бригады.

Вединяпин 2-й, бывший прапорщик той же бригады.

У них есть еще три брата и одна сестра. Двое из них — Николай 20 и Александр 19 лет — служат в Олонецком пехотном полку, третий Иван, 14 лет, обучается грамоте. Сестра, девица, Надежда, 16 лет, находится в доме родного дяди своего, отставного поручика Кашкарева.

После смерти матери и отца их, майора *), осталось неразделенное имение, всего 33 души, состоящих в Тамбовской губернии в Темниковском уезде, и денежного капитала 4.388 руб., находящегося в обращении в тамбовском приказе общественного призрения, и, сверх того, на разных лицах по обязательствам и роспискам 12.489 руб., отданных еще в долги покойным отцом их. Сим имением распоряжает опека и опекуны. По причине малого количества земли крестьяне в бедном положении. Однако ежегодно приносят пользы 670 руб. Доходы с сего имения и проценты с капитала употребляются на содержание детей покойного Вединяпина, в том числе и на дочь Надежду, до 200 руб. в год **).

Означенный дядя их, Кашкарев, Тамбовской губернии в Елатомском уезде, в имении жены своей. Он по случаю продажи имения своего, после матери ему доставшегося, имеет капитал и благоприобретенное в Тверской губернии имение ***).

Есть еще у Вединяпиных родная тетка, из дворян, купеческая жена Матрена Меднова.

(Свед. генерал-губернатора Балашова.)

В и ш н е в с к и й, бывший лейтенант Гвардейского экипажа.

Отец его, коллежский советник Гаврило Вишневский, служит в Казанском университете, имеет жену, трех сыновей и пять дочерей, из коих два сына находятся на службе. Живя одним жалованьем—по 2.000 руб. в год,— он обременен долгами. Жена его, желая ему помочь, содержала пансион для благородных девиц; но в два пожара лишилась всех своих заведений.

(Свед. генерал-губернатора Бахметьева.)

Из означенных двух сыновей один коллежский ассесор, а другой коллежский регистратор, служат в департаменте внешней торговли; состояния недостаточного.

(Свед. с.-петербургского военного генерал-губернатора.)

Родной дядя, отставной статский советник Петр Вишневский, с женою временно живет в Москве.

(Свед. московского военного генерал-губернатора.)

В о л к о н с к и й, бывший князь и генерал-майор.

Имеет мать штатс-даму княгиню Александру Николаевну Волконскую, жену с малолетним сыном и брата родного — князя Никиту Григорьевича Волконского. Домашние обстоятельства их в хорошем положении.

(Свед. московского военного генерал-губернатора.)

Жена его уехала к нему в Сибирь. Брат его генерал-лейтенант и малороссийский военный губернатор князь Реп[н]ин-Волконский; сестра Софья Григорьевна в супружестве за генерал-от-инфантерии князем Волконским. Состояние имеет весьма значительное, крестьян состоит до 22 т. душ.

(Свед. с.-петербургского военного генерал-губернатора.)

В ы г о д о в с к и й, бывший канцелярист.

Отец его, крестьянин Тимофей Дунцов, уроженец Подольской губ., Проскуровского повета, селения Ружичной, обучал означенного сына своего сперва у церковного дьячка селения Ружичной, а после отдал его для того Ушицкого повета в селение Приворожье *) в духовное училище, откуда, по достижении 17-летнего возраста, бежал и, назвавшись Выгодовским, служил в канцелярии ровенского городничего. О месте же нахождения своего никогда не уведомлял родителей. Они поведения хорошего; состояние их заключается в 5 лошадях, 2 коров [1]), 10 овец и 16 ульев пчел.

Тетка Выгодовского, Марья, находится в замужестве за крестьянином селения Ружичной Григорьем Шведовым, имеющим также свое состояние.

(Свед. от его императорского высочества цесаревича.)

В р а н и ц к и й, бывший полковник квартирмейстерской части.

Родных его нигде не оказалось. Из остающихся в следственной о злоумышленном обществе Комиссии бумаг его видно, что он получал письма из Праги от родственников своих, там живущих.

[1]) Так в рукоп.

В о л ь ф, бывший штаб-лекарь.

О родственниках его еще не получено сведения. По частным сведениям, они [на]ходятся в Москве *).

Г л е б о в, бывший коллежский секретарь.

Мать его вдова, коллежская советница Марья Глебова, имеет еще пять человек сыновей и четырех дочерей, из коих дочери: Софья, девица, находится при ней, Катерина в замужестве за отставным гвардии штабс-капитаном Ильею Головиным, Клавдия и Ольга в пансионе в С.-Петербурге в попечительстве статского советника Ивана Енгеля; сыновья: Николай служит подпрапорщиком в Колыванском пехотном полку, Виктор юнкером л.-г. в Драгунском полку, Порфирий, Александр и Дмитрий также здесь в пансионе [1]).

Г. Глебова имеет около 700 душ крестьян, принадлежащих ей с детьми. Из оных 300 душ состоят в залоге в с.-петербургском опекунском совете. Но как имение сие находилось со многими лицами и доселе находится в тяжбах, то, кроме опекунского совета, оно обременено многими другими долгами, а потому вдова Марья Глебова находится в стесненном положении тем более, что, в престарелых летах своих, она одержима жестокими болезненными припадками.

Дочь же ее, Головина, имеет собственно ей принадлежащих 148 душ крестьян, которые также в залоге в московском опекунском совете.

Все они лучших свойств и образа жизни; всеми любимы и уважаемы.

Г о л и ц ы н, бывший князь и камер-юнкер.

Отец его, действительный статский советник князь Михайла, мать, княгиня Наталья, и сестра, фрейлина княжна Катерина, живут в Москве, а родные братья служат: 1. Александр в Гвардейской артиллерии подпоручиком и 2. Леонид — л.-г. в Гусарском полку корнетом. Домашние обстоятельства их в хорошем положении.

(Свед. московского военного генерал-губернатора.)

За отцом его состоит в Ярославской губернии 748 душ.

(Свед. ярославского гражданского губернатора.)

Дядя его, генерал от инфантерии граф Остерман-Толстой, имеет Могилевской губернии в Рогачевском уезде 2.120 душ крестьян.

(Свед. генерал-губернатора князя Хованского.)

Г о р б а ч е в с к и й, бывший подпоручик 8 артиллерийской бригады.

Отец его, надворный советник Горбачевский, имеющий от роду 65 лет, удален от должности вместе с прочими членами витебской казенной палаты и предан суду витебского главного суда I департамента, по указу правительствующего сената от 28 марта 1818 года, за проис-

[1]) Из сведения, доставленного здешним военным генерал-губернатором, видно, что из означенных сыновей Глебовой: Виктор в отставке юнкером, Порфирий служит л.-г. в артиллерийской бригаде юнкером, а Николай состоит в артиллерийском училище юнкером. Имения всего до 700 душ, а долгу на матери до 100 т. р. (*Прим. подл.*)

шедшие в казенной палате, при заключении с подрядчиком Гурвичем контракта на поставку провианта, беспорядки. Дело о том решено департаментом 20 мая 1820 года и представлено гражданскому губернатору, а от него 23 августа того же года поступило на рассмотрение в правительствующий сенат; но из оного еще не возвращено. Между тем он живет в Вибетске, где имеет деревянный мало стоющий домик, заключающий все его состояние *). Поведения и качеств, по общей известности, наилучших. Пропитывается сам и содержит дочь свою, вдову, собственными трудами и вспомоществованием благотворительных людей. Кроме означенной дочери, вдовы, имеет еще двух дочерей, находящихся в замужестве за служащими по гражданской части чиновниками, также неимеющими имений, и одного меньшего сына, служащего в офицерском звании по инженерной части в кавказском отдельном корпусе.

(Свед. генерал-губернатора князя Хованского.)

Горский, статский советник.

Дочь его, девица Ольга, имеет в Польше мызу Переславль; состояния достаточного.

Родная сестра его Катерина Викентьева в замужестве за перекрестом Конверским, который имеет Могилевской губернии Копыского повета в м. Толочине свой дом и занимается фельдшерским мастерством. У них дети, сыновья: Адольф 17, Осип 12, Казимир 11, Николай 7, Петр 3 и дочь Леона 20 лет, из коих первые два сына и дочь последняя находились в С.-Петербурге при дяде своем Горском.

Другая сестра его, Горского, Каролина в замужестве за дворянином Тумовским *), который имеет в закладном владении от помещика Эдуарда и жены его Марьи Якутовичев, Могилевской губернии в Копыском повете, имение Стояново, со всеми к оному принадлежностями и угодьями, деревнею Люботычею, заключающею в себе восемь душ крестьян, и особо имеет две души дворовых людей. Сим имением и ныне владеет он за сумму 2.000 руб.

(Свед. с.-петербургского военного генерал-губернатора.)

Громницкий, бывший поручик Пензенского пехотного полка.

Отец его, отставной капитан Громницкий, и мать живут Пензенской губернии в Керенском уезде; имеют еще двух сыновей, в военной службе находящихся, и трех дочерей девиц, при них живущих. За ними, Громницкими, состоит 267 душ крестьян; но как они обременены долгами, то домашние их обстоятельства крайне стеснены.

(Свед. генерал-губернатора Бахметьева.)

Бывший регент Виленской губернии вилкомирского земского суда Иван Громницкий почитает себя родственником осужденного, изъясняя, что дядя его, удалясь из Литвы с давних времен, неизвестно где находится; однако ж помянутый регент родства своего за верное не утверждает и состоит в крайне бедном положении.

(Свед. от его императорского высочества цесаревича.)

Давыдов, бывший отставной полковник.

Жена его, Александра, с четырьмя [1]) малолетними детьми живет в имении своем, состоящем Киевской губернии в Чигиринском повете. Имение сие заключает в себе 2.926 душ крестьян; оно заложено в государственном заемном банке и, кроме того, обременено партикулярными долгами *).

Братья его родные: тайный советник Петр Львович и генерал-майор Александр Львович Давыдовы — живут в Москве. Домашние обстоятельства их в хорошем положении.

(Свед. киевского гражданского губернатора.)

Д и в о в, бывший мичман Гвардейского экипажа.

По смерти отца его, коллежского асессора Дивова, остался он нескольких дней от рождения и воспитан трудами матери его, не получившей после мужа никакого имения. Вдова сия, будучи около 50 лет, проживает в Казани, пропитывается трудами своими и вспоможением благотворительных людей.

(Свед. генерал-губернатора Бахметьева.)

З а в а л и ш и н, бывший лейтенант 8 флотского экипажа.

Отец его, генерал-майор Завалишин, и мать умерли, оставя трех сынов и одну дочь без всякого состояния. Один из сыновей служит во флоте лейтенантом, другой находится в артиллерийском училище, а дочь, девица, проживает у мачехи, второй жены умершего Завалишина, урожденной Толстой, имеющей в Казанской губернии крестьян 280 душ. Сестра умершего генерал-майора Завалищина, а преступнику родная тетка, вдова титулярная советника [2]) Львова, проживает в Казани в самом бедном положении и имеет трех замужних дочерей и двух сыновей, из коих старший, по жене своей, равно две замужние дочери могут себя поддерживать, второй же сын, служивший в военном поселении ротмистром, в надежде быть подпорою матери и сестры своей, в 1825 году вышел в отставку, с намерением определиться к статским делам; но положение, изданное об отставных из поселенных войск, послужило к тому препятствием, почему он, не имея средств к пропитанию, просил об определении его опять в военную службу, но прошение его не уважено по отзыву отрядного командира харьковского военного поселения, генерал-майора Коровкина, что он, Львов, ему неизвестен.

(Свед. генерал-губернатора Бахметьева.)

З а и к и н, бывший подпоручик квартирмейстерской части.

Отец его, надворный советник Федор Заикин, в продолжение службы по дворянским выборам (с 1791 по 1810 и с 1812 по 1825 год, в том числе 9 лет курским губернским предводителем дворянства) оказал многие пользы для губернии, чем самым, а равно правилами и образом жизни приобрел к себе общее уважение и признательность *). Имеет

---

[1]) Московский военный генерал-губернатор пишет, что у нее пять человек детей. *(Прим. подл.)*

[2]) Так в рукоп.

жену и детей. Живет в имении своем, в Фатежском уезде состоящем **), которое при хорошем управлении его в лучшем порядке и в довольстве. Имеет долги, которые не уплачены по случаю малых доходов в последние годы и службы без жалованья ***).

По сестре дядя его тимский уездный предводитель дворянства отставной гвардии прапорщик Лев Афросимов имеет за собою крестьян.

(Свед. курского гражданского губернатора.)

З а г о р е ц к и й, бывший поручик квартирмейстерской части.

Сведение о родственниках его еще ожидается от московского военного генерал-губернатора *).

И в а н о в, бывший провиантский чиновник 10 класса.

Мать его, Елена Кармащукова, около 60 лет от роду, вдова после второго мужа унтер-офицера Кармащукова, имеет двух дочерей, из коих одна замужем за губернским секретарем Дзюбенком, а другая при ней. Все они живут в Житомире в бедном положении, не имея ничего, кроме домика, и доставляют себе пропитание собственными трудами. Означенный сын ее доставлял им содержание и был надеждою в дальнейшем для всех их пособий.

И в а ш е в, бывший ротмистр Кавалергардского полка и адъютант главнокомандующего II армией.

Отец его, генерал-майор Ивашев, имеет четырех дочерей, из коих старшая в замужестве за симбирским помещиком Языковым, у матери коего более 1.000 душ крестьян. Прочие дочери еще малолетны, и одна из них, с младенчества глухонемая, находится в С.-Петербурге в институте глухонемых пансионеркою, под покровительством ее императорского величества государыни императрицы Марии Феодоровны. У отца и матери 3.000 душ крестьян в Симбирской губернии, и хотя есть на них долги, но незначительные.

В Москве имеет дом, стоющий 100.000 руб.

(Свед. московского военного генерал-губернатора.)

(Свед. генерал-губернатора Бахметьева.)

Родная тетка его, Анна, жена полковника Михайлы Лихарева, живет Рязанской губернии в Скопинском уезде, где у нее 151 душа, а у мужа ее 617 душ крестьян. Семейство их состоит их трех сыновей, из коих двое служат в Московском пехотном полку, и трех дочерей *).

(Свед. генерал-губернатора Балашова.)

К а х о в с к и й, бывший отставной поручик.

Родной брат его, отставной капитан-лейтенант Никанор Каховский *) имеет в Смоленской губернии 15 душ крестьян, совершенно расстроенных по случаю неурожая хлеба, чрез что он задолжал разным людям значительною для него суммою. После брата его хотя осталось имение, заключающееся в 13 душах крестьян, но оное подвержено в залог майору Гернгросу в 6 т. руб. и, сверх того, с сего же имения взыскивается по заемному обязательству смоленского купца Нольчина (содержателя трактира в Смоленске) 2.300 р. Недавно он, Никанор Каховский, женился на племяннице генерал-майорши Марковой,

девице Надежде Марковой, которой сия тетка ее дарственным документом 4 июля 1818 года записала в вечное владение после смерти своей состоящее в Велижском повете имение **), заключающее в себе 171 душу крестьян, каковым имением владеет еще г-жа Маркова, где живет и Каховский с женою.

(Свед. генерал-губернатора князя Хованского.)

В Дмитровском уезде, Курской губернии оказался двоюродный брат его отставной подполковник Николай Каховский, который ведет себя очень хорошо. О состоянии его и домашних обстоятельствах не доставлено сведения, за ненахождением его там. Известно только, что после смерти его [1]) осталось в тамошнем уезде с небольшим 30 душ крестьян, принадлежащих его малолетней дочери ***).

(Свед. курского гражданского губернатора.)

К и р е е в, бывший прапорщик 8 артиллерийской бригады.

Отец его отставной прапорщик Василий и мать Катерина Киреевы живут в Тульском уезде, где состоит за ними 61 душа крестьян. Семейство их заключается в 8 человеках детей, сыновей: Михаила — 19, Нила — 15, Федора — 6 лет; дочерей, девиц: Наталью — 25, Анну — 24, Авдотью — 21, от рождения слабоумную, Таисию — 9 и Марью — 4 лет *). Один из сыновей, Михайла, находится в С.-Петербурге в Дворянском полку, а все прочие при отце.

(Свед. генерал-губернатора ген.-адъют. Балашова.)

К о ж е в н и к о в, бывший подпоручик л.-г. Измайловского полка.

Отец его, отставной чиновник 7 класса Александр Кожевников, имеет в С.-Петербурге ветхий деревянный дом и в Новоржевском уезде Псковской губернии 50 душ *) крестьян, состоящих под запрещением по начетам провиантского департамента. У него есть другой сын Александр, служащий л.-г. в Измайловском полку, и две дочери-девицы: Александра и Авдотья, которые находятся у родственников.

(Свед. с.-петербургского военного генерал-губернатора и генерал-губернатора маркиза Паулучи.)

Тетка его, действительная статская советница Елизавета Кожевникова, живет в Москве и имеет 6 сыновей и 4 дочерей; домашние обстоятельства ее в хорошем положении.

(Свед. московского военного генерал-губернатора.)

К о н о в н и ц ы н, бывший граф и подпоручик гвардейского генерального штаба.

Мать его, вдова генерал-от-инфантерии графиня Анна Ивановна Коновницына, кавалерственная дама, имеет в Псковской губернии крестьян около 600 душ [2]) и здешней губернии в Гдовском уезде 250 душ. У нее сыновья: Иван, служащий в Грузии прапорщиком, Григорий в пажеском корпусе и Александр (по сведению слободско-

[1]) Так в рукоп; вероятно, далее пропущено слово: «жены».

[2]) Из сведения генерал-губернатора генерал-адъютанта маркиза Паулучи видно, что в Псковской губернии, в Опочецком уезде, за нею только 470 душ. *(Прим. подл.)*

украинского гражданского губернатора Алексей) в Царскосельском благородном пансионе. Дочь Елизавета в замужестве за бывшим полковником Нарышкиным. В Богодуховском уезде графиня Коновницына имеет 80 десятин леса.

(Свед. с.-петербургского военного генерал-губернатора.)

(Свед. слободско-украинского гражданского губернатора.)

Краснокутский, бывший действительный статский советник и обер-прокурор сената.

Мать его, вдова, статская советница Софья Краснокутская, живет в Полтавской губернии в Золотоношском повете, где она имеет 44 души крестьян и, сверх того, в Пирятинском уезде 194 души, а всего 238 душ крестьян. У нее еще есть два сына, из коих один — отставной генерал-майор Александр, жительствует в Курской губернии в имении жены своей, а другой — отставной майор Николай — живет в одном из последних имений матери своей, состоящем в Пирятинском повете, которым и управляет. Ведет себя благопристойно.

(Свед. малороссийского военного губернатора.)

Означенный генерал-майор Александр Краснокутский вдов, имеет одну дочь и трех сыновей. Состояние его весьма расстроено. В отзыве своем он изъяснил, что он имеет в Дмитровском уезде крестьян 224 души *), приносящих в урожайные годы до 4 т. руб. доходу. Из числа сего имения 130 душ состоят в залоге по займу в с.-петербургском опекунском совете, в который ежегодно взносит в уплату капитала и процентов по 2.080 р. и, сверх того, должен в партикулярные руки 24.600 руб. В долги сии впал он, будучи в горестных обстоятельствах, изыскивая средства к излечению покойной жены своей, несколько лет страдавшей **). Теперь, несмотря на слабое здоровье, лишившее его счастья продолжать военную службу, имел он намерение вступить в должность по учебным заведениям, чувствуя себя способным к сей части, где мог бы иметь средства к нравственному образованию и детей своих, под личным надзором своим. Просил министра народного просвещения об определении его на одну из открывшихся ваканций директоров в Ришельевском лицее или в Нежинской гимназии, но решения не получил ***).

(Свед. курского гражданского губернатора.)

Родной дядя его, отставной действительный статский советник Филипп Краснокутский, будучи холост, жительство имеет Оренбургской губернии в Бирском уезде, в собственном своем сельце Краснохолмске, где поселено у него крестьян 120 душ.

Шурин его, надворный советник Иван Гинц, имеет Минской губ. в Речицком повете две деревни Ассаревича и Озям из 189 душ в хорошем положении.

(Свед. оренбургского военного губернатора).

Кривцов, бывший подпоручик л.-г. конной артиллерии.

Мать его, вдова, коллежская ассесорша Вера Кривцова, имеет детей — сыновей: отставного гвардии поручика Владимира, полковника

Николая и малолетних Сергея и Павла;— дочерей, девиц: Анну, Софию, Елизавету и Аграфену, Орловской губернии в Болковском уезде 696 душ и особо за Владимиром 142 души крестьян.

Родная сестра его Елизавета в замужестве за штабс-ротмистром Владимиром Сомовым, за коим Тульской губернии в Одоевском и Чернском уездах состоит 178 душ крестьян, где они и живут при хороших домашних обстоятельствах.

Родной дядя его, надворный советник Дмитрий Карпов, — Орловской губернии в Болховском уезде 515 душ крестьян.

Двоюродный брат его, ротмистр Александр Пофиснев, живет Курской губернии в Тимском уезде в имении своем. Поведения похвального, а состояние его представляет вид хорошей хозяйственности.

К р ю к о в, бывший поручик Кавалергардского полка и адъютант главнокомандующего II армиею.

К р ю к о в, бывший поручик квартирмейстерской части.

Отец их, действительный статский советник, бывший нижегородский гражданский губернатор Александр Крюков, беспрерывно находится в болезни, приключившейся ему по получении известия о преступлении сих сыновей его. Кроме их, есть еще у него дочь и сын. Дочь была в замужестве за князем Черкасским которой в 1823 году умер, оставив трех детей и состояние хотя весьма хорошее, однако ж запутанное и обремененное долгами. Последний сын его, г. Крюкова, продолжает науки и как по слабости здоровья, так и по ограниченности способностей не подает надежды. Имение его состоит в 300 душах, из коих большая часть заложена в опекунском совете *).

(Свед. генерал-губернатора Бахметьева.)

К ю х е л ь б е к е р 1-й, бывший коллежский ассесор.

К ю х е л ь б е к е р 2-й, бывший [1]).

Мать их, вдова, статская советница Ульяна Кюхельбекер, получает от щедрот государыни императрицы Марии Феодоровны пенсион по 1.100 руб. и, кроме сего, не имея никакой собственности, живет с дочерью своею девицей Ульяною у дочери же своей вдовы, статской советницы Юстиньи Глинкиной, которая имеет у себя трех сыновей и трех дочерей; имения 159 душ Смоленской губернии в Духовщинском уезде и пенсиону по 3.168 р. в год и оными содержит себя с детьми, а вместе и означенную родную сестру свою девицу Ульяну. Сия последняя была 6 лет классною дамою в Екатерининском институте, но оставила звание сие по старости лет и слабости здоровья матери своей, дабы быть при ней. Не имея никакой собственности, девица Кюхельбекер, в случае смерти сестры ее Глинкиной, должна лишиться не только прилично[го] содержания, но даже и пропитания, ибо над малолетними учредится опека, которая не в праве будет принимать издержек на содержание тетки, опасаясь, что малолетние, придя в возраст, неоспоримое могут иметь право искать своих убытков с опеки.

---

[1]) Далее в рукоп. опущено: лейтенант Гвардейского экипажа.

Тетка и сестра их находятся в Смольном монастыре при обществе благородных девиц.

(Свед. с.-петербургского военного генерал-губернатора.)

К о р н и л о в и ч, бывший штабс-капитан гвардейского штаба.

О положении его матери, брата и трех сестер представлена г. начальнику главного штаба его императорского величества особая записка 26 ноября прошлого 1826 года.

В сведении, после того полученных [1]) от его императорского высочества цесаревича, изложено то же, что в вышеозначенной записке *).

Сверх того, впоследствии оказалось:

Двоюродные сестры его, Юзеф и Варвара Корниловичи, живут Могилевской губернии Мстиславского повета в фольварке Бобриках и имеют за собою 11 душ крестьян, доставшихся им по наследству от отца. Имением сим распоряжают они сами под надзором опекунов.

Покойного отца его двоюродный брат, губернский секретарь Андрей Корнилович, имеет семь сыновей и три дочери, из коих четыре сына в военной службе, а прочие находятся при родителях. Могилевской губернии в Копыском повете при хуторе Куцыне числится за ним пять ревижских душ и имеет до 10 уволок земли.

(Свед. генерал-губернатора князя Хованского.)

Л а п п а, бывший подпоручик л.-г. Измайловского полка.

За отцом его, Демьяном Лаппою, состоит в Минской губернии собственное имение Рудобелки в 301 душе, и оное находится в хорошем положении.

(Свед. от его императорского высочества цесаревича.)

Л и с о в с к и й, бывший поручик Пензенского пехотного полка.

Мать его, вдова, коллежская регистраторша Авдотья Лисовская, имеет еще сына Аркадия, служащего унтер-офицером в Пензенском пехотном полку, и одну дочь 25-летнюю, при ней находящуюся. Живут они в г. Кременчуге, где имеют маленький деревянный домик, составляющий все их благосостояние. Собственными трудами: шитьем женской одежды, белья и проч. они содержат себя. Обе они поведения честного и весьма хорошего.

(Свед. малороссийского военного губернатора.)

Л и х а р е в, бывший подпоручик квартирмейстерской части.

Жена его, Екатерина Андреевна, имеющая от роду 18 лет и сына нескольких месяцев, без всякого состояния. Живет она у свекрови своей, вдовы ротмистрши Палагеи Лихаревой, Тульской губернии Каширского уезда в селе Коншинке, которая имеет 9 человек детей и имения в разных губерниях до 500 душ *).

Л о р е р, бывший майор Вятского пехотного полка.

Родной брат его, издавна живущий в отставке в Херсонском уезде, ротмистр Дмитрий Лорер *), женатый на княжне Волконской, и четыре сестры: Екатерина, Елизавета, Надежда и Вера.

---

[1]) Так в рукоп.

Первая из них Екатерина **), в замужестве за помещиком отставным коллежским советником Вороновским, имеет четырех сыновей, из коих старший воспитывается в Московском университете, второй калека, третий расслабленный и четвертый малолетний, требующий воспитания. Имение их состоит из 96 душ крестьян, на котором есть долги по причине продолжавшегося несколько лет сряду неурожая и саранчи.

Другая сестра, Елизавета, в замужестве за помещиком Александрийского уезда корнетом Коховым.

Третья, Надежда, бывшая в замужестве за служащим ныне по артиллерии генерал-майором Арнольди, умерла, оставив детей после двух браков.

Четвертая, Вера, в замужестве за чиновником 8 класса Мазараки, служащим в г. Николаеве по Черноморскому департаменту.

Домашнее положение фамилии Лорера со стороны нравственности есть самое благородное, но на счет имения, которое у ротмистра Лорера обще с сестрами, состоит в 50 душах крестьян и земле 4.500 десятинах в Херсонском уезде, довольно тягостное по причине долгов в херсонский приказ общественного призрения до 18 т. руб., а, сверх того, в казну незаплаченных податей и долгов частным лицам до 5 т. руб.; притом же и имение по неурожайным годам не представляет никакой возможности к уплате сих сумм, кроме разве с потерею самого имения, не упоминая еще о разных взысканиях, отнесшихся на счет сосланного майора Лорера.

(Свед. новороссийского генерал-губернатора.)

Л у н и н бывший подполковник л.-г. Гродненского гусарского полка.

По собранным сведениям, родных у него нигде не оказалось. Впрочем, из дел Коммиссии о злоумышленном обществе видно, что у него есть родная сестра—жена камергера, действительная статская советница Катерина Уварова, которая получила в наследство принадлежащее ему, Лунину, имение, в Тамбовской губернии находящаяся [1]).

Л ю б л и н с к и й, бывший дворянин.

Мать его, Констанция Люблинская, с двумя дочерьми девицами, живет Волынской губернии в г. Новоградволынске в собственном своем доме, в бедном положении, имея только лишь дневное пропитание с оставшегося после умершего первого сына ее губернского секретаря Целестина Люблинского движимого имущества.

М и т ь к о в, бывший полковник л.-г. Финляндского полка.

Четыре родные брата его: Николай, отставной майор, живет в Владимирской губернии в своем имении [2]), Платон, майор, служащий в московском отделении военных кантонистов, Валериан, л.-г. в Фин-

[1]) Так в рукоп.

[2]) Из сведения, доставленного владимирским гражданским губернатором, видно, что он женат, имеет одну малолетнюю дочь и крестьян 221 душа; ведет себя как должно. (*Прим. подл.*)

ляндском полку поручиком, Владимир, разжалованный из прапорщиков в рядовые. Состояние имеют хорошее.

(Свед. московского военного генерал-губернатора.)

Мачиха, его надворная советница Прасковья Митькова, состояние имеет.

(Свед. с.-петербургского военного генерал-губернатора.)

М о з г а л е в с к и й, бывший подпоручик Саратовского пехотного полка.

Мать его, вдова, коллежская ассесорша Елена, живет Черниговской губернии в Нежинском повете. У нее еще семь человек детей, сыновья, отставные: штабс-ротмистр Кирила 48 и коллежский ассесор Алексей 46 лет; дочери: Марья, 35 лет, в замужестве за титулярным советником Каблуковым; Авдотья, 30, за титулярным советником Володковским; Елена, 28, за обер-аудитором 4-й драгунской дивизии Симанским; Прасковья, 26, за коллежским ассесором Солоницким и Варвара, 24 лет, за отставным штабс-капитаном Гржимайлою.

Сама вдова Мозгалевская и сыновья ее не имеют никакого имения, а потому она с сыном Алексеем живет в доме зятя своего Каблукова, на всем его содержании, а Кирила Мозгалевский нанимает для себя квартиру в Нежине, поддерживая свое существование из маленького капитала своего. Дочери же Мозгалевской находятся при мужьях в безбедном положении.

(Свед. малороссийского военного губернатора.)

В г. Белгороде родной брат его, титулярный советник Петр Осипов Мозгалевский, служит почтмейстерским помощником, который, однако ж, по неполучению ни им, ни матерью его с декабря 1825 г. означенного осужденного Николая Мозгалевского никакого известия [1], не признает утвердительно за родного брата своего. Состояния у него нет, но, при хорошем его поведении и образе жизни, довольствуется получаемым по месту жалованьем (точно ли сын означенной вдовы Мозгалевской, требуется сведения от черниговского гражданского губернатора).

(Свед. курского гражданского губернатора.)

М о з г а н, бывший поручик Пензенского пехотного полка.

Мать его, во втором браке за коллежским ассесором Рымаренковым, живет в Феодосии и родной брат, подпоручик Константин Мозган, служащий в 44 егерском полку. Сим наследникам принадлежит дом каменный с семью лавками, находящийся в Феодосии и состоящий в залоге в тамошнем комитете за позаимствованные в 1809 и 1810 годах 4 т. руб., за уплатою части капитала считается по сие время на наследниках коллежского советника Мозгана, отца преступника, часть капитала и процентов 1.803 р. 10½ к. да на предбудущие годы по время существования комитета капитала 1.150 р. 12 к., а всего 2.953 р. 21½ коп.

---

[1]) Так в рукоп.

Мать его имеет от второго мужа малолетних двух сыновей и трех дочерей. Впрочем, все семейство находится в беднейшем положении, будучи добропорядочного поведения.

(Свед. новороссийского гражданского губернатора.)

Муравьев (Александр), бывший отставной полковник. Имеет жену Прасковью, урожденную княжну Шаховскую, дочь Софью, 4 лет, тещу, княгиню Елизавету Сергеевну Шаховскую, живущую в Москве, и отца — отставного генерал-майора, который живет в Можайском уезде в селе Александровском, и братьев. Домашние обстоятельства в хорошем положении.

(Свед. московского военного генерал-губернатора.)

Брат его, отставной подполковник Михайла Муравьев, в отзыве, Рославльскому предводителю дворянства представленном, изложил, что брат его Александр собственного состояния не имеет, ибо оное состоит за отцом их. За женою Александра числится Московской губернии Волоколамского уезда в селе Болотове [1]) с деревнями *) всего около 600 душ крестьян. Имение сие было куплено в долг после замужества и есть единственное их имение, где они жили и занимались устройством своего хозяйства, полагая доходами с него уплатить сей долг. По сей при[чи]не все имение заложили они в московский опекунский совет на 24 года; сверх того, имеют долгу партикулярного сто тысяч или более. Благосостояние их зависело единственно от попечения брата (Александра), который по встретившемуся с ним несчастию не мог уплатить как казенного, так и партикулярного долгов, и посему они должны лишиться означенного имения.

Относительно себя Михайла Муравьев изъяснил, что он также собственного состояния не имеет, но что жена Якушкина, свояченица его, урожденная Шереметьева, имеет свое имение нераздельно с женою его (Муравьева) в Рославльском уезде, всего вообще 400 душ, и состояния весьма худого, ибо доходов почти никаких нет, и притом имение ее заложено в московском опекунском совете.

(Свед. генерал-губернатора князя Хованского.)

Муравьев (Никита), бывший капитан гвардейского генерального штаба.

Муравьев (Александр), бывший корнет Кавалергардского полка.

Мать их, вдова, тайная советница Екатерина Федоровна Муравьева, и двоюродная сестра Марья Михайловна Челищева; жена Никиты, Александра, урожденная графиня Чернышева, и две его малолетние дочери: Катерина и Елизавета. Мать имеет в С.-Петербурге каменный дом, состояния богатого *).

(Свед. московского и с.-петербургского военных ген.-губернаторов.)

Муравьев (Артамон), бывший полковник Ахтырского гусарского полка.

---

[1]) Ботове, — «Восстание декабристов», изд. Центрархива, т. III, стр. 17.

Жена его [с] тремя малолетными детьми *) живет в С.-Петербурге, а отец его, действительный статский советник Захар Матвеевич Муравьев, жительствует в Лугском уезде, где имеет крестьян 29 душ и получает пенсиону 2.000 р. в год. Сверх того, в Новгородском уезде состоит за ним (Захар. Мат.) с супругою его Елизаветою и дочерью девицей Екатериною имение **) всего 72 души и стеклянный завод, в действии находящийся ***).

(Свед. с.-петербургского военного генерал-губернатора.)

(Свед. новгородского гражданского губернатора.)

Муравьев-Апостол (Сергей), бывший подполковник Черниговского пехотного полка.

Муравьев-Апостол (Матвей), бывший отставной подполковник.

Отец их, тайный советник действительный камергер Иван Матвеевич Муравьев-Апостол, имеет в Полтавской губ. в Мирогородском повете 3.478 душ крестьян, но самого нет и, где находится, неизвестно. Дочери его родные, сестры преступников, живут в том же повете, Анна *) за коллежским советником Хрущовым и Елена **) за надворным советником Капнистом. За Хрущовою хотя состоит 512 душ, но как оные получены от отца, быв обременены долгами, то посему и по болезненному состоянию сестры ее Елены обе они находятся в крайне стесненном положении.

(Свед. малороссийского военного губернатора.)

За супругою тайного советника Муравьева-Апостола, мачихою сказанных преступников, Прасковьею Васильевною, урожденною Грущецкою, состоит Рязанской губернии в Пронском уезде 666 душ крестьян, которые находятся в залоге по займу ее из императорского воспитательного дома московского опекунского совета 132.400 руб. У них трое малолетних детей.

(Свед. генерал-губернатора Балашова.)

Мусин-Пушкин, бывший лейтенант Гвардейского экипажа.

Родная сестра его Ольга в замужестве [за] помещиком Весьегонского уезда Тверской губернии, за штабс-капитаном Масловым. У них два сына и две дочери, и старшему сыну 7 лет. Имения состоит за нею в Казанской губернии около 40 душ, за мужем ее в Весьегонском уезде 20 душ.

(Свед. тверского гражданского губернатора.)

Невестка его, бывшая в замужестве за родным братом его отставным капитан-лейтенантом Степаном Мусиным-Пушкиным, уже умершим, Екатерина, имеющая сына Степана 6 лет, живет в г. Кронштате в доме отца своего, матроса Тимофея Горюнова.

(Свед. с.-петербургского гражданского губернатора.)

Муханов, бывший штабс-капитан л.-г. Измайловского полка.

Мать его, Наталья, и родной брат живут в Москве, имеют 380 душ крестьян, и домашние обстоятельства их в хорошем положении.

(Свед. московского военного генерал-губернатора.)

Родные дяди его, действительный статский советник Иван и секунд-майор Дмитрий Мухановы, имеют имение Владимирской губернии в Александровском уезде.

(Свед. владимирского гражданского губернатора.)

Назимов, бывший штабс-капитан л.-г. Конно-пионерного эскадрона.

Мать его, вдова, надворная советница Марфа Назимова, имеет еще трех сыновей и двух дочерей.

Мать разделила между ими родовое имение, и на часть осужденного сына ее досталось в Псковской губернии 100 душ, а прочим детям по 50 душ, зато он принял на себя уплату долгов на частях других братьев, числившихся до 40 т. руб. В 1825 году он прикупил 80 душ и для сего заложил остальные 50 душ, да остался еще должным 14 т. р. Наконец, для уплаты прежнего долга заложил еще и купленные 80 душ за 12 т. руб. Все же имение его приносит доходу около 8 т. руб.

(Свед. генерал-губернатора маркиза Паулучи.)

Старший брат его, служивший сряду по трем выборам дворянства [1]), имеет во владении своем в Островском уезде 35 душ, а в Псковском 100 душ, кои все заложены в с.-петербургском опекунском совете.

Другой брат, коллежский регистратор Александр Александров Назимов, живет в имении жены своей в Лугском уезде, а собственное его имение находится в Псковском уезде.

Младший из них, Илья Назимов, служит подпоручиком л.-г. в Саперном батальоне, а имение его в Опочецком уезде.

Сестры, — старшая, Варвара, замужем за коллежским советником Озерским, имеет собственное имение в Холмском уезде, а младшая сестра, Анна, замужем за подполковником Набоковым, недвижимости не имеет, а получила при замужестве капитал в 90 т. руб., состоящий в долгу на тайном советнике сенаторе Лаврове.

Озерский, муж означенной Варвары, служит в сенате обер-секретарем, а она живет в Демянском уезде; детей у них три сына и две дочери; старший из сыновей в горном корпусе, другой в училище путей сообщения, третий и обе дочери находятся при матери. Имение ее в Демянском уезде 134 души *) и Ярославской губернии в Мологском уезде 81 душа, и все оное в залоге в опекунском совете. Образ жизни и правила ее семейства достойны общего одобрения, и хозяйство ее в хорошем положении.

(Свед. новгородского гражданского губернатора.)

Двоюродный брат его, коллежский советник Назимов, управляет архангельскою удельною конторою.

(Свед. архангельского гражданского губернатора.)

Нарышкин, бывший полковник Тарутинского пехотного полка.

Мать его, вдова, полковница Варвара Нарышкина; родные братья: генерал-майор Кирила и л.-г. Московского полка штабс-капитан

[1]) Ни чина, ни имени его не показано. *(Прим. подл.)*

Александр; сестры, девицы: Варвара, Софья и Авдотья Михайловны Нарышкины, вдова генерал-майора Маргарита Тучкова и родной дядя, отставной действительный камергер Павел Петрович Нарышкин, живут в Москве. Домашние обстоятельства всех их в хорошем положении.

(Свед. московского военного генерал-губернатора.)

Жена его Елизавета, урожденная графиня Коновницына, имеет в Холмском уезде 160 душ крестьян.

(Свед. с.-петербургского военного генерал-губернатора.)

Норов, бывший отставной подполковник.

Отец его, отставной надворный советник Сергей, мать Татьяна, братья: отставной статский советник Абрам, титулярный советник Александр и л.-г. Егерского полка подпоручик Дмитрий; сестры девицы, Авдотья и Екатерина, живут в Москве. Имения у них в разных губерниях 1.500 душ крестьян. Домашние обстоятельства их расстроены.

(Свед. московского военного генерал-губернатора.)

Оболенский, бывший князь и поручик л.-г. Финляндского полка.

Отец его, действительный статский советник князь Петр Николай [1]) Оболенский, вдов, живет в Москве; имеет от первого брака сына Николая, женатого на княжне Волконской (у коих сын Дмитрий), дочь Марию, находящуюся в замужестве за коллежским советником Леонтьевым (у коих три сына и три дочери), а от второго брака дочь Екатерину, находящуюся в замужестве за лейтенантом Протасьевым, (у коих два сына и дочь Александра, замужем за штабс-капитаном Михайловым); сыновей Константина, служащего в 45 егерском полку поручиком, Дмитрия и Сергея — в Пажеском корпусе. Имения за ним состоит: в Москве три дома, приносящие доходу до 5 т. р. в год, и в разных губерниях 1.348 душ крестьян, приносящих до 28 т. руб. доходу. Долгу на нем до 338.800 р.

Хозяйственные обстоятельства означенной Марии Леонтьевой и мужа, ее помещика Калужской губернии Мелевского [2]) уезда, во всех частях благовидны.

(Свед. генерал-губернатора князя Хованского.)

Одоевский, бывший князь и корнет л.-г. Конного полка.

Отец его, отставной генерал-майор князь Иван Сергеевич Одоевский, имеет жену и одну малолетнюю дочь. Живет Владимирской губернии в Юрьевском уезде, где за ними состоит 117 душ крестьян.

(Свед. владимирского гражданского губернатора.)

Положение дел его отца, живущего во Владимирской губернии, не очень хорошо.

(Свед. московского военного генерал-губернатора.)

---

[1]) Так в рукоп.

[2]) Так в рукоп.; следует читать: Мещовского.

О р ж и ц к и й, бывший отставной штабс-ротмистр.

Нигде не оказалось ни родных, ни имения его. Впрочем, из дел Следственной о злоумышленном обществе Комиссии видно, что вещи его, Оржицкого, бумаги и акты, в числе коих заемных обязательств и закладные на 105 т. р., банковых билетов на 37 т. р. и две акции, выданы от Комиссии, вследствие его просьбы, супруге генерал-адъютанта Софье Александровне Храповицкой, которой потом дал он и доверенность, предоставив оною в полное ее распоряжение все имение свое.

П а н о в, бывший поручик л.-г. Гренадерского полка.

В Боровском уезде Калужской губернии живет родной брат его отставной поручик Дмитрий Панов, служивший прежде л.-г. в Подольском полку. Состояние его в хорошем положении, ибо имеет оставшихся в общем с братом владении крестьян в губерниях: Пензенской 324, Владимирской 367 и Калужской 170 душ. Притом же он женат на дочери достаточного дворянина Савина; имеет одну малолетнюю дочь; живет всегда в Москве, а временно в Боровском имении, где у него хорошие господские заведения; молод и живет довольно скромно *).

(Свед. генерал-губернатора князя Хованского.)

П е с т е л ь, бывший полковник Вятского пехотного полка.

Отец его, тайный советник Иван Борисович Пестель, живет Смоленской губернии в Краснинском уезде. Своей собственности не имеет. Пожалованный ему пенсион, по распоряжению его, поступает на уплату значительных его долгов.

Супруга его, урожденная Крокова, имеет в Краснинском уезде 149 душ крестьян *), но сие имение после разорения неприятелем в 1812 году и неурожаев, сряду несколько лет продолжавшихся, не только доходу не может приносить, но крестьяне оного требуют пособия в содержании от помещицы своей.

(Свед. генерал-губернатора князя Хованского.)

Родные братья его, коллежский советник Борис Пестель, вице-губернатором в Олонецкой губернии; Владимир в Кавалергардском полку полковником и Александр в оном же полку поручиком.

(Свед. с.-петербургского военного генерал-губернатора.)

Родной дядя, действительный статский советник Николай Борисович Пестель, живет в Москве. Домашние обстоятельства его в хорошем положении.

(Свед. московского военного генерал-губернатора.)

П е с т о в, бывший поручик 9 артиллерийской бригады.

Отец его помещик Херсонской губернии, Александрийского уезда, коллежский советник Семен Пестов, после тридцатилетней службы с многочисленным семейством остался без пропитания. Милость отца жены его, купившего дочери своей имение, в 125 душах состоящее, доставило ему необходимое поддержание. Кроме сего, хотя матери бывшего поручика Пестова досталось еще 200 душ, но содержание многочисленного семейства и некоторые несчастные обстоятельства вовлекли фамилию сию в неоплатные долги.

Он имеет девять человек детей, из коих три сына, приготовленные дома к артиллерийской службе, поступили в оную в 1816 году; четвертый, по окончании в Екатеринославской гимназии курса наук, поступил юнкером в 39 егерский полк и отправился в Персию, пятый учился в той же гимназии, и две дочери находятся в замужестве.

Хотя первое из означенных имений уже продано за долги, но неуплаченных осталось более 60 т. р., на удовлетворение которых описывается к публичной продаже и другое имение.

(Свед. новороссийского генерал-губернатора.)

Повалошвейковский, бывший полковник Саратовского пехотного полка.

Мать его, вдова, премьер-майорша Пелагея, и родной брат его, отставной капитан Василий Повалошвейковский, имеют в Смоленской губернии 203 души крестьян *), из числа коих 182 души находятся в залоге в московском опекунском совете, а остальные в залоге у частных людей.

Родная тетка его, тайная советница Екатерина Ивановна Третьякова, живет в г. Рязани и имеет собственное имение **).

(Свед. генерал-губернатора князя Хованского.)

Поджио, бывший отставной подполковник.

Поджио, бывший отставной штабс-капитан.

Престарелая мать их, вдова, майорша Поджио, живет в Чигиринском повете *), в котором имеет 398 душ крестьян. Имение сие заложено в государственном заемном банке в 78.800 руб. и, сверх того, обреме[не]но долгами за 30 т. руб.

Последний из них два раза был женат. Жена его от второго брака (Марья Андреевна) с 7-летним сыном своим Львом **) живет у матери мужа майорши Поджио ***). Она не имеет никакого состояния и обреме[не]на долгами.

(Свед. киевского гражданского губернатора.)

(Свед. московского военного генерал-губернатора.)

Дети его от первого брака [1]) находятся у тещи его, действительной статской советницы Челищевой, которая живет в Торопецком уезде Псковской губернии, у сына своего, отставного подполковника Челищева, имеющего достаточное состояние, и получает от него все средства к спокойной жизни.

(Свед. генерал-губернатора маркиза Паулучи.)

Поливанов, бывший отставной полковник.

Жена его 19 лет; жил он с нею не более года. Во время нахождения его под судом она, будучи беременна, теряла от печали рассудок. Собственного имения у нее более 1.000 душ.

(Свед. московского военного генерал-губернатора.)

---

[1]) Из свед. киевского гражданского губернатора видно, что их четверо: три дочери и один сын, также 7 лет. *(Прим. подл.)*

Братья его: Александр, отставной подполковник, Михайла л.-г. Измайловского полка поручик; Егор Кавалергардского полка юнкер. Состояние его весьма незначительное, и долгу на нем 12 т. руб.

Жена его, Анна Ивановна, урожденная Власьева, имеет сына Николая, в июле 1826 г. рожденного. В приданое досталось ей до 900 душ, состоящих в Московской и Тверской губерниях.

Означенный Александр Поливанов имел обще с братом Иваном (осужденным) в Малоярославском уезде 180 душ, кои заложены в московском опекунском совете. Он ведет самую уединенную жизнь в деревне, стараясь устроить домашние обстоятельства и быть полезным невестке и племяннику. Имение остальных братьев отделено и состоит в других губерниях.

(Свед. генерал-губернатора князя Хованского.)

Пущин Иван, бывший коллежский ассесор.

Пущин, бывший капитан л.-г. Конно-пионерного эскадрона.

Отец их, генерал-лейтенант сенатор Иван Петрович Пущин *), мать Александра Михайловна; братья: Егор — служит в учебном карабинерном полку, Николай находится на службе во флоте; сестры девицы Анна, Мария и Елизавета. Состояние хорошее; имеют каменный дом в Санкт-Петербурге и в Минской губернии до 400 душ крестьян [1]).

(Свед. с.-петербургского военного генерал-губернатора.)

Розен, бывший барон, поручик л.-г. Финляндского полка.

Жена его, баронесса Анна Розен, урожденная Малиновская, состояние имеет.

Отец его, 68 лет, бывший манрихтер барон Евгений Розен, по продаже недвижимого имения своего, живет в Ревеле в стесненном положении, имея при себе одного увечного сына и незамужнюю дочь; другой сын воспитывается в кадетском корпусе, а третий, старший из них, отставной подполковник, женатый на дочери ассесора фон Брандтера, управляет тещиным имением, в Лифляндской губернии состоящем, сам же недвижимости там не имеет.

(Свед. с.-петербургского военного генерал-губернатора.)

Репин, бывший штабс-капитан л.-г. Финляндского полка.

Сестра его, Анна, в замужестве за обер-секретарем правительствующего сената Юнкером; состояния они достаточного.

(Свед. с.-петербургского военного генерал-губернатора.)

Рылеев, бывший отставной подпоручик.

Жена его, Наталья Михайлова Рылеева, имеет дочь 6 лет и имение в Царскосельском уезде 48 душ, которое ныне, по малолетству дочери, поступает в ведение дворянской опеки.

(Свед. с.-петербургского военного генерал-губернатора.)

Мать жены его, вдова, прапорщица Тевяшева, имеет еще дочь, вдову, Настасью, губернскую секретаршу Кореневу, и трех сыновей:

---

[1]) Из сведений, полученных от его императорского высочества цесаревича, видно, что у него в Бобруйском уезде 357 душ. *(Прим. подл.)*

Алексея, служащего в Ингермоландском [1]) пехотном полку капитаном, Ивана, в отставке подпоручика, и Михайлу, который, окончив в Харьковском университете курс учения, занимается хозяйством в имении их, состоящем Воронежской губернии в Островском [2]) уезде и заключающемся в 190 душах и 1.970 десятинах земли с лесом.

(Свед. генерал-губернатора Балашова).

Свистунов, бывший корнет Кавалергардского полка.

Мать его, вдова, действительная камергерша Марья Алексеевна Свистунова, две сестры его девицы Глафира и Варвара и брат Алексей, юнкер Конной гвардии имеют в С.-Петербурге каменный дом и в разных губерниях крестьян до 5 т. душ. Третья сестра его в замужестве за французским консулом Дежаль-Вератом.

(Свед. с.-петербургского военного генерал-губернатора.)

Родные дяди его: камергер Константин и отставной полковник Павел Ржевские; домашние обстоятельства их в хорошем положении.

(Свед. московского военного генерал-губернатора.)

Спиридов, бывший майор Пензенского пехотного полка.

Отец его, отставной действительный тайный советник сенатор Матвей Григорьевич Спиридов, живет Владимирской губернии в Переславском уезде. Семейство его состоит из жены, двух сыновей при нем находящихся, и дочери в замужестве. Имения числится за ним в разных губерниях до 800 душ.

(Свед. владимирского гражданского губернатора.)

Родной брат его, управляющий Юрбургскою пограничною таможнею, женат и имеет четырех сыновей; собственного у него имения нет; содержит себя с семейством из получаемого жалованья *).

(Свед. от его императорского высочества цесаревича.)

Сутгоф, бывший поручик л.-г. Гренадерского полка.

Отец его, генерал-майор Николай Иванович Сутгоф, служит в 5 пехотном корпусе и находится в Москве; состояния, кроме жалованья, никакого не имеет *).

(Свед. московского военного генерал-губернатора.)

Родной дядя его, титулярный советник Филипп Сутгоф, имеющий от роду 72 года, живет в Выборге и находится в бедном положении, владея токмо небольшим ветхим деревянным домом; поведения хорошего.

(Свед. финляндского генерал-губернатора.)

Тизенгаузен, бывший полковник Полтавского пехотного полка.

Отец его, бывший городничим Подольской губернии в городе Ушице, титулярный советник Карл Тизенгаузен, находится в бедном положении и при старости лет *) слаб в здоровьи. У него пять сыновей, в младенчестве поступивших в кадетский корпус, ныне: Отто 47,

---

[1]) Так в рукоп.

[2]) Так в рукоп.; следует читать: Острогожском.

Карл 46, Вильгельм 44, Егор 39 и Филипп, он также и Богдан, 34 лет **), от коих доселе не получал никаких уведомлений. Из них Вильгельм есть осужденный ***).

Двое из числа означенных городничими:

Капитан Карл Тизенгаузен С.-Петербургской губернии в г. Ямбурге. Своего имения у него нет, а имеют дети его, доставшееся им после деда их полковника Ноуендорфа в Ямбургском уезде, в 76 душах состоящее.

Капитан Егор Орловской губернии в г. Ливнах; имеет жену и пять человек детей. Имение его состоит в двух домах: в Ливнах и Нарве, доходу с них не получает.

(Свед. от его императорского высочества цесаревича.)

Толстой, бывший прапорщик Московского пехотного полка.

Родной его брат, л.-г. Гусарского полка штабс-ротмистр Василий Толстой, живет в Москве и имеет состояние крайне расстроенное. У тетки же его, тайной советницы княгини Елены Васильевны Хованской, живущей также в Москве, домашние обстоятельства в весьма хорошем положении.

(Свед. московского военного генерал-губернатора.)

Торсон, бывший флота капитан-лейтенант и адъютант начальника морского штаба.

Мать его в бедном положении.

(Свед. с.-петербургского военного генерал-губернатора.)

Трубецкой, бывший князь, полковник и дежурный штаб-офицер 4 пехотного корпуса.

Жена его, Трубецкого, находится ныне в Сибири, состояния достаточного, имеет крестьян в разных губерниях.

Мачиха его, действительная статская советница княгиня Трубецкая, урожденная Крамина, состояния достаточного *).

Родные братья и сестра от 1 брака: отставной подполковник князь Александр, женат на дочери киевского губернского маршала Росцишевского, за коею получил в приданое Киевского повета селение Гавронщину, где и живет **),—и статский советник князь Петр Трубецкой, служит начальником одесского таможенного округа, состояния достаточного. За ними (Александром и Петром) в Орловской и Нижегородской губерниях 642 душ, да за детьми последнего от первого брака в Са[ра]товской губернии 800 душ ***). Из числа означенных 642 душ находится в залоге в с.-петербургском опекунском совете — первого 161, а другого 214 душ ****).

Сестра Елизавета в замужестве за отставным поручиком графом Потемкиным, живет в Москве. Состояния достаточного.

Брат от 2 брака, отставной поручик князь (Никита) Трубецкой, женатый на дочери Нелидова; имеет около 500 душ крестьян *****).

Тургенев Николай, бывший действительный статский советник.

Родные братья его: действительный статский советник Александр, камергер при дворе его императорского величества, и статский советник Сергей Тургенев—служит в ведомстве коллегии иностранных дел. В Симбирской губернии имеют они около 600 душ крестьян, состоящих довольно в хорошем положении. Родной дядя его, коллежский ассесор Тургенев, имеет двух сыновей, находящихся в службе, один полковником, а другой штабс-капитаном, и дочь, которая замужем за коллежским советником Юрьевым.

У него (дяди) в Симбирской губернии около 500 душ крестьян.

Еще есть два двоюродные брата его — майор Иван и ротмистр Петр Аржевитиновы, имеющие крестьян более 300 душ в Симбирской губернии *).

(Свед. генерал-губернатора Бахметьева.)

Тютчев, бывший капитан Пензенского пехотного полка.

Отец его капитан Иван и мать Марья Тютчевы живут Орловской губернии в Брянском уезде. Семейство их состоит из трех сыновей и дочери.

Один из них, Михайла, служит в Черниговском конно-егерском полку прапорщиком; другой Федор — в Казанском драгунском полку прапорщиком, а третий малолетний Иван находится при отце.

Дочь Варвара, вдова подполковница Бердяева, имеет двух малолетних детей, и за службу мужа получает пенсион по три тысячи руб. в год.

За отцом их Иваном состоит в Брянском уезде 328 душ и до 3 т. десятин земли, приносящих доходу при урожае до 6 т. руб. Имение сие в залоге в с.-петербургском и московском опекунских советах в 53.600 р., которое за неплатеж процентов, по случаю выбития в 1825 году градом хлеба, взято в ведение дворянской опеки. Хотя, сверх того, он, Тютчев, показал, будто еще в частные руки должен 62.900 р. но местное начальство, не зная сего, не удостоверяет *).

(Свед. генерал-губернатора Балашова.)

Фаленберг, бывший подполковник квартирмейстерской части.

Жена его, Авдотья *), дочь отставного майора Раевского, имеющего двух сыновей, в службе находящихся, **) и до 300 душ крестьян в Воронежской губернии, приносящих доходу до 10 т. Имение сие в залоге в 24-летнем банке. При выходе в замужество она получила небольшое денежное приданое; потом за ее деньги куплен в Тульчине каменной дом за 5 т. руб. Муж ее остался там должным разным людям до 8 т. руб. Собственности же он никакой не имеет ***).

(Свед. генерал-губернатора Балашова.)

Фок, бывший подпоручик л.-г. Измайловского полка.

Отец его, коллежский советник Александр Фок, вдов, служит по лесной части, исправляя должность вятского обер-форштмейстера; от роду ему 57 лет; имеет 12 человек детей: пять сыновей и семь дочерей; один Александр, осужденный в солдаты, другой — Николай, служит

прапорщиком в 3 морском полку — и трое — Аполлон, Петр и Виктор в 2 кадетском корпусе. Две старшие дочери замужем, а остальные при отце, которой в г. Вятке имеет небольшой деревянный дом, в Оренбургской губернии в Уфимском уезде 20 душ крестьян *). Состояния, сколько известно, посредственного, поведения и образа жизни хорошего.

(Свед. вятского гражданского губернатора.)

Одна из означенных сестер его, Настасья, замужем за титулярным советником Михайловым, служащим в уфимской губернской почтовой конторе почтмейстерским помощником и имеющим поселенных на земле его в Уфимском уезде 30 душ.

(Свед. оренбургского гражданского губернатора.)

Фон-дер-Бриген, отставной полковник.

Жена его, Софья, с двумя малолетними детьми, сыном Михайлою и дочерью Марьею, находится Черниговской губернии в Стародубском повете *) у отца своего тайного советника Миклашевского, на всем его содержании **).

(Свед. малороссийского военного губернатора.)

Мать его, вдова, премьер-майорша, по 2-му мужу Вальман, имеет в Петербурге два дома, один каменный, другой деревянный, ветхий, состояния недостаточного.

(Свед. с.-петербургского военного генерал-губернатора.)

Дядя его, бывший Курляндской губернии суккумским мировым судьею, Христофор фон-дер-Бриген, с семейством своим, состоящим из одного сына, служащего в 1 морском полку, и трех дочерей, находится в неимущем и стесненном положении.

(Свед. генерал-губернатора маркиза Паулучи.)

Фон-Визин, бывший отставной генерал-майор.

Имеет жену, Наталью Дмитриевну, урожденную Апухтину, и двух малолетних дочерей, находящихся при матери в Москве *).

Брат его, отставной полковник Иван Александрович Фон-Визин **), имея [1]) с означенным осужденным братом в разных губерниях неразделенного имения более 2.000 душ.

Тесть его, отставной капитан Дмитрий Апухтин, с женою своею имеет жительство в Москве; домашние обстоятельства их расстроены, в Костромской губернии состоит за ним 269 душ да отданных в приданое за означенною дочерью их Натальею Фон-Визиною 177 душ ***).

(Свед. московского военного генерал-губернатора.)

Фохт, бывший штабс-капитан Азовского пехотного полка.

Ни родных, ни имения его нигде не оказалось.

Фролов, бывший подпоручик Пензенского пехотного полка.

Отец его, поручик Степан Фролов, находится на службе в Керченском артиллерийском гарнизоне, имеет жену и трех дочерей; весьма

[1]) Так в рукоп.

бедного состояния; все семейство хорошего поведения и держится им из одного жалованья.

(Свед. новороссийского генерал-губернатора.)

Фурман, бывший капитан Черниговского пехотного полка. Отец его, надворный советник Федор Фурман, имеет четырех сыновей, находящихся на службе, из коих служат: один действительным статским советником в департаменте внешней торговли *), другой титулярным советником и бессарабским областным контролером **) (а о прочих нет сведения), имеет дочерей, из коих пять в замужестве, а одна, девица, находится при отце, имеющем состояние.

(Свед. с.-петербургского военного генерал-губернатора.)

Цебриков, бывший поручик л.-г. Финляндского полка. У него три брата: 1. Александр служит лейтенантом в Гвардейском экипаже; 2. Константин — лейтенантом 19 флотского экипажа и 3. Иван в Дворянском полку, и одна сестра, девица Наталья, дочь действительного статского советника Цебрикова, живет по родству у генерал-лейтенанта Княжнина 1-го. Она состояния недостаточного.

(Свед. с.-петербургского военного генерал-губернатора.)

Черкасов, бывший барон и поручик квартирмейстерской части.

Семейство 65-летнего отца его, отставного майора барона Ивана Черкасова, живущего в Белевском уезде, состоит из жены и детей от первого брака: одного сына, служащего адъютантом у генерала Бороздина, и четырех дочерей, из коих одна замужем за московским помещиком коллежским ассесором Аблеуховым, а от второго брака: двух сыновей и одной дочери, малолетних. Правил и поведения благородных. Крестьян у него, кроме других губерний, в Тульской губернии 363 и Тамбовской 214 душ *), в хорошем положении.

(Свед. генерал-губернатора Балашова.)

Чернышев, бывший граф и ротмистр Кавалергардского полка.

Отец его, действительный тайный советник граф Григорий Иванович Чернышев, служит при дворе его императорского величества, а мать и сестра живут в Москве. Крестьян за ними состоит: в Рязанской губернии 1.187 *), в Орловской 2.508 душ, а также и в Воронежской губернии **).

(Свед. генерал-губернатора Балашова.)

Состояние их и домашние обстоятельства расстроены.

(Свед. московского военного генерал-губернатора.)

Бабка его, статс-дама графиня Анна Родионовна Чернышева, имеет в Могилевской губернии 4.676 душ ***).

(Свед. генерал-губернатора князя Хованского.)

Чижов, бывший лейтенант 8 флотского экипажа.

Семейство матери его, вдовы, военной советницы Прасковьи Чижовой, живущей в Тульской губернии *), состоит еще из четырех сыновей **), из коих первые двое служат, один подпоручиком в 6 карабинер-

ном полку, другой прапорщиком в свите его императорского величества, а последние в тульском Александровском дворянском военном училище. Крестьян у нее 185 душ.

(Свед. генерал-губернатора Балашова.)

Ш а х и р е в, бывший поручик Черниговского пехотного полка.

Сведение о родственниках его еще не получено от управляющего новороссийскими губерниями *).

Ш а х о в с к о й, бывший князь и отставной майор.

Отец его, тайный советник князь Шаховской, преклонных лет [1]), живет в Псковской губернии, в посредственном имении своем, обремененном партикулярными долгами; кроме того, имеет интересное дело с камергером Арбеньевым, 18 лет продолжающееся, которое ныне рассматривается в 8 департаменте сената.

Жена его, Наталья, урожденная княжна Щербатова, с двумя сыновьями, Дмитрием, 6 лет, и Иваном, нескольких месяцов, живет в Москве; имеет в Нижегородской и Ярославской губерниях 425 душ *), а принадлежавших мужу ее в Московской и Калужской губерниях 262 души **), обремененных долгами [2]).

У тетки же его, отставной [2]) полковника князя Дмитрия Щербатова (в Москве живущего) недвижимого имения около 4 т. душ.

Одна из родных сестер его в замужестве за доктором медицины Воино-Куренским; у нее в Калужской губернии 230 душ, находящиеся [2]) в займе в 24-летнем банке.

Другая сестра его за поручиком л.-г. Гусарского полка Слепцовым; у нее также было 230 душ, кои ею проданы.

Ш и м к о в, бывший прапорщик Саратовского пехотного полка.

Семейство отца его статского советника Федора Шимкова, состоит: еще из 4 сыновей; из коих один Павел в Кременчугском пехотном полку подпрапорщиком, Петр л.-г. в Драгунском полку прапорщиком, Андрей в Харьковском университете, Александр в горном кадетском корпусе, и двух дочерей девиц, при нем находящихся. Он преклонных лет, живет в Полтавской губернии *) в имении своем, состоящем из 413 душ крестьян.

(Свед. малороссийского военного губернатора.)

Ш т е й н г е л ь, бывший барон и отставной подполковник.

Жена его Палагея, пять сыновей и четыре дочери, из коих три малолетние, а старшая в замужестве за чиновником Яковлевым живут в Москве; положение их расстроенное, а теща Штейнгеля, действительная статская советница Акулина Ванифатьева, живет также в Москве и находится в крайней бедности.

(Свед. московского военного генерал-губернатора.)

---

[1]) По показанию преступника Шаховского, отцу его 65 лет, который по смерти первой жены своей (матери преступника), последовавшей 2 ноября 1825 г., снова женился на дочери капитана 2 ранга Матрене Кутузовой. (*Прим. подл.*)

[2]) Так в рукоп.

Родная сестра его Татьяна, в замужестве за служащим в Воронежской комиссии комиссариатского депо, 9 класса, Маркшендером; имеет одного сына и двух дочерей, малолетних. Кроме небольшого деревянного дома в г. Боброве, не приносящего никакого доходу, и женщины с дочерью, имения у них нет никакого **).

(Свед. генерал-губернатора Балашова.)

Родной дядя его (свояк бывшего лифляндского генерал-губернатора графа Штейнгеля), барон Штейнгель, живет в Лифляндской губернии, имея две мызы в сей и в Эстляндской губерниях *).

(Свед. генерал-губернатора маркиза Паулучи.)

Щепин-Ростовский, бывший князь и штабс-капитан Московского полка.

Мать его, вдова, капитанша Ольга Щепина-Ростовская, живет в Москве и состояние имеет посредственное.

(Свед. московского военного генерал-губернатора.)

Но из нижеследующего видно противное:

Она в расстроенном положении, живет в Ростовском уезде и имеет на попечении своем 70-летнюю мать свою, а имение ее, состоящее из 58 душ и двух усадьб, находится в казенном залоге и, сверх того, по показанию ее, она должна в частные руки до 12 т. руб.

После означенного сына ее осталось крестьян 114 душ (из коих 35 душ в 24-летнем банке и уже описаны к продаже) и, сверх того, особые усадьбы, состоящие и из .... [1]) сенокосной земли и лесных дач. О правах наследства на сие имение началось дело [2]).

(Свед. ярославского гражданского губернатора.)

Юшневский, бывш. генерал-интендант II армии 4 класса.

После покойного отца его, коллежского советника Юшневского, осталось в Ольгопольском повете 544 души крестьян *). Имение сие между осужденным и двумя его братьями еще не разделено. В оном живут: жена преступника, Марья, дочь ее от первого брака, Софья, 15 и мать 58 лет **). Из них первая, Марья Юшневская, получив сведение, что муж ее находится уже на месте назначения, испросила от подольского гражданского губернатора 27 ноября прошлого 1826 года паспорт и подорожную на следование с дочерью своею Софьею, девицею Валиховскою и одним лакеем в Иркутскую губернию.

(Свед. от его императорского высочества цесаревича.)

Якубович, бывший капитан Нижегородского драгунского полка.

У отца его, ротмистра Ивана Якубовича, еще два сына: один из них, Петр, в отставке поручиком, а другой, Иван, по калекству нигде не служит. Они находятся при отце, живущем в имении своем Полтавской губернии в Романском повете, где у него 289 душ *), и, сверх того, есть крестьяне и в других поветах той же губернии.

(Свед. малороссийского военного губернатора.)

---

[1]) Пропуск в оригинале.

[2]) Так в рукоп.; для проверки подсчета количества душ и определения пропущенных слов см. дополнительные сведения.

Якушкин, бывший отставной капитан.

Мать его, вдова, титулярная советница Прасковья, живет Орловской губернии в Ливенском уезде на содержании зятя своего, поручика Василия Воронца, имеющего 9 человек детей, 30 т. р. доходу [1]), а имения 67 душ в Ливенском уезде и 120 душ в Смоленской губернии *).

(Свед. генерал-губернатора Балашова.)

Жена Якушкина имеет двух детей; у нее общего с ее сестрою имения в Рославском уезде Смоленской губернии 400 душ, из коих часть ее заложена в московском опекунском совете. Сверх того (по свед., полученному от генерала губернатора Балашова), в Вяземском уезде до 200 душ крестьян.

Родные тетки его, действительная статская советница Решетова, и девица Якушкина (живут в Рославском уезде) по [2]) крайности, по собственному показанию их, в отношении состояния своего никакой не имеют.

(Свед. генерал-губернатора князя Хованского.)

Янтальцов бывший подполковник и командир конно-артиллерийской роты № 27.

Мать его, вдова, подполковница Варвара Янтальцова, и жена его, Александра, состояния бедного *).

Родная сестра его, Катерина, находится в замужестве за капитаном 18 артиллерийской бригады 1 батарейной роты Сикстелем, квартирующим Подольской губернии в г. Баре; при них состоит несколько душ крестьян, оставшихся после означенная [3]) Янтальцова. Положение и домашние обстоятельства Сихстовых хорошие.

(Свед. с.-петербургского военного генерал-губернатора.)

(Свед. от его императорского высочества цесаревича.)

Верно: 8 класса *Карасевский*.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ.

Приводимые ниже дополнительные сведения взяты из донесений, поступивших с мест в Следственную Комиссию; эти донесения и послужили материалом при составлении Комиссиею напечатанной выше «Записки». Однако Комиссия опустила в своей «Записке» многие конкретные указания донесений с мест. В печатаемых ниже дополнительных сведениях восстанавливаются, по мере необходимости, эти конкретные указания. Тогда как «Записка» в большинстве случаев делает ссылку лишь на донесения высших представителей местной власти; в дополнительных сведениях даны ссылки на те донесения местных органов власти, на основе которых составлены донесения высших представителей власти на местах. Выделены и личные показания или объяснения родственников или самих декабристов.

---

[1]) Так в рукоп.; в «Списке» Орловского губ., откуда взяты сведения об Якушкине вместо, доходу стоит: долгу.

[2]) Так в рукоп., след. читать: но.

[3]) Так в рукоп.

Андреев.

*) «...имение в Новгородском уезде состоит того Андреева за покойным родителем коллежским советником Николаем Андреевым в селе Кривине 80, деревнях: Крутике 26, Новой 94, Воронине острове 24, и в селе Кривене находится суконная фабрика, которая действия не имеет...» (Сп. с дон. гр. губ. от 26 н. 1826 г. № 568, —А.О.Р., № 315, — л. 261 об.) [1]).

В селе Кривине (Кривене). (Там же.)

Мать Андреева, вдова Марья Васильевна, «проживает в Новгородской губернии в своей вотчине и имеет 400 душ крестьян и суконную фабрику...».

«...из братьев один Дмитрий... женат, имеет малолетних двух детей, содержит себя получаемым жалованьем и пособием матери; другой, Василий, находится на службе в симбирской казенной палате, третий, Иван, коллежский регистратор, служит в департаменте имуществ, а четвертый находится на службе лейб-гвардии в Кирасирском полку корнетом». (Отв. с.-пет. воен. ген.-губ. от 3 н. 1827 г., № 7363, — л. 286 об.)

Андреевич 2-й.

*) «...не имея достаточно ни наследственного, ни собственного имения и денежных капиталов, живут, против званий своих, [и] с них первый несостоятельно, а последний бедно...». (Вед. полт. гр. губ. от 21 янв. 1827 г., № 288, — л. 155.)

Барятинский.

*) «Мать Борятинского... находится в преклонных уже летах и в расслаблении, не имеет никакой собственности, кроме пенсиона по 1.250 руб. и от того терпит нужду. Из двух сестер ее [2]) Борятинской, одна в замужестве за дворянином Мокуновым, проживающим в Москве, а другая в девицах и живет там же у престарелых теток своих». (Отв. с.-пет. воен. ген. губ. от 3 н. 1827 г., № 7363, — л. 286 об.)

Живет в С.-Петербурге. (Сп. моск. воен. ген.-губ. от 17 мар. 1827 г., № 821,— л. 218.)

Басаргин.

*) Бунины живут в сельце Дуроломовне Раненбургского уезда. (Вед. ряз. гр. губ. от 7 янв. 1827 г., № 126, — л. 188 об.)

Батенков.

*) «...мы в Нижнем купили дом, от случившегося пожара сгорел, еще в одной торговл ужеасно расстроились; вот уже три года какую я претерпеваю нужду... Микифор Иваныч мог бы занять какую должность, но без денег торговать не можно: откупа кончились... не можете ли вы нам помочь на щет Сашиньки, ему теперь 19 лет, определиться в какую бы ни есть должность... мы живем теперь не знаю как сказать, нет меня нещастнее на свете... О бедность — мучитель человечества, мы теперь живем почти из одного содержания, что было и последнее—все в залоге...» (Из письма Анны Муратовой к Гаврилу Степановичу Батенкову от 26 янв. 1825 г., — л. 111 об. и л. 112.)

«Один старший сын (Анны Муратовой) помогает отцу в содержании семейства, находясь вместе с ним при торговых делах Сапожникова». (Отв. саратов. гр. губ. от 16 мая 1827 г., — л. 110 об.)

Бестужев-Рюмин.

*) «...по разделу с другим братом отставным полковником и кавалером Иваном Павловым Бестужевым-Рюминым досталось после умерших отца и матери в... сельце Кудряшках дворовых людей и крестьян 187 мужского пола и переведенных в оное сельцо Семеновского уезда из деревни Зименок 19 душ, которые находятся на хлебопашестве, да Новгородской губернии Устюжского уезда в деревнях Андронове и Машине 21 душа, а всего 227 душ...» (Отв. ниж. гр. губ. от 13 июля 1827 г. № 6126,—л. 114 об.)

---

[1]) При цитации дальнейших дополнений, которые все находятся в одном и том же деле № 315, последняя цифра обозначает ссылку на лист именно этого дела.

[2]) Так в рукоп.; правильнее: его (см. л. 286 об.)

**) В деревнях Яшной и Зименках.

***) В чине отставного подполковника брат Бестужева-Рюмина Иван живет «временно в Москве на инвалидном содержании...».

Военный министр граф Татищев, ссылаясь на дела Следственной Комиссии, пишет: «...родные братья государственного преступника... Бестужева-Рюмина имеют Нижегородской губернии в Горбатовском уезде 600 душ крестьян, где и живут». (Зап. гр. Татищева от 22 июня 1827 г., № 1292,—л. 113.)

По указанию же московского военного генерал-губернатора, принадлежащие братьям Бестужева-Рюмина крестьяне—600 душ — заложены в опекунском совете (от 17 мар. 1827 г., № 821,—л. 217).

Веденяпин 1-й, бывший подпоручик 9 артиллерийской бригады.

Веденяпин 2-й, бывший прапорщик той же бригады.

*) Отец Веденяпиных, майор Василий Никитич Веденяпин, умер «назад тому 7, а мать 11 лет...».

**) «Имение у Веденяпиных, как удостоверяет г. правящий должность темниковского предводителя, состоит... Темниковского уезда в селе Веденяпине крестьян по 7-ой ревизии мужеска пола 13, женска 10 душ, в деревнях Ибакове мужеска пола 18, женска 27 душ, Выползове мужеска 2, женска 2 души, а всего мужеска 33 и женска 39 душ, в них тягол восемнадцать, земли во всех местах пахотной шестьдесят шесть с половиною и лугов пять десятин. Имение... состоит в ведомстве Темниковской дворянской опеки, над коим опекуншею находится родная их тетка из дворян... Матрена Меднова, а попечителем майор князь Василий Мансырев... семейство Веденяпиных в посредственном положении...» (Вед. тамб. гр. губ. от 4 янв. 1827 г.,—л. 207 об.)

***) «... имеет за собой по окладу 3 дворовых души и живет в селе Беседках (Елатомской округи.)» (Там же,—л. 206 об.)

Выгодовский.

*) В селе Приворотье. (Зап. цесар. от 27 дек. 1826 г.,—л. 126 об.)

Вольф.

*) «...Вольфа отец, титулярный советник Богдан Христианович Вольф, имеет от роду 80 л., поведения хорошего, живет в доме дочери своей штаб-лекарши Екатерины Толь, получает пенсион по 700 руб. в год; состояния же никакого не имеет». (Отв. тул. гр. губ. от 10 окт. 1827 г. за № 11310,—л. 284.)

Отец Вольфа живет в Туле.

В ответе московского военного генерал-губернатора от 12 сентября 1827 года имеется указание на то, что по доверенности от отца Вольфа титулярного советника Богдана Христиановича Вольфа коллежскому асессору и кавалеру Ивану Карловичу Келлеру были выданы принадлежавшие осужденному Вольфу вещи и деньги «ассигнациями 1.640 р. и серебром 1 р. 60 к....» (л. 282 об.)

Горбачевский.

*) В прошении генерал-губернатору князю Хованскому отец Горбачевского, указывая на свое бедственное положение и тридцатилетнюю службу, просит ходатайствовать о возвращении ему места по службе. (Отв. витеб. ген.-губ. от 29 апр. 1827 г. за № 1644,—л. л. 171 и 173.)

Горский.

*) За дворянином Гумовским. (Зап. ген.-губ. от 15 мая 1827 г., № 1833,—л. 175.)

Давыдов.

*) У жены Давыдова, Александры Ивановны, пятеро детей, и она «состояния небедного...». (Сп. моск. воен. ген.-губ. от 17 мар. 1827 г., № 821,—л. 218.)

Заикин.

*) Сведения о ходе службы отца Заикина по дворянским выборам дают приложенные к отношению фатежского предводителя дворянства (от 23 сент. 1826 г., № 108) документы—л. л. 138—150.

**) «Надворный советник Федор Заикин имеет детей шесть сыновей и двух дочерей, из которых старший сын Николай... наказан ссылкою на поселение,

который имеет от роду 25 лет; второй, Альвиан, за болезнью в отставке из Стародубского кирасирского полка штабс-ротмистром 23 лет, находится при нем, третий, Федор, 19 лет, на службе в Северском конно-егерском полку юнкером, четвертый, Павел, 18 лет, пятый, Александр, 17 лет, и шестой, Михайла, 15 лет, обучались в Москве в вольных пансионах, а ныне из них Павел и Александр оканчивают курс наук в Харьковском университете студентами. Михайла же поныне находится в том же вольном пансионе, дочери обе в замужестве, из них старшая Елизавета, за майором Николаем Масловым, а младшая, Серафима, за флота капитан-лейтенантом Михайлою Шатковским...». (Отв. курск. гр. губ. от 9 окт. 1827 г., № 12745, — л. 297 об.)

«Имение его, Заикина, и жены его состоит в уездах Фатежском, Щигровском, Старобельском, Землянском и Днепровском — всего 400 душ крестьян и дворовых людей по 7-й ревизии, за детьми же их имения отдельного никакого не имеется». (Там же, — л. 297 об.)

«Крепостные люди управляются» отцом Заикина «в лучшем порядке, от чего они зажиточны и живут в довольстве...» (Отв. фатежск. предв. двор. курск. гр. губ., от 23 сент. 1826 г., — л. 150.)

***) «О положении имения Заикиных, по неурожайным годам и по дешевизне хлеба относительно доходов, верного сведения обозначить они, Заикины, не могут. Из имения сего все почти лучшее состоит в залоге в московском опекунском совете за долг, простирающийся на сумму до 70.000 р., сверх того, обременено долгами частным лицам по домовым актам на 60.000 руб., каковой долг накопился большею частью по причинам воспитания детей их, а более потому, что Заикин продолжал службу 35 лет, сверх военной, статскую без всякого жалованья, быв многие лета уездным и курским губернским предводителем». (Отв. курск. гр. губ. от 9 окт. 1827 г., № 12745, — л. 297 об., л. 298.)

З а г о р е ц к и й.

*) «...мать Загорецкого, бывшая московская 2-ой гильдии купчиха, а ныне по бедности положения своего московская мещанка Наталия Васильевна Крутикова, по родству имеет жительство у него... и пользуется от него содержанием.

Сестра Загорецкого, Ольга Александровна, находится в замужестве за штабс-капитаном Кульчицким, служащим в 19 егерском полку, квартирующим ныне в Бобруйской крепости, других же близких родственников у него нет... Крутикова состояния никакого не имеет, а поведения хорошего.»

Эти сведения были отобраны по предписанию моск. воен.-ген. губ. от живущего в Москве титулярного советника Павла Антоновича Зона.

«Между тем получил я — продолжает моск. воен. ген.-губ. кн. Д. Голицын — при отношении вашего сиятельства (т.-е. гр. Татищева) от 3 июня за № 1278 принадлежавшие Загорецкому вещи, бумаги в особом тюке и денег 290 руб. ассигнациями и 90 к. серебром, которые препроводя в московское губернское правление, предложил оному распорядиться о вызове законных наследников для отдачи им сего имущества...» (Отв. моск. воен. ген. губ. от 1 сент. 1827 г., № 4331, — л. 279 об., л. 280.)

И в а ш е в.

*) «Скопинский уездный предводитель дворянства объясняет, что сего осужденного тетка, г-жа Лихарева, жительствует в селе Чулкове Скопинского уезда и имеет сего уезда в селе Костемерове 67, сельце Перках 84, итого 151, а за мужем ее г. полковником Лихаревым того ж уезда в селе Чулкове 154, в деревне Михайловке 16, сельцах: Каржавине, Тихомирец тож, 40, Дмитриевском 50, Аннинском и Перках 97, Зарайского уезда в селах Арешкове 141, Долгомостье 86 и Белоноже 33, а всего 617 душ». (Вед. ряз. гр. губ. от 7 янв. 1827 г. за № 126, — л. 190.)

К а х о в с к и й.

*) «Никанор Каховский... находится в болезненном положении»... (Зап. ген.-губ. кн. Хованского от 24 янв. 1827 г., № 211, — л. 164.)

В сельце Тифинском. (Там же.)

Одной из причин разорения имения Каховского было «нашествие неприятеля» в 1812 г. (Там же.)

**) Имение Жолнино. (Свед. ген.-губ. кн. Хованского от 11 мая 1827 г., № 1764, — л. 169 об.)

***) «...имение умершей жены Каховского... по малолетству наследницы находится в опеке...» (Отв. курск. гр. губ. от 15 февр. 1827 г., — л. 135.)

К и р е е в.

*) «Мать.., брат Нил, сестры — Анастасья, Анна и Марья, имеют поместье в Тульской губернии и состояния недостаточного». (Свед. с.-пет. полиц. от 4 июля 1827 г., № 4241, — л. 95 об.)

К о ж е в н и к о в.

*) 70 душ. (Свед. с.-пет. полиц. от 4 июля 1827 г., № 4241, — л. 94.)

К р а с н о к у т с к и й.

*) В селе Глубом [sic]. (Отв. курск. гр. губ. от 15 февр. 1827 г.. № 1427, — л. 134.)

**) После смерти жены «он... остался с четырьмя сиротами, т.-е.: дочерью и тремя сыновьями, при весьма расстроенном состоянии...». (Там же.)

***) «...Относительно поведения г. генерал-майора Краснокутского, г. предводитель уведомляет, что оное заслуживает совершенную похвалу и что образованием и достоинствами своими приобрел он от всех знающих его в уезде нелестное к себе уважение и почтение...». (Там же, — л. 134 об., л. 135.)

К р ю к о в 1-й, бывший поручик Кавалергардского полка и адъютант главнокомандующего II армиею.

К р ю к о в 2-й, бывш. поручик квартирмейстерской части.

*) Отец Крюковых «имеет за собою в Крапивенском уезде 286 душ крестьян». (Сп. тульск. гр. губ. от 29 окт. 1826 г., № 15462, — л. 194 об.)

К о р н и л о в и ч.

*) «Подольской губернии в городе Могилеве жительствует мать его, вдова коллегского асессора Корниловича, которая имеет от роду 50 лет, чувствует более 15-ти лет в здоровии расстройку от забот домашних; имеет в том же городе собственный дом, из доходов коего уплачиваются за 10 дворовых ее крестьян казенные подати; пользуется также содержанием из имения своего, состоящего Ушицкого повета в части селения Бурсуковец, имеет двух сыновей, один служит свиты его императорского величества по квартирмейстерской части поручиком, а другой выше изъясненный преступник, и трех дочерей: из коих две замужем, первая за инспектором могилевского карантина коллегским советником Корниловичем, другая за комиссионером 9 класса Радзиевским, а одна девица при ней. Вдова ведет себя благородно и весьма примерна в исполнении вероисповедания и воспитания детей своих». (Зап. цесар. от 27 дек. 1826 г., — л. 123 об. и л. 124.)

Мать Корниловича имеет «небольшую часть в селении Борсуковцах по коллокации от помещика Людвига Тршецецкого за сумму, позаимствованную еще от умершего мужа ее; сия только небольшая часть имения есть фундушем к содержанию ее и одной дочери... Корниловичева находится во вдовстве более пятнадцати лет». (Рап. ушиц. зем. испр. от 31 авг. 1826 г., — л. 16 об.)

Имение досталось ее детям «по процессу с помещиком Тршецецким» (Рап. могил. полиц. 30 авг. за 1826 г., № 434, — л. 17 об.)

Л и х а р е в.

*) «Жена его... живет с малолетним сыном... в Чигиринском повете; собственности никакой не имеет». (Сп. моск. воен. ген.-губ. от 17 мар. 1827 г., № 821, — л. 220). Слова «Чигиринском повете» подчеркнуты карандашом и карандашом же написано: «неправда, в Тульской губернии».

Отец его, помещик Николай Андреевич Лихарев, умер.

Мать его, Пелагея Петровна Лихарева, жива.

Брат его, прапорщик Александр Лихарев, служит в конно-артиллерийской роте. За матерью Лихарева «состоит Козловской округи в селе Новосспаском, Боково тож, крестьян 85, да за покойным мужем ее 20 душ в хорошем положении; жительство же г-жа Лихарева имеет Тульской губернии Каширского уезда в селе Новосспаском». (Вед. тамб. гр. губ. от 4 янв. 1827 г. № 35, — л. 206.)

Лорер.

*) Имение Дмитрия Лорера находится «в деревне Водяной» (Херсонского уезда). (Отв. новоросс. ген.-губ. от 12 апр. 1827 г., № 4498, — л. 264.)

**) «Старшая сестра помещица Херсонской губернии Ольвиопольского уезда...» (Там же, — л. 263 об.)

Муравьев, Александр Николаевич.

*) По записке витебского ген.-губ. «в селе Ботоле с деревнями» (24 янв. 1827 г., № 211, — л. 165 об.)

Муравьевы Никита и Александр Михайловичи.

*) «за матерью его, жительствующею в С.-Петербурге... имеется в Ямбургском уезде недвижимое имение, в 75-ти душах мужеска пола состоящее». (Вед. упр. с.-пет. губ. первой половины осени 1826 г., — л. 74.)

Муравьев, Артамон.

*) Никита, Александр и Лев.

**) «...Муравьева имеет собственных крестьян 40 душ, которые состоят под залогом в государственном заемном банке, и... она после мужа заплатила долгов до 50 т. рублей, а теперь находится в недостаточном состоянии и содержит себя с детьми помощью свекра своего...» действительного статского советника Захария Муравьева, «у которого и ныне с детьми жительство имеет» в деревне Большое Теребово, куда она переехала из С.-Петербурга 11 августа 1826 г. (Свед. с.-пет. воен. ген.-губ. от 15 окт. 1827 г., № 6925, — л. 289 об.)

***) «В сельце Больших Теребонях» (Теребенях). (Сп. с дон. новг. гр. губ. от новг. земск. испр. от 26 н. 1826 г., № 568, — л. 261.)

Муравьевы-Апостолы, Сергей и Матвей.

*) «В селе Бакумовке» (Полтавской губернии в Миргородском повете). (Вед. полт. гр. губ. от 21 янв. 1827 г., № 288, — л. 155 об.)

**) «в селе Обуховке». (Там же, — л. 155 об.)

Назимов.

*) «В полусельце Седновщине... дом в порядочном содержании хозяйства, и хлебопашество в хорошем положении... от крестьян ее жалоб никаких не было...» (Сп. с дон. новг. гр. губ. от демян. зем. испр. от 5 янв. 1827 г., № 49, — л. 258 об.)

Панов.

*) У родного брата Панова, поручика Дмитрия Алексеевича, в имений в Боровском уезде «прислуга порядочная из собственных людей; крестьяне состоят на пашне, хозяйственным образом обрабатываемой, и при таковом распоряжении за собственным продовольствием поступает иногда некоторое количество хлеба в продажу. Домашние обстоятельства Дмитрия Панова представляются в столь же хорошем виде»... (Зап. калуж. гр. губ., конец осени 1826 г., — л. 160 об.)

Пестель.

*) «Сельцо Васильево с деревнями»... (в Смоленской губернии). (Зап. ген.-губ. от 24 янв. 1827 г., № 211, — л. 167 об.)

Повало-Швейковский.

*) «В сельце Буловицах с деревнями»... (Зап. ген.-губ. от 24 янв. 1827 г., № 211, — л. 164 об.)

**) «Общего с семейством» осужденного «ничего не имеет, жительствует в городе Рязани». (Вед. рязан. гр. губ. от 7 янв. 1827 г., № 126, — л. 188.)

Поджио, Александр и Иосиф.

*) «В селе Яновке».

**) «И тремя дочерьми».

***) «В селе Яновке, числящемся за майоршею Поджио...» (Сп. киев. гр. губ. от 17 окт. 1826 г., № 8799,—л. 48 об.)

П у щ и н ы, И в а н и М и х а и л.

*) У него недвижимое имение Паричи (в Минской губ. в Бобруйском повете). (Зап. цесар. от 27 дек. 1826 г.,—л. 121 об.)

«Отец состояния хорошего, но по хозяйству ничем не занимается и начинает придерживаться крепким напиткам». (Вед. с.-пет. обер-полиц., первая половина осени 1826 г.,—л. 66.)

С п и р и д о в.

*) Другой брат его «в отставке статский советник Алексей...» (Свед. с.-пет. полиц. от 4 июля 1827 г., № 4241,—л. 95 об.)

«Тетка его, вдова генерал-майора, Александра Григорьевна Циммерман и двоюродный брат камер-юнкер Алексей Алексеевич Спиридов живут в Москве, домашние обстоятельства их в хорошем положении». (Сп. моск. воен. ген.-губ. от 17 мар. 1827 г., № 821,—л. 216.)

С у т г о ф.

*) «...домашние его обстоятельства подробно не известны; в семействе его одна жена». (Отв. твер. гр. губ. от 20 окт. 1826 г., № 11870,—л. 50 об.)

Т и з е н г а у з е н.

*) «Имеет от роду более 70 лет».

**) «Отто... титулярный советник, служит при водяной коммуникации в г. Твери». «Филипп, он также и Богдан... полковник, служит при комитете поселенных войск, от роду 41 г.».

***) «Василий или Вильгельм... от роду 47 лет... содержится ныне в здешней крепости». «Писем же он, Василий, к отцу своему по стечению разных обстоятельств около двух лет не писал.» (Личн. показ. В. Тизенгаузена от 5 янв. 1827 г.,—л. 131 об.)

Т р у б е ц к о й.

*) ...за мачихой его княгинею Марьею Трубецкой, 316 душ...» (Отв. ниж. в. губ. от 17 мая 1827 г., № 3651,—л. 107 об.)

**) Князь Александр «состояния посредственного». (Свед. с.-пет. полиц. от 4 июля 1827 г. № 4241,—л. 91.)

***) «...состоит в Нижегородском уезде крестьян за князем Петром 214, князем Александром 228, да в Орловской губернии за каждым из них имеется до ста душ, да за женою же первого в Киевской губернии весьма незначительное состояние, и особенно при нескольких человеках детей...». (Отв. ниж. в. губ. от 17 мая 1827 г., № 3651,—л. 107.)

****) «... по показанию двоюродного брата их отставного штабс-капитана князя Сергея Трубецкого недвижимого родительского имения в Орловской и Нижегородской губерниях до тысячи душ...». (Сп. орлов. гр. губ. от 9 фев. 1827 г., № 1971,—л. 200.)

«Все же имение сие князей Трубецких, находящееся в Нижегородском уезде, состоит на оброке и государственные подати платят бездоимочно». (Отв. ниж. в. губ. от 17 мая 1827 г., № 3651,—л. 107 об.)

«...за графиней же Потемкиной имеется 60 душ, состоящих в здешней губернии. Впрочем, хотя муж ее и имеет значительное состояние, но все оное по долгам его, едва ли не превышающим все имение, состоит в опеке. и она ныне находится в крайнем положении, едва имея во флигеле недостроенного дома для прожития своего три небольшие комнаты...». (Там же.)

В рукописи: слова «муж ее» «и она» подчеркнуты карандашом, и карандашом же сделано примечание на полях: «Кто, ежели Потемкина, то она живет в Москве, и положение ее в хорошем виде, как удостоверяет военный генерал-губернатор».

«...за князем Никитою по Нижегородской губернии ничего не состоит, а уповательно, что в Орловской губернии имеет он равную часть с братьями своими, как наследие после отца и деда...». (Там же.)

*****) «...князь Никита... отцовского имения в Орловской губернии имеет до 80 душ». (Сп. орлов. гр. губ. от 9 февр. 1827 г., № 1971,—л. 200 об.)

Т у р г е н е в.

*) «Двоюродная тетка его, дочь генерал-поручика Александра Ильинишна Нефедьева, живет в Москве, домашние обстоятельства ее в хорошем положении». (Сп. моск. воен. ген.-губ. от 17 мар. 1827 г., № 821,—л. 232 об., л. 233 об.)

Т ю т ч е в.

*) «...домашние обстоятельства» Тютчевых «в посредственном положении». (Сп. моск.-воен. ген.-губ. от 17 мар. 1827 г., № 821,— л. 217.)

Ф а л е н б е р г.

*) Жена Фаленберга живет в городе Воронеже «для излечения своей болезни... пособия в содержании себя от него она не получала, ибо у него, кроме жалованья, имущества никакого не было». (Свед. воронеж. гр. губ. от 23 н. 1826 г., № 11669, л.—210 об.)

** Из сыновей Раевского Андрей «служит по квартирмейстерской части и находится в Виленской губернии», а Александр «из Рижского пехотного полка прикомандирован лейб-гвардии в Преображенский полк...». (Там же.)

*** Родной же брат осужденного, майор Фаленберг, «не имея ни наследственного, ни собственного имения по отставке из военной службы, где содержал себя жалованьем, жительствует Воронежского уезда в имении жены своей, имеющей 13 душ и до 300 десятин земли, из доходов с имения сего содержит себя, жену и двоих детей своих,— от брата же, бывшего подполковником Фаленберга, пособия в содержание никакого не получал». (Там же,—л. 210 об., л. 211.)

Ф о к.

*) В деревне Барейшеве; эти 20 душ крестьян «между детьми, кроме двух замужних дочерей, следуют к разделу»... (Отв. вят. гр. губ. от 25 авг. 1826 г., № 3285,— л. 33.)

«Родитель мой, имея весьма небольшое и притом расстроенное имение, обременен семейством»... (Личн. показ. Фока от 29 сент. 1826 г.,—л. 118).

Ф о н-д е р-Б р и г е н.

*) В селе Понуровке.

**) «...имения же ей и мужу ее принадлежащего по здешней губернии нет...». (Рап. малоросс. воен. губ. от 21 янв. 1827 г., № 288,—л. 153 об.)

Ф о н-В и з и н.

*) «Имеет... двух малолетних сыновей, из коих один живет в Москве в доме отца, а другой с матерью в Петербурге...». (Сп. моск. воен. ген.-губ. от 17 мар. 1827 г., № 821,— л. 220 об.)

**) «Иван Александрович Фон-Визин вдов, имеет малолетнего сына: жительствует в Москве...». (Вед. ряз. гр. губ. от 7 янв. 1827 г., № 126,—л. 189 об.)

«...отец их... уже умер». (Там же.)

«...мать его...—Катерина Михайлова дочь»; родители Фон-Визиных умерли: отец «назад тому семь», а мать «пять лет...». (Вед. тамб. гр. губ. от 4 янв. 1827 г., № 35, — л. 205.)

После смерти родителей наследниками остались Михаил и Иван Александровичи Фон-Визины «...имение между ими разделено, из которого достались вотчины Михайлу, как... староста Исаев сведением изъяснил, в Костромской и Московской губерниях, но в каких уездах и сколько имянно душ неизвестно, а Ивану Фон-Визину в губерниях: Рязанской—в Ряжском, Московской—Бронницком, Тверской — Калязинском и Тамбовской — Козловском уездах, и из коих в последнем состоит в селе Ивановском по окладу 7-ой ревизии 158 душ; в прочих же вышепоказанных уездах, сколько имянно душ крестьян, неизвестно». (Там же,— л. 205 об.)

За Мих. Фон-Визиным «обще с братом его полковником Иваном Фон-Визиным Ряжского уезда в селе Озерках 424 д., да за отцом их полковником

Александр[ом] фон-Визиным того ж уезда в деревне Теремках, Красный Куст тож 273 души». (Вед. ряз. гр. губ. от 7 янв. 1827 г., № 126,— л. 189 об.)

***) За тестем Фон-Визина Дмитрием Апухтиным состоит имения 70. За женою его Мариею Павловою 199». (Отв. костр. гр. губ. от 30 н. 1826 г., № 8749, — л. 89 об.)

Ф у р м а н.

*) «Родной брат статский советник Роман Федорович; в Санкт-Петербургском уезде по Выборгской дороге в недавнем времени куплено им строение, жительство всегдашнее имеет в С.-Петербурге». (Вед. упр. с.-пет. губ., первой половины осени 1826 г., — л. 73 об.)

**) «...оказался в городе Кишиневе родной старший брат сосланного в Сибирь на поселение... Андрея Фурмана титулярный советник Александр Фурман. Он служит бессарабским областным контролером, женат, имеет малолетних детей, двух мужеского и одно женского пола. Недвижимого имения у него нет; числятся же на нем значительные для его состояния партикулярные долги». (Отв. новоросс. ген.-губ. от 26 мая 1827 г., № 360, — л. 267.)

Ч е р к а с о в.

*) «...по Козловской округе в деревне Иловае... жительство ж имеет он Тульской губернии Бельского уезда в деревне Волотке». (Вед. тамб. гр. губ. от 4 янв. 1827 г., № 35, — л. 206 об.)

Ч е р н ы ш е в.

*) В Ряжском уезде, в селе Третотине. (Вед. ряз. гр. губ. от 7 янв. 1827 г., № 126, — л. 189.)

**) По сведениям задонского уездного предводителя дворянства, «...в Задонском уезде.... есть имение, принадлежащее графу Григорию Ивановичу Чернышеву...». (Свед. воронеж. гр. губ. от 23 н. 1826 г., № 11669, — л. 211.)

***) В Рогачевском повете. (Зап. ген.-губ. по Могилев. губ. от 15 мая 1827 г., № 1833, — л. 176 об.)

Ч и ж о в.

*) «Мать... Прасковья Матвеевна... имеет жительство Чернской округи в селе Покровском...». (Сп. тул. гр. губ. от 29 окт. 1826 г., № 15462,—л. 194.)

**) «Петр 19-ти, Павел 17-ти, Дмитрий 15-ти, Михаил 13-ти лет». (Донесение тул. гр. губ. от 27 н. 1826 г. за № 16858, — л. 198.)

Ш а х и р е в.

*) Отец Шахирева жил в Одессе, где он и умер в 1819 г. После смерти имение его перешло во владение надворного советника Вейса, со смертью которого оно поступило в распоряжение опекуна — надворного советника Дитрихса. По требованию полиции Дитрихс представил квитанцию почтовой конторы об отправке в город Ряжск письма к Шахиреву с деньгами 920 р. и векселем в 5.000 руб. (Отв. одесс. гр. губ. от 14 февр. 1828 г., № 5222, — л. 293 об.)

Ш а х о в с к о й.

*) «Недвижимое имение, в коем они жили, принадлежит» жене Шаховского, «заключается в 453-х душах и состоит в Ардатовском уезде... имение сие обременено долгами.., жена Шаховского, после осуждения мужа ее, отправилась в Москву к отцу своему полковнику князю Дмитрию Щербатову». (Вед. ген.-губ. Бахметьева от 1 дек. 1826 г., № 2342, — л. 101 об.)

«Раненбургский уездный предводитель дворянства объяснил, что жена Шаховского, урожденная княжна Щербатова, внучатная племянница г-ну коллежскому ассесору Лопухину, который жительство всегда имеет в... Москве и имеет за собою недвижимого имения Рязанской губернии в уездах: Раненбургском 387, Ряжском 457, Пронском 133, Данковском 160 душ, да неизвестно ему сколько в Касимовском и в Тамбовской, Тульской, Московской и Ярославской губерниях. Г. Лопухин, сколько известно ему, г-ну предводителю, женат на бывшей крепостной своей девке, детей не имеет». (Вед. ряз. гр. губ. от 7 янв. 1827 г. № 126, — л. 188 об.)

**) У самого Шаховского имение небольшое и расстроенное»... (Сп. моск. воен. ген.-губ. от 17 мар. 1827 г., № 827, — л. 221 об.)

В переписке оказалось нижеследующее «объяснение» кн. Ф. П. Шаховского, собственноручно им самим написанное (л.л. 188—191).

«На сделанные мне вопросы имею честь представить следующие объяснения:

Отец мой, тайный советник князь Петр Иванович Шаховской, живет в имении своем Псковской губернии Холмского уезда в селе Заостровье; от роду 65 лет; здоровье его весьма расстроено, и припадки хронической застарелой болезни часто усиливаются до опасной степени. Имение отягощено долгами; главною сему причиною служит продолжительное нерешение дел его; в числе которых взыскание с господина Арбенева, по поручительству за Тарбеева, 40 тысяч рублей, по заемному письму, перешедшему еще от покойного отца, продолжается более 10 лет.

После кончины супруги своей, а моей матери княгини Анны Федоровны, урожденной княжны Щербатовой, последовавшей 2 ноября 1825 г., сочетался он вторым браком с дочерью капитана 2 ранга Матреною Михайловною Кутузовою.

При нем находится старшая сестра моя Прасковья, также вступившая недавно в замужество с доктором медицины Иоакимом Воино-Куренским. В прошлом году заложила она свое имение, состоящее в Калужской губернии из 230 душ, в с.-петербургский — 24-летний банк.

Другая сестра Катерина, при жизни родительницы нашей, выдана в замужество лейб-гвардии Гусарского полка за поручика Николая Слепцова, с награждением по данной записи 230 душ, выделенных из калужского же имения, которое после продано ею отставному подполковнику Шишкину, на условии, что, до уплаты остального капитала, отложенной на 4 года, обязан он платить за оный всякой год процентных по 5 т. рублей, с тем, что если в положенный срок полного числа не внесет, то подвергается неустойке в 5 же тысяч рублей. А как г. Шишкин в должное время уплаты не сделал, то о взыскании с него следовавших процентных с просрочкою денег производилось дело в козельском уездном суде.

По приведении дела к окончанию суд сделал вызовы для выслушания определения. Прибыв в присутствие, представил я данные мне от сестры доверенность и под объявленным мне решением подписал полное удовольствие. Решение сие, утвержденное калужским губернским правлением, основано было на приложении закона, предоставлявшего, против других частных долгов выгоду первому владельцу, от которого имение поступало продажею, почему и определено: имение Шишкина описать и отдать в ведомство дворянской опеки; а от оной назначить опекуна, с тем чтобы из собираемых доходов, уплачивая долг по опекунскому совету, остальные засим выдавать г-же Слепцовой в удовлетворение справедливого иска ее.

Долгое время спустя после сего дошло до сведения моего, что калужское губернское правление, которое прежде неоднократно понуждало суды к скорейшему окончанию дела сего и утвердило указом определение козельского уездного суда, добавив, что если бы Шишкин и объявил неудовольствие, то, несмотря на оное, привести решение в скорое исполнение, последовавшим другим указом предписало: «Опеку с имения снять и отдать оное под присмотр нижнего земского суда».

Видя, что сестра при изменении существа дела теряла обеспечение иска, решением суда ей предоставленное, обратился я с прошением к самому губернскому правлению и, объяснив все в подробности, просил восстановить прежде утвержденное определение уездного суда. Притом на земский суд приносил жалобу, что, по неоднократным предписаниям, продолжал он потворствовать Шишкину и в течение двух месяцев, не только допустил его проживать в имении, но и самовольно продавать весь хлеб и скот свой, а равно и все достояние и последнее имущество крестьян. О сем в бытность мою в Козельске объявлял я земскому

суду и просил остановить разорение имения, на котором основано обеспечение казенного и частного долга; притом доводил до сведения оного, что Шишкин отправляет обоз с последним хлебом для продажи в Калугу, но и против сего суд никаких мер не принял, — и уже по прибытии обоза в город Козельск, был оной оставлен градскою полициею и сдан суду для возвращения в имение. Сим кончилось хождение мое по делу сестры, и сделано ли было что в пользу ее, мне неизвестно. Между тем, проживая в С.-Петербурге с малым доходом, вошла в большие долги и решилась она, взяв с собою детей, отправиться в Москву, до устройства же дел для житья предлагал я ей мою деревню, от столицы в пятидесяти верстах расстояния; после отъезда ее не получал от нее никаких известий.

В 1819 году в ноябре месяце вступил я в супружество с дочерью полковника, князя Дмитрия Михайловича Щербатова, княжною Наталиею, и в декабре, отправились мы в С.-Петербург по назначению меня к г. генерал-лейтенанту Паскевичу, в адъютанты из 38-го егерского полка, куда перешел в 1817 из лейб-гвардии Семеновского. Через год получили мы из имения жены моей известие, что в селе Ореховце выгорело 60 дворов со всем крестьянским имуществом. В сем несчастном случае, видя себя в необходимости дать помощь погорелым, а равно, с прекращением большей части дохода, лишась средства иметь достаточную сумму для расходов, по дорогому житью в Петербурге, принуждены были сделать значительные долги, для уплаты которых впоследствии заложили имение в с.-петербургский опекунский совет. От родителей своих я никакого награждения не получил по женитьбе, и все имение наше состояло в 420 душах, поступивших в приданое за женою моею, находящихся: в Нижегородской губернии Ардатовского уезда в селе Ореховце и Арзамасского, в селах: Кузьмине и Слизневе.

Во время расположения главной квартиры гвардейского корпуса в Витебске, по усилившейся хронической болезни, перешел я опять во фронт и по прежде поданному прошению уволен в отставку. По необходимости привести имение в порядок и устроить дела отправились мы в село Ореховец, где положили основать место нашего жительства.

Прибыв туда, нашли мы крестьян в великой бедности и, желая облегчить их и дать средства к поправлению их состояния, положили значительный капитал, обратив часть оного на усовершенствование их хлебопашества и хозяйственных заведений. Вскоре общий доход их увеличился. Экономические поля и некоторые мирские доходы: с почтовой гоньбы и постоялых дворов ежегодно составляют капитал, который обеспечивает плату податей и сбор магазейного хлеба и, который, увеличась впоследствии, принесет большую пользу как при рекрутской повинности, так и в несчастных случаях, могущих навлечь разорение крестьянского достояния. Наделя также крестьян лучшею и ближайшею землею, по малому количеству оной, соразмерно с числом жителей, для своей пашни нанимаем в годы. С введением лучшей системы земледелия получали мы хороший доход; но в прошлом году новое несчастие постигло нас: 180 десятин крестьянского и нашего ржаного посева выбиты сильным и крупным градом, так что едва ли могли собрать по нескольку колосьев, из которых выбили часть зерен; но они оказались к посеву неудобны и употреблены на пищу. По принятым мерам, крестьяне большого расстройства не потерпели, заплатили подати бездоимочно, и с малою от нас помощью прокормились без нужды; сами же мы лишились всех средств получить достаточный доход для уплаты процентных денег в с.-петербургской опекунской совет, и в отсутствии моем жена выслала все последние, какие у нее оставались, деньги и сколько могла занять; но все было недостаточно, и уже сестра моя Слепцова, быв тогда в Петербурге, нашла средство достать нужную сумму для уплаты процентов и просрочки.

После кончины родительницы моей, последовавшей 2 ноября 1825 года, по духовному ее завещанию, поступило ко мне, за выделом сестрам моим, остальное недвижимое имение: Московской губернии Серпуховского уезда село Вер-

зилово, при котором 146 ревизских душ и Калужской губернии Козельской округи в селе Фроловском 116.

С получением сего имения достались мне следующие долги: по залогу оного в московском опекунском совете, остальных за неуплатою 32.600; частных по заемным обязательствам и за выкуп вещей старшей сестры по духовному завещанию 2 т., всего 16 т. и данных ей же от покойной нашей родительницы заемных писем на 40 т. рублей.

Сверх сего, от села Фроловского отошло более 600 десятин лучшей луговой, лесной и пашенной земли, по неусмотрительности, сделанной при написании данной записи при замужестве сестры княжны Катерины, по которой отхожая пустошь Вершинино, при общем управлении имения быв в половинном владении у крестьян деревни Сягловой, поступившей сестре, и у крестьян села Фроловского, назначенного на мою часть, «отдана ей, как по отказным книгам значится, вся без остатка».—Г. Шишкин по продаже сестрою моею имения сего, войдя во владение, причислил и дачу Вершинину (в свое владение); дело о сем, как о незаконном завладении, началось за несколько времени до кончины матери моей, и по приказанию ее ездил я в город Козельск, где, сообразя поданное от бурмистра прошение и объяснение г. Шишкина, согласное с данной записью, на основании которой написана была купчая, нашел, что он имел на сию пустошь полное право.

Между тем крестьяне оставались всего при 200-х десятинах самой дурной земли, и то в чересполосном владении, и пришли в совершенное разорение. Видя их в столь затруднительном положении, отправился я для осмотра имения и узнал, что г. Шишкин завладел значительным количеством земли в приписанной части к селу Фроловскому, в писцовой даче, общего владения моего с князьями: Голицыным и Вадбольским. С возвращением сей земли представлялось средство улучшить состояние несчастных крестьян, почему и поспешил я подать прошение в козельский уездный суд и, приложив выписки с отказных книг и духовного завещания, доказывающих право владения моего в сей даче, просил отказать оную за меня, что в скорости и исполнено; а на г. Шишкина за насильственное завладение и получаемый в три года доход обращено по сделанной оценке взыскание.

Таким образом с прошедшего года крестьяне пользуются всею землею, и хотя она отстоит в 7 верстах от деревни, но они успели посеять озимой хлеб и завели 12 десятин экономического поля. При том, для облегчения их, сложил я более третей [1]) части оброка, прежде положенного, приведя сбор оного в самое удобное время и по тому расчету, сколько следует за годовой взнос процентов по залогу их в опекунском совете.

Наконец, с большим затруднением приведя имение в некоторый порядок, решился я перезаложить оное в 26-летний банк и из прибавочных денег уплатил частные долги и употребил большую сумму на заведение хозяйства в селе Верзилове, как на поддержание строения, так и на заведение земледельческих орудий и семян луговых и овощных, ожидая, что по близкому расстоянию от Москвы, по качеству земли и по усовершенствованному севообороту, сделанные издержки возвратятся и доход может быть хороший.

За уплатою частного долга и сделанными необходимыми расходами, на приведение имения и крестьян в лучшее устройство, остается долга на имении: казенного, по залогу, 52 т. и по обязательствам, данным от покойной родительницы сестре моей, княжне Прасковье, ныне Войно-Куренской, на 40 т., что вместе составляет сумму 92 т. рублей. С искренним желанием исполнить священную для меня волю матери моей, не предвижу я возможности выплатить деньги сии доходами с имения, столь расстроенного и обременного долгами, для чего и предлагал я сестре принять в уплату село Фроловское, устроенное уже старанием моим и значительными издержками, о чем еще писал ей в конце июня месяца.

[1]) Так в рукоп.

Управление калужскою вотчиною поручено было ближайшему моему соседу, князю Петру Николаевичу Вадбольскому, а подмосковное находилось под надзором Павла Васильева, крепостного дворового человека моей сестры Войно-Куренской, образовавшегося под моим руководством в земледелии.

Сверх сего, вновь сделанного мною долга, остается: 1.000 рублей в последнее время, занятые для меня сестрою Катериною Слепцовой в С.-Петербурге, и книгопродавцу Грефу 2.500, за экземпляр Методической Энциклопедии.

Жену свою оставил я в селе Ореховце в тяжелой беременности с мучительными припадками; с нею сын наш Дмитрий на 6-ом году. Если бог укрепил силы и сохранил дни ее, то в половине сего месяца должна разрешиться от бремени. Но если ужасное несчастье постигнет меня, и последняя отрада исчезнет в душе моей с ее жизнью, то одно и последнее желание мое будет знать, что сын мой останется на руках ее семейства, в роде отца ее, князя Дмитрия Михайловича Щербатова.

Впродолжение пребывания моего в С.-Петербурге сперва получал письма от нее через дежурства главного штаба, потом через Комитет. О переведении меня в крепость я не решался ее уведомить, а последние две недели я уже, ни одного письма от нее не получил, после того, которым я, от 14 июля, уведомил ее о нашей участи и просил, чтобы она как можно скорее распорядилась взять имение мое в опеку, по малолетству нашего сына, которому оно переходит, с тем, чтобы она была опекуншею, а отец ее, примерный и строгой честности, по горячей любви своей к внуку, не откажется быть его попечителем. Сие положение, горестное и сомнительное, усиливается расстоянием 6.000 верст, отделяющим меня от родины и осиротелого моего семейства и местом настоящего пребывания моего, где кончатся все сношения и редко почта не останавливается за бурями, которые во всякое время свирепствуют на реке Енисее; одно сообщение с городами губернии, из которых ближайший Енисейск, отстоит на 1.090 верст расстояния. В месяц отходит она один раз, но приходит не постоянно, и часто два месяца, ожидая разлития реки или зимнего пути, останавливается, и, таким образом, прерываются все сношения.

Тесть мой, полковник князь Дмитрий Михайлович Щербатов, с старшею дочерью, княжной Елизаветой, живет в селе ее Рождествене, по Серпуховской дороге, в 60-ти верстах от Москвы. У него сын, князь Иван; о месте пребывания его не знаю.

Объяснение сие писал *Федор Шеховской*.

Упраздненный город Туруханск.
Октября 5 дня 1826 года.

Ш и м к о в.

*) В Кобеляцком повете. (Вед. полт. гр. губ. от 21 янв. 1827 г., № 288,— л. 155.)

Ш т е й н г е л ь.

*) Согласно ее показанию, данному ею воронежскому полицеймейстеру, «осужденный ее брат Штейнгель доставлял ей с тремя малыми детьми и семейством на содержание, кроме одежных вещей, деньгами ежегодно до тысячи рублей и ныне, по малополучаемому мужем ее жалованью, терпят они недостаток в пропитании и в воспитании детей — через потерю означенного пособия брата ее». (Свед. воронежск. гр. губ. от 23 н. 1826 г., № 11669, — л. 212 об., л. 213.)

**) В Лифляндской губернии — мызу Веймастфер, в Эстляндской губ. — мызу Пастфер.

«...он всегда деятельно занимался сельским хозяйством, и хотя на имениях его состоят долги, но за всем тем, нельзя его считать неимущим». (Свед. риж. ген.-губ. от 5 н. 1826 г., № 1327, — л. 57.)

Щ е п и н-Р о с т о в с к и й.

*) «...в Романов-Борисоглебском уезде в сельце Илькине и деревнях Полянах и Барсовлеве числится за умершим отцом... преступника князем Александром

Ивановым Щепиным-Ростовским 33 души мужеска пола, которые ныне состоят под опекой». (Сп. яросл. гр. губ. от 28 мар. 1827 г., № 2434, — л. 245 об.)

Опека же над этими крестьянами была учреждена в 1826 году «по определению губернского правления, в которое вотчинный их староста Иван Федотов входил с просьбою о разрешении, кому повелено будет за ссылкою помещика их... князя Дмитрия Щепина-Ростовского платить взносимой крестьянами оброк, и о предписании, дабы исправлялись теми крестьянами господские работы не упустительно. Но как... уездный суд определил быть всему имению его в присмотре и распоряжении земских судов, то и существование над теми крестьянами опеки должно прекратиться». (Отв. яросл. гр. губ. от 26 мая 1827 г. № 4129, — л. 249 об.)

«По сказкам последней ревизии за ...сыном ее Дмитрием Щепиным-Ростовским в здешней губернии нисколько крестьян не состоит, но числятся оные за умершим отцом его князем Александром Щепиным-Ростовским, после коего оный Дмитрий остался единственным наследником всему имению, а... мать его... участницею в оном по следующей ей 7-й части. Имение же то, после князя Александра сыну его Дмитрию в наследие оставшееся... состоит в двух губерниях: Ярославской и Костромской, как-то: в первой, Ярославского уезда в сельце Осинове господский дом с принадлежащею усадебною, пахотною и сенокосною землею и лесными дачами, да крестьян в сельце Кочебине 9, в деревнях: Софронихе 20 и Раменье 35 мужеска пола душ, из коих сии последние 35 душ по учиненному... князем Дмитрием Щепиным-Ростовским под залог их на 1824 году из государственного банка займу 7.000 руб. ассигнациями состоят в... залоге... и по неплатежу с того времени долга... описаны для продажи... Романово-Борисоглебского уезда в сельце Илькине 27, Борсловлеве [sic] 3 и Полянах 3 же души, Рыбинского уезда в сельце Юркине и деревнях Андронове и Кошелеве пашенная с лесы и сенными покосы земля. А в... Костромской губернии Макарьевского уезда в деревнях Павлицыне и Вятках 17 мужеска пола душ и принадлежащие к оным селениям отхожие пустоши... после ссылки... Дмитрия Щепина-Ростовского за преступление выказались наследниками именующие того Дмитрия правнучатным себе племянником мышкинские помещики: артиллерии подпоручик князь Ипполит, подпоручик князь Алексей и поручик князь Михайло Яковлевы Щепины-Ростовские... почему уездный суд... распорядясь о вызове чрез газеты прочих наследников, определил имение то взять в присмотр и распоряжение местных земских судов с тем, чтобы собираемые с него доходы, кроме 7-й части, до окончательного рассмотрения дела отсылать в приказ общественного призрения, вручая 7-ую часть матери его... княгине Щепиной-Ростовской... Сверх того... Дмитрию доводилось... от умершего родного брата его Николая имение Ярославского ж уезда в деревне Палюхах, из 19 душ состоящее, доставшееся сему последнему по записи от бабки княгини Авдотьи Борисовой Щепиной-Ростовской, на которое выказывает право наследства княгиня Анна Николаевна Вяземская, но оное имение по просьбе... матери Дмитрия уездным судом заключено отдать в пожизненное владение ей, княгине Ольге, с тем, чтобы она во время... владения продать, заложить и иным образом перевесть никуда не могла, а по смерти ее обратить в род наследников... (Отв. яросл. Гр. Губ. от 26 мая 1827 г., — л. 247 об., л. 248, об., л. 249.)

При переписке о Щепиной-Ростовской имеются два ее прошения: а) ярославскому гр. губ. Бравину и в) гр. Татищеву (л. 250, л. 252 об.)

Ю ш н е в с к и й.

*) Имение Хрустово.

**) Родные Юшневского... не имея собственного имения, жили» в Хрустове «на попечении и содержании... Алексея Юшневского». (Зап. цесар. от 27 дек. 1826 г., — л. 129.)

Я к у б о в и ч.

1) «...и при них достаточное количество недвижимого имения». (Вед. полт. гр. губ. от 21 янв. 1827 г., № 288, — л. 154 об.)

Якушкин.

*) «Мать его... имеет крайность, ибо она прежде сего получала от сына пособие в содержании». (Зап. ген. губ. по Смол. губ. от 24 янв. 1827 г., № 211,—л. 165.)

Янтальцев.

Согласно показанию ирбитских мещан Никифора и Алексея Янтальцевых, «родственник их Андрей Васильев Янтальцев служил некогда по артиллерии штабс-капитаном», при этом показании Янтальцевы сделали оговорку: «но, не знав его лично и не имея с ним никаких сношений, показать не могут, тот ли самый Янтальцев, который показан в списке преступников»... (Отв. перм. гр. губ. от 28 сент. 1826 г., № 8409, — л. 35 об.)

«Мать по слухам находится в С.-Петербурге, имея там умеренное состояние и 4-х малолетних детей...» (Зап. цесар. от 27 дек. 1826 г., — л. 124 об.)

Из записной книжки архивиста.

Из правительственных настроений в эпоху 1-й Государственной Думы.

В достаточной мере общеизвестен тот факт, что после созыва 1-й Государственной Думы в правительственных кругах царило смятение. Думу надо было распустить, и в то же время господствовало опасение, что ее роспуск может повести к новому взрыву революции. Эти опасения соответствовали и надеждам революционных кругов на новый подъем движения. Последние нашли себе довольно четкий отзыв в современной публицистической литературе; для характеристики первых — материал сравнительно скуднее, хотя в архивах можно найти не один документ весьма панического содержания. Нижепубликуемая выписка из письма, написанного начальницей Елизаветинского института в Петербурге, Марией Львовной Казим-Бек, 15 июня 1906 г. (адресовано в Казань, Родионовский институт, П. А. Казим-Бек), именно и характерно для подобных настроений — оно передает настроения имп. Марии Федоровны, как-никак все же отражавшей царившие в правительственных кругах взгляды.

Письмо сохранилось в копии, среди перлюстрированных писем департамента полиции [1]).

«Сейчас вернулась из Гатчины. Грустно, ужасно грустно было. Глядя на добрые, ласковые глаза императрицы, думала: не в последний ли раз сижу у нее. Очевидно, и у нее была та же мысль, и она вдруг сказала: «Когда это мы вновь увидимся, и увидимся ли? И будет ли существовать этот прекрасный гатчинский дворец, который я так люблю?» Очень долго императрица продержала меня, много говорила о нашем институте, обещала многое, но ко всему этому примешивалась полная неуверенность в завтрашнем дне. «Боже мой, что сделали из России в столь короткий срок!» — воскликнула императрица. — «Верите ли вы, что бог покинул нас? Я уповаю лишь на бога, на бога одного, и не надеюсь более ни на кого. Ни на кого!», с ударением повторила она. Рассказывала она подробно о дне 27 апреля. «Как ужасны депутаты, и когда кричали «ура», они закрыли рты, я хорошо это видела». Но больше всего волнует императрицу возмущение в Преображенском полку. И действительно, пока гвардия была верна, еще была надежда, а теперь? Что касается до меня, я уверена, что к осени монархия исчезнет, ненадолго, очевидно, к монархии вернутся, после того как перешагнут через анархию, но теперешний режим будет разрушен не на шутку»...

Сообщил *С. Валк.*

К истории аграрных мероприятий 1906 г.

(Великие князья и удельные земли) [1]).

Тотчас после роспуска 1-й Государственной Думы Столыпин, как известно, приступил к проведению ряда аграрных мероприятий, крупнейшим из которых был указ 9 ноября, а первым — высочайшее повеление

[1]) Ленинградский Центр. Истор. Арх., Архивохранилище № 1, архив деп. под., особ. отд., 1906 г.

12 августа о передаче крестьянскому поземельному банку удельных земель. Согласно этому повелению, крестьянскому банку передавались «состоящие в сельскохозяйственном пользовании удельные земли», с некоторыми в отношении к ним оговорками, и не передавалась, за несколькими, в свою очередь, малозначительными оговорками, лесная удельная площадь. Практическое значение этого акта оказалось ничтожным, что можно было и предвидеть. Витте в своих воспоминаниях (II, 314), говоря о повелении 12 августа, так его и оценивает: «продажа удельного имущества... по сравнительной незначительности этого имущества не могла принести никакой существенной пользы крестьянам». Однако в деле была и другая сторона. Оброчных статей среди удельных земель было 1,9 милл. десят., из них до 1 июля 1913 г. крестьянскому банку было передано 1.245.000 дес. Продано же было к 1912 г. лишь 19% переданного банку удельного фонда. Очевидно, условия передачи здесь не мало сказались. Витте в указанном месте, там, где у нас поставлено многоточие, отчасти вскрывает эту вторую сторону акта: эта продажа, говорит он, «конечно, значительно уменьшила обеспечение царствующего дома.» Нижепубликуемые два письма несколько вскрывают борьбу, которая велась вокруг условий передачи удельных земель банку в среде великих князей, а отчасти и правительства, и в этом состоит их существенный интерес.

Первое из писем принадлежит Николаю Михайловичу и написано под свежим впечатлением заседания, в котором он участвовал (письмо на французском языке, русские вставки заключены в звездочки; адресовано кн. Е. Барятинской, Мариенбад; отправлено из Петербурга 10 августа); второе письмо написано, очевидно, не участником заседания (оно подписано буквою «Д») и передает ходившие по поводу него слухи (адресовано гр. Толстой, Берн; отправлено из Петербурга 21 ноября).

Упоминаемые в первом письме: полковник—царь; Васильчиков — кн. Борис Александрович, главноуправляющий землеустройством и земледелием; барон-Фредерикс В. А., министр двора; Кочубей — кн. Виктор Сергеевич, и. д. начальника главного управления уделов; Владимир — в. к. Владимир Александрович; Дмитрий — в. к. Дмитрий Константинович.

1.

Письмо Николая Михайловича.

Однообразие существования здесь длится и было нарушено для меня лишь вчера, когда мне пришлось отправиться на заседание в Петергоф. Пригласили всех великих князей, Столыпина, Васильчикова, Коковцева, барона, Кочубея. Полковник председательствовал. Обсуждался вопрос о возможных милостях для крестьян удельных земель. Заседание длилось три часа. Были очень откровенны и с одной и с другой стороны, временами обсуждение становилось оживленным, и, в конце концов, пришли к решению, которое, на мой скромный взгляд, является лишь полумерой и никого не удовлетворит. *Решено передать в пользование крестьян 1.800.000 десятин земли, не даром, а помощью операции с Крестьянским банком.* Это будет объявлено на-днях официально, *как высочайшее повеление*, министру двора.

С моей стороны, я поддерживал тезис о более широкой реформе, т.-е. о передаче всех земель (*помощью постепенного выкупа*), чтобы действие закона оказалось более ощутительным для крестьян. Я был поддержан только Столыпиным и вел. князем Дмитрием, и мой план не был принят из-за оппозиции других вел. князей, Фредерикса и Кочубея, которые противоставляли моему предложению *убытки, которые понесут великие князья*, т.-е. мы получили бы из-за моего плана лишь половину нашего содержания. Будучи врагом полумер, я не вижу реальных результатов принятого плана.

Заседание было очень спокойным, все были в хорошем настроении, обсуждение очень свободное, и наш дорогой Владимир имел случай сказать довольно жесткие истины о ведении наших дел министру двора и Кочубею.

2.

Из письма Д.

Интересно было заседание, под председательством государя, всех наличных великих князей и некоторых министров по вопросу об отчуждении удельных имуществ. Влад. Алекс. нападал на управление уделами, требовал отчетов и кричал. Против намека на безвозмездное отчуждение все высочайшие энергически восстали. Многие указывали, что на удельные суммы приобретают имения в личную собственность государя, тогда как эти суммы должны расходоваться на императорскую фамилию, что в удельных имениях делают великим князьям затруднения при желании их там остановиться, и делали намеки на желательность отчетности перед великокняжеской коллегией. Словом, и их коснулось «освободительное движение».

Сообщил *С. Валк.*

Из писем ген. Н. Н. Левашова А. Н. Куропаткину.

Печатаемые два письма ген. Н. Н. Левашова к ген. А. Н. Куропаткину [1]) показательны для тех настроений, которые вызывались событиями 1905 года в высших военных сферах. Ген.-лейтенант Ник. Ник. Левашов (род. в 1848 г.) был в 1905 г. начальником управления военных сообщений генерального штаба, а потом членом от военного министерства в совете по железнодорожным делам. Будучи близким лицом к А. Н. Куропаткину, который находился тогда в действующей армии, он извещал его о том, что делалось в Петербурге. В первом письме, под свежим впечатлением октябрьской забастовки и манифеста 17 октября, Левашов негодует, что «конституция вырвана, в сущности, улицей, грязной улицей». Как видно, автор писем принадлежал к числу тех сановников, которые не прочь были бы выбросить в свое время какую-нибудь кость, чтобы этим путем удержать самодержавие: в этом смысле он пишет о необходимости — созвать Думу, «как бы несовершенна она ни была», и в решении вопросов о войне и мире «опереться на решение народа». Такую «куцую» конституцию он почему-то систематически называет «социальной реформой». Второе письмо писано после подавления московского восстания, когда контр-революционеры могли вздохнуть с некоторым облегчением, предвидя спад революционной волны. В дальнейшем надежды Левашова и ему подобных возлагались на местные власти, «которые, слава богу, стали разбираться в вопросе и везде... стали прибегать к крайним, решительным мерам». «Я думаю, что, если не сдаст суд и юстиция, то с открытым мятежом можно считать покончennым». Как известно, они «не сдали».

Небезинтересны те характеристики поведения С. Ю. Витте и П. Н. Дурново в совете министров, которые делает Левашов в качестве очевидца.

М. Клевенский.

[1]) Архив Окт. Рев., особый отдел.

1.

31/X 1905.

Дорогой и глубокоуважаемый Алексей Николаевич.

Только 10 октября вернулись мы из-заграницы, а через два дня началась знаменитая всеобщая забастовка, результатом которой был манифест 17 октября. За границей, перед самым выездом из Монако получил я ваши дорогие строки, так как А. Ф. Забелин, приехавший сюда после моего отъезда, позабыл о письме и больше месяца держал в кармане пальто. Позвольте мне от всей души, сердечно и искренне обнять и поблагодарить вас, и за себя и за жену, за ваши добрые и ласковые слова, которые вызвали у меня невольную радостную слезу; поверьте, дорогой Алексей Николаевич, что то искреннее чувство, кото-

рое у нас к вам, не лицемерно и не преходяще и что до конца наших дней оно устоит, несмотря ни на какие превратности судьбы. —Второе ваше письмо относительно Мих. Ив. Гаврилицы получил недавно. Пытался его провести на Кавказ, где очистилась вакансия зав. передв. войск. Палицын соглашается, но все мои хлопоты разбились об упрямство Грязнова, под флагом наместника стоявшего за своего кандидата Стасенко. Дело дошло даже до доклада государю, но он принял сторону Воронцова, указав, что в переживаемые смутные дни на Кавказе нельзя ему мешать в выборе. Буду иметь Мих. Ив. в виду, но пока вакансий нет, так как все освободившиеся замещены молодежью во время войны.

За эти три недели свершилось так много событий в России, что описать всего в письме и нельзя; да вы, наверное, уже в курсе дела из телеграмм и газет. Трудно даже и разобраться как следует в событиях — так они головокружительно быстры. Мое личное мнение, что как ни нужна была социальная реформа для России, ее надо было даровать раньше и в другой форме и обстановке. Я всегда был того мнения, что надо было созвать Думу давно, — год тому назад, не увлекаясь тонкостями канцелярских проектов; надо было и вопрос о мире или войне решать не правительству единолично, а опереться на решение народа в лице Думы, как бы несовершенна она ни была на первое время. А теперь конституция вырвана в сущности улицей, грязной улицей; небольшая в сущности кучка, но хорошо, правда, организованная, крепко-сплоченная, крайняя партия, в которой зеленый кант путейский играл одну из выдающихся ролей, путем грубого насилия всеобщей забастовки напугала правительство и вырвала нужный ей акт. Грозят открыто новыми забастовками, так как все крайние элементы не довольны, открыто проповедуют социал-демократическую республику. А сверху — бессилие правительства. С. Ю. Витте, главный, конечно, автор государственного переворота, открыто признается, что из пяти стоящих перед ним кресел, он еще не пригнал по своему сиденью ни одного, — мне непонятен. Казалось бы, когда он шел на то, чтобы сделаться фактической главой государства, ему надо бы заранее было наметить это кресло. Старые министры ушли, — новые являются только новыми по фамилиям, ибо это все те же чиновники, признавшие для себя удобным сесть на министерские, новые, обрубленные и общипанные, министерские троны. Очевидно, что дело от этого выиграть может очень мало. Все вместе взятое не только не улучшает положение дела, но с каждым днем его ухудшает. Финляндия, за которую Бобриков принес на алтарь отечества искупительную жертву, благодаря политике Оболенского, уже почти откололась от России, Польша накануне этого. Кавказ хуже, чем был до покорения его, все школы пустуют, а на юге и на востоке уже разгуливают вооруженные шайки, следы которых обозначаются пожарами, грабежами помещичьих усадеб. А сверху все ничего определенного, кроме каких-то правительственных слезниц. Мое глубокое убеждение, что прежде, чем давать неподготовленную конституцию, надо было проявить силу правительства, потушить пожар, — и это было вполне возможно, — и уже тогда приступить к социальной реформе, которую вызывал естественный рост государства. Эти дни был слышен один только твердый голос Трепова, и благодаря ему Петербург пережил относительно спокойно свои черные дни. Теперь и этот камертон замолчал. Невольно закрадывается мысль, что во всем этом много виноват тот, кто ныне у кормила правления. — Он был вдохновителем болтовни Мирского, — а с этого началось все. Конечно, теперь дело дошло до такой точки, что каждый истинный гражданин должен желать и помогать современному правительству внести и установить хоть какой-либо порядок, но думая, что с упрочением Думы ей придется серьезно подумать о более существенных преобразованиях, не исключая и личного

состава того, что ныне представляет, из себя правительство. Свобода слова имела пока последствием, что с 22 октября народилась литература настолько мерзкая, что противно даже взять в руки органы так называемой либеральной прессы; настолько там тенденциозной грязи, извращения фактов, умышленной лжи, — все с целью пропаганды крайних мнений.— Вы сами увидите то, что ныне пишется.

Под влиянием забастовки спуталось все наше обратное движение. Когда вновь наладится — трудно даже и сказать.

Сегодня у нас обедал Иван Иванович Шевалье; многое он нам передавал из виденного и пережитого, сообщил нам и свежую весточку о вас, дорогой Алексей Николаевич. Порадовались мы, что вас можно ожидать в половине декабря. Не хочу скрывать от вас, глубокоуважаемый Алексей Николаевич, что вам надо твердо приготовиться встретить здесь больше врагов, чем друзей. Уже в лице Ник. Ник., занявшего пост главнокомандующего, здесь вы встретите лицо, враждебно к вам настроенное, а он теперь особенно persona grata. — Найдутся и другие не только в мире гражданском, но и военном. — Считаю лучше предупредить вас об этом.

Александру Михайловну и Леню видел вчера. Леню вы не узнаете: вырос, возмужал, пажеский мундир очень к нему идет.

Жена просила вас сердечно приветствовать со скорым, бог даст, возвращением.

Позвольте мне крепко вас обнять и еще раз поблагодарить за ваше доброе к нам расположение.

Искренне преданный и глубокоуважающий *Н. Левашов.*

2.

23 декабря 1905 года.

Дорогой и глубокоуважаемый Алексей Николаевич.

Получил ваши письма, посланные с П. Федоровым, и последнее с фельдъегерем, прибывшим сегодня, от 29 ноября. Лишен был возможности написать вам это время, так как забастовки совершенно прервали всякие сообщения. Только 26 поедет фельдъегерь, с которым и посылаю это письмо; он отправляется с особым поездом Меллера-Закомельского, который по высочайшему повелению едет с небольшим отрядом на Самаро-Златоустовскую и Сибирскую дороги, на которую со стороны армии должен двигаться Ренненкампф, для того, чтобы в случае нужды смогли восстановлять порядок. Вот до чего мы дожили! С 19 ноября прекратились всякие телеграфные сношения с армией. Изредка проскакивают частные депеши, которые пропускают забастовочные комитеты, — все же остальные депеши не пропускаются, не исключая и высочайших. До сих пор от Красноярска до Иркутска линия в руках забастовщиков, которые только пропускают санитарные поезда и воинские с запасными. — Движение XIII корпуса не внесло ни порядка, ни улучшения. Сухотин очень настаивал на движении вслед за ним IV корпуса, очевидно рассчитывая на него, но он упустил из виду, что полк по прибытии на место за роспуском запасных обращается в слабого состава баталион и, очевидно, он с этими силами не в состоянии управиться и одолеть крамолу. Порядок или, верней, беспорядок, в котором двигаются разные команды запасных, которые поспешно выкидываются Харбино[ом], — это что-то неподдающееся никакому описанию. Следуют не по расписаниям, ни дневок, ни смены вагонов не допускают, без офицеров, которые куда-то скрываются, грабят, пьянствуют, буйствуют, — словом, что-то совершенно невероятное. И забастовками и этим беспорядком, без всякого плана и расписания движением, остановить которое местные власти бессильны, движение до такой степени спуталось, что не только не удается продвигать грузы на Восток, но даже нельзя подавать обратные теплушки. Все эти революционные стачечные комитеты сознают свою силу, так как всю эту массу служащих уволить нельзя, ибо заменить их некем. — Вы пишете, до-

рогой Алексей Николаевич, о сформировании 10 баталионов железно-дорожных. — Но ведь это немыслимо. — У нас для этого нет ни солдат, ни офицеров. Мало того, и те баталионы (3-й, 2-й и 3-й резервный), которые были частью на Д.-Востоке, частью на Сибирской, теперь, за увольнением запасных, которых наметили выбросить, обратились в кадры, и притом в политическом отношении в кадры неблагонадежные. Вообще считаю, что увольнение в запас в армии это было большой ошибкой. Если бы все эти запасные двигались в составе штатных организованных частей, то поддержать порядок силой на магистрали было бы легко и в общем было бы ускорение обратной перевозки армии, а не промедление, как вышло теперь. Пришлось бы, правда, в некоторых корпусах отпуск запасных затянуть, но ведь на театре войны такая сила и власть, до полевого суда включительно, что с этим элементом в Маньчжурии было бы легче справиться, чем теперь с пьяной, дезорганизованной и без офицеров толпой. А главное, самое важное, можно было бы силой не допустить такого полного расстройства движения, которое, говорю, неизвестно когда теперь наладится. По моему расчету скоро совсем прекратится прилив теплушек в армию, а следовательно — новый элемент затруднений отправок из Харбина; не говорю уже о том громадном количестве испорченных забастовщиками на Сибирской и Забайкальской дорогах паровозов, которых заменить нечем, ибо их и в России нет, а ремонт паровозов даже сети европейской вследствие тех же забастовок, продолжающихся в сущности уже три месяца, сведен почти на-нет. Да и для России, в виду того, что творится у нас, нужны не орды запасных и развращенных пленных, которые способны внести только большую смуту, а организованные войска, — а их нет. — Не буду вам описывать событий московских, — вы, вероятно, их уже знаете из телеграмм и газет. Скажу только, что, несмотря на подавленный войсками открытый мятеж, до успокоения еще далеко. Не дальше как сегодня мне передавали прибывшие из Москвы, что офицеру показываться на улице нельзя, так как на них охотятся из-за угла и, [в] последнее время, большею частью [с] кинжалами. С Кавказа вот уже 2 недели никаких известий, — по частным слухам там творится нечто невероятное.— В Области Войска Донского, особенно по линии Владикавказской дороги, тоже полная анархия. Все наше движение, новобранческое тоже, спуталось окончательно. — Одним словом, картина такая, что есть от чего притти в полное отчаяние. А главное, все эти беспорядки и подавлять некем, — войск не хватает, войска замотаны. Соллогуб уже с неделю в Риге, но дело усмирения края идет туго тоже по той же причине: неимения войск. О Финляндии и говорить нечего: на нее махнули рукой. Даже и назначения последнего времени какие-то непонятные. Субботич — в Туркестан. Первым его шагом было назначение Коссаговского в Асхабад, что прямо указывает на полную его неспособность выбора людей. — Уссаковского убрали потому, что во время забастовки Закаспийской дороги (вот уже думал, что там-то она немыслима) он не только не проявил ни малейшего поползновения прекратить ее, но прямо подчинился решению забастовочного комитета, набранного из конторщиков управления дороги; вступил с ними в компромиссы, действовал по программе, ими преподанной, — словом, в Закаспии творилось что-то такое, что даже и понять невозможно.— Бедный Виктор Викторович пал жертвой искупительной; никаких зверств он там не делал, внес много умиротворяющего, и именно это-то и было этим господам не на-руку. Сердечно было жаль видеть бедную Елену Михайловну с ее, неподдающимся описанию, тяжким горем. Мы рады за нее, что хоть в материальном отношении судьба ее обеспечена, — ей дали 12 т. пенсии и 3 т. на воспитание детей, но, конечно, никакие деньги не вернут ей мужа и отца детей, за которым она жила, как у Христа за пазухой. Пред грозным призраком надвигаю-

щейся Думы решено принести в жертву на алтарь отечества целую уйму членов государственного совета, военного и Александровского комитета о раненых. В в. совете решено оставить только 18 членов, а более 25 предложено было подать в отставку с пенсией в 6 т. р. и [с] правом считаться на действительной службе. Решено было все это привести в исполнение 8 декабря, но теперь временно...[1]) приостановлено до января, в виду массовых заявлений со стороны намеченных к увольнению, которые доходили даже до государя. — Пришлось мне за это время быть два раза приглашенным в совет министров, как раз во время разгара забастовок и московского погрома и не скажу, чтобы я вынес какое-либо серьезное впечатление из этой компании. Один только Дурново, держащийся крайних консервативных убеждений, держит себя самостоятельно, по крайней мере по наружности; все же остальные—руки по швам. Все это такие же чиновники, как и бывшие министры, только разбору пониже и к тому же в большинстве неопытные с делом управления министерством, даже по части наружной, этих сложных и громоздких машин. Меня поразил Витте, творец либеральной конституции, столь поспешно состряпанной. Он высказывал тут идеи самые не только ультра-консервативные, но даже фанатика, приверженца самых решительных мер воздействия, — расстрела без суда, самого энергического действия войск и т. п., — а в то же время через несколько дней мы читали бесцветные правительственные сообщения, из которых даже и понять было нельзя — чего же хочет правительство. — Слава богу, что теперь хоть местные власти сами стали разбираться в этом вопросе и везде, где только имеют под рукой достаточно силы, у них хватает гражданского мужества прибегать к крайним, решительным мерам. — Я думаю, что если не сдаст суд и юстиция, то с открытым мятежом можно считать пока покончен-

[1]) Следует не поддающееся прочтению слово.

ным. Надолго ли, — это вопрос другой. В Петербурге благодаря тому, что во-время выловили... [2]), можно считать, что дело обойдется пока спокойно, хотя каждый день идут усиленные аресты, отбирается много оружия, бомб и т. п., но, конечно, это все не прочно. Как у гидры, взамен одной головы вырастают все новые и новые, и если не вылечит Россию Дума, которую надо спешить собирать, то, конечно, мы увидим еще худшие дни. Теперь каждому ясно, как необдуманно была объявлена конституция, как почва была неподготовлена к восприятию этой большой социальной реформы. Если сравнить положение России 16 октября и 16 декабря, то не надо и пояснений — насколько за два месяца вся наша общественная жизнь, все величие и достоинство России, наши финансы и наше положение в ряду других государств, — все это шагнуло назад. История произнесет свой суровый приговор виновнику всех этих бедствий, который, идя на такую ломку государства, не имеет права отговариваться неведением и непрозорливостью даже на ближайшее время, следующее за ней.

Простите, что так много пишу на эту тему, — но так изболелась душа за Россию, что мысль об этой бесконечной страдалице не дает ни минуты покоя.

Как у нас всех, дорогой Алексей Николаевич, близко вас знающих и сердечно вас любящих, болеет душа за вас, читая то, что пишется и печатается в разнузданной, лживой и развращенной современной прессе, не только крайнего направления, но и даже благонамеренной, во главе с «Новым Временем».

Не стану повторять здесь разных инсинуаций, так как, вероятно, Александра Михайловна пишет вам подробно. Все это слишком и обидно, и больно, и возмутительно. — Пошли вам господь силы и гражданское мужество перенести эти новые нападки и удары судьбы, так как оправдываться

[2]) Следует не поддающееся прочтению слово.

в клевете и инсинуации нельзя; это значило бы поставить себя на уровень всех этих мерзавцев и негодяев, для которых нет ничего святого.

Простите за непомерно длинное письмо. Жена сердечно благодарит вас за память и шлет вам свой искренний сердечный привет. Примите наше задушевное поздравление с праздниками и новым годом, дай бог, чтобы он принес вам здоровье и все хорошее.

Искренне преданный и глубокоуважающий *Н. Левашов.*

Примечания.

Забелин Александр Федорович, генерал-майор, был начальником военных сообщений при главнокомандующем, а 10 июля 1905 г. назначен начальником канцелярии военного министерства.

Гаврилица Мих. Ив., подполковник, был в это время штаб-офицером для особых поручений при командующем 1-й манчжурской армией (т.-е. при Куропаткине).

Палицын Федор Федорович, генерал-лейтенант, начальник штаба гвардейского корпуса.

Грязнов Федор Федорович, генерал-майор, был начальником Николаевского кавал. училища, потом — начальником штаба кавказского военного округа. Убит 16 января 1906 г.

Воронцов-Дашков Илларион Ив. генерал-адъютант, 2 февраля 1905 г. был назначен кавказским наместником.

Бобриков Ник. Ив. с 1898 г. был финляндским генерал-губернатором и энергично проводил обрусительную политику. 3 июня 1904 г. он был смертельно ранен Евгением Шауманом, сыном сенатора, застрелившимся на месте.

Оболенский Иван Мих. с 17 ноября 1904 по 9 ноября 1905 г. был финляндским генерал-губернатором.

Трепов Дмитрий Федорович, бывший московский обер-полицеймейстер, 11 января 1905 г. был назначен петербургским генерал-губернатором.

Святополк-Мирский, Петр Дмитриевич, князь, с 26 августа 1904 г. по 18 января 1905 был министром внутренних дел.

Шевалье-де-ла-Серр Ив. Ив., генерал-майор, был начальником полевого дорожного управления манчжурской армии.

Романов Николай Николаевич, великий князь, в 1905 г. был назначен главнокомандующим войсками гвардии и петербургского военного округа и председателем совета госуд. обороны.

Меллер-Закомельский, Александр Николаевич, барон, генерал-лейтенант, командир VII армейского корпуса. В 1905—6 г.г. прославился своей «усмирительной» деятельностью.

Ренненкампф Павел Карлович, барон генерал-лейтенант. В 1905 г. состоял в распоряжении главнокомандующего на Дальнем Востоке, потом был командиром VII сибирского армейского корпуса. Прославленный «усмиритель» Сибири в 1906 г.

Сухотин Ник. Ник., генерал-от-кавалерии, в 1905 г. был командующим войсками сибирского военного округа.

Хорват Дмитрий Леонтьевич, генерал-майор, был начальником Восточно-Китайской железной дороги.

Соллогуб Василий Устинович, генерал-лейтенант, 4 декабря 1905 г. был назначен временным прибалтийским генерал-губернатором.

Субботич Деан Иванович, генерал-лейтенант, в 1905 г. был назначен генерал-губернатором в Туркестан.

Коссаговский Владимир Андреевич, генерал-майор, состоял в распоряжении командующего манчжурской армией.

Уссаковский Евгений Евгеньевич, генерал-лейтенант, начальник Закаспийской области и

командир 2 туркестанского армейского корпуса.

Сахаров Виктор Викторович, генерал-адъютант, бывший военный министр. Убит в Саратове 22 ноября 1905 г. по приговору боевой организации партии с.-р. Исполнительницей была Биценко.

К истории покушения А. И. Ульянова и др. 1 марта 1887 г.

Помещаемые ниже сего краткие материалы к истории покушения А. Ульянова, Шевырева и др. на царя Александра III представляют собой: 1) извлечения из дневника Николая Романова за 1 и 9 марта 1887 г., по обыкновению скудно отражающие впечатления его автора от неудавшегося революционерам повторения 1 марта 1881 г., и 2) перевод статьи рабочей французской газеты «Cri du Peuple» от 13 июня (н. ст.) 1887 г., которая, по цензурным условиям, не могла быть перепечатана в свое время в русской прессе и дошла до нас в виде вырезки, сохранившейся в делах по сношениям с Францией б. министерства иностр. дел.

1.

Из дневника Николая Романова за 1887 год.

1 марта. Воскресенье. Гатчино.

Проснулся в 7 ч. После кофе читали. Надев преображенский мундир, поехал с папа в крепость [1]). В это время могло произойти нечто ужасное, но, по милости божией, все обошлось благополучно: пятеро мерзавцев с динамитными снарядами было арестовано около Аничкова! После завтрака у д[яди] Пица [2]) поехали на железную дорогу и там узнали об этом от папа. О! Боже! какое счастие, что это миновало! Приехали в милое Гатчино в 1/2 четвертого и стали разбирать книги и вещи. Пили чай и обедали с дорогими папа и мама.

9 марта. Понедельник.

Весна настала, и прилетели жаворонки, и, действительно, день был теплый. Перед завтраком папа представлялись агенты тайной полиции, арестовавшие студентов 1 марта; они получили от папа медали и награды, молодцы! Завтракали: д[ядя] Алексей [1]), д[ядя] Сергей [2]), т[етя] Элла [3]) и Перовский [4]). Немного съезжали с гор, а затем кололи лед на Серебрян[ом] озере. После обеда рисовали.

[1]) На панихиду по Александре II в Петропавловской крепости.

[2]) Вел. кн. Павел Александрович, брат Александра III.

2.

Французская газета «Cri du Peuple» о казни А. Ульянова и др.

«Наши читатели помнят, вероятно, сообщение о большом петербургском процессе: судили революционеров за покушение на царя 13 (1) прошлого марта. Читатели, конечно, не забыли и геройского поведения всех обвиняемых на суде; пятеро из них были приговорены к смертной казни, которая и была приведена в исполнение 20 мая 1887 г. в стенах крепости.

Со времени воцарения Александра III казни в России перестали быть публичными — не потому, конечно, чтобы царю было совестно исполнять их всенародно или чтобы он стремился скрыть свою жестокость. Дело в том, что героическое поведение казнимых пробуждало симпатии толпы, присутствовавшей при экзекуциях, и для неустанных агитаторов-революционеров казни обращались в последний акт пропа-

[1]) Вел. кн. Алексей Александрович, брат Александра III.

[2]) Вел. кн. Сергей Александрович, брат Александра III.

[3]) Елизавета Федоровна, жена вел. кн. Сергея Александровича.

[4]) Перовский Алексей Фед., ген. адъютант.

ганды. Теперь не только казни перестали быть публичными, но запрещено даже говорить о них в печати, и последняя принуждена ограничиваться лишь воспроизведением коротенького сообщения «Правительственного Вестника».

Таким образом, при этом узаконенном убийстве осужденных социалистов могли присутствовать только немногие: комендант крепости, прокурор, городской голова, защитники осужденных, батальон солдат и палач со своими помощниками. Однако, несмотря на принятые предосторожности, подробности казни не остались скрытыми в стенах мрачной крепости, ни похороненными в глубине совести присутствовавших. Известие о совершившейся казни, со всеми ее ужасными деталями, быстро распространилось по всему городу, а затем — и вне его, по всей стране, возбуждая негодование даже у самых равнодушных.

В происходившей 20 [8] мая казни жестокость была доведена до самой зверской утонченности. В предыдущих казнях великодушное правительство обычно даровало всем осужденным по отдельной виселице. На этот раз было иначе: для пяти казнимых было поставлено только три виселицы, и, таким образом, Шевырев и Ульянов вынуждены были присутствовать при муках своих товарищей: в продолжение получаса у них пред глазами было потрясающее зрелище троих повешенных, извивавшихся на концах веревок в мучительных конвульсиях, и лишь по истечении этого времени — палач накинул смазанную салом петлю, еще теплую, и на их шею.

Говорят, что присутствовавшие при этой зверской сцене не могли ее выдержать и отвернулись; у многих на глазах выступили слезы.

Поведение Ульянова и Шевырева представляло контраст с поведением остальных свидетелей казни. Оставаясь все время спокойными, они ни на минуту не обнаружили слабости и оказались достойными того великого дела, за которое умирали.

Если царь-убийца и его ненавистная клика думают с помощью столь зверских приемов парализовать усилия революционеров, то они ошибутся. Революционная мысль носится неуловимо выше тюрем и виселиц. При каждом ее призыве выступают новые бойцы, чтобы занять место мучеников, павших в упорном бою. Являются и мстители, и, несмотря на бесчисленную рать полицейских и жандармов, вопреки страшным репрессиям, по временам раздается взрыв бомбы-освободительницы»...

Сообщил *А. С.*

Вокруг поездки Вивиани и Альбера Тома.

В двадцатых числах февраля 1916 г. Извольский доносил о возобновившихся атаках германцев против Вердена, о создававшихся в связи с тем в стране напряженных настроениях, об опасениях возможной переброски германских войск с русского фронта.

«Поэтому ген. Жоффр, — передавал посол [1]), — обращается к ген. Алексееву с просьбою притти на помощь Франции путем перехода России в наступление».

После январских боев 1915 г. в районе Мазурских озер очередным кровавым жертвоприношением со стороны русского командования явились, как известно, мартовские бои 1916 г., предпринятые на западном фронте в районе озер Дрисвяты и Нароч, предпринятые и на этот раз без малейших шансов на успех — с полуобученной, плохо вооруженной армией. «Никакой ответственный начальник, — говорит по этому поводу германский военный историк [2]), — не находящийся под внешним принуждением, не мог бы столь малоценные войска повести против столь прочно оборудованных пози-

[1]) Секр. телегр. Извольского от 20/II 1916 г.

[2]) Ген. Фалькенгейн в своей книге «Верховное командование 1914—16 г.г. в его важнейших решениях», стр. 219—220.

ций, какими располагали немцы». «Не было никакого сомнения, — отмечает тот же автор, раскрывая понятие «внешнего принуждения», — что атаки со стороны русских были предприняты только под давлением их западных союзников и для их поддержки».

Крепко связанное с Парижем цепью долговых обязательств, получающее от него необходимое, пусть не всегда доброкачественное, военное снаряжение, царское правительство платило тем, чем могло, и, прежде всего, согласно смысла и буквы всех заключенных и подтвержденных военных конвенций, — человеческим материалом.

Осуществляя свою «историческую роль», русский военный аппарат работал в меру своих сил и возможностей. Но силы и возможности с течением времени становились все меньше, а требования союзников росли в геометрической прогрессии. Требования становились тем более настоятельными, чем больше подозрений внушало союзному командованию состояние ресурсов русского фронта. В начале февраля Жоффр требовал от ген. Жилинского систематического представления «сведений» о «положении русской армии к 1 марта н. ст., к 1 мая и 1 июля в отношении ее численного состава и запаса людей, дела пополнения, относительно ружей, пулеметов и орудий полевых и тяжелых, запаса снарядов и тяжелой артиллерии и количества их ежедневного изготовления и о запасе людей и военных материалов, на которые можно рассчитывать в последующее время после предполагаемого наступления» [1]).

На открывшейся 15/III в Париже дипломатической конференции союзников Бриан требует от Извольского присылки во Францию русских рабочих и торопит его с выполнением хлебных поставок.

Погруженная 12/III на пароходы первая русская бригада, посылаемая в распоряжение французского верховного командования для действий на фронте германском, еще не успела достигнуть берегов Франции, а из Парижа уже торопят с отправкой следующей обещанной бригады, предназначаемой для действий на фронте салоникском: «Нужда в людях, — убеждает Извольский [1]), — принимает для Франции трагический характер».

Известно, что для пополнения убыли в своих сенегальских войсках, игравших роль ударных частей, французское командование предъявляло России заявку на 400.000 солдат [2]), — требование, встречавшее решительное противодействие со стороны русского командования.

Известно также, что к этому же времени относятся настояния Антанты на переброске 200-тысячной русской армии на территорию Румынии с наступлением в пределы Болгарии [3]),—настояния, встречаемые, как показано будет ниже, русским генеральным штабом также весьма неблагожелательно.

Между тем, внутреннее положение России начинало отмечаться явственно тревожными признаками. Медленно, но неуклонно сползала русская металлургическая продукция: и производство чугуна, и производство железных и стальных полупродуктов, и производство готового железа и стали — все свидетельствовало о сокращении всех трех видов основного продукта [4]). Оползни в экономике вызывали трещины в политической надстройке: конфликтные отношения правительства с думским большинством, выдвижение на политическую авансцену представителя германофильских кругов, казавшиеся симптоматическими перемещения в военном ведомстве, наконец, медленно ползущие слухи об укреплении в придворных кругах идеи сепаратного мира... И при всем том призрак растущей усталости населе-

[1]) Секр. тел. Жилинского от 4/II 1916 г. № 60.

[1]) Секр тел. Извольского от 25/III 1916 г. № 237, также от 18/IV 1916 г. № 295.

[2]) См. М. Палеолог. «Царская Россия накануне революции», стр. 117.

[3]) См. «Стратегический очерк войны 1914—18 г.г. Румынский фронт». Изд. ВВСР. 1922, стр. 52.

[4]) См. «Экономич. развитие России», Ванага и Томсинского, стр. 313.

ния и растущего недовольства рабочих масс, бойкотирующих создаваемые либеральной буржуазией для «войны без конца» военно-промышленные комитеты.

Неудивительно, что при таких объективных условиях начинал трещать и всегда готовый к услугам союзников русский военный аппарат и все чаще становился глухим к настоятельным требованиям французского верховного командования. И совершенно понятно, что для проведения намеченных французским командованием немаловажных и неотложных мероприятий, та агентура, какая имелась в лице обжившихся при дружественных штабах военных представителей, — оказывалась недостаточной.

Требовалось дополнительное личное воздействие на царя и начальника штаба его армии. Нельзя было игнорировать, разумеется, и задачи формирования русского «общественного мнения».

Миссия эта была возложена на двух членов парижского кабинета — лидера республиканско-социалистической партии, министра юстиции, Вивиани и члена французской социалистической партии Альбера Тома. «Визит их не имеет официального характера, — сообщал Извольский телеграммой от 10/IV [1]), — но они надеются представиться государю императору и увидеться с русскими министрами». В телеграмме от 12/IV 1916 г. [2]) тот же посол писал: «Камбон [3]) объяснил мне, что поездка французских министров в Петроград является ответом на двукратный приезд нашего министра финансов в Париж. Здешний министр финансов Рибо слишком стар, чтобы предпринять длинное и трудное путешествие, а потому отдача визита возложена на Вивиани, наиболее значительного члена кабинета после г. Бриана. Что касается г. Альбера Тома, то поездка его в Петроград имеет целью лишь его ознакомление с положением у нас столь важного вопроса о снабжении нашей армии орудиями и снарядами в связи с помощью, которая может быть оказана нам в этом деле Францией.

Имею основание думать, что вышесказанная командировка вызвана отчасти тревогою, возбужденною здесь полученными из различных источников сведениями о нашем внутреннем положении, и недоверием к донесениям Палеолога, которому здешние политические и парламентские круги ставят в вину исключительную близость к придворным и великосветским сферам и недостаточное осведомление своего правительства о внутренней политической жизни России.

Извольский».

Несмотря на свой до известной степени «социалистический» облик, Вивиани был старый знакомый царского самодержавия, известный ему, как спутник Пуанкарэ во время приезда последнего накануне объявления войны. Несколько шокирующее впечатление на придворные круги могло произвести прибытие представителя французской социалистической партии, делегированного французскою плутократией для личного воздействия на самодержавного монарха.

На врученной Палеологом Сазонову памятной записке по поводу предстоящего приезда французских гостей и их желания быть принятыми во дворце Николай II сделал помету: «Согласен на приезд, но о приеме сказать ничего не могу» [1]).

Полученное от президента французской республики личное письмо, содержавшее в себе, в частности, прекрасную аттестацию практического работника II Интернационала, побудило царя, не поморщившись, выпить поднесенную чару. Оно гласило:

Париж, 25 апреля 1916 г [2]).

«Дорогой, высокий друг.

Со времени возобновления военных действий члены правительства респуб-

[1]) № 274.

[2]) № 278.

[3]) Генеральный секретарь французского министерства иностранных дел.

[1]) Памятная записка французского посольства датирована 11/IV 1916 г. ст. стиля. Помета Николая II сделана 14/IV 1916 г. в Царском Селе.

[2]) По нов. ст.

лики многократно имели случай бывать то в Лондоне, то в Риме, а также и члены английского и итальянского правительств приезжали в Париж, чтобы обсудить интересующие союзные страны вопросы. Благодаря расстоянию и трудности сообщения, французские министры были до настоящего времени лишены возможности представиться вашему величеству и на месте войти в сношения со своими русскими коллегами. Единственно лишь господин Барк смог несколько месяцев тому назад провести несколько дней во Франции и в Англии. Свидания, которые он имел с членами лондонского и парижского кабинетов, многочисленные встречи с представителями других союзных наций, происходившие между ними неоднократные совещания — привели к столь желательным результатам, что, не взирая на дальность пути, французское правительство сочло полезным возложить на двух своих членов подобную же миссию в отношении правительства вашего императорского величества. Приношу благодарность вашему императорскому величеству за то, что вы изволили отнестись к этому проекту с неизменной благожелательностью.

Тесное сотрудничество союзных правительств является, как то всегда находили и вы, ваше величество, непременным условием согласования и координации методов ведения войны. Мы пообещали друг другу не складывать оружия иначе, как с общего согласия и лишь после окончательной победы. Мы должны поэтому тщательно согласовать до той поры наши действия, подкреплять друг друга приобретенным нами опытом и по мере возможности взаимно пополнять имеющиеся в нашем распоряжении средства. Если вашему величеству будет благоугодно принять г. Вивиани и г. Альбер Тома и дозволить им обсудить вместе с их русскими коллегами те вопросы, по которым представилось бы важным притти к общему решению, то беседы эти, несомненно, привели бы к практическим выводам скорее, чем то было бы возможно при письменных и телеграфных сношениях,

Ваше величество знаете г. Вивиани, ныне хранителя печатей и вице-президента Совета; он был министром иностранных дел и председателем Совета в 1914 г. и в качестве такового сопровождал меня в Россию, в ту пору, когда ваше величество и я мы еще верили в прочность европейского мира, и до и после начала войны он имел касательство ко всем крупным вопросам, политическим и дипломатическим, и он в состоянии ускорить их разрешение от имени правительства республики совместно с министрами вашего величества.

Г. Альбер Тома, государственный секретарь, министр снабжения, руководил во Франции с удивительным умением и неутомимым усердием изготовлением артиллерийских снарядов и гранат (гаубичных). Ему лучше, чем кому-либо, известна та решающая роль, какую в нынешней войне, на ряду с полевой артиллерией, играют тяжелая артиллерия, артиллерия дальнебойная (особой мощности) и количество снарядов крупных калибров. Он содействовал развитию во Франции той продукции, которая, к сожалению, и была и еще и поныне является слишком слабо развитой у наших союзников. Для достижения этой цели он объединил для совместной работы и государственную и частную инициативу и заручился верным содействием как хозяев, так и рабочих. В течение долгих месяцев все производительные силы страны были употреблены на увеличение наших военных материалов, несмотря на что мы тем не менее все еще не можем достичь в этом отношении уровня все возрастающих потребностей. Г. Альбер Тома будет, думаю, в состоянии сообщить вашему величеству и императорскому правительству ценные указания о встреченных нами на этом пути затруднениях и тех способах, путем коих мы их преодолевали; я буду счастлив, если проделанная нами длительная выучка смогла бы избавить Россию от некоторых из тех заблуждений, в которые нам приходилось впадать. При комбинированных действиях, к которым готовятся союзные государства, успех будет зависеть не только от до-

блести русских, английских, итальянских, сербских, бельгийских и французских войск; в значительной степени он будет зависеть от мощности артиллерии и от обилия военных запасов. Союзникам тем более необходимо усилить изготовление снарядов и гранат, что это является единственным для России и для Франции способом сократить тяготы неприятельского вторжения, ограничить длительность войны и придать предстоящим боям решающий характер. Франция теперь более, чем когда-либо, исполнена решимости воевать до конца, но ужасное разорение, постигшее занятые врагом области (провинции), понесенные ею огромные финансовые убытки, кровавые потери, которые ей приходилось и приходится еще нести ежедневно, при сравнительной малочисленности ее коренного населения, постепенная убыль значительной части ее молодежи, прогрессивное истощение ее наиболее здоровых поколений,—все эти жертвы, не лишая ее мужества, все же заставляют ее желать того, чтобы ничто не было упущено союзниками из того, что могло бы ускорить час победы. Мне известно, что вы, ваше величество, сами проникнуты сознанием необходимости сделать все решительно для достижения этого результата. В виду этого я твердо надеюсь, что ваше величество окажете благосклонный прием г-ну Вивиани и Альберу Тома.

Одновременно с моими горячими пожеланиями величия России и славы ее армии прошу ваше величество принять выражения моей преданной и неизменной дружбы.

Раймонд Пуанкаре».

6 мая в стенах царскосельского дворца состоялась аудиенция.

Те, составленные в общих выражениях, дружественные обещания, какие делегатами были получены от царя, должны были быть заполнены конкретным содержанием в результате посещения ставки.

Русский военный аппарат оказывался, однако, настолько изношенным, что весьма плохо отвечал своему назначению.

Письмо директора дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего на имя Сазонова от 28/IV 1916 г. о пребывании делегатов в ставке рассказывает следующее:

«Глубокоуважаемый

Сергей Дмитриевич.

Прибывшие вчера в ставку французские министры Вивиани и Альбер Тома совещались с начальником штаба и великим князем Сергеем Михайловичем. Переговоры коснулись двух вопросов: посылки русских войск во Францию и доставления нам из Франции артиллерии и предметов снабжения ее. По первому вопросу г-н Вивиани и г-н Тома высказали в самой настойчивой форме просьбу о присылке во Францию ряда русских бригад по возможности в определенные сроки. Они указывали на все растущее истощение людского запаса во Франции, тем более чувствительное, что около миллиона человек занято на заводах, снабжающих французскую и союзные армии. Они настаивали на том, что, если недостаток снаряжения не позволяет нам использовать у нас все свободные силы, то, ради общего дела, мы должны из числа людского персонала, который мы не можем вооружить, уделить возможное количество людей для использования на другом фронте. Генерал Алексеев счел возможным удовлетворить французов и согласиться на отправление в помощь союзникам еще нескольких бригад, общее число коих до конца года должно достигнуть семи, включая и отправляемую в Салоники. Считая, что в каждую такую бригаду входит не более 10.000 чел., получится сравнительно не очень большая цифра в 70.000 чел. По словам генерала Беляева, требования г.г. Вивиани и Тома являются, таким образом, гораздо более скромными, чем пожелания г-на Думера. В отношении артиллерийского снабжения французы, ссылаясь на невозможность еще более увеличить производитель-

ность своей промышленности и на громадные потребности западного фронта, не сочли возможным оказать нам ожидаемое от них содействие. Как вам известно, главной нашей потребностью является крупная артиллерия. В этой области французы ограничились обязательством доставить нам уже ранее обещанные 24 крупных орудия. Альбер Тома и сопровождающие его специалисты вынесли из ознакомления с деятельностью наших заводов определенное впечатление, что при наличных производительных средствах мы могли бы у себя еще в очень высокой степени усилить производство артиллерии и снарядов. Их весьма неприятно поразило отсутствие единства в руководстве делом снабжения. По многим вопросам они не могли получить ни от кого ответа: одни лица говорили им, что данное дело касается других, последние отсылали их к первым и т. д.; по некоторым вопросам пришлось сознаться, что они требуют разных справок и что сведения будут посланы во Францию через генерала Жилинского. Полная неудовлетворительность существующего порядка в деле снабжения определенно сознается, впрочем, всеми: мне в резкой форме говорил об этом великий князь Сергей Михайлович, то же повторял генерал Беляев. Они противополагают нашей нерешительности и неорганизованности постоянные указания Тома на то, что тот или иной сложный вопрос разрешен его единоличным велением: со слов «j'ai ordonné» неизменно начинались его объяснения на задаваемые вопросы [1]).

Прошу вас верить в глубочайшее уважение искренно преданного вам

И. Базили».

Мемуары французского посла содержат в себе указание [2]) на то, что по возвращении в Петроград французские гости вели переговоры с Сазоновым еще по двум вопросам, имевшим в ту пору актуальное значение, — об интернационализации польского вопроса и о стимулировании выступления Румынии путем русской военной диверсии на Балканах.

Определенная точка зрения на установку польского вопроса (мы имеем в виду именно установку, а не разрешение) у дипломатического ведомства сложилась уже давно: «О переходе польского вопроса на международное обсуждение не может быть и речи», — писал Сазонов Извольскому еще в начале марта [1]). Мысль о «необходимости сохранить исключительно в наших руках инициативу в этом деле» развивал также в своем письме от 28/III 1916 г. и Базили, согласовавший свое мнение в данном вопросе с ген. Алексеевым.

В области румынских дел русское дипломатическое ведомство готово было итти французским притязаниям навстречу. Но сдвинуть с места упиравшееся военное ведомство было не так легко.

Среди имеющихся в нашем распоряжении архивных материалов нет документов, отражающих суждения Алексеева по данному вопросу, высказанные им в период пребывания в России Вивиани и Альбера Тома.

Но вся предшествующая этому времени переписка со ставкой достаточно характеризует отношение русских военных кругов к такого рода домогательствам. Точка зрения Алексеева сводилась к утверждению, что для России никакой стратегической необходимости в выходе Румынии из нейтралитета нет, что связанные с этим «мнения и заключения дипломатов базируются на зыбких данных» [2]).

«Силы наши для громадного фронта ограничены, — писал Алексеев Сазонову в конце января [3]), — и с легким сердцем нельзя отправлять армии ту-

[1]) По словам Палеолога, Тома советовал для поднятия производительности русских заводов «милитаризовать» рабочих, занятых на предприятиях, работающих на оборону.

[2]) См. «Царская Россия», стр. 130.

[1]) Секр. тел. Сазонова Извольскому от 7/III 1916 г., № 1167.

[2]) Письмо Кудашева от 13/I 1916 г.

[3]) Письмо Алексеева Сазонову от 25/I 1916 г.

да, куда влекут нас союзники, настоящие и возможные в будущем»... Передавая о происходящих во второй половине февраля в ставке совещаниях с представителем румынского правительства (Филиппеско), при участии капитана французской службы Пишона, представившего «горячие записки» французских генералов По и Лагиша, Алексеев писал: «Этими взаимно дополняющими друг друга данными, полученными от г-на Филиппеско, ген. По и Лагиша, достаточно определенно устанавливается желание и наших настоящих союзников и союзников будущих отправить 250.000 наших войск воевать против болгар и помогать румынам завоевать Трансильванию и Буковину. По долгу службы перед Россией и государем, я не имею права доложить верховному главнокомандующему о необходимости принятия такого плана и присоединения к такой военной авантюре. Другим наименованием я не могу определить, при данной обстановке и условиях, предлагаемого нам плана. 250.000 чел. — около 1/7 части наших войск. Наш фронт тянется на 1.200 верст; нам предлагают растянуть еще верст на 600. Наши союзники для себя настойчиво проводят мысль и осуществляют ее, что только успех на главном театре, т.-е. на своем французском фронте, даст победу, и потому там, именно, на 700 километрах имеют около 2 милл. французов и 40 дивизий бельгийцев и англичан; они скупы на всякие выделения на второстепенные театры... Присоединение теперь к румынским и французским планам ослабит нас, непомерно ослабит нашу армию, лишит возможности не только собрать достаточные силы для удара против немцев или австрийцев, но и для противодействия их предприятиям к Петрограду и Москве» [1]).

[1]) Письмо Алексеева Сазонову от 21/II 1916 г.

Известно, что через несколько месяцев сопротивление ген. Алексеева будет сломлено, и в осуществление плана французского командования корпус ген. Зайончковского начнет (27/VIII 1916 г.) продвижение в направлении к Добрудже. Но для того потребуется новая, дополнительная работа французской дипломатии.

Сейчас же отъезжавшие французские гости, кроме вырванного ими, в результате упорного торга, обещания поставки 70.000 солдатских тел, — что, разумеется, мало устраивало парижского Шейлока, — кроме общих обещаний дружеского содействия и неприятного осадка от чинимых ставкой препятствий, — ничего иного из России вывезти не могли. Сообщение Извольского [1]) о вынесенных делегатами от посещения России «благотворных впечатлениях», превзошедших «всякое их ожидание», — звучало фальшью.

Летние операции 1916 г. (карпатские) еще раз покажут пример верности русского военного аппарата идее союзного долга, пожирающей последние его силы.

А когда, через год, одному из наших французских путешественников, именно, тому, который носил одежду социалиста, придется повторить свою миссию и снова приехать по делам Антанты в Россию, — он найдет этот аппарат пришедшим в состояние полной негодности, а дело военной эксплоатации бывшей французской полу-колонии безнадежно проигранным [2]).

А. Попов.

[1]) Секр. телегр. Извольского от 30/IV 1916 г., № 318.

[2]) Приведенные выше документы хранятся в Архиве Революции и Внешней Политики.

Неосуществившееся издание сочинений гр. Толстого под цензурой Николая II.

Произведения графа Л. Н. Толстого, печатавшиеся до 1906 г. за границей и расходившиеся оттуда по всей России, со времени появления так называемой «свободы печати», т.-е. закона 26 апреля 1906 г., отменившего предварительную цензуру, стали перепечатываться и у нас. За немногими исключениями, обыкновенно это были жалкие контрафакции, выпускавшиеся в свет предприимчивыми издателями, спешившими воспользоваться отказом Л. Н. Толстого от авторских прав. Отпечатанные с ошибками в тексте и с опечатками, в большинстве случаев — на плохой бумаге и «слепым» шрифтом, издания эти, тем не менее, пользовались успехом и охотно раскупались читающей публикой. Содержание их, с точки зрения действовавших тогда порядков, было, конечно, «нецензурно», почему на них беспрестанно и сыпались аресты, щедро накладываемые комитетом по делам печати и сплошь и рядом утверждавшиеся судебными установлениями. Достаточно указать, что с 1906 по конец 1910 г. судом было признано подлежащими уничтожению и изъятию из обращения 52 различных произведения графа Л. Н. Толстого на самые различные темы, в разнообразных изданиях, в виде отдельных книг и брошюр или отдельных томов собрания сочинений, издававшихся различными лицами (Чертковым, Саблиным и проч.).

При таких условиях появление в России сочинений Л. Н. Толстого в их полном виде вызывало большие затруднения и представлялось делом весьма сомнительным. Поэтому, когда после кончины графа Л. Н. Толстого его дочь, Александра Львовна, с В. Г. Чертковым приступила к изданию посмертных сочинений Толстого, никогда еще не появлявшихся в печати ни у нас, ни за границей. она, желая избавиться от столкновений с цензурой и судом, которые, в сущности, в то время были неизбежны, не нашла лучшего исхода, как обратиться, в конце 1910 г., к Николаю II, как монарху «самодержавному», с просьбой о разрешении ей издать в России эти сочинения в их целом виде с тем, чтобы они, минуя общую цензуру, не подвергались никаким исключениям, арестам и судебным преследованиям.

Прошение это было доложено Николаю II министром двора, бароном Фредериксом. Очевидно, ни царь, ни его министр не представляли себе ясно, что предварительная цензура отменена и не понимали той роли цензурных и судебных учреждений, которая была им предоставлена по закону 26 апреля 1906 г., изданному самим же Николаем II. В памяти царя в это время возникли, вероятно, смутные воспоминания о том, как Николай I принял лично на себя цензуру сочинений Пушкина, как он же разрешил к представлению «Ревизора» Гоголя и другие величественные жесты. Различие в эпохе, различие в законодательстве совершенно ускользали от царя и его преданного «слуги». Роль избавителя произведений великого русского писателя от мелочных, формальных и подчас смешных придирок цензуры представлялась Николаю II слишком заманчивой. Такие пустяки, как закон, установленный самим же Николаем II, не должен, конечно, смущать самодержавного монарха.

В результате этих или подобных им соображений и соответствующего доклада Фредерикса появилось следующее письмо последнего министру внутренних дел: «В первой половине текущего года готовится одновременно в России и за границей выпуск серии новых художественных произведений графа Л. Н. Толстого, еще никогда не появлявшихся в печати и оставленных им для издания после его смерти. Согласно желания графа Л. Н. Толстого, издавать их будет дочь его Александра Львовна и редактировать известный последователь его учения В. Г. Чертков.

«В виду совершенно исключительного значения в мировой литературе новых художественных творений графа Толстого, которые на иностранных языках будут изданы без малейших пропусков, означенные лица возбудили вопрос о том, чтобы и на русском языке они появились в возможно полном виде, дабы Россия могла ознакомиться с произведениями писателя, составляющего ее гордость, в подлиннике, а не в искаженных переводах с иностранных языков.

«Вследствие сего редактор и издательница этих произведений, опасаясь, чтобы указанные сочинения, вполне цензурные по основной своей мысли, не подверглись, при обычной цензуре, из-за отдельных мест и выражений временной конфискации, обратились с ходатайством об оказании им в сем деле возможного содействия.

«По всеподданнейшему моему о сем докладу его величеству государю императору благоугодно было высочайше повелеть в случае выпуска в свет графиней Александрой Львовной Толстой предположенного ею издания сочинений графа Л. Н. Толстого предварительную цензуру возложить на гофмейстера высочайшего двора графа Голенищева-Кутузова [1]), с тем, чтобы о всех вопросах, возникающих по цензуре означенных произведений, граф Голенищев-Кутузов испрашивал лично указаний его императорского величества. О таковой монаршей воле имею честь уведомить ваше высокопревосходительство.

21 января 1911 г.»

Министром был Столыпин. Он, с одной стороны, не так легко позволял вторгаться кому бы то ни было в сферу своей деятельности, с другой — стремился сам сосредоточить в своих руках всю полноту власти. При этом он не мог не заметить странности в решении царя, искренно думающего, что предварительная цензура, им самим отмененная, еще существует, и желающего самому разрешать цензурные сомнения, которые наверное будут вызываться новыми произведениями Толстого. На письме Фредерикса Столыпин написал следующую гневную резолюцию, адресовав ее А. В. Бельгарду (начальнику главного управления по делам печати): «Я решительно тут ничего не понимаю. Надо письмом запросить министра императорского двора, почему дело, касающееся министерства внутренних дел, принято к докладу министром императорского двора? О какой предварительной цензуре идет речь, раз книга может быть подвергнута аресту в случае нарушения закона? Вообще, когда ведомства докладывают чужие дела, то могут только впасть в заблуждение и ошибку».

Переговорив со Столыпиным, Бельгард, по его указаниям, составил резкий, но заслуженный ответ Фредериксу: «Ваше высокопревосходительство вошли к его императорскому величеству с всеподданнейшим докладом по вопросу о порядке выпуска в свет готовящегося издания новых художественных произведений графа Л. Н. Толстого, еще не появлявшихся в печати. Основанием для вашего всеподданнейшего доклада послужило ходатайство издательницы и редактора сочинений графа Толстого, графини А. Л. Толстой, и известного последователя его учения, В. Г. Черткова, выразивших опасение, чтобы указанные сочинения, вполне цензурные по основной своей мысли, не подверглись при обычной цензуре, из-за отдельных мест и выражений, временной конфискации.

«По этому поводу я прежде всего не могу не высказать сожаления, что ваше высокопревосходительство приняли на себя всеподданнейший доклад по столь исключительному и имеющему самое серьезное значение делу, всецело относящемуся к сфере компетенции министерства внутренних дел. Между тем возбужденное ходатайство получает в настоящее время такое разрешение, которое, при полном несоответствии с действующими законами, может вызвать крайне нежелательные последствия, а потому я считаю своим долгом изложить соображения, которые, пови-

[1]) Граф Арсений Аркадьевич Голенищев-Кутузов, известный поэт, род. 1848, ум. 1913 г.

димому, не могли быть приняты во внимание при всеподданнейшем докладе обстоятельств настоящего дела.

«С отменой в силу именных высочайших указов от 24 ноября 1905 г. и 26 апреля 1906 г. как общей, так и духовной предварительной цензуры, разрешение вопроса о допустимости или недопустимости распространения всех без исключения печатных произведений предоставлено исключительно суду, который, действуя на основаниях, указанных в уставе уголовного судопроизводства, имеет обязанностью подвергать аресту и уничтожению только такие произведения тиснения или части оных, в которых заключается состав преступного деяния, предусмотренного законами уголовными. Таким образом существующий ныне обязательный просмотр отпечатанных произведений чинами ведомства главного управления по делам печати не имеет уже ничего общего с предварительной цензурой, которая в прежнее время окончательно разрешала к печати сочинения, представлявшиеся на ее рассмотрение в рукописях, и делала на них собственной властью необходимые исключения, руководствуясь общим вредным или полезным направлением сочинения, благонамеренностью высказанных мнений, особыми условиями времени и целым рядом административных распоряжений и указаний. На этом основании, если история и указывает на пример высокого участия верховной власти в разрешении вопроса, связанного с цензурой великих русских писателей, Гоголя и Пушкина, то это участие имело в своем основании существование цензуры, являвшейся учреждением административным, установленным для ограждения населения от возможного и предполагаемого вредного влияния авторов на читателей и преследовавшего цели воспитательного характера, а поэтому даже состоявшим в ведомстве министерства народного просвещения. При условиях того времени высочайшие указания императора Николая I имели глубокое основание и действительно являли собой как бы дань таланту и гению великих писателей. В настоящее время, когда условия выпуска в свет литературных произведений совершенно изменились и когда надзор подлежащих властей сводится лишь к преследованию того, что является преступным с точки зрения законов уголовных, высочайшее указание о допущении или недопущении печатания или распространения литературных произведений явилось бы участием в разрешении вопроса чисто судебного характера, и потому я не предполагаю, чтобы государю императору благоугодно было именно в указываемой вами форме снизойти к ходатайству графини А. Л. Толстой и Черткова.

«Независимо от этого, вашему высокопревосходительству, вероятно, известны те недоразумения, которые происходят в настоящее время между вдовой графа Л. Н. Толстого, с одной стороны, и его дочерью, графиней А. Л. Толстой, и В. Г. Чертковым — с другой стороны. Помимо чисто материальной стороны возникшего спора, который, повидимому, будет иметь последствием предъявление гражданского иска, крайне прискорбные для памяти великого писателя недоразумения эти имеют в своем основании, как это видно из опубликованных в газетах писем Черткова и графини А. Л. Толстой, заявление последних, что «Л. Н. Толстой выразил желание, чтобы все рукописи и бумаги — в том числе дневники, черновики, письма и проч., которые останутся после него, были переданы В. Г. Черткову с тем, чтобы последний после смерти Л. Н. занялся их пересмотром и изданием того, что он в них найдет желательным». Графиня же С. А. Толстая высказывает опасение, разделяемое всеми, кому дороги интересы русской литературы, что Чертков, отношение которого к великому писателю, по крайней мере за последние месяцы и дни его жизни, оставляет на большинстве искренних и беспристрастных почитателей его таланта крайне удручающее впечатление, из партийных или личных целей посягнет на содержание рукописей, дневников и сочинений графа Льва Николаевича.

«При таких условиях и при том напряженном настроении, с которым общество ожидает разрешения беспримерного в истории спора о литературном наследстве великого писателя, едва ли можно было бы признать желательным проявление воли государя императора в форме, облегчающей или санкционирующей во всяком случае крайне своеобразные и во многих отношениях не заслуживающие сочувствия действия Черткова по осуществлению завещательных распоряжений графа Толстого. Напротив того, я считал бы своим долгом при данных условиях всячески оградить государя императора от проявления высочайшей его воли в предположенной форме».

Столыпин нашел наставление Бельгарда слишком жестким, и оно не было отослано по адресу, — в это время Столыпин уже успел передоложить все дело Николаю II и привести ему все те соображения, которые так обстоятельно Бельгард изложил в своем ответе. Николай II принужден был отказаться от своей первоначальной идеи. Столыпин 4 февраля ответил барону Фредериксу так: «В виду исключительной важности настоящего дела, относящегося к компетенции министерства внутренних дел, и в устранение недоразумений, которые могли бы возникнуть в порядке осуществления приведенного вами высочайшего повеления за воспоследовавшею отменою, в силу именных высочайших указов от 24 ноября 1905 г. и 26 апреля 1906 г., предварительной цензуры как повременных, так и неповременных изданий, я признал необходимым испросить дальнейших высочайших указаний по этому предмету, при чем государю императору благоугодно было указать, что поручение, данное графу Голенищеву-Кутузову отнюдь не имело в виду установить для сочинений графа Л. Н. Толстого предварительную цензуру и что, снисходя к просьбе графини А. Л. Толстой и В. Г. Черткова, касавшейся исключительно лишь новых художественных произведений графа Л. Н. Толстого, его императорское величество изволил поручить графу Голенищеву-Кутузову предварительный просмотр именно этого рода произведений графа Толстого, если бы рукописи этих сочинений были своевременно представлены для этой цели названными издателями. Вместе с тем его императорскому величеству благоугодно было мне приказать в устранение недоразумений, которые могли бы возникнуть по вопросу о том, не могут ли издатели новых художественных произведений графа Толстого подвергнуться преследованию в установленном законом порядке со стороны судебной власти, установить, чтобы в этом отношении, т.-е. для разрешения вопроса о том, не заключается ли в новых художественных произведениях графа Толстого признаков преступных деяний, предусмотренных законами уголовными, граф Голенищев-Кутузов входил в предварительное сношение с начальником главного управления по делам печати, гофмейстером Бельгардом».

Иллюзии Николая II о высочайшем покровительстве произведениям Толстого были безжалостно разбиты; предварительная цензура графа Голенищева-Кутузова была сведена на-нет, и самое выступление царя в роли решающего цензора оказалось решительно неисполнимым...

Фредерикс покорно принял преподанный урок и поспешил известить Столыпина, что он «не преминул поставить в известность графа Голенищева-Кутузова о последовавших, согласно вашего доклада, высочайших указаниях о порядке цензурования им новых произведений графа Л. Н. Толстого».

Во всей этой истории страдательным лицом оказался один граф Голенищев-Кутузов, осужденный на бесцельный просмотр сочинений, которые, по выпуске их в свет, все же должны были быть рассмотрены в общем порядке. Тем не менее Голенищев-Кутузов в течение долгого времени исполнял этот бесполезный и ненужный труд и лишь по прошествии полугодового срока испросил себе освобождение от этих обязанностей. 23 августа 1911 г. барон Фредерикс сообщил Столыпину, что «государь император, ознакомившись

с соображениями, высказанными при всеподданнейшем докладе гофмейстером графом Голенищевым-Кутузовым касательно неизданных до сего времени и предназначенных ныне к печати сочинений графа Л. Н. Толстого, под редакцией В. Г. Черткова, — высочайше повелеть соизволил возвратить таковые г-ну Черткову с указанием, что они могут быть напечатаны и распространяемы не иначе как на основании действующих общих законоположений и правил о печати. Добавляю при этом, что г-н Чертков по настоящему делу поставлен в известность» [1]).

Этим письмом закончилось дело о неудачном выступлении Николая II в качестве цензора, дело, вызванное глубоким незнанием царя им же самим созданного порядка.

С. Л.

Неопубликованные статьи Добролюбова.

Нижепомещаемые статьи Н. А. Добролюбова — его первые опыты в публицистическом роде. Написаны они во время пребывания Добролюбова в Главном Педагогическом Институте. Студент Добролюбов «издавал» здесь рукописную газетку «Слухи», первый номер которой вышел 1 сентября, а последний № 19—19 декабря 1855 г. Номера этой «литературной, анекдотической и только отчасти политической» газетки, ныне хранящейся в Пушкинском Доме [2]), представляют собою полулисты писчей бумаги, согнутые пополам. Все четыре страницы в два столбца исписаны мелким почерком руки Добролюбова [3]).

Статьи «Слухов», за исключением трех, напечатаны в собраниях сочинений Н. А. Добролюбова в издании Панафидиной под ред. Лемке (т. I) и в издании «Деятель» под ред. Аничкова (т. VII) [4]).

Из трех статей, которые по цензурным условиям не могли быть напечатаны при царском режиме, одна — «Разврат Николая Павловича и его приближенных любимцев»—опубликована нами в № 1 «Голоса Минувшего» за 1922 г. Печатаем теперь остальные две. Первая — без заглавия, начинающаяся словами «30 августа...» находится в № 2 «Слухов» от понедельника 5 сентября, вторая — «Николай I» — в № 6 от понедельника 3 октября и в № 8 от среды 12 октября 1855 г.

Статьи эти — ценнейший материал для характеристики политических взглядов не только Добролюбова-студента, но и той среды, в которой он вращался в 1855 году.

В одном из своих писем к родным Добролюбов говорит о знакомствах, которые развелись у него «в необыкновенном количестве и во всех слоях общества: и между чиновниками, и между профессорами, и между духовными, и между офицерами, и между студентами, и даже между купцами, впрочем, не торгующими» [1]). Все это — будущие читатели и почитатели «Колокола» Герцена, та оппозиционно настроенная, либерально-радикальная обывательская масса, разбудить которую старался и юноша Добролюбов своими «Слухами» и Герцен своим «Колоколом», сходство статей которого со статьями Добролюбова этого периода уже отмечено историками русской общественной мысли.

Сообщил *М. Цявловский*.

---

[1]) Дело г. у. по д. п. 1911 г. Отд. IV, № 31.

[2]) См. «Временник Пушкинского Дома 1913 г.» Спб. 1914. Влад. Княжнин. Архив Добролюбова, стр. 33, № 74.

[3]) «При внимательном сличении почерков, — пишет М. К. Лемке, — можно категорически утверждать, что №№ 1—6, 8—10, 12—15 и 17 писаны Добролюбовым». См. первое полное собрание сочинений Н. А. Добролюбова в четырех томах под ред. М. К. Лемке. Изд. Панафидиной, т. I. Спб. 1911, стр. 46.

[4]) В общих изданиях текст некоторых статей пострадал от цензуры.

[1]) «Материалы для биографии Н. А. Добролюбова». М. 1890 г., стр. 258.

1 *),

30 августа, говорят, совершилась в СПБ торжественная церемония по случаю празднования св. угодника божия Александра Невского и, главное, по случаю именин имеющего быть помазанным от господа царя нашего Александра Николаевича. Торжествен и многознаменателен был этот священный церемониал! От Аничкова дворца до Невской лавры стояла по обеим сторонам улицы длинная шеренга конных воинов — символ русского величия. С девяти часов собрались толпы народа, — по улице и в домах, так что из каждого дома и из каждого окна на всем этом пространстве высовывались по нескольку голов. На балконах и из окон были, кроме того, вывешены — ковры, платки, старые одеяла, халаты и пр. т. п. в знак того, что всем жертвует русский народ ради царя своего. В половине 11-го показался он из Аничкова дворца, на рыжем коне, в красных штанах, в казацком костюме, рядом с ним ехал наследник его. Царь был печален, худ и бледен, — вероятно, от сожаления о неучтивости французов, учтивейшего народа в мире, угостившего его ко дню ангела — взятием Севастополя. Но в эти горькие минуты особенно ясно выказалась народная доблесть народа русского. Впереди всего царского поезда ехал церемоний-мейстер и несколько гусар, приказывавших всему собравшемуся народу снимать шапки и кричать: ура! Вся толпа выказала обычное послушание, и громкое: ура!! огласило воздух. От Аничкова моста до Невской лавры не умолкали эти крики, так что к концу пути царь, казалось, был оглушен совершенно. Хорошо еще, что он не знаком с восточными языками: что́, ежели бы он знал, что «ура» с татарского значит: бей!! А ведь этот возглас относился прямо к нему!.. Впрочем, лучше сказать, — это не к нему лично относилось, а только к его платью и всей обстановке; потому что тот же возглас повторился и при появлении пустой раззолоченной кареты, ехавшей сзади. Кареты эти тоже напоминали времена Дариев и Ксерксов: все в золоте, на шестерке отличных коней, с множеством звезд внутри, — они производили отчаянный восторг. Правили конями, кажется, генералы, — по крайней мере какие-то существа в красных штанах, составляющих, как известно, главное и едва ли не единственное отличие и преимущество генералов русских. Говорят, что не может быть преданности к царю более той, какую имеют русские; но, кажется, если бы одна из этих карет помазана была господом на царство русское, то народ в тысячу раз более имел бы благоговения к такому помазаннику!

Блеск торжества еще более возвышался духовною процессиею — с образами и хоругвями; говорили, что сам государь хотел нести образ, — но почему-то это не исполнилось: может быть, он побоялся упасть под тяжестью креста, а может быть опасался скомпрометировать себя перед важными людьми, сделавшись носильщиком досок. Как бы то ни было, народ проводил его приличным воззванием, на татарском языке, до Невской лавры, и здесь, у ворот этого рая, стали синие и серые херувимы, воспрещавшие профанам лицезрение царское. Только звезды и звездочки вошли во врата святой лавры, и таким образом явилось там настоящее царство небесное. К сожалению, солнца правды там не было... Оно затмилось!.. В соборе повсюду ясно видны были звезды и звездочки, но самого солнца никто не видел. Напрасно успевшие сюда забраться смертные подымались на цыпочки и рыскали по всему собору: нет светлого лика царского, нет-как-нет нашего солнышка. Оно, — дивиться, впрочем, нечему: живем ведь недалеко от полюсов, — там всегда по-зимнему. Проглянет на минуту солнышко, да и то не осветит, не обогреет, да и спрячется опять: подслуживайся, поди, к звездам, если хочешь жить на свете!

При этом рассказывают трогательную черту благодарности, выказанную одним сословием, невысоко стоящим

*) Статья эта заглавия не имеет, — «Слухи» № 2, 5 сентября 1855 г.

на общественной лестнице званий, но отличающимся, как видно, прекрасным настроением души. Правда ли, или нет, но рассказывают следующее. Все санкт-петербургские портные, в особенности же военные, — так же шапники и шпажники, — хотя в меньшем числе, — собрались в этот день в Александро-Невскую лавру и, как дань своего уважения и признательности, поднесли державному имениннику — сшитый отличнейшим образом казацкий костюм, и, сверх того, красные шганы и нагайку. (Некоторые прибавляют еще к этому красный кафтан и красную шапку, но это сведение невероятно потому, что между портными была большая часть немцев, не разделяющих вкуса сказочного Емельки.) Один из портных сказал, говорят, речь, в которой, хотя ломаным русским языком, но резкими и яркими чертами изобразил, как великий государь их обогатил на счет целого государства, как он улучшил судьбу их, как доставил им барыши, доходящие до того, что некоторые теперь в пять месяцев получили столько, сколько, по обыкновенному порядку, могли бы получить только в десять лет. Царь, говорят, умилился и чрезвычайно милостиво принял подарок, сказавши, что здесь-то он видит истинную преданность и любовь, и обещавши немцу-портному какую-то важную должность — одни говорят — в ведомстве православного исповедания, а другие — в министерстве народного просвещения. Последнее — вероятнее.

2.

Николай I *).

Доселе не умолкли еще возгласы наемных певцов и заказных политиков о премудрости и величии Николая Павловича, покойного государя всероссийского. Посвятим и мы хоть несколько страниц на воспоминания о нем, вплетая хоть один листок в великолепный венок его величества.

Начнем с его смерти. Как только пронесся слух, что он умирает, у дворца собрались кучки народу, — с каким намерением и целью — узнать было очень нетрудно. Если тут были ваши знакомые, то, конечно, вы видели в них тех именно, которые особенно ненавидели покойника. Если это были все незнакомые вам люди, вы могли угадать их сокровенные мысли по напрасно скрываемому веселому виду, по блеску глаз, по якобинским бородкам, наконец. Когда узнали, наконец, решительно, что он умер, тысячи народу провозгласили: слава богу, и не в одном месте России цили за смерть его, хотя об одной только Польше донес в этом случае П. Феоктистов, — учитель, из которого правительство сделало шпиона. Вслед затем разнеслись слухи о том, что царь отравлен, что оттого и не хотели его бальзамировать по прежнему способу, при котором взрезавший труп нашел бы яд во внутренностях, что потому и не показывали народу лицо царя во все время, пока он стоял в Зимнем дворце. Слух этот произвел очень различное впечатление: одни радовались, другие удивлялись, третьи говорили, что так и должно быть, — по делам ему, мошеннику. Но особенно замечательно, как сильно принялось это мнение в народе, который, как известно, верует в большинстве, что русской царь и не может умереть естественно, что никто из них своей смертью не умер. Народ собрался перед дворцом густыми толпами и со смехом, с криком, с бранью требовал Мандта, доктора, который лечил царя. Не думайте, чтобы это было из приверженности, из любви к нему, нет, — это просто из охоты п о ш у м е т ь. Если бы Мандта выдали, народ, пожалуй, и разорвал бы его на части, — но все-таки не более как для того, чтобы п о т е ш и т ь с я, — законным образом, не опасаясь того, что на толпу верноподанных вдруг наведут пушки и брызнут картечью. Мандта не выдали. Но народ едва ли не был прав в своем подозрении. По крайней мере вот какое обстоятельство рассказывают слухи. Летом прошлого года одна русская дама лечилась на водах, в одном из местечек Германии. В некоторое прекрасное

*) «Слухи», № 6, 3 октября 1855 г.

утро она совершала свою обычную прогулку и вдруг увидела своего доктора, который, сидя на садовой скамейке, тщательно складывал кусочки разодранной записочки. Заинтересованная этим явлением, она подошла к нему с вопросом о предмете его занятий. Вместо ответа он показал ей на сложенные им лоскутки, и она прочла в них по-немецки следующие слова, которыми, вероятно, оканчивалась записка: «во всяком случае — к марту месяцу русский император не будет существовать». — Можно судить об ее изумлении, когда предсказание сбылось с такой дивной точностью. Если все это правда, то нет ничего удивительного в подобном обстоятельстве. Странно разве то, что этого не случилось гораздо и гораздо раньше. Конечно, русские все будут сносить, но как могла Европа сносить подобного нахала, который всеми силами заслонял ей дорогу к совершенствованию и старался погрузить ее в китайско-русское мракобесие. Говорят, он выразил цель своего царствования в присутствии послов иноземных следующим изречением: «Я хочу поставить мое государство на такую степень высоты, что если в одно утро мой наследник проснется с больной головой, — то вся Европа будет дрожать»... Глупенький — он не предвидел, как часты будут для его наследника дни ужаснейшей головной боли от грома европейских бомб и ядер, под которые он же, Николай, поставил, как мишень, — тысячи своих подданных.

Рассказывают, что покойник собственной персоной отличился перед Европою во время ольмюцких конференций. Когда он занимался там чем-то с австрийским императором, народ тоже собрался возле того же места и стал тоже заниматься по-своему, т.-е. рассуждать и кричать о чем-то... Крик этот достиг до царственных ушей, и Николай сказал Францу, чтобы он прогнал народное собрание. Тот послал адъютанта попросить народ, чтобы он разошелся теперь. Народ не послушался. Николай послал своего адъютанта приказать народу разойтись. Ему ответили, что здесь русские не с своими рабами и не имеют никакого права распоряжаться. Адъютант едва мог убежать от рассердившегося народа. Тогда, воспламенившись благородным гневом, Николай Павлович явил истинно-рыцарскую храбрость и присутствие духа. Мысля одним видом своим устрашить толпу, он явился к народу и грозно крикнул на него. Эта трехаршинная колонна, с своим львиным рыканием и зверской физиономией, ставшая вдруг пред поджарыми, крохотными немчиками, — разумеется, поразила их удивлением и привела в некоторое смущение. Они смеялись, но никто не смел обругать и тем менее поколотить нового Голиафа, потому что никто не надеялся на свою силу, и притом все знали, что за это дорого поплатятся. Между тем наш рыцарь стоял и немилосердно орал, требуя, чтобы народ разошелся. В самом деле — мало-по-малу толпа разбрелась, но понятно, что в этой горсти народа была оскорблена целая нация. На другой день появилось описание этого происшествия во всех европейских газетах, с именованиями царственного варвара, северного медведя и другими, не менее лестными, прилагательными к имени Николая. А он, говорят, очень тщеславился своим поступком и говорил императору австрийскому, что, дескать, вы не умеете управлять этим народом потому, что мало имеете душевной силы. Вот я так смело брошусь в толпу разъяренной черни и одним словом утишу ее [1]). И, действительно, с ним было подобное обстоятельство и в России, во время холеры 1830 г. Жаль, что нет места — рассказать эту историю. Верно, мало одного листа в венок Николая. Вплетем и другой в следующий понедельник.

Николай I *).

(Продолжение.)

Обещав в 6 № своим читателям вплести еще листок в кровавый венок славы Николая Павловича, мы до сих пор не являлись с исполнением нашего обещания. Необычайное замедление

*) «Слухи», № 8, 12 октября 1885 г.

это произошло совсем не от недостатка материалов (такая мысль очень бы огорчила нас), но единственно по причине некоторых семейных обстоятельств редактора, отнявших у него свободные часы, посвящаемые им собиранию слухов (от своего чрева он не составляет ничего, как уже было сказано в самом объявлении нашем).

Итак, мы хотели рассказать об одном подвиге рыцарства Николая. Это было в первые годы его царствования, во время холеры. До него дошли слухи, что народ шумит и волнуется по поводу страшной болезни. Полный уверенности в том, что своим появлением все утишится [sic], он отправился на Сенную площадь с гр. Орловым. Приехавши туда и видя в народе действительно смятение, он крикнул громовым голосом: «Что за шум» и пр. И окончил свой крик вопросом: «Кто виноватые? Выходите!» Народ в безмолвии стоял, сняв шапки. Наконец, один унтер-офицер вышел вперед и говорит: «Ваше величество! здесь нет виноватых, или — все виноваты». Услышав этот ответ, гр. Орлов бросился на унтер-офицера и, будто бы за непочтительный ответ, ударил его в висок — так, что несчастный свалился с ног, разбил голову об мостовую и более не вставал: Орлов известен своею необычайною силою. Толпа, разумеется, испугалась, тем более, что тут не было ни заговора, ни возмущения, ни цели, ни предводителя... Все утихли и разошлись. Николай самодовольно похвастался твердостью своего характера, наградил за преданность и самоотвержение Орлова, и с этих-то пор начинается блестящий период его службы, состоящей в «высшем надзоре за благоденствием государства», — по выражению рескрипта, которым Александр II публично объяснился в дружбе этому блюстителю общественного спокойствия [2]).

В этом же роде и поездка Николая в Москву во время холеры [3]). Известно, что Пушкин, свершивши уже круг своей художнической деятельности (по выражению Белинского) и будучи порабощен Николаем, — написал стихотворение: «Г е р о й» по этому случаю [4]). Кроме того, многие, и в том числе Н. И. Греч [5]), выхваляли нашего рыцаря за неустрашимость, с которою он решился, для ободрения народа, броситься в объятия опасной и неизвестной тогда повальной болезни. На этот счет вот что сказано было в одном апокрифическом письме к Н. И. Гречу: «Как хотите, — одно из двух: или Николай Павлович, действуя так[им] обр[азом] считал холеру заразительною и тогда его предприятие есть не что иное как глупое донкихотство, оправдываемое только разве русским «авось», или он знал, что болезнь эта не заразительна, и тогда эта поездка его в Москву не более замечательна, как и ваша поездка за границу». Справедлив ли этот отзыв, пусть благоразумный читатель сам рассудит.

Нельзя, впрочем, не вспомнить, что в первое время своего царствования Николай показал несколько проблесков справедливости, умеренности и благородства. Вот, напр[имер] случай. Молодой офицер (кажется) взял на станции лошадей почтовых и приготовился ехать. Когда же все почти было готово, вдруг является какой-то генерал и требует лошадей. Смотритель говорит, что последнюю тройку сейчас отдал. «Кому?» — «Вот им-с», — показывает на офицера, который еще был в комнате... «Отнять у него лошадей и заложить сию минуту в мой экипаж!» Офицер молча вышел и стал садиться, чтобы ехать в путь. Увидев это из окна, генерал выбежал и очень грубо закричал ему, чтобы он не смел ехать... Офицер молчал, но, обратясь к ямщику, велел отправляться. Генерал закричал на ямщика, чтобы он остался на месте, подбежал к экипажу и начал ругать офицера, который, объяснив ему, что он должен спешить, хотел, чтобы нахал отвязался от него. Тогда его превосходительство, вскипев гневом, дал пощечину офицеру. Тот обиды не стерпел, вынув пистолет, выстрелил и в одну минуту — буяном меньше стало на свете. Сбежался народ, офицера схватили, да он, впрочем, и сам хотел отдаться в руки правосудия. Пошло дело... судили, судили,

и приговорили его к какому-то страшному наказанию, как убийцу. Приговор поднесли на утверждение. Он просмотрел дело и велел дополнить следствие сведением о том, был ли пистолет заряжен у офицера прежде, или он тут зарядил его. Донесли, что был заряжен, тогда Николай решил, что «так как это убийство не было делом злого умысла, а только неосторожности и вспыльчивости, то и ограничиться наказанием духовным, заключивши убийцу на несколько времени в монастырь для очищения себя церковным покаянием».

Подобное же благоразумие показал он в суждении о деле мужика, которого обвинили в оскорблении величества. Мужик этот начал буянить в кабаке, и, когда его хотели унять, напомнив о портрете царя, висевшем на стене, [кричал], что — чорт с ним, что плевать он хочет на портрет и пр. Николай решил на это: «внушить мужику, что плевать на царское изображение не годится, а вперед портретов моих в кабаках не держать».

А между тем, сколько мелочного самолюбия, сколько жестокости, невежества, эгоизма — показал он в последующее время! Не лист, не два, а несколько томов можно наполнить рассказами его ужасных, отвратительных деяний. Каждое имя из приближенных к нему людей — давно уже сделалось символом низости, грубости, воровства, невежества. А сколько произвола, сколько неуважения даже к тем правилам, которые им самим постановлены. Он, напр[имер], положил законом, что дворяне избавлены от телесного наказания и студенты тоже, хотя бы студент и не был дворянином, — а между тем он дозволил, даже приказал высечь одного студента Медико-(хирургической) академии, польского дворянина. Двойное нарушение закона!.. Он в своем уложении положил уголовное наказание тому, кто будет заниматься, из русских подданных, продажею негров, а между тем он спокойно смотрит на продажу и покупку крестьян — этих белых негров. Он захотел сохранить государственную экономию и вследствие того сократил издержки на свой собственный стол; и он же возвысил Клейнмихеля и позволил ему грабить мильоны [6])!

Замечателен ответ, который дал Николаю в 1826 г. Михаил Бестужев-Рюмин. Царь сам допрашивал его; Бестужев рассказал ему свои убеждения и горячо, разительно, с полным убеждением в правоте своей, описал ему все зло, которое он видел в России и которое хотел истребить. Пораженный его умом и той энергией, с которою он говорил, Николай сказал ему: «я бы простил тебя, если бы мог быть уверен, что ты будешь верным слугой моим на будущее время». «Вот это-то и тяжело для нас, государь,— отвечал благородный страдалец, до конца выдержавший свою роль, — что вы можете делать, что хотите и что для вас нет закона. Оставьте правосудие итти своим чередом и пусть на будущее время судьба ваших подданных не зависит от ваших капризов или минутных впечатлений». И он был повешен.

Но довольно... Нам еще будет много случаев возвратиться к этому ужасному тирану.

Примечания.

1) Рассказанный эпизод относится ко времени пребывания Николая I в Ольмюце (Моравия) в сентябре 1853 года.

2) Рассказ об убийстве гр. А. Ф. Орловым крестьянина на Сенной площади 23 июня 1831 г. (а не 1830 г., как пишет Добролюбов) — вымысел: Орлова не было тогда с государем, а бывшие с ним кн. А. С. Меншиков и гр. А. Х. Бенкендорф, конечно, не осмелились не только ударить, но и тронуть невежливо кого-либо из окружавшей коляску толпы — ведь их сейчас же разорвали бы на части. См. П. Каратыгин «Холерный год 1830—1831 г.» Спб. 1887, стр. 56—67.

3) Речь идет о поездке Николая I в Москву в сентябре 1830 г.

4) Стихотворение Пушкина «Герой», действительно написанное по случаю приезда Николая I в холерную Москву, впервые было напечатано в журнале

«Телескоп» 1831 г. № 1 без подписи; с именем поэта напечатано после смерти Пушкина.

5) Известный писатель-реакционер.

6) Петр Андреевич Клейнмихель, выученик Аракчеева, один из самых близких слуг Николая I, в 1842—1855 г.г. был главноуправляющим путями сообщения и публичными зданиями.

Редакционно-издательская коллегия Центрархива.

Ответственная редакция: { Вл. Максаков. М. Покровский. Вл. Фриче.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

1. Первая балканская война. С предисловием *А. Л. Попова*. . . . . 1— 29
2. Март—май 1917 года. С предисловием *Я. А. Яковлева* . . . . . 30— 60
3. Февральская революция и европейские социалисты. Статья *А. Г. Шляпникова*. . . . . 61— 85
4. Гирш Лекерт и его покушение:
   Вместо предисловия. *М. Г. Рафес*. . . . . 86— 95
   Казнь Г. Лекерта. *Р. Арский*. . . . . 95—103
5. Из архива Щегловитова. С предисловием *И. И. Тоболина* . . . . . 104—117
6. К истории „хождения в народ“ („Нечто из попыточной практики“ А. Лукашевича). С предисловием *В. П. Невского*. . . . . 118—149
7. Новое о Нечаеве. Статья *Б. П. Козьмина*. . . . . 150—163
8. Имущественное положение декабристов. С предисловием *С. Н. Чернова* . 164—213

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ АРХИВИСТА.

1. Из правительственных настроений в эпоху I Госуд. Думы. Сообщил *С. Н. Валк* 214
2. К истории аграрных мероприятий 1906 г. Сообщил *С. Н. Валк* . . . . . 214—216
3. Из писем ген. Левашова Куропаткину. Сообщил *М. М. Клевенский*. . . . 216—222
4. К истории покушения А. Ульянова и др. Сообщил *А. С.* . . . . . 222—223
5. Вокруг поездки Вивиани и Альбера Тома. Сообщил *А. Л. Попов* . . . . . 223—229
6. Неосуществившееся издание сочинений Л. Толстого под цензурой Николая II. Сообщил *С. Любимов* . . . . . 230—234
7. Неопубликованные статьи Добролюбова. Сообщил *М. А. Цявловский* . . . 234—240

Издания Центрархива РСФСР.

Центрархивом выпущены следующие книги:

1. «Красный Архив». Исторический журнал. Под редакцией В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского, В. П. Полонского и В. М. Фриче. Тт. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11—12, 13, 14, 15.

2. «Архивное Дело». Журнал, посвященный вопросам теории и практики архивного дела. Под редакцией М. С. Вишневского, В. В. Максакова и А. А. Сергеева. Выпуски I, II, III—IV, V—VI, VII.

3. Русско - Германские отношения. Сборник секретных документов. С предисловием М. Н. Покровского.

4. Царская Россия в мировой войне. С предисловием М. Н. Покровского.

5. Русско-Польские отношения в период мировой войны. С предисловием М. Г. Валецкого.

6. Революция 1848 г. во Франции. Под редакцией и с предисловием С. Красного и Г. Зайделя.

7. Крестьянские движения 1902 г. Вып. III. Под редакцией Б. Б. Веселовского, В. И. Пичета и В. М. Фриче.

8. Аграрный вопрос в совете министров в 1906 г. Вып. IV. Под редакцией Б. Б. Веселовского, В. И. Пичета и В. М. Фриче.

9. Политические процессы 60-х годов. Вып. I. Под редакцией Б. П. Козьмина.

10. Восстание декабристов. Дела верховного уголовного суда и следственной комиссии. Т. I. Под общей редакцией и с предисловием М. Н. Покровского.

11. Восстание декабристов. Дела верховного уголовного суда и следственной комиссии. Т. II. Под общей редакцией и с предисловием М. Н. Покровского.

12. Восстание декабристов. Дела верховного уголовного суда и следственной комиссии. Т. V. Под общей редакцией и с предисловием М. Н. Покровского.

13. Восстание декабристов. Дела следственной комиссии о злоумышленных обществах. Т. VIII. Алфавит декабристов. Под редакцией и с примечаниями Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса.

14. Декабристы. Сборник отрывков из источников. Составил Ю. Г. Оксман при участии Н. Ф. Лаврова и Б. Л. Модзалевского.

15. А. Е. Пресняков. 14 декабря 1825 г. С приложением военно-исторической справки Г. С. Габаева: «Гвардия в декабрьские дни 1825 года».

16. Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов. В мемуарах и переписке членов царской семьи. Под редакцией Б. Е. Сыроечковского.

17. Южно-русские рабочие союзы. Под редакцией В. В. Максакова и В. И. Невского.

18. Морозовская стачка. Под редакцией А. Лозовского. С предисловием В. И. Невского.

19. Ленские события. Под редакцией А. Лозовского. С предисловием В. Владимировой.

20. Рабочее движение в годы войны. Под редакцией А. Лозовского. С предисловием М. Г. Флеера.

21. Рабочий вопрос в комиссии Коковцева в 1905 г. Под редакцией А. Лозовского. С предисловием Б. А. Романова.

22. Петроградский Совет Р. и С. Д. Под редакцией М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева. С предисловием Я. А. Яковлева.

23. Разложение армии в 1917 г. Под редакцией М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева. С предисловием Я. А. Яковлева.

24. Партизанское движение в Сибири. Под редакцией и с предисловием В. В. Максакова.

25. Допрос Колчака. Под редакцией и с предисловием К. А. Попова.

26. Пугачевщина. Т. I. Под ред. и с предисловием М. Н. Покровского.

27. Переписка Вильгельма II с Николаем II. С предисловием М. Н. Покровского.

28. Переписка Николая и Александры Романовых. Тт. III и IV. С предисловием М. Н. Покровского.

29. Письма Победоносцева к Александру III. Т. I. С предисловием М. Н. Покровского.

30. Русско-Японская война. По дневникам А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. С предисловием М. Н. Покровского.

31. Лейтенант Шмидт. (Письма и воспоминания.) Под редакцией и с предисловием В. Максакова.

32. Дневник П. А. Кропоткина. С предисловием А. А. Борового.

33. Бакунин. (Материалы для биографии). Под редакцией В. П. Полонского.

34. Дневник В. Н. Ламздорфа. Под редакцией и с предисловием Ф. А. Ротштейна.

35. Ф. М. Достоевский. «Исповедь Ставрогина». (Неизданные главы из романа «Бесы») и «Житие великого грешника» (план романа). Под редакцией В. М. Фриче и Н. Л. Бродского.

36. Письма русских писателей. Из архива Достоевского. Под редакцией Н. К. Пиксанова.

37. Дневник А. Г. Достоевской.

38. Письма Достоевского к жене. Под редакцией В. Ф. Переверзева. С предисловием Н. Ф. Бельчикова.

39. Письма Скрябина. Под редакцией Л. Сабанеева.

40. И. С. Тургенев. (Новые материалы.)

41. А. П. Чехов. Неизданная пьеса.

42. Сборник материалов и статей по архивному делу.

43. Сборник узаконений и распоряжений по архивному делу.

44. Правила постановки архивной части делопроизводства в государственных, профессиональных и кооперативных учреждениях и предприятиях РСФСР. 3-е издание.

45. Инструкция по ведению архивной части делопроизводства в волостных (районных) исполнительных комитетах.

46. Стенографический отчет о работах I съезда архивных деятелей.

Материалы и исследования по истории восстания декабристов.

Под общей редакцией М. Н. Покровского.

1. Восстание декабристов. Дела верховного уголовного суда и следственной комиссии. Т. I — следственные дела С. П. Трубецкого, К. Ф. Рылеева, Е. П. Оболенского, Н. М. Муравьева, П. Г. Каховского, Д. А. Щепина-Ростовского, А. А. Бестужева, М. А. Бестужева. (Вышел в свет.)

2. Восстание декабристов. Дела верховного уголовного суда и следственной комиссии. Т. II — следственные дела А. П. Арбузова, Н. А. Бестужева, Н. А. Панова, А. Н. Сутгофа, В. К. Кюхельбекера, И. И. Пущина, А. И. Одоевского, А. И. Якубовича, Н. Р. Цебрикова, Н. П. Репина. (Вышел в свет.)

3. Восстание декабристов. Дела верховного уголовного суда и следственной комиссии. Т. III — следственные дела А. Н. Муравьева, И. Д. Якушкина, М. А. Фон-Визина, Ф. П. Шаховского, М. С. Лунина, П. А. Муханова, М. Ф. Митькова, Д. И. Завалишина. (Печатается.)

4. Восстание декабристов. Дела верховного уголовного суда и следственной комиссии. Т. IV — следственные

дела П. И. Пестеля, С. И. Муравьева-Апостола. (Печатается.)

5. Восстание декабристов. Дела верховного уголовного суда и следственной комиссии. Т. V — следственные дела П. И. Борисова 2-го, А. И. Борисова 1-го, М. М. Спиридова, И. И. Горбачевского, В. А. Бечаснова, А. С. Пестова, Я. М. Андреевича, Ю. К. Люблинского, А. И. Тютчева. (Вышел в свет.)

6. Восстание декабристов. Т. VI. Восстание Черниговского пехотного полка (Печатается.)

7. Восстание декабристов. Т. VII. Русская Правда П. И. Пестеля. Под редакцией С. С. Мильмана и С. Н. Чернова. (Печатается.)

8. Восстание декабристов. Дела следственной комиссии о злоумышленных обществах. Т. VIII. Алфавит декабристов. Под редакцией Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса. (Вышел в свет.)

9. Декабристы. Сборник отрывков из источников. Сост. Ю. Г. Оксман при участии Н. Ф. Лаврова и Б. Л. Модзалевского. (Вышел в свет.)

10. М. Н. Покровский. Декабристы. Сборник статей. (Печатается.)

11. А. Е. Пресняков. 14 декабря 1825 года. С приложением военно-исторической справки Г. С. Габаева: «Гвардия в декабрьские дни 1825 года». (Вышло в свет.)

12. С. С. Мильман, П. И. Пестель.

13. М. В. Нечкина. Общество Соединенных Славян. (Печатается.)

14. Библиография. Н. К. Пиксанов и Н. М. Ченцов. (Печатается.)

15. Опись архивных дел.

Материалы по истории рабочего движения в России.

Под общей редакцией А. Лозовского.

1. Рабочее движение 70-х гг.

2. Морозовская стачка. С предисловием В. И. Невского. (Вышло в свет.)

3. Рабочее движение 1881—1895 гг. (Печатается.)

4. Стачечное движение 90-х гг.

5. Рабочее движение начала 900-х гг.

6. Революционное движение 1898—1905 гг. (Печатается.)

7. Рабочий вопрос в комиссии Коковцева в 1905 г. С предисловием Б. А. Романова. (Вышло в свет.)

8. Ленские события. С предисловием В. Владимировой. (Вышло в свет.)

9. Рабочее движение в годы войны. С предисловием М. Г. Флеера. (Вышло в свет.)

---

1. Революция 1848 г. во Франции. Донесения Киселева.

2. Пугачевщина. Тт. I, II, III. Под редакцией и с предисловием М. Н. Покровского. Т. I — вышел в свет. т. II — печатается, т. III — подготовляется.

3. Политические процессы 60-х годов. В. II.

4. Политические процессы 70-х и 80-х гг. Под редакцией В. В. Максакова, В. И. Невского и П. Е. Щеголева.

5. Крестьянские движения до 60-х гг. XIX стол. (Печатается.)

6. Дело 1 марта 1887 г. (Дело П. Шевырева, Александра Ульянова и др.) (Печатается.)

7. Процесс Каракозова. 2 тома.

8. Материалы по истории «Народной Воли».

9. Дневник Л. Тихомирова. Под редакцией В. М. Фриче. (Печатается.)

10. Студенческое движение 1905 г.

11. Революционное движение в армии и флоте.

12. Последние дни Колчаковщины. (Печатается.)

13. Переписка Николая и Александры Романовых. Т. V. (Печатается.)

14. Письма Победоносцева к Александру III. С приложением писем к Николаю II и Сергею Александровичу. Т. II. (Печатается.)

15. Дневник Е. А. Перетца. (Печатается.)

16. Русский империализм на Дальнем Востоке.

17. Наказы депутатам в I Государственную Думу.

18. Европейская биржа и русские финансы во время русско-японской войны. Под редакцией Е. А. Преображенского. (Печатается.)

19. Из архива Ф. М. Достоевского. Материалы к роману «Идиот». Под редакцией П. Н. Сакулина.

20. Материалы к роману «Преступление и Наказание». Под редакцией И. И. Гливенко.

21. Материалы к роману «Бесы». Под редакцией Н. Л. Бродского.

22. Материалы к роману «Подросток». Под редакцией В. Ф. Переверзева.

23. Письма И. С. Тургенева к П. В. Анненкову. Под редакцией П. Н. Сакулина.

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ

Периодсектор Госиздата доводит до сведения подписчиков, что жалобы и заявления о неполучении очередного номера журнала должны поступать в Отдел подписки по получении следующего номера, но, в крайнем случае, не позднее 2-х месяцев со дня выхода в свет неполученного номера.

В случае более позднего уведомления Периодсектор не будет в состоянии по техническим соображениям быстро дать справку и не будет в состоянии удовлетворить жалобу подписчика.

Все жалобы и заявления направлять по адресу: Москва, Воздвиженка, 10/2, Периодсектор, „Стол жалоб".

К СВЕДЕНИЮ ГОДОВЫХ ПОДПИСЧИКОВ ЖУРНАЛА

„КРАСНЫЙ АРХИВ"

В целях предоставления годовым подписчикам журнала „КРАСНЫЙ АРХИВ" возможности приобрести на особо льготных условиях капитальные издания материалов по истории царизма, ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР в качестве приложения к журналу объявляет следующие издания:

1—3) **Витте.** „Воспоминания", три тома,
4—5) **Победоносцев.** „Письма и записки", два тома,
6—7) **„Переписка Николая и Александры Романовых"**, два тома,

всего за 15 рублей, вместо 28 руб. стоимости этих же изданий в отдельной продаже.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: Приложения даются **исключительно** годовым подписчикам уже внесшим полностью подписную плату до конца года (15 руб.), а также подписчикам, внесшим подписную плату с апреля до конца года. Подписная плата за приложения вносится в рассрочку в следующем порядке: при подписке 5 руб. и затем каждые два месяца не менее 2-х руб., с таким расчетом, чтобы полный взнос был сделан не позднее 1 ноября 1926 года.

КНИГИ БУДУТ ВЫСЫЛАТЬСЯ В НИЖЕСЛЕДУЮЩЕМ ПОРЯДКЕ:

Одновременно с	№ 1	журн. „Красн. Архив"	Победоносцев. „Письма и записки", два тома.
„	„ № 2	„	„**Витте.** Воспоминания", т. 1.
„	„ № 3	„	„ „ т. 2.
„	„ № 4	„	„ „ т. 3.
„	„ № 5	„	**„Переписка Романовых"**, один том.
„	„ № 6	„	„ „ один том.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Москва, Воздвиженка, 10. Периодсектор Госиздата.

Государственное Издательство РСФСР

МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ИЗДАНИЕ:

БОЛЬШАЯ СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

БОЛЬШАЯ СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ВЫХОДИТ ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ:

Н. И. Бухарина, М. Н. Покровского, Н. Л. Мещерякова, Ю. Ларина, В. П. Милютина, Е. А. Преображенского, И. Степанова-Скворцова, В. В. Куйбышева, Г. М. Бройдо, Л. Н. Крицмана, Г. М. Кржижановского, Н. Осинского, К. Радека, О. Шмидта.

Главный редактор *О. Ю. Шмидт.*

30 **ТОМОВ**

На хорошей бумаге, в прочных коленкоровых переплетах с золотым тиснением

12.500

страниц убористого четкого шрифта

600 **одноцветных и многокрасочных иллюстраций на отдельных листах**

5.000

иллюстраций и портретов в тексте

250

географических карт, в красках, на отдельных листах.

Б.С.Э. **предпринята к изданию по инициативе Президиума ЦИК СССР специально учрежденным для этой цели акционерным обществом „СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ“.**

Революция создала нового читателя с новыми запросами, с желанием ориентироваться во всем многообразии современности, систематизировать свои знания и закрепить революционно-материалистическое мировоззрение, познакомиться с последними данными науки.

Б.С.Э. **редактируется в расчете на потребности, запросы и уровень знаний представителей основных кадров строителей советской государственности, новой общественности и практики.**

СОВЕТСКИЕ АДМИНИСТРАТОРЫ,
ТЕХНИКИ-СПЕЦИАЛИСТЫ,
ПРОИЗВОДСТВЕННИКИ,
ХОЗЯЙСТВЕННИКИ,
ОБЩЕСТВЕННИКИ,
ПАРТРАБОТНИКИ,
ПРОФРАБОТНИКИ,
ЖУРНАЛИСТЫ,
УЧАЩИЕ,
УЧАЩИЕСЯ и др.

найдут в Б. С. Э. материал, углубляющий и обогащающий их знания и дающий им нужные справки в их практической работе.

„БОЛЬШАЯ СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ“

дело громадной важности и исключительной трудности. Издание преследует не коммерческие цели (оно будет издаваться без прибыли) и служит большой культурно-политической задаче.

Быть памятником нашей великой эпохе и опорой для дальнейшего массового строительства, основанного на новейших научных данных,—вот чем должна стать энциклопедия.

Государственное Издательство РСФСР

Б.С.Э.

ЧТО ПИШУТ О БОЛЬШОЙ СОВЕТСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

...Мы с нескрываемой радостью отмечаем это наше культурное завоевание, начатое по постановлению ЦИК Союза и осуществляемое при полном содействии широчайших кругов, культурных, научных и общественных сил нашей страны.

Ни у кого не вызывает сомнений тот факт, что даже „Новый" „Брокгауз" и даже „Гигант" чрезвычайно устарели. Современный строитель советского государства—передовой слой рабочих, хозяйственник, учитель, журналист, кооператор, партиец, профессионалист, исполкомщик, учащийся, пролетарская интеллигенция и т. д.—требуют отчетливо современную, пронизанную единым, строго материалистическим мировоззрением энциклопедию.

Этим условиям Б. С. Э. отвечает полностью. Наша энциклопедия совершенно новая по существу, отвечающая целиком запросам современности, с ее небывалым гигантски-быстрым ростом естественных и точных наук.

Появление электрической лампочки в далекой крестьянской избе и Большой Советской Энциклопедии в советском Союзе — явления одного и того же порядка. Вот почему нас радует этот факт, вот почему мы гордимся этим успехом.

БОР. ВОЛИН.

(„Изв. ЦИК СССР" 11 марта 1926 г.)

...Нет никакого сомнения после первого внимательного просмотра тома, что перед нами вполне серьезное, вполне ответственное и вполне наше научно-образовательное предприятие. Это конечно энциклопедия, а не подделка, не замена ее.

Одно—бесспорно. Самый факт выхода Советской Энциклопедии является блестящим контрольным признаком устойчивости и долговечности нашего строя. Энциклопедии выпускаются лишь в странах, где налицо все предпосылки беспрепятственного на многие годы развития и спокойного роста. Разве не характерно, что германские ученые круги только недавно отвергли проект об издании новой германской энциклопедии ссылаясь на „неопределенность ближайшего будущего" Германии.

Великими энциклопедистами нашей эпохи, в дверях ее были Маркс, Ленин, Плеханов. Их произведения ввели и проведи нас через нашу революцию. А большой советский словарь выполнит гораздо более скромную, но очень почетную роль — быть обширным, всеобщим, фактическим комментарием к основной марксистской литературе.

МИХАИЛ КОЛЬЦОВ.

(„Правда" № 53, 1926 г.)

Тома выходят в следующем порядке: **первые тома будут выходить по одному в каждые три месяца, начиная с марта 1926 года.** Впоследствии этот срок сократится с таким расчетом, чтобы все издание закончилось в 5—6 лет. **(Продолжительность издания прежних больших энциклопедий превышала 10—12 лет)**

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на „БОЛЬШ. СОВЕТСК. ЭНЦИКЛОПЕДИЮ" в 30 томах в переплетах по 6 р. 50 к. за том, всего за 30 т. т. **195 рублей.**

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: при подписке вносится задаток **5 рублей** При получении каждого тома уплачивается по **6 р. 50 к.** Задаточная сумма погашается при высылке последнего тома.

ПЕРЕСЫЛКА ЗА СЧЕТ ПОДПИСЧИКОВ.

УПАКОВКА (в картонных футлярах) ЗА СЧЕТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

1-й том вышел из печати и рассылается подписчикам.

Подписка принимается в Периодсекторе Госиздата

Москва, Воздвиженка, 10/2

во всех его конторах и у уполномоченных Периодсектора, а также во всех книжных магазинах Госиздата.